common place

Армия жизни

ЮРИЙ
ЩЕКОЧИХИН

Москва
2017

УДК 353.1
ББК 63.3
Щ 40

Щекочихин, Юрий
Щ 40 Армия жизни: — М.: Common place, 2017. — 488 с.
ISBN 978-999999-0-14-1

«Армия жизни» — сборник текстов журналиста и общественного деятеля Юрия Щекочихина. Основные темы книги — проблемы подростков в восьмидесятые годы, непонимание между старшим и младшим поколениями, переломные события последнего десятилетия Советского Союза и их влияние на молодежь. 20 лет назад эти тексты были разбором текущих проблем, однако сегодня мы читаем их как памятник эпохи, показывающий истоки социальной драмы, которая приняла катастрофический размах в девяностые и результаты которой мы наблюдаем по сей день.

Кроме статей в книгу вошли три пьесы, написанные автором в 80-е годы и также посвященные проблемам молодежи — «Между небом и землей», «Продам старинную мебель», «Ловушка 46 рост 2». Первые две пьесы малоизвестны, почти не ставились на сценах и никогда не издавались. «Ловушка...» же долго с успехом шла в РАМТе, а в 1988 году по пьесе был снят ставший впоследствии культовым фильм «Меня зовут Арлекино».

УДК 353.1
ББК 63.3

Публикуется под лицензией Creative Commons
Разрешается любое некоммерческое воспроизведение
со ссылкой на источник.

Содержание

Екатерина Фомина. Предисловие . . .7

Армия жизни

Ситуация первая. Край. 19

Ситуация вторая. Выбор 69

Ситуация третья. Водоворот 99

Ситуация четвертая. Зов. 155

Ситуация пятая. Команда 195

Ситуация шестая. Качели 281

Пьесы

Ловушка 46 рост 2 306

Между небом и землей 370

«Продам старинную мебель» 439

Предисловие

Олег приехал из Архангельска поступать на истфак. Убежденный хиппи — и на истфак, сдавать партийную историю? Но тянуло. Себя он называл «хиппи Вилли». Так он представлялся всем в общаге МГУ на Вернадского, где жил во время экзаменов, и на Пушке (Пушкинской площади), где тогда тусовалась неформальная молодежь.

На экзаменах Вилли не хватило полбалла. Но домой он решил не ехать и родителям не говорить. Болтался со старшекурсниками в общаге, философствовал, ходил на репетиции рок-группы. Пока оставался последний финансовый ресурс — червонец — и мелочь: одна копейка и три копейки. Предполагалось, что на эти деньги он должен добраться домой.

— Хиппи мы или не хиппи? Я вышел тусоваться на стриту.

Лето 1981-го. От жары плавился асфальт. Вилли превратил единственные джинсы в бриджи, чем привлекал внимание комсомольских дружинников.

...Место действия — Советская площадь (нынешняя Тверская) с памятником Юрию Долгорукому, через дорогу — в ряд автоматы с газированными напитками. К Вилли подходит девушка небольшого ростика. Вилли сразу признал в ней свою: длинные волосы, домашние тапочки, домашний халат — и все, больше на ней ничего не было.

— Будьте так любезны, угостите водичкой, — подчеркнуто вежливо говорит она. Точно своя.

Конечно, он взял — ей с сиропом, за три, себе — за копейку. Вот уже все допито, Вилли уже очарован.

— А у меня сегодня день рождения, — выдает девочка. Из кармана домашнего халата в цветочек достает документ: — Не веришь — посмотри. В свидетельстве указан город рождения — Ленинград. Девушка объясняет, что сбежала из дома, скитается: мол, «парента совсем не кайфовые». И Вилли решил устроить ей праздник, отметить.

— Мне захотелось сделать не как совки. Не вести в кабак, не распивать винище на лавке, — Вилли потащил девушку через дорогу, к цветочному ларьку. Два-три вида цветов, гвоздики по 13-14 копеек. Накупили на все десять рублей.

— Тебе повезло, у тебя день рождения в день взятия Бастилии, — и было ли это правдой, в тот момент было неважно.

Они ходили по площади и дарили всем цветы. Автобус с интуристами: сунулись к ним. «Флауэр пауэр, пис энд лав». Туристы были в восторге. Это привлекло внимание милиции. «У нас просто хорошее настроение, да и у девочки праздник!». Сотрудников это успокоило, они удалились.

Мимо шел мужчина — явно не московский. Рубашка в сеточку с коротким рукавом — такие Вилли помнил по поездкам в Украину, в Одессе такие многие носили.

— Скажите, пожалуйста, в связи с чем происходит дарение цветов? — строго спросил он. — Кто вас уполномочил? Вилли отмахнулся: дом пионеров имени Ленина на улице Ленина. Был уверен, что двойной Ленин отвадит странного персонажа. Персонаж ушел. А через некоторое время на площадь выехал милицейский «козлик». Знакомые два милиционера, только уже угрюмые:

— Пройдемте с нами, граждане.

Вилли и спутница решили не сопротивляться. В отделении на Пушкинской улице (сейчас Большая Дмитровке, отделение там до сих пор там) ребят держали несколько часов, ничего не объясняя. Мимо шастали милиционеры, поглядывали на

странную девчонку с голыми коленками — Вилли оскорблялся этим. Ожидание было тягостным — и девочка стала тяготиться. Путешествие обернулось для нее совершенно неожиданным образом: она вновь залюбила родителей и захотела к маме.

Вот через пару часов Вилли вызывают — сначала одного. В кабинете опер в гражданском и дежурный.

— Ты, парень, попал, — говорят серьезно. — У девушки видим синяки, ты совершил домогательство к несовершеннолетней на сексуальной почве… Короче, светит тебе уголовка. Она в спецприемник поедет. Лучше сознайся.

Вилли выводят, девочку заводят. Девочку выводят, Вилли заводят. И так несколько раз.

— Она подписала уже много бумаг — и еще подпишет, к маме хочет. Мы видим, ты парень нормальный. У нас несколько ограблений нераскрытых. Нужен свидетель — просто поставь свою подпись, где надо. И езжай себе, даже до общаги тебя подбросим.

Девочка сидела на скамейке и плакала: «Это все из-за тебя».

— И тут я вошел в моральный тупик: что дальше делать? — говорит Вилли.

Ничего подписывать он, конечно, не стал.

Пока Вилли со спутницей томились в отделении, тот мужчина в рубашке в сеточку с короткими рукавами доехал до редакции «Комсомолки» на улице Правды. Действительно, он был из Украины — киевский собкор, приехал на общередакционное совещание. В редакции он похвастался своим подвигом — сдал хиппи в милицию. Он был доволен собой.

Среди сотрудников редакции такая новость вызвала одинаковую реакцию: какой ужас. Леонид Загальский, тогда корреспондент отдела науки, сразу вспомнил про Щекочихина (который недавно перешел в «Литературку») — Щекочихин всегда занимался подростками, писал о них, таскал в редакцию, и они сами к нему шли. Загальский позвонил бывшему коллеге…

В отделении что-то закипело — явно кто-то навел шороху. Вилли, конечно, не понимал тогда, что происходит. Откуда-то взялся толстый майор:

— Ребят, а вы чего здесь сидите? Сейчас я разберусь, — как-то мягко сказал он.

Майор извинился за «глупое недоразумение» и предложил развести ребят по домам. Девочка, уняв слезы, сообщила, что ей надо на вокзал, незаметно выскользнула, и будто испарилась. Вилли вышел на крыльцо один, майор нагнал — и протянул листочек. Номер телефона, «Юрий Петрович».

— Обязательно позвони, — заговорчески произнес майор. — Тебе дать денег на телефон-автомат?

— Кстати, да — дерзко ответил Вилли. — Было бы неплохо.

— Это говорит хиппи Вилли, кому я звоню?

— Это Юра. Все нормально-нормально, Вилли, я в «Литературке» работаю, приезжай ко мне, — без всяких предисловий выпалил Щекочихин на другом конце.

— У меня денег-то нет.

— Да ладно, ты же хиппи, не доберешься до Очакова?

В Очакове старые кирпичные дома 50-х годов. Квартира на первом этаже. Налево комната, направо кухня, стол с пишущей машинкой, книжные полки, диванчик у окна. Покосившийся пол: если в комнате положить бутылку, она аккурат по параболе скатывается на кухню — чпок — и в погреб.

Аскетичный всеприимный дом, через который прошли многие.

Вилли прожил у Щекочихина пять дней. Щекочихин ругался, что парень ездит на Пушку, волновался. «Я абсолютно убежден, ты должен быть журналистом».

Вилли уехал. Сходил в армию, вернулся. Приехал в Москву поступать. На этот раз уже на журфак.

Щекочихин отчего-то вцепился в Вилли: хотел, чтобы тот практиковался — писал, отправил стажироваться в «Московский комсомолец»... Только Вилли противился: отдел комсомольской жизни командировал его на комсомольское собрание. Текст-то Вилли написал, но больше в редакции не появился.

— Надо делать, что тебе скажут, ты еще никто, тебе надо показать, кто ты есть, а потом выбирать, — ругался Щекочихин.

О хиппи Вилли Щекочихин так и не написал. Хиппи Вилли —

это Олег Пшеничный. Много лет он писал для «Новой» о музыке. Щекочихин изменил его судьбу. Как и еще с десяток судеб.

Щекочихину до всех было дело. И с кем я ни говорила, каждый говорил: Щекоч (так его звали и зовут) доверял всем, иногда без разбора. Его жадно интересовали люди. Он не боялся задавать вопросы. Вот придет вам в голову спросить отъявленного хулигана о его мечте? Казалось бы, потерянного человека — о его планах на будущее?

Он спрашивал не как было положено тогда — о любви к родине и партии. Он интересовался, чем человек живет, бытовухой. И это уже было экзотическим событием для того, к кому он обращался, и для того времени — в целом.

Все начиналось с рубрики «Алый парус» в «Комсомолке» 70-ых — излишне демократичной, откровенной по тогдашним меркам рубрике о жизни подростков. Щекочихин был «капитаном» «Алого паруса». В «Комсомолку» письма приходили мешками, молодые люди звонили и искали встречи с журналистами. Сейчас такое немыслимо. «Комсомолка» стала первой, если хотите, социальной сетью. Подростки искали выход своим эмоциям, которые не нужны были порой даже их родителям. Нужны были рекорды, членство в комсомоле, отличная учеба. Это был мир, в котором на полном серьезе, с остервенением обсуждали, объявлять ли бойкот за прогул.

Щекочихин взялся предоставить слово тем, кого не существовало для государства. Неформалы того времени — панки, нацисты, пацифисты, скейтеры, попперы, хиппи, фанаты — они идут у него через запятую. Тогда Щекочихин не предполагал во что выльются все эти движения, воспринимали их как подростковые хобби. Но дотошно копался в причинах подросткового интереса к новой моде.

Он умел говорить с подростками без заискивания и на равных. Он давал слово и не давал оценку словам. Он не пытался скорешиться, пить пиво на скамейке. Но говорил по-взрослому. Я не знаю, почему ему так доверяли.

Тогда у журналиста «Комсомольской правды» и «Литературной газеты» были возможности не только рассуждать

о нравах, но и влиять на ситуацию. Щекочихин ездил в командировки, вытаскивал ребят из спецприемников, ручался за них, докапывался до мотивов их поступков.

Подростки — они не меняются, меняются лишь обстоятельства, в которые они помещены. Я сейчас езжу по России, заглядываю в уголки, где до детей нет дела ни государству, ни собственным родителям. Вижу таких же неприкаянных молодых людей, которым нужно понимание, — таких, каких описывает Щекочихин. Или хотя бы, чтобы их услышали.

Щекочихин рассказывает про шпану, деревенских малолетних преступников, аскеров, фарцовщиков… А я вижу в них сегодняшних подростков, с которыми говорю. Но вот разница: они уже не ищут поддержки в офлайне и не хотят с вызовом говорить с журналистом, они зарылись в социальные сети и ищут ответы на все вопросы там. Поэтому их голос почти не слышен. Как будто их нет. Строчкой в новостях — об очередной трагедии, громадой слов в очередной аналитической передаче на федеральном канале — о нравах современных детей.

То, чему учит Щекочихин, — слышать и спрашивать.

За годы ощущение безнадеги у подростков никуда не делось.

Этот сборник текстов Щекочихина не только о подростках — об эпохе, в которой было запрещено выходить за рамки предписанного свыше, выделяться.

Говоря о подростках, Щекочихин выламывался за возрастные рамки читателя. «Понятия дружба, верность, предательство, трусость, приспособленчество, мужество не нуждаются в адаптации по малолетству», — сказал мне Павел Гутионтов, который знал Щекочихина, работал с ним.

Тексты Щекочихина для 80-х чересчур смелые, для нас сейчас — слишком наивные, но они вневременные. С подростковой темой Щекочихин расстался в 86-м, началась перестройка и стало можно говорить о более серьезных проблемах. Но подростки продолжали наведываться к нему, даже когда он уже работал в «Новой газете». (Кстати, Пшеничный вспоминает, что это именно он познакомил Щекочихина с главредом Муратовым).

Давайте так. Сборник статей Щекочихина — он об откровенном диалоге с этим миром, в принципе о возможности такого диалога. Не пройти мимо того, что сегодня в стране попадает под табу, не закрыть глаза на неприглядное, бытовое — а спросить «Почему так?».

В Щекочихине была неизжитая романтика, трогательная, смешная. Какой нам всем стоит поучиться.

«Какими мы видим старших, такими и становимся», — сказал один из героев Щекочихина Алексей — фанат, панк, скейтер (его интересы быстро сменялись). Это — в добавок ко всему — сборник о моих старших, какими они были, и почему они сейчас с нами именно такие. А что будут читать о нас, чтобы понять наше время?

Екатерина Фомина, «Новая газета»

Этот телефонный аппарат я включаю только по четвергам. В остальные дни он завален письмами, черновиками, гранками. Я просто забываю о его существовании.

Но по четвергам к трем часам я сметаю ворох бумаг и выхожу на связь.

— Алло, «Литгазета» слушает...

— Я — Форейнджер...

— Не понял. Кто?..

— Меня зовут Игорь. Кличка Форейнджер, фанат ЦСКА.

— Сколько тебе лет?

— Пятнадцать.

— Форейнджер, а мне сказали, что фанатов ЦСКА уже больше нет. Кончились.

— Это «мясники» сказали?

— Послушай, наш связной телефон не для того, чтобы слушать оскорбления в адрес друг друга. Говори нормально.

— Я хотел спросить, так вам сказали спартаковские фанаты?

— Нет, ваши.

— Ну... В общем, правильно, но дело в том, что мы еще держимся. Есть много дезертиров среди наших, но мы еще держимся. Мы — держимся!..

* * *

— Алло, вот что я хочу вам сказать...

— Простите, представьтесь, если можно. Как вас зовут, сколько вам лет.

— Наташа, 18 лет. А теперь я вас спрошу.

— Спрашивайте. Слушаю вас.

— Какое право вы имеете входить в нашу жизнь?!

— А вы считаете, что не надо?

— Мы же не лезем в вашу жизнь!

— Не уверен. Все равно мы встречаемся ежедневно.

— Послушайте, человек должен сам пройти через все это и сам должен от всего очиститься. Человека нельзя контролировать.

— Но мы же должны понять друг друга, черт возьми!

— Что вы кричите?

— Извините, пожалуйста...

* * *

— Алло, вы меня слышите?..

— Вы издалека? Звонок — междугородный.

— Издалека, издалека.

— Откуда, из какого города?

— Это неважно... У меня сейчас такое настроение, что набрал ваш номер телефона... Он оказался свободным... Был бы занят — плюнул бы.

— У вас что-нибудь случилось?

— Допустим... Но это не телефонный разговор. Алло!

— Слушаю, слушаю!..

— Скажите, как вы относитесь к наркоманам?

— Жалею.

— «Жалею...» Вы что-нибудь знаете о том, кто это такие?

— Знаю, потому и жалею.

— А сами?

— Не пробовал.

— Ладно... Договариваемся так. Я пишу вам письмо, а через две недели снова звоню.

— Как я узнаю, что это письмо от вас?

— Я подпишусь — Алекс. Запомнили, Алекс. То, что я напишу вам, — это правда. Вы поняли?

— Догадываюсь...

* * *

— Скажите, вы про всех пишете?

— Что значит «про всех»?

— Вы считаете, что у всех должна быть определенная компания?

— Нет, почему? А вы кто? Как вас зовут?

— Таня.

— Вы школьница? Студентка?

— Школьница... Девятый класс. У меня нет никакой компании.

— Таня, знаю по личному опыту, что рано или поздно товарищи находятся.

— Вы думаете, что товарищи есть?

— Да, конечно. Я просто знаю. Иногда кажется, что их нет, а потом выясняется, что они есть.

— Все наоборот! Кажется, что они есть, а на самом деле ты совсем одна.

— Неужели рядом с вами нет ни одного близкого человека? Неужели все чужие?

— Да... Да, да, да, да!..

— Таня!..

Ситуация первая

Край

Вышел из троллейбуса, пересек широкую, запруженную машинами улицу, пересек сквер, нашел тот дом и двор. Они сидели на трех скамейках посредине двора, тесно прижавшись друг к другу. Возле ног одного из них стояла гитара.

Со всех сторон — окна, откуда каждый вечер выглядывают взрослые лица и пристально вглядываются в компанию.

Да, вот так я себе все и представлял, когда шел к этим ребятам в обычную, можно сказать, даже ординарную дворовую команду.

Несколькими днями раньше в редакцию пришло два листка в клеточку, вложенных в конверт, — письмо от компании. После убористого текста шли ровно двенадцать подписей, выведенных разборчиво и аккуратно. Первой стояла подпись Гены.

— Здравствуйте, — сказал я. — Ваше письмо дошло до редакции. Постараемся ваш конфликт с ЖЭКом уладить.

— Угу, — буркнул парень, к ногам которого прижалась гитара.

Глаза его смотрели на меня и на мир, который открывался за моей спиной, пристально и грустно. Ни на одном лице я не увидел улыбки.

— Играешь? — кивнул я на гитару.

— Генка играл, — ответил парень.

— Генка? — вспомнил я первую подпись под письмом. — А где же он сам?

— Вчера вечером его увезли.

— Кто? Куда?

— Да милиция... Милиция. Его и еще двоих.

В тот вечер на трех скамейках сидели всего девять из двенадцати. Трое «из игры» выбыли. На следующий день вместе со следователем мы поднимались по широкой лестнице учреждения, где до суда содержатся несовершеннолетние правонарушители.

Минут пятнадцать мы ждали, пока приведут Гену.

«Входи», — сказала ему женщина в защитной форме с погонами.

Решетка на окнах, табуретка задвинута в дальний угол, стул прибит крепко-накрепко к полу. Где они, три скамейки, сдвинутые в ряд посредине старого двора? Не близко. Уже не близко, хотя и ехать-то каких-нибудь полчаса.

Мальчик стоит перед следователем — глаза стараются проникнуть туда, за толстые стены.

— Гена, можешь сесть, — кивает следователь на табурет.

— На сколько, гражданин следователь? — мальчик выдавливает из себя улыбку.

— Рано, Гена, этому научился...

— А... Что уж теперь...

Взмах руки, как приказ к отступлению на заранее не подготовленные позиции.

Следователь скрупулезно выяснял детали преступления, часы с минутами, в какую сторону побежали, как он крикнул, кто был рядом...

А мне было интересно совсем другое. Я хотел выяснить, о чем Гена мечтал вчера, какую программу жизни намечал, может, как раз в этом и заключалась причина, по которой Гена здесь, за решетками, а не в своем обычном дворе.

Мечты у Гены были, можно сказать, обычные. По крайней мере, он никогда не помышлял ограбить банк или напасть на

инкассатора. Но — нормальные, земные. Не высокие. Но, может, и нельзя требовать от парня, чтобы мечты его и идеалы отвечали не только стереотипам его двора и улицы, а, к примеру, человечества. И взрослому это не всегда по силам. Но все-таки давайте посмотрим.

Думал Гена о том, что пройдут годы, он придет вечером на свой двор, с далеким южным загаром, в военной форме, с орденом на мундире, и мама на шею кинется: «Геночка!» И подойдут друзья, и положат руки на плечи: «Здорово, Геныч!»

Что еще?

Больше вспомнить, о чем мечтал, Гена не мог. Да и большего, чем этот образ, вроде бы и не было. Кроме разве еще одного: пока он будет служить, его обязательно будет ждать девчонка. И обязательно дождется, и тоже, как мама, кинется на шею.

Почему меня так заинтересовали мечты этого парня? Потому, наверное, что не только у подростка — у любого взрослого человека идеальное соседствует с реальным, и чем выше идеальное (не в зарплате, конечно, выше, не в лучшем гардеробе), тем насыщеннее и, можно сказать, чище оказывается жизнь: та, которая происходит на самом деле, в реальности: во дворе, на улице, в школе, дома, на работе.

Спорить о высоте идеалов Гены, наверное, нет смысла. Тем более что, кроме конечного результата («Генка приехал...»), никаких ступенек к достижению их намечено не было. Но как формировались его идеалы? Где?

В школе? Дома?

Последние такты Генкиной мечты звучали опять же во дворе, в окружении тех же самых ребят, окон и трех скамеек...

Мы засиделись допоздна. Так как идеалы все же накручивались на события реальной жизни, мне было интересно узнать, как проходили дни во дворе.

Вот так:

— Иногда играем в футбол — летом, конечно...

— В секциях! Нет, у нас никто не занимается... Так. Сами...

— Обычно сидим здесь... Каждый вечер? Да, каждый вечер... Генка на гитаре что-нибудь сбацает.

— Нет, дома у кого-нибудь собираемся редко… Что там, дома, делать?

— Как-то раз ходили в поход… Ходили… Сашка еще в школе палатку брал…

— Особенно не пьем… Так… Понемногу.

— Надо нам хулиганить! Спросите любого из соседей — никто про нас плохого слова не скажет…

— В театр? Да нет, если только вместе с классом…

Вот так проходили дни и вечера в компании, во дворе. Случалось ли что-нибудь необычное?

— Это в каком смысле? В прямом? Подождите, надо вспомнить… Нет. Ничего…

О чем говорилось в те дни и вечера?

— Про кино… Про девчонок… Иногда про учителей. Про книги? Нет, про книги не говорилось.

Встречались ли в эти вечера взрослые, которые чему-нибудь научили?

В домино дядя Коля Никаноров — мастер-ас…

— А чему они могут научить?

— Во… Однажды сделали теннисный стол, но потом его сломали… Это, правда, было давно.

Есть ли человек, который стал для них идеалом, ну… хотя бы поведения?

— Алла Пугачева, — ответила Таня, одна из трех девочек в этой компании.

Можно назвать образ их жизни растительным. Но…

Но они все-таки любили друг друга, тянулись друг к другу и скучали, когда приходилось сидеть где-нибудь одному. И это свойство человеческой души — потребность в общении, может, самое прекрасное из всех свойств, спасшее вон скольких людей от одиночества, нехороших поступков и неправильных и неправедных жизненных путей, — не смогло спасти каких-нибудь двенадцать ребят от того, что трое из них совершили преступление. Не ради любви. И не ради друга. И не ради какого-нибудь изменчивого киноэстрадного героя. И даже не ради денег. А просто так. Случайно.

Итак, решетки на окнах, табуретка привинчена к полу… Гена рассказывает о том, как было совершено преступление.

— Сдали экзамен в школе… Решили с ребятами отметить… Да нет, в каком кафе… Сели на травке… Было-то всего две бутылки на троих… Решили пойти прогуляться… Мы же всегда гуляем… Что еще вечером делать?! Ну, идем… Курить захотелось. Идет мужик один мимо. Попросили у него закурить. Ну, он что-то буркнул… Понимаете, нам показалось, что грубо нам ответил. Догнали его. Вы бы не догнали, если бы вам нахамили? Он перепугался. Я ощупал его карманы — у него пачка «Беломора». Жмот! Разорвал пачку: половина ему — половина мне. А у него руки трясутся, и женщина, которая рядом с ним стоит: «Мальчики… Мальчики…» Тот мужик — трус жуткий. Стал рыться в карманах и вдруг вынимает десять рублей. Мы обалдели. Он думал, что мы его решили ограбить. А он вдруг сунул мне в руки деньги, и они побежали. Прямо по аллее. Если бы они не побежали, то ничего бы не случилось. Ну а они побежали. Понимаете? Нет? Ну — как игра. Сработал инстинкт погони. Догнали. Ну а потом он стал кричать. Еще и женщина, которая рядом с ним, — тоже. Володька прижал его ножом. Легонько, чтобы только не кричал. И вдруг милиция…

Это расшифровка блокнотной записи. Я ничего не прибавлял и не сводил концы с концами. Я хочу, чтобы и вы, как и я сам в тот момент, поразились не житейской элементарности преступления: большинство подростков-преступников действуют не по Сименону, да и вообще не подозревают, что действуют противозаконно, а потому, как Гена рассказывает об этом. Будто об игре. Будто о невинной прогулке. Будто о мелкой ссоре с приятелем.

И именно это самое страшное.

Наступал вечер. За окном, отделенным от города стальными решетками, садилось солнце. Гена спрашивает следователя, можно ли подойти к окну. «Можно», — кивает следователь.

Парень встает, медленно подходит и смотрит… Смотрит на улицу. «Где-то там ребята ходят, на гитарах играют…» — единственное, что произнес Гена перед тем, как его увели в камеру.

***

— Меня зовут Андрей, я учусь в ПТУ. Вы дали свой телефон, вот я звоню...

— Андрей, нам не хочется сводить разговор только к тому, чего нет для отдыха: дискотек, кафе и так далее. Хочется поговорить и о серьезном, о том, что волнует ваше поколение. Какими вы входите в жизнь, как пишут в газетах.

— Наша компания принадлежит к людям, более близким к буржуазной культуре.

— Что-что?

— Ну вот, например, в семь часов сегодня я выйду гулять. Мы собираемся возле магазина «Ядран». Сидим, и нам больше ничего не остается, как только обсуждать (как старые деды) такие проблемы, как сравниваем капитализм с социализмом и так далее. Фантастику обсуждаем тоже.

— Ну, допустим, сегодня в семь часов вы выйдете на улицу, сядете на лавочку. И так пройдет вечер?

— И так пройдет вечер.

— И это будет интересно?

— Я бы не сказал, чтобы это было очень интересно, но, за неимением другого, и это что-то.

— Саша, а вы говорите о будущем? Что с вами будет через десять-двадцать лет? Нарисовали ли вы себе какую-нибудь модель жизни?

— У нас как раз вчера вечером был об этом разговор. Нашу жизнь, если очень потрудиться, можно распланировать не то что до дня, даже до минуты, на десять лет вперед.

— Как, интересно?

— Вы-то, наверное, слышали, что наша жизнь идет по спирали? За одним поколением следует другое, и так далее. Если взять что-то общее, получится наша жизнь.

— А конкретнее, если заглянуть вперед на десять лет. Кем вы себя видите? Думаете ли вы о том, какое будет ваше материальное положение? Думаете ли вы, о чем будете думать тогда, за что будете бороться, что будете искать, что будете ненавидеть?

— Наверное, все это можно представить, но я думаю, что

ненавидеть я не буду никого. Если люди в чем-то ошибаются, то это их личные ошибки и трудности. Бороться? За что-то бороться, чтобы именно я? Вряд ли. Такого, наверное, не будет.

— А сейчас вам чего больше всего хочется? Если бы вам было все позволено, что бы вы сделали с собой, с товарищами, с окружающими, со взрослыми, с миром?

— Наверное, ничего.

— Ничего?

— Ну, не знаю... Может быть, что-то и стал бы делать.

***

Вам, вероятно, известно, что в каждом районе того или иного города есть так называемые дома друзей по взглядам, по желаниям. Я принадлежу к одному из таких «обществ». Мне 17 лет. В общем, это все очень страшно. Вы просто не можете этого понять. Люди, попавшие в такие клетки, со временем становятся полностью атрофированными, пустыми стекляшками с фанатичными глазами. Им все нипочем. У них есть только одно — желание. И вот ради него, этого чувства живота, а не разума, и совершаются бессмысленные, жестокие поступки. Но для вас бессмысленны, а для них имеют определенный смысл. Объясню. «У тебя, гада, нет трех рублей, да? А мне хочется выпить. Ну раз нет, то я хоть чем-нибудь утолю свою жажду. Изобью тебя, мне будет легче». Вот так. Это не люди, а пустота, сплошной туман фанатизма.

Начинается все это со школьной скамьи. Учится человек на двойки — вы накричите, поругаете немного. А все знают, все равно поставят положенную тройку. А отступите вы от шаблона — не хочешь учиться, — катись, годочек поработай. Вот тогда бы все было по-другому. Заверяю вас, поскольку вращаюсь в этом кругу.

В первую очередь надо винить не учителей, а наших родителей. Только они упускают ниточку.

Но... у каждого из нашей братии все же есть слабое место. Но найти его ох как не просто. Есть у нас тут один садист. Его можно остановить, начав разговор о собаках. Все бросит, даже избиение прекратит.

Если бы у меня и моих многих приятелей были младшие сестры,

братишки, было бы лучше. Таких людей, как я, в этих обществах единицы, я ненавижу всем своим нутром моих «друзей». Пытаюсь вырваться, но это страшно трудно, почти невозможно.

И последнее. Не будьте столь гуманными, пресекайте нас в начале любыми методами.

Без подписи. Северо-Казахстанская область

***

Женя оказался мальчишкой с еще детскими припухлыми губами и чуть заметным пушком на щеках. Далеко не богатырь, скорее тщедушный. Говорю с ним и забываю, что это убийца.

Это преступление произошло в деревне Есино, расположенной рядом с одноименной подмосковной платформой. Новость о том, что в канаве возле железнодорожного полотна нашли труп, разнеслась быстро, как будто в каждом доме имелся телефон. Человек, которого убили, в деревне был пришлым, неизвестно как прибившимся. Знали, что недолго сидел, весной освободился, ночевал то ли у родственников, то ли у знакомых, работать нигде не работал, но пить — пил не хуже других деревенских забулдыг. Вообще, интереса он ни для кого не представлял, и заговорили о нем только тогда, когда его не стало.

В милиции узнали о случившемся по звонку билетного кассира со станции Есино. Люди, которые нашли убитого, назвали его фамилию, имя и сказали, что пропал он из деревни еще десять дней назад. Решили поискать — и вот на тебе!

Я мог бы здесь воссоздать детективную линию этой истории: как выдвигали версии, как их опровергали, отыскивали свидетелей, шли по ложным следам, теряли и снова находили нить, — но ничего этого делать не буду. Не для того пишу.

Скажу только, что на шестой день поиска участковый чуть не за шиворот, как каких-нибудь лазутчиков по чужим садам, приволок Сашу и Женю. Двух пятнадцатилетних ребят, забивших ногами сорокатрехлетнего мужчину. Женю, который сам себя называл Джека, и Сашу, которого ребята звали Панса.

В первый же день Женя-Джека стал автором сочинения, текст которого мне хочется привести почти полностью, расставив только запятые.

Сочинение называется «Чисто сердечное признание».

«1. В декабре мы с Сашей приблизительно в 21 час на Алешкинских дачах совершили преступление, т.е. взломали входную дверь, проникли внутрь здания, где выкрали мясные консервы, сгущенное молоко, несколько напильников и восковую квадратную свечу. 2. На следующей даче с Сашей проникли внутрь через окно, где украли несколько килограммов дроби, патроны, две пачки порошка «Сокол». 3. Был такой случай. В начале осени следующего года — в сентябре или октябре, точно не помню. Шел мужчина выпимши от станции Храпуново в сторону Алешкинских дач. Встретили мы его в деревне Есино, спросили закурить, на что он ответил грубостью. Мы его ударили по голове, после чего попинали ногами и ушли. Было это вечером, уже было темно. 4. 14 августа я и еще двое по дороге к дачам повстречали мужчину, который шел в сторону Алешкинских садов. Остановили его, побили палкой по голове, после чего он упал. Попинали его ногами и вытащили из кармана портмоне, в котором находилось восемь копеек. 5. В сентябре месяце я и Саша ехали в электричке от станции Фрязево в Есино. Увидели молодого мужчину, спросили закурить, на что он ответил грубостью. У нас было два железнодорожных плафона, которые мы разбили об его голову. Он нам оказал физическое сопротивление, и мы смылись в разные вагоны. Вышли на станции Есино. 6. В конце октября мы с Сашей на Храпуновских дачах похитили резиновую лодку, весла в чехле, варенье, одну банку овощных консервов. 7. В июне я и Саша проходили по станции Есино. Где к нам подошли двое мужчин, которых мы и избили. 8. Летом я и Саша, открыв люк вагона товарного, проникли внутрь состава, в котором находились листы фанеры. Фанеру мы не брали. 9. В сентябре Саша и я проехали мимо своей остановки Есино. Сошли на станции Храпуново и пошли пешком по шоссе домой. По дороге догнали какого-то мужчину, который был в нетрезвом состоянии. Спросили

у него сигарету, после чего отстали от него, чтобы выломать два кола из забора. Догнали мужчину, ударили его по разу палкой. При этом взяли часы именные и две бутылки настойки «Лимонной крепкой» и примерно рублей 30 денег. Удар колом наносили по голове. 10. 14 августа Валера и я поехали во Фрязево за вином. В связи с тем, что у него был день рождения. По пути во Фрязево в электричке мы с Валерой увидели мужчину, который спал на лавочке в вагоне. Рядом с ним стоял саквояж, в котором находились две бутылки вина, которые мы взяли. 11. 14 августа Валера и я со станции Фрязево проехали до станции Купавна на электричке. Потом поехали обратно. В вагоне к нам пристал парень лет восемнадцати, которого мы избили».

Наконец, тот день, по поводу которого пишется этот отчет.

«12/21 октября я и Саша были выпимши со своими девушками Ольгой и Леной. Саша поссорился с Леной. Проводив девушек, я и Саша возвратились на станцию, где избили мужчину и оттащили его в посадку (кустарник возле платформы. — *Ю.Щ.*), там бросили в яму. В яме мы еще ударили его по разу. А отнесли мы его в посадку, потому что на станции могли появиться знакомые люди, которые, увидев лежащего мужчину, могли признать нас с Сашей и донести милиции. 24 октября я, Саша и Лена решили посмотреть на мужчину. Взяли лопаты и закопали его. Сев покурить, мы поговорили, чтобы никто не трепал языком об убийстве, и разошлись по домам».

«Со слов Саши я знаю, что 26 октября он и Сергей еще раз ходили на место преступления. Разрыв землю, они увидели изуродованное лицо и сразу зарыли. Если что еще вспомню, то напишу».

Перечитал текст «чисто сердечного» сочинения Джеки. Оказалось, что на пишущей машинке оно занимает две с половиной страницы. Может быть, слишком подробно цитирую? И «сгущенное молоко», и «восемь копеек в портмоне», и «грубо ответил», и «изуродованное лицо».

Но не хочу вычеркивать и не хочу сокращать. И не хочу, чтобы этот документ затерялся где-нибудь в пыльных архивах среди других уголовных дел. Случается, что один листок,

небрежно исписанный, дает нам представление о личности точнее, чем полная биография в картинках. Бывает, что точное наблюдение случайного очевидца скажет нам об историческом событии куда больше, чем обстоятельная монография. И такое вот «сочинение» потрясает намного сильнее, чем страстный журналистский пересказ.

Пункт первый, второй, пятый, двенадцатый и приписка: «Если что еще вспомню...» Полтора года из жизни деревенского подростка.

Как? Почему?

О себе Джека-Женя рассказывает охотно: кончил восемь классов, в девятый не приняли, отправили в ПТУ. Есть отец, мать, бабушка.

— Давно ли ты дерешься, Женя? — спросил я его.

Он ответил, что с детского сада.

— Когда ты впервые ударил человека ногой в лицо?

Он начал добросовестно вспоминать, даже лицо приняло выражение задумчивое, как на уроке у доски. Потом вздохнул облегченно: в шестом классе, где-то в середине.

— Было ли тебе жалко человека, которого вы избивали на перроне станции Есино?

Он спросил:

— Когда именно было жалко? Когда били или потом?

— Допустим, когда били.

Он ответил, что нет, не было, потому что «мы злые были».

Что же их разозлило? Оказалось, тот человек назвал их «бандитами».

— За что он вас так назвал?

— Мы стали его обыскивать, а он нам: «Бандиты».

Я спросил его, считает ли он себя человеком добрым или злым.

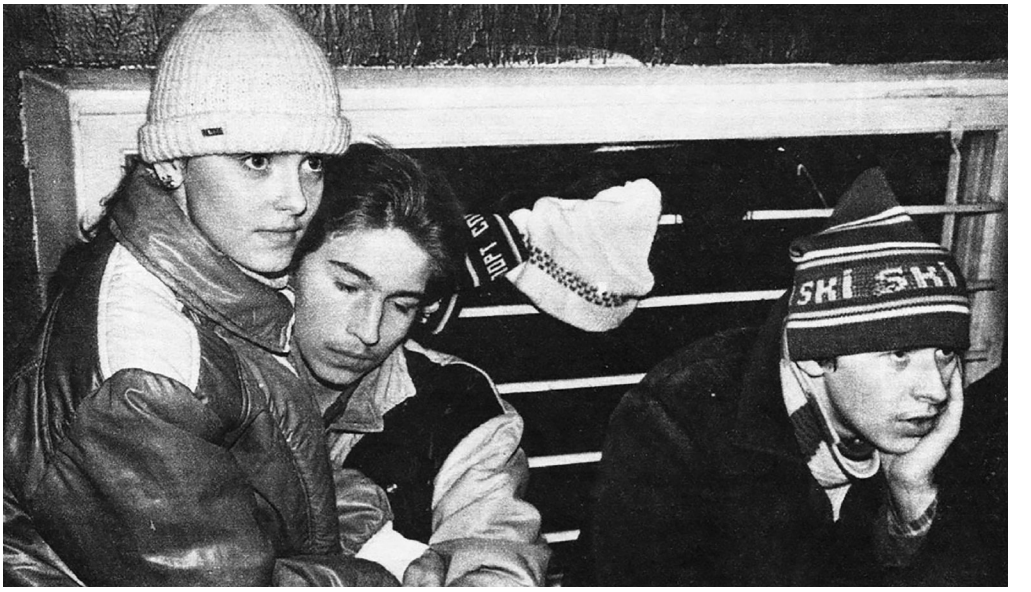
— Смотря какое настроение. Если кто разозлит, становлюсь злым.

Тот разозлил.

— Помнишь ли ты, Женя, лицо того человека?

Он искренне удивился:

SKI SKI

— Что я, на него смотрел, что ли?

Я уже знал, что они били того человека не только на перроне, но и где-то около березы.

— Зачем? — спросил я, — он же ведь больше не оказывал и не мог оказать сопротивления.

— Он что-то мычал, — обиженно сказал Джека.

Спросил, почему его приятели дали Саше кличку Панса. Женя объяснил, что был такой помощник Дон Кихота. Я спросил, кто придумал Дон Кихота с его «помощником». Женя ответил, что не знает. Не читал.

Тогда я наугад начал спрашивать (сам стесняясь этих вопросов), каких писателей, ученых, композиторов он знает.

Он уныло назвал несколько имен классиков и оживился, добавил, что из композиторов любит только «Антонова, который по телевизору».

Я спросил, сколько книг у него в доме. Женя ответил, что ни одной, но зато у Пансы книг — полки три, мать собирает. Спросил, конечно, давно ли он пьет, сколько именно и почему?

Пьет с шестого класса, что придется, но предпочитает вино «не кислое». Хватает бутылки или полторы. «Когда пьешь, то поднимается настроение и жизнь кажется красивой».

Спросил, снова вернувшись к тому вечеру, зачем же они стали еще, в третий раз, бить человека, уже свалив его в канаву.

Оказалось, что, когда снимали с него телогрейку, он опять «что-то бормотал». Ну, тогда колом по голове. Потом Панса пощупал пульс, сказал, что пульса, кажется, нет.

Через три дня вернулись сюда с четырнадцатилетней Леной. И с лопатой.

Наконец, я спросил у Жени, какого наказания он заслуживает за то, что лишил жизни человека. Женя ответил, что лет шесть, не больше. Колом-то Панса бил. Он — только ногами.

Что добавил мне Саша по кличке Панса? Биография у него та же, только отца нет, где-то пропадает. Сказал, что лежавший на перроне человек, избитый ими, раздражал его, и он ударил его «ногой с наката, чтобы поднять».

— Хотел ли ты найти отца? — спросил я, уцепившись за

это, хоть какое-то, пусть махонькое, осмысление причин того, почему же он такой.

— Хотел, — ответил Саша-Панса. — Чтобы врезать ему.

Еще я спросил его, мучила ли его совесть потом, ведь он лишил жизни — вот так, запросто — другого человека.

Саша-Панса поспешно сказал, что да, мучила.

— Но почему же вы с Женей, уже после убийства, обокрали дачу?

— Да погулять вволю хотелось. Знали, что все равно посадят.

Саша-Панса на вид казался старше своего приятеля Жени. Говорил, чему-то все время улыбаясь, и несколько раз повторил, как заклинание: «Я — злопамятный, я — злопамятный». Я спросил, что это значит. Он ответил, что не забудет тех, кто указал на него. Да, он открыто хвастался среди деревенских, что «замочили мужика», но был уверен, что никто не назовет его милиции. А назвали почти все, когда выяснилось, что это не просто болтовня подростка.

Встретился и с четырнадцатилетней Леной. Она рассказала о том вечере:

— Мы поехали к Ольге во Фрязево с ребятами. С гитарой и бутылкой вина. Выпили. Потом Женька копилку Ольгину разбил. Там рубля два или три было. Потом Сашка обиделся. Он такой. Ему слова поперек не скажи.

— Много ли пьют ребята?

— Немного, но каждый день. Да многие пьют, — вздохнула она, махнув рукой.

— Что было потом? Через три дня?

— Они сказали, что дядьку убили. И мы пошли его закапывать. Только я боялась близко подходить.

Я спросил, были ли ребята уверены, что Лена, узнав такое, не побежит тут же в милицию?

Лена ответила, что да, конечно, Джека и Панса были в ней уверены. У нее такой характер… Ну, твердый.

— Лена, а от кого ты узнала, что милиция уже ищет преступников?

— Пришел крестный и сказал: «Там раскопали убитого. Иди посмотри».

— И ты не собиралась назвать ребят?

— Да все уже знали…

Лена по возрасту не подходит под статью Уголовного кодекса: за недонесение о преступлении. Поэтому ее поставили на учет в инспекции по делам несовершеннолетних и обсудили в классе. Когда голосовали за то, чтобы «ее обвинить» (так она выразилась), то руку подняла только одна девочка. «Бывшая подруга», — презрительно сказала Лена. Остальные воздержались.

— Как ты живешь сейчас? О чем думаешь?

— Готовлюсь в комсомол. В четверг будут рекомендовать, — ответила Лена.

И тогда я спросил, ну хоть на капельку жалко ей того человека, которого так просто, без всякой цели, без повода убили ее приятели.

Лена, подумав, обстоятельно начала:

— В принципе, человек не работал, систематически пил… — Она задумалась, подыскивая слова, но я быстро перевел разговор на другое. Спросил, то ли кем она хочет стать, то ли какие песни любит петь.

…На этом кончаются мои блокнотные записи. Я знал, что только теперь мне и надо начинать работу.

Ехать в РУВД и спросить, как могло случиться, что в течение полутора лет группа подростков совершала одно преступление за другим, оставаясь безнаказанной? Были ли зафиксированы в документах все эти «избитые», которые часто попадались на дороге нашим «злым подросткам»? Искали ли тех, кто проломил голову одному, ограбил другого, третьего? Ведь не матерые уголовники воровали, грабили, нападали на людей, — мальчишки! Еще мне необходимо было спросить, как могло случиться, что Женя-Джека, находясь под следствием (один раз все-таки уличили, задержали, вызвали), решается на убийство, даже не вспомнив, что он под следствием, что его

уже допрашивали и ему грозит суд? Что же это были за беседы и допросы, если они оставили подростка равнодушным? И почему тот, которого уже нет на земле, отбыв срок заключения за тунеядство, вновь нигде не работает? Болтается по деревне, стоит у магазина... Почему им никто не интересуется, будто он и впрямь никому не нужен?

Но, перечитав еще раз записи в блокноте, вспомнив лица этих ребят, в которых я не заметил ни особой жестокости, ни слабоумия, ни холодной ухмылки убийц, я догадался, что все мои завтрашние собеседники и в милиции, и в школе, и в ПТУ, и в семье будут пожимать плечами и удивляться: вроде бы обычные парни, болтаются где попало, разве за ними уследишь, и так далее. И я понял, что дальше никуда не пойду.

Хватит и того, что узнал. Хватит.

Хватит заниматься арифметикой, считая, как на счетах: минус школа, плюс улица; минус милиция, плюс вино; минус отец, плюс пьяный сосед, являющий дурной пример...

Можно все посчитать, привести к общему знаменателю, потом — наказать кого надо, сделать выводы, успокоить свою совесть, но не успеешь оглянуться — выходят на вечернюю тропинку новые Панса и Джека, и, не видя лица другого человека, бьют наотмашь, подминают ногами. Не понимая, что перед ними не «жертва», «не объект развлечения от скуки», а человек.

Публицист обязан отвечать на те вопросы, которые ставит, пряча внутри свою горечь от того, что в сотый раз исследует похожий случай, и пафос его завтрашней статьи снова «пробьет» куда-то мимо цели... Ни семья, ни школа не возьмут на себя вины, разве милицию накажут, а у нее и так работа невеселая. Вздохнут парни, узнав про очередной выговор, и снова — «на выезд по месту происшествия...» Нет, надоело бесконечное вязкое копание в одном и том же. Не ради двух «недоданных» выговоров пишутся статьи.

Мне необходимо понять, когда эти подростки выходят на тропу: еще не нажив человеческого багажа или уже растеряв его? Почему им все равно: что банку сгущенки украсть, что

человека убить. Где, в какой стадии их развития общество уже теряет людей в их лице?

...Помню, вот так же, глаза в глаза, сидел я напротив шестнадцатилетних убийц в кубанской станице. Те были совсем другими.

* * *

— Алло. Что вы делаете из мухи слона, ведь драться мальчишки начинают с детства. Когда переезжаешь на новый двор, обязательно надо подраться, чтобы тебя поставили в негласный табель двора по силе. Класс — на класс, двор — на двор, улица — на улицу. Правда, сейчас это не так резко заметно, как было сразу после войны. Но «короли» дворов, улиц, сел и подворотен и сейчас есть...

— Но ведь не все они становятся преступниками?

— Становятся те, кто может переступить...

— Через что?

— А вот я думаю, что если бы в школе рассказывали, как слаб, как хрупок организм человека, как одним ударом легко заставить его «всю жизнь работать на лекарства», и если бы сводили на экскурсию в больницу, показали кровь, и гной, и страдания, полученные от удара не то что ногой, кулаком по лицу, вот тогда число желающих среди подростков проверить свою силу значительно бы уменьшилось! Они же не ведают, что творят...

* * *

Пишут вам парни из подворотни. Нас человек пятнадцать. Собираемся вместе все только по праздникам, а обычно — 6-10 человек. Возраст от 14 до 16. Мне — шестнадцать.

Для общества мы большой опасности не представляем. Чем занимаемся? Собственно говоря, ничем. Встретились, потрепались, сходили к кому-нибудь домой посмотреть телик, побесились и разошлись. Но так не всегда бывает. Иногда по ночам ездим на ближайшую ферму и берем напрокат (конечно, без разрешения) лошадей. Катаемся, а потом ставим их снова в загон (есть такой грешок).

Никого мы не бьем, не крадем, и даже не «стреляем» ни у кого

деньги. Правда, бывает, что задеваем — словами — проходящих мимо девушек или влюбленные парочки. Мы курим, пьем и ругаемся, правда, при девушках себя сдерживаем.

Хвастать нечем, не спорю. Хотя большинству из нас по 16 лет, но никто не учится в 9-м классе. Все без исключения оставались на второй год. Двое даже дважды второгодники.

Вы правы, очень многие пишут о сложности нашей психологии. Что к этому добавить? Почему мы стали «неблагополучными»?

Скажу только о нас (потому что за других не имею права отвечать). Хулиганами мы не собирались и не собираемся заделываться. Просто все живем рядом, собираемся и «кайфуем».

В компании можно делать что угодно. Попробуй дома выругаться — прибьют, а здесь — кури, пей, ругайся, сколько душе угодно, и нет никаких строгих правил поведения. Все живут душа в душу. Вообще-то наши родители не против, чтобы время на улице мы проводили в компании. Они каждого из нас знают, но не знают, правда, что мы курим и пьем. Иначе бы отнеслись по-другому. А ведь, если приглядеться к парню, то его манера держаться и говорить показывает, кто он — парень из подворотни, культурный человек или маменькин сынок.

Ну вот и все. Целое сочинение или поверхностная исповедь «хулиганеныша». Свое имя и имена моих друзей я, конечно, не пишу, не пишу и адрес» (г. Краснодар)

***

— Да что вы все нашли в этой истории? — удивились в райотделе милиции. — Дело с криминальной точки зрения, поверьте нашему опыту, не представляет особого интереса. Так, случайность...

Мы с коллегой вышли из милиции, прошлись по улицам районного центра — типичной кубанской станицы с крепкими домами, заборами, воротами, за которыми лаяли собаки. Остановились в нескольких метрах от школы. Да, вот здесь все это произошло. Дорога. Тротуар. Забор. Кювет. Здесь, по этой дороге, вдаль, в рассвет уходили три выпускных класса.

Они шли, сбившись вместе, как стаи птиц. Будущее смотрело на них широко раскрытыми глазами. И здесь же, той же душной июньской ночью умирал 28-летний парень.

Мы повернули к школе.

По свежевыкрашенной лестнице поднялись на второй этаж. В учительской, еще беспорядочно заставленной столами, нас ждал директор школы.

— Да, конечно, невеселая история. Но все-таки одной историей было бы неправильно зачеркнуть то, чем школа может гордиться: своими традициями, своими педагогами и своими учениками. Большинством из них.

Так сказал он и посмотрел на наши блокноты.

Директор помолчал, подумал.

— Я вот лично не пойму, что понесло этого мужчину и его приятеля в тот вечер через школьный двор? Ведь, согласитесь, если бы они пошли тогда другой дорогой — понимаете, — ведь ничего бы не произошло! Понимаете? Ни-че-го!

Ничего?

Попытаюсь воссоздать то, что при других обстоятельствах вряд ли пришло бы в голову воссоздавать: хронику школьного выпускного вечера.

Директор школы: «Все началось как обычно. Обязательно — слово первой учительнице. Выступил заведующий роно. Представители шефствующих организаций. От родительского комитета. От наставников. Из трудового лагеря привезли секретаря комитета комсомола. Он выступил. Потом — от выпускников. Ну я... Пожелал ребятам высоко нести честь школы... Приехал оркестр. Я вышел в коридор. Там уже были накрыты столы».

Владимир Д., выпускник прошлого года: «Вышли мы из кино, куда идти? Решили — к школе. Туда нас, конечно, не пустили. Стоим во дворе, разговариваем. Двое вошли в калитку... На крыльце появился Володя. У них что-то там было, но я не видел и никого не бил. Я перед этим с мотоцикла упал и повредил себе ногу. Помните, ребята? «Конечно, повредил!» — дружно подтвердили приятели Д., когда мы сидели

все вместе возле его дома на скамейке, которая так и зовется в округе: «Скамейка Д.»

Константин Г., выпускник: «Мы выпили шампанского, и мне стало плохо. Я пошел на улицу, на крыльцо. Вместе с Геной. Потом вышел Вовка, что-то сказал Гене. Они пошли. А с ними еще бывшие выпускники, которые стояли возле школы. Я пошел за Генкой».

Николай Б., военнослужащий: «Мы с Сережей пошли в кино, на летнюю эстраду. Вышли. По улице Красной поднимаемся наверх. Сережа говорит: „Давай заглянем в школу. У братишки сегодня тоже выпускной вечер, давай хоть здесь посмотрим“. Мы вошли в калитку, постояли несколько минут у крыльца и пошли обратно, потому что в школу никого не пускали. Я обернулся — сзади толпа, человек десять, но я тогда ничего не понял. Нас обогнали четверо и нагло попросили закурить. Когда я давал сигареты, меня ударили „замком“ — сложенными руками — в лицо. Я упал. Лежу секунду-другую — никто не бьет. Поднялся, пошел, за мной погнались двое... Я думал, что Сережа тоже убежал... А вот как оказалось. Я искал его до пяти утра».

Сергей М., десятиклассник: «Купил в ресторане бутылку. Выпили около школы, стоим. Вижу: кучка ребят пошла за угол. Я — за ними. Там уже столпились около кого-то и бьют ногами. Мы пошли обратно с Санькой. Нет, я не чувствую себя виноватым. Скорую потом не вызывали — говорят, он еще часа два был жив — это да. Признаю. Но это не по Уголовному кодексу».

Михаил Ф., бывший ученик, сейчас слесарь: «Все пошли, и я пошел. Вижу: один упал. Ну, я тоже подбежал. Между прочим, я тогда был в домашних тапочках — какой от них удар... Потом я отошел».

— Михаил, не захотелось ли тебе посмотреть, что стало с человеком после всего этого?

— Нет, мне захотелось спать.

Владимир Н., выпускник: «Ну, он остался лежать, а я вернулся в школу. Выпил лимонаду. Шли танцы. Я сел со своей первой учительницей Серафимой Дмитриевной. Долго

разговаривали… Часа через два кто-то мне сказал, что этот все еще лежит там. Вышел на улицу. Потрогал его и почувствовал, что он холодный. Вернулся в школу».

Константин Г.: «Вернулся в школу, потанцевал. Потом предложил Генке выйти на улицу и посмотреть, лежит еще он там или уже нет. Вышли и увидели, что еще лежит. Я хотел вызвать скорую помощь, а потом испугался… После пошли встречать рассвет».

Геннадий Н., выпускник: «Мне кто-то сказал, что тот человек умер. Я не поверил. Думал, шутят. Потом вышел, пощупал пульс… И тут же ушел домой. Лежал дома, и меня всего трясло. Вот, думаю, дожил до убийства… Не догадывался, что меня найдут. Если бы не свидетели, все было бы нормально».

Директор школы: «Примерно в половине пятого утра я вышел на школьный двор. Ребята ушли к речке. Я постоял немного, посмотрел, все стекла целы, пустых бутылок нигде нет. Все оказалось в порядке. Я обрадовался и подумал, что сегодня стоит удивительная тишина».

Классный руководитель 10-го «В»: «В половине четвертого утра пошли встречать рассвет к речке. С нами пошел почему-то Володя Н. из параллельного 10-го „А“. Он шел в носках. Туфли нес в целлофановом мешке. Я спросила, почему он разулся, Володя ответил, что устали ноги. Обратно мы пришли без двадцати шесть. Я хорошо запомнила время, потому что посмотрела на часы. Я предложила ребятам прощаться, но они уговорили меня еще немного погулять. Мы пошли к школе. В нескольких метрах от школы стояло человек пять-шесть прохожих. Прошел автобус, и люди замахали руками и закричали, что человека убили. Шофер ответил: туда ехали — он лежал, обратно ехали — тоже лежал. Я подошла к кювету, увидела и сказала ребятам: „Пойдемте, пойдемте отсюда…“»

Из сметы проведения выпускного вечера: «На питание учащимся во время экзаменов — 306 рублей; оплата эстрадного оркестра — 90 рублей; приобретение сувениров учителям — 180 рублей; конфеты для учащихся — 420 рублей; буженина — 30 рублей; подарки школе (шторы для трех учебных

классов) — 78 рублей...» И так далее, и так далее. Всего было собрано родителями 1950 рублей.

Владимир Д.: «Утром, часов в семь, я еще спал, пришел Вовка и сказал, что тот умер. Я пошел собирать ребят, чтобы идти в милицию. Когда вернулся, Вовка спал на моей кровати...»

И еще, и еще записи в блокноте: «И меня приносили домой еле живого, избитого. И из-за меня кого-нибудь приносили домой еле живого, избитого. Что здесь такого?!» — гордое признание одного из участников преступления.

«Да-да, я слышала, как ребята на вечере говорили: „Дали там одному... Так и остался лежать, где стоял“. По-моему, тогда еще не было двенадцати», — слова одноклассницы Владимира о том самом мгновении, когда еще можно было взорваться, возмутиться, выбежать на улицу — и человек остался бы в живых.

— Гена, кого же тебе больше всех жалко в этой истории?

— Костю Г. Он совсем ни при чем.

— А человека, которого вы убили?

— Вы понимаете, я его не очень хорошо знал...

Напоследок, помню, мы вышли на берег реки, той самой, рассветной. Было тихо, сумрачно и безлюдно. Нам оставалось только представить, как вдаль, в рассвет уходили три десятых выпускных класса.

Они уходили в жизнь, сбившись вместе, как стая птиц.

Они многому научились за десять лет: различать созвездия, решать задачки, доказывать теоремы, читать книжки, выступать на собраниях. Они стали другими, уже почти взрослыми. Будущее смотрело на них широко раскрытыми глазами.

Чему, чему же мы их недоучили?

Помню тот многотысячный поток писем (сам их разбирал), который хлынул после публикации у нас, в «Литгазете», статьи Эдуарда Успенского «Кому мешал Гай Цезарь?». Судьба убитого сенбернара взбудоражила коллективы институтов и фабрик, многодетных матерей и пионерские отряды. Почта

была трогательной и требовательной: мы не учим доброте, мы не учим уважению к живому, мы не учим сочувствию к страданию.

Из этих писем можно было создать гимн живому. Всему, что живо. Всему, что дышит.

Но в этой огромной кипе писем, еле уместившейся в наших шкафах, я помню письмо человека, который, вылив весь свой гнев в адрес подонков, забивших пса, вдруг написал горестное: «А заставит ли меня не спать всю ночь статья об убийстве человека. Не знаю. Не уверен».

И я, в конце концов, понял, что тот привязанный к дереву пес — это просто живое. Живое и все. То живое, которое требует от нас минимума душевных сил. Ведь мы любим живое! Даже можем понять его, живое. Оно ждет нашей ласки! Оно беззащитно перед нами. Собака не напьется, не оскорбит (разве что укусит, если дразнить и не привязать), не будет с нами спорить. Собака не может быть «сявкой». Разве что шавкой, а это не так обидно. Одним словом, пожалеть ее нам ничего не стоит.

А на сочувствие к человеку требуется куда больше душевной энергии и социального опыта — может, в этом причина?

Джека, Панса и те из кубанской станицы, еще не нажили того и другого. А мы, взрослые, умудренные, пожившие, все видевшие, устаем сочувствовать всем и каждому, порой даже одному-единственному... На всех, мол, не напасешься сочувствия, авось меня беда минует... Дети видят эту нашу усталость и толкуют ее по-своему, подумаешь, мол, кого-то нашли в канаве... «Иди, посмотри», — сказал крестный. «Пойдемте, ребята», — заботливо увела от кювета своих выпускников классный руководитель. И эти фразы, мне кажется, проясняют ситуацию точнее, чем научное исследование, потому что в них опыт социального равнодушия.

Что с нами происходит?

...Иду по пустынной вечерней улице. Ветер покачивает фонари. Гаснут одно за одним окна в домах. И вот идут

навстречу они: неуклюжие походки, громкие голоса, резкие движения. Пройдут мимо? Спросят закурить? Остановятся? Остановят?

Я не знаю, что они сделают в следующий момент, да и сами-то они не всегда знают.

Кто они? Как поступят? К каким поступкам готовы?

Слишком поздно говорить с ними, когда дух стаи, а не человеческое дыхание сплотит их. Слишком поздно убеждать их в чем-то, если не убедили день, месяц, год назад, в шестом классе, в раннем-раннем детстве. Да и наносить ответный удар — тоже поздно. Найдут следующего. Кто послабее.

Сейчас они идут навстречу, и ветер раскачивает фонари над засыпающей улицей. Они все ближе и ближе.

И вот мы сошлись. Встретились.

* * *

В условленный час я вышел из редакции, пересек двор и оказался в соседнем переулке.

Ребята, как мы и договаривались, уже ждали. Их было пятеро.

Саша. 17 лет, работает лаборантом, высокий, со взглядом внимательным, улыбкой понимающей: «Да, „Литгазету“ читаю».

Леня. 16 лет, учится в ПТУ. Типичный, как мы пишем, современный подросток — джинсы, куртка с какой-то наклейкой на непонятном языке, некоторая разболтанность в движениях, будто тут же готов он запрыгать в модном сейчас в их, подростковой среде, танце.

Сергей. 16 лет, учится в ПТУ. Белая рубашка, галстук, вид серьезный, взрослый, знает, что идет на серьезное дело, готовится к нему.

Володя. 15 лет, школьник. Плотный, хмурый, смотрит исподлобья, такого разговорить будет трудно.

И, наконец, тринадцатилетний Миша — самый младший и маленький, просто какой-то ребенок, кажется, свистни ему сейчас, побежит играть в «войну», а не просиживать время на каком-то заседании.

— Ну что, ребята, пошли?

— Это, наверное, будет интересно и для вас и для нас, — ответил Саша.

Мы вошли в наш редакционный подъезд.

— Здесь можно снять пальто, — сказал я, показав на нашу раздевалку.

— А не украдут? — спросил Саша.

— Да вроде не должны, — ответил я.

Поднялись на второй этаж, я открыл дверь и — замер от удивления. Комната, где обычно проходят наши пресс-клубы, была заполнена до отказа.

Вот как, оказывается, была интересна эта встреча сотрудникам «Литгазеты». Я даже и не подозревал. Хотя уж кого-кого, а подростков-то все видят ежедневно, не говоря уж о том, что у большинства моих коллег свои такие же, как те, которых я привел.

Или что: такие уж были диковинные эти ребята из соседнего переулка? Или слишком мало вообще мы разговаривали с представителями младших поколений? Или слишком много накопилось вопросов? Что же не дорассказали все мы своим знакомым подросткам? О чем не дорасспросили?

Десятки глаз с напряженным вниманием смотрели на наших гостей, а наши гости — испуганно, как мне показалось, остановились на пороге.

— Не бойтесь, ребята. Все свои. Журналисты и еще несколько гостей: врач, ученый, милиционер.

— Я люблю милицию, — попытался съерничать маленький Миша (видимо, от смущения при виде такого количества взрослых людей).

Ребята сели вокруг стола, за которым в обычные дни сидит редакционная коллегия, и пресс-конференция началась.

Вопрос к Мише: Скажи, кто твои родители?

Миша: Я живу вдвоем с матерью.

— Мама кем работает?

— Не знаю.

— Как это? Твоя мама чем занимается?

— Деньги зарабатывает. Где — не знаю.

— Тебе не интересно, где работает мама, за что она получает зарплату?

— Неинтересно. Мы с ней не говорим об этом.

— У тебя нормальные отношения с мамой?

— Что, я должен за матерью с палкой гоняться, когда она приходит с работы, и спрашивать, чем она на работе занималась?

Ведущий: Так. Стоп. Предлагаю не нападать на самого маленького. Дадим ему передохнуть. Мне кажется, было бы интересно спросить у Лени, с кем он и его группа вела борьбу на соседнем с нами бульваре.

Леня: Мы боролись с волосатиками, у них длинные волосы.

— А чем они вам помешали?

— Это наш район. Идешь, а тебя останавливают и спрашивают закурить. Отвечаешь, что у тебя нет сигарет, а тебе: «Может, все-таки, поищешь?»

— То есть, Леня, ты хочешь сказать, что эти длинноволосые вели себя по отношению к вам агрессивно?

— Да.

Ведущий: Леня, ты пользуешься нечестным приемом. Мои коллеги — узкие специалисты в своих вопросах и могут тебе поверить. Длинноволосые, то есть хиппи, как они себя называют, да? А вы себя называете «рокерами»?

— Ну да.

Ведущий: Они вряд ли так затерроризировали тебя и твоих приятелей, что вы — в испуге! — решили собраться и отстоять свою независимость. Скорее, все было наоборот. Вам не понравилось, что они собираются в вашем районе, да? Вы напали на них, потому что они не похожи на тебя и твоих друзей?

— Да. Не понравилось. Один наш парень пришел и сказал, что они снова на бульваре сидят.

— И сколько их было?

— Их было человек шесть, а нас было пятнадцать.

Ведущий: Вы подрались с ними или просто их прогнали с бульвара?

Немного подрались, а потом сказали: «Не собирайтесь здесь, пожалуйста». Они нас поняли и сказали: «Хорошо, не будем».

Ведущий: Прямо так и сказали: «Пожалуйста»?

Все, в том числе и Леня, засмеялись.

Саша: Я могу прокомментировать этот эпизод с социальной точки зрения.

Комментарий Саши сводится к довольно толковому, хотя и многословному пересказу научно-популярных статей по социологии с употреблением терминов: «эффект толпы», «лидерство», «противоборство групп» и т.д. Потом, в ответ на чью-то взрослую реплику из зала: «Да ты философ», замечает:

— Мне говорят, что у меня есть склонность к философии, но меня эта склонность не устраивает: я там буду мало денег зарабатывать. Я хочу стать специалистом в области радиоэлектроники. Вряд ли из меня получится хороший философ, а радиоэлектронщик может получиться. В этой профессии отчитываются не словом, а делом.

— Саша, когда у тебя будет много денег, что ты будешь делать?

— Я рос в семье, где мне приходилось самому зарабатывать себе деньги.

— Извини, но если ты пригласишь девушку в кино или в кафе — сколько ты денег потратишь?

— На девочек у меня нет денег. Повторяю, я рос в таких условиях, что мне нужно было на все зарабатывать себе самому. Мне приходится начинать с нуля. Допустим, мне надо купить рубашку сейчас. Пока рубашка для меня роскошь. Спросите у ребят, какой вид у меня был год назад. Брюки были на десять сантиметров короче, чем нужно, и мне было стыдно ходить в таких брюках по улице.

— Погоди, не понимаю... А почему у тебя не было нормальных брюк? Тебе не покупали, что ли?

— От отца шли алименты до ста рублей в месяц, но мать их мне не давала. Считала, что мне это ни к чему.

— Так было год назад. А какие сейчас взаимоотношения с матерью?

— Отношения хорошие, но только благодаря нашему инспектору по делам несовершеннолетних. Сейчас мать заставили отдавать деньги, которые приходят от отца…

— Не понимаю… Вы живете с матерью вдвоем, но как бы отдельно. Так что ли?

— Так. Мне в принципе очень обидно… Я вынужден сам заниматься всеми хозяйственными делами, я сам все делаю для себя, и питался всегда в столовой… Отношений с матерью у нас сейчас никаких нет. Я стараюсь ее не замечать, но она все делает против меня.

— А отца видишь?

— Вижу… Он — ведущий инженер, у него своя семья и свои дети.

— У меня вопрос к Лене. Ты рассказал, как вы, рокеры, прогнали с бульваров длинноволосых. Саша подвел под твой рассказ теоретическую базу, то есть объяснил про инстинкт толпы и про лидера, который эту толпу повел на чужаков. Ты согласен с таким обоснованием?

Леня: У нас никакого лидера не было.

Саша: Это еще более опасно, когда в компании нет лидера. Я сам столкнулся с таким случаем. Я шел со своим другом, и мы случайно познакомились с одним человеком, физически очень крепко сложенным. Нас уже было трое, и мы начали чувствовать, что нами некому управлять. Тот парень высказал предложение ограбить прохожего. Я взял такси и уехал. А если бы не уехал, что могло бы произойти? Вот что такое инстинкт толпы!

— Леня, а ты в какой толпе?

— Я же сказал. Мне нравится тяжелый рок.

Ведущий: То есть ты причисляешь себя, как говорят ребята, еще и к «металлистам». «Металлисты» — любители тяжелого, металлического рока. Объясняю для несведущих.

— Саша, что ты любишь читать?

— У меня нет системы в чтении. Не люблю детективы — люблю на душевные темы. Читаю и по-английски.

— Ты хорошо знаешь язык?

Саша: В принципе, самостоятельно прочитал на

английском языке одну небольшую книгу. Там была история про одного парня, которого усыновили. Но к нему плохо относились, потому что думали, что он нищий. А потом он оказался миллионером, и отношение к нему тут же переменилось.

Ведущий: У меня вопрос к Сергею, потому что все время молчит. Тот же, что и Саше, — про чтение.

Сергей: Читаю фантастику и детективы.

— Фамилии-то писателей помнишь?

— Беляев... Еще читаю других, но фамилий сейчас не вспомню.

— Миша, а ты читаешь книжки?

Миша: Читаю.

— Кто тебе нравится из героев книг?

— Гобсек.

— Почему тебя именно Гобсек заинтересовал?

— У него были дармовые деньги.

— Миша, представь, что ты нашел на улице сто рублей, что бы ты с ними сделал?

— Я раз нашел. В кинотеатре. Взял деньги и отдал кассиру. Мне сказали, что я молодец, что они эти деньги два дня ищут. Я тогда был наивным.

— Ты совершил благородный поступок — вернул деньги. Ну, а если бы деньги были ничьи — свалились бы с неба? Что бы ты тогда сделал?

— Зачем мне эти сто рублей? Тоже мне, деньги...

— Ну, не скажи... Сто рублей — это деньги. У тебя есть какая-нибудь мечта?

— Допустим, есть.

— Но мечта такая, какую за деньги не купишь?

— То, что я хочу купить, — все равно у нас не купишь.

— Да что же это такая за мечта? Объясни!

— Не хочу.

— Ну, чем-то ты увлекаешься?

— Я собираю модели железнодорожные. У меня большая коллекция.

— И если нашелся бы покупатель на твою коллекцию, за сколько бы ты ее продал, за какую сумму?

— Я не стал бы продавать. Модели растут в цене с большой силой. Раньше по госцене стоили по 15 рублей, спустя десять лет — уже по 50. Пройдет еще немного времени, и каждая модель будет стоить сотню.

(Миша долго рассказывает о своей коллекции.)

Саша: Материальные ценности растут в арифметической прогрессии, а цены — в геометрической.

— Это ты к чему?

— Это я просто так.

— Ребята, у меня к вам серьезные вопросы. Чем вы интересуетесь? Что любите? Что отрицаете в нашей жизни? Что вы не принимаете? Я бы хотел, чтобы на эти вопросы ответил каждый.

Сергей: Мне не нравится, что подростками никто не занимается. Мы пришли спросить, как сделать клуб, как создать ансамбль, но нам не удалось.

— Куда пришли?

— В ЖЭК.

— Хорошо, понятно. Но это мелочи, детали. Еще что?

Саша: Мне не нравится оплата труда. Вы сами в своей газете часто пишете о том, что система оплаты труда, какая она есть сегодня, устарела.

— Поскольку мне часто приходится писать об этих проблемах, могу тебе сказать, что если бы была справедливая система оплаты, то все равно кто-то получал бы много, а кто-то получал бы меньше. Но за дело.

— Об этом я и говорю.

— Ребята, а что вам не нравится в вашем поколении?

Миша: То, что покупают вещи у иностранцев.

— Ты имеешь в виду фарцовщиков?

— Шмотки меня не интересуют. Я о другом. Мне не нравится, что на своих предприятиях мы не можем сделать те вещи, которые закупаем за границей. А какой смысл закупать лицензию на фанту. Я сунул кусок мяса в фанту, через час его не стало. Это же сплошная химия.

СТАДИОН-
-ЗОНА
ТРЕЗВОСТИ

— Интересный опыт.

— Еще подростков ущемляют здорово. Правонарушения не совершил, а милиция уже подходит и задерживает.

— Так уж просто и задерживают?

— Конечно.

Представитель МВД СССР: И за что, интересно, тебя задерживали?

— Я зашел в метро. У меня было с собой четыре копейки. Я стоял и искал по карманам копейку. Подошел милиционер и говорит, что это я здесь стою, и подозрительно смотрит на кассу. Хотел даже меня запротоколировать.

Представитель МВД СССР: Но работник милиции имеет на это право. Если ты долго стоишь у автоматов, то неизвестно, что может прийти тебе в голову.

— Но я же копейку искал.

Представитель МВД СССР: Но он же этого не знал. Ведь разные случаи бывают.

— Так еще при этом нагрубил. У нас что, можно на человека кричать?

Представитель МВД СССР: Здесь ты прав. Кричать на тебя, оскорблять никто не имеет права. У нас, как у представителей и любой другой профессии, встречаются люди нетактичные, невыдержанные. Мы боремся с такими работниками, наказываем их. Но пойми и запомни, работник милиции имеет право задержать человека, если он показался ему подозрительным. Это законно.

— Леня, а тебе что не нравится?

Леня: На стадионах мешают болеть.

— Ты что, фанат?

— Да.

— А нетрезвым фанатам «мешать» можно?

— Я приходил трезвый.

— Честно? Ты не пьешь?

— Пью. В прошлом году попал в реанимацию. Много выпил.

Саша: У меня рядом с работой находится винный магазин, и что там делается!

— В винный магазин идут те, кто хочет выпить. Но я, например, вчера пришел в Библиотеку имени Ленина, и там было огромное количество людей. И все пришли не выпить, а читать. Точно так же на стадион люди идут болеть, а не выпивать.

— Магазинов больше, чем стадионов. И Ленинская библиотека, между прочим, одна, а все остальные пустуют.

— Леня, вы всегда пьете, когда собираетесь своей компанией?

Леня: Да, пьем. Бывает, две бутылки на пятерых.

— Портвейна, да?

— Да. На большее не хватает денег.

— Сядете вместе и пьете, да? Миша, ты тоже уже пробовал?

Миша: Я — нет.

— Почему?

— Могу спиться.

— У тебя развита самокритика, да?

— Не очень.

— Ну, все-таки… Давай-ка приведи доводы против Лени.

— Он может спиться, на работе не будет работать.

— Допустим… Володя, а ты пил?

Володя: Не употребляю.

— Совсем не пьешь или сейчас не пьешь?

— Сейчас.

— А когда пробовал?

— Летом.

— И что, стало плохо?

— Да.

— Нелепо себя вел, да? Драться хотелось, да? Ну, давай-давай. Как ты, сможешь ли оправдать Леню? Ведь допился до того, что угодил в реанимацию. Врачи его еле спасли.

— Если пить, то надо пить понемногу, а то залетишь куда-нибудь.

— Куда это, интересно?

— В милицию.

— Ребята, у меня к вам такой вопрос. Всегда ли взрослые бывают честными по отношению к вам?

Леня: Нет.

— Объясни, пожалуйста, в чем ты видишь вину взрослых?

— А вы что, сами не знаете?

Миша: В том, что есть «трудные» ребята, виноваты взрослые. Если смотреть за ребенком как следует, то он и вырастет нормальным. Бывает семья хорошая, а дети вырастают выродками.

— Но ты сам себе противоречишь.

— Леня, как твоя мама отнеслась к случаю с тобой два дня назад?

— Переживала.

Миша: Надо бить. Тогда сын будет бояться, а это лучше.

— Так выходит, Леня, что тебя мало били?

Леня: Не стоит бить. Надо разговаривать. Внушать надо.

Миша: Что, мало тебе внушали? Когда слова не помогают, надо бить.

— У нас в газете была дискуссия о школе. И один говорит, что воспитывать надо круто, а другой — что надо брать лаской.

Миша: Надо воспитывать кнутом и пряником.

Леня: Не надо никакого кнута.

Миша: Меня не били, поэтому я жалею об этом.

— Ты не битый, поэтому так говоришь.

Ведущий: Подождите... Не все ребята ответили на вопрос «Кому что не нравится?» Володя, а ты что думаешь?

Володя: Мне все понемногу не нравится.

— Ну что именно?..

— Да не знаю я!..

— Говори, что думаешь, не обращая внимания на остальных. Что это ты вдруг ведомым стал?

— А сам ты себе нравишься?

Володя: Очень.

— Чем это ты так хорош?

— Не пью, не курю.

— А у тебя есть какое-нибудь увлечение?

— Сначала начинаю чем-нибудь заниматься, а потом бросаю.

— А чем-нибудь занимался долго?

— Собирал марки, а потом выкинул.

Миша: Лучше бы мне отдал.

— Ты защитишь малыша от хулигана или мимо пройдешь?

Миша: Как получится.

— А как ты учишься? Какие у тебя отметки?

Володя: Есть и четверки.

— То есть тебе не очень нравится учиться? Правильно я тебя понял?

— Правильно.

— Володя, ты чаще встречал добрых людей или недобрых?

— Не думал об этом.

— Ребята, этот вопрос ко всем. Каких людей вам приходилось встречать чаще — добрых или злых?

Сережа: Всяких видел, но все-таки больше добрых.

Леня: А я — недобрых.

Миша: У меня пятьдесят процентов на пятьдесят.

Саша: Большинство носит на себе маски добрых людей. Таких, под масками, неискренних, процентов девяносто. Десять процентов людей — искренне добрые люди, но им и достается за это. Поэтому никто не рискует быть искренним человеком. Да и что такое добрый или недобрый? Приду я к какому-нибудь человеку, и спрошу его дать мне денег, он даст. Добрый? А если не даст? Что, он недобрый? Это же ерунда, зависит от обстоятельства. Да и отношение к деньгам не самый главный показатель. Дороже искренность. Тем более что доброты без искренности просто не существует.

Сергей: Добрый, недобрый… Это все ерунда. Главное, не то, что человек говорит, а как он поступает.

Ведущий: То есть тебе нравится человек дела?

— Мне нравятся люди, которые могут совершать добрые поступки.

— Скажи, а ты мог бы избить человека просто так, ни за что? Просто, лицо его тебе не нравится?..

— Просто подойти и ударить? Могу, но я так не поступаю.

— Но ты что, не встречал ребят, которые спокойно могут

ударить человека, только за то, что у него не окажется сигареты или вечных «двадцати копеек»?

Я спрашивал: «Дайте, пожалуйста, сигарету!..» Если говорят нет, то и не надо. Спокойно отходил.

— Еще один вопрос ко всем ребятам. Предлагаю вот такую ситуацию. Есть две модели будущей работы: на одной вы работаете, вы можете работать вполсилы, и получаете минимальную зарплату. И второй вариант. Вы поступаете на работу, где требуется пот и кровь, вы по-настоящему вкалываете, и, соответственно, зарабатываете хорошо. Что вы выбираете?

Саша: Я за первый вариант. Здоровье дороже.

— Но я имею в виду не обязательно физический труд.

— А в интеллектуальном труде слишком много конкурентов, поэтому я все-таки выбираю первый вариант.

Сергей: Сейчас я выбираю первый, а потом подумаю.

Леня: Первый.

— Сергей, объясни подробнее, над чем ты подумаешь «потом»?

— Жить-то надо. А если жить, не получая денег, то что же это за жизнь? Придется вкалывать.

— А ты, Миша?

— Первый.

— А ты, Володя.

— Не знаю... Не думал...

Ведущий: Ребята, кем вы себя видите через десять или пятнадцать лет? Это только кажется, что впереди — пропасть лет. Пролетит — не заметишь. Кем будете работать? Сколько будете зарабатывать? Как будете жить? Какую себе жизнь планируете?

Володя: Я буду работать в ателье портным.

Миша: Я хотел бы найти такую профессию, чтобы как корабль по морю ходить, а ни к какому берегу не приставать.

Саша: Тогда тебе подходит научно-исследовательский институт.

— Миша, и какая же тебе профессия видится на твоем «корабле»?

— Не знаю, окончишь какой-нибудь институт, а тебя — раз — и на Камчатку. Нет уж, спасибо.

Сергей: Мечтаю о хорошей жизни. У меня профессия.

Саша: Есть такой вариант: поступить в институт, окончить его, написать кандидатскую диссертацию. Другой вариант. Я не поступаю в институт, отношение ко мне будет так себе. Буду как все. И ни в какой должности меня не повысят. Эта жизнь меня не устраивает.

Сергей: Я мечтаю о хорошей жизни. Не обязательно для этого лезть в начальники. У меня, допустим, профессия слесаря. Можно найти что-нибудь другое. Типа автосервиса.

Ведущий: У тебя будут левые доходы?

— Конечно, будут.

Уверен, что после чтения этой стенограммы у многих читателей возник вопрос, где это, интересно, вы нашли таких подростков? С таким образом мыслей? С такой культурой? С такой, в конце концов, дерзостью в словах?

Отвечу: взяли в соседнем переулке, возле ближайшего отделения милиции. Эти ребята стоят на учете в инспекции по делам несовершеннолетних, то есть являются теми самыми «трудными» подростками, о которых сказано и написано так много в последнее время.

Они могли остановить кого-нибудь из нас вечером, после работы, и надвинувшись лицо в лицо, сказать по-хулигански спокойно: «Гони двадцать копеек, дядя». Или взломать дверь пустой квартиры и, оглянувшись на всякий случай, войти, а выйти с вещами, которые чем-то нам были дороги. Кто-то из них замешан в жестоких драках. Другой в ограблении автомашин. Третий — в искусном повреждении замков (ссылаясь на любовь к технике).

И остаются при этом нормальными (по крайней мере, на вид) ребятами, которых мы встречаем ежедневно.

Готовясь к этому пресс-клубу, мы, честно, боялись, что они, увидев такое количество взрослых людей, замкнутся, будут кидать в ответ бессмысленные «да», «нет», уйдут от каких-то

главных, на наш взгляд, вопросов, не примут искренность нашего интереса.

Этого, как мне кажется, не произошло. Случилось другое. Я бы определил это другое как доходящее до шока удивление: это что, они сегодня такие? Может быть, поэтому мы и не сумели задать им какие-то важные вопросы? И что это за вопросы?

Но, не умея даже сформулировать, задать вопрос, какого же мы ждем ответа?

...Дверь за ними закрылась, и в комнате остались одни взрослые. Цитирую стенограмму дальше:

— Они бравировали!..

— Слушая их, становится обидно за то, что растут такие ребята, с такими суждениями и таким образом мысли.

— Да... Даже с позиций социологической аномалии эти подростки вызывают недоверие. Неужели они и в самом деле такие?

— Нет, это не они!

Начальник инспекции по делам несовершеннолетних, где состоят на учете пятеро этих подростков: Это они. То, что они говорили, и то, как они говорили, правда. Мне даже неудобно, но, когда Саша шел сюда, он боялся, что у него украдут пальто, потому что пальто это он купил себе сам, на свои деньги. Он к своим семнадцати годам испытал очень много. Вы что подумали, у него мать пьяница? Как бы не так. Преподаватель института. Всю жизнь издевалась над ним: не кормила, не покупала вещей. Этот ребенок испытывал постоянное чувство голода. Понимаете? Голода. Вместо еды мама-педагог могла принести ему торт и пирожное, а он торт выбрасывал, потому что ему хотелось супа! Он постоянно нуждался в деньгах, мог что-то починить у соседей за деньги. А мог ведь и украсть.

— Но мать просто больной человек, в этом нет сомнений!

Начальник инспекции: Мы ставили вопрос о том, что ее надо лечить или оградить от нее ребенка. Но лишить ее родительских прав не получилось. Мальчиком мы начали серьезно заниматься, когда на него пожаловалась мать, что он ее избивает.

И тогда поняли невозможность условий, в которых ему приходится жить. Его отец сказал, что у него своя семья, и если он возьмет к себе Сашу, то он будет плохо влиять на его дочь от второго брака. Отец дал расписку, что отказывается от сына.

— Но хоть что-то вы сделали?

Начальник инспекции: Мы добились, чтобы мать отдавала ему все деньги, которые она получает за сына, то есть алименты. На эти первые крохи Саша смог купить себе пальто. У Саши психопатия...

— То, что мальчик болен — это видно.

Начальник инспекции: Но что же послужило началом психопатии? И тех правонарушений, которые Саша совершает?..

Теперь что касается Миши. Миша — вор. Ворует еще с дошкольного возраста. Отец пьет, в семье не живет, воспитанием, соответственно, не занимается. Мать признана хроническим алкоголиком, но сумела с собой справиться. Два года уже не пьет, таких случаев мало. Миша сейчас мошенничает и спекулирует.

— Паровозики — это увлечение или предмет для спекуляции?

Начальник инспекции: И то и другое. Недавно Мишу задержали в «Детском мире». Он представился малышам, которые обменивали модели, работником милиции. Сказал: или сейчас задержу, или плати штраф пять рублей... Миша боится попасть в спецшколу.

Дальше, Леня. У Лени были правонарушения в школе. Начинал с карманных краж. Был за них поставлен на учет. Потом ушел в футбольное фанатство, потом стал рокером, как он говорит. Мальчик очень трудный. Склонен к жестоким поступкам. Отец лечился от алкоголя, долгое время не жил в семье.

— И у Сергея пьющий отец?

Начальник инспекции: Да, хронический алкоголик. Сергея воспитывает одна мать. Сергей — очень сложный парень. Был задержан на краже, но в связи с тем, что тогда не достиг совершеннолетия, его освободили от уголовной ответственности...

— И с Володей такая же история?

Начальник инспекции: И с Володей. Учитывая еще и замедленность — вы, наверное, заметили — его развития. Повторяю, на встрече в «Литгазете» они были точно такими же, какими я их давно уже знаю.

Остается добавить немного. Готовя к публикации стенограмму пресс-клуба, я неожиданно поймал себя на том, что многое в ней мне хочется исправить, изменить, улучшить. Те ли это «трудные», о которых мы привыкли читать и писать? Что же такого в них непривычного, что рука так и тянется там вычеркнуть, а там вписать?

Потом понял. Они слишком обычны.

Но они такие, какие и есть сегодня. Пятеро из тысяч, стоящих на учете в инспекции по делам несовершеннолетних. Стоящих на том самом краю, с которого мы и начали разбор ситуации № 1.

* * *

Найти ответы на все эти многочисленные вопросы — дело, наверное, непростое, но безотлагательное. Тут не обойтись без самых серьезных и именно общественных усилий со всех сторон: воспитательных и юридических, теоретических и вполне конкретных, общественных и административных.

В истории полубессмысленных преступлений двух пятнадцатилетних подростков, щуплого Жени-Джека и его приятеля «посильней» Саши-Пансы, кроме всего прочего, потрясает «развлекательный» характер их поведения.

Меня давно беспокоит, что в том общественном внимании, которое мы уделяем возрасту 15-17 лет, отсутствует часто реальная оценка того, что это возраст итогов, что все поступки ребят, находящихся на пороге юности, имеют корни в более раннем возрасте, что тучи начинают собираться задолго до грома, тогда, когда над ребячьими головами сияет безоблачное небо детства, прекрасное время катаевских Гаврика и Петьки; Тома Сойера и Гекльберри Финна.

М. Горький, Л. Толстой, М. Твен создали великие произведения, отражающие непреходящую ценность детства, его глубину, заложенное в нем будущее. Это одна из самых прекрасных традиций литературы, данная нам в наследие классической культурой.

Именно эта традиция определяет наше отношение к детству и тогда, когда речь идет о золотой поре, и даже тогда, когда мы вынуждены говорить о детстве как о «возрасте риска».

Меня чрезвычайно волнует, что иногда торжествует стойкий предрассудок, в силу которого мы начинаем всерьез относиться к поступкам детей только тогда, когда эти поступки сами становятся серьезными. Время «шалостей», время «детских» проблем вызывает чаще всего снисходительное отношение, в котором в самой основе заложено глубочайшее непонимание общественной важности зенита детства. Но это время примерки к своим будущим гражданственным позициям. Здесь в единый узел завязаны проблемы морали, нравственности и будущей гражданственности. В детской шалости, в проблеме вокруг «двадцати копеек» на мороженое, в споре за свое положение в детской компании закладываются основы будущей личности.

Взрослый мир, отвечающий на это как на явление несерьезное, может быть, и прав в том, что детские конфликты сами по себе не столь серьезны, но категорически не прав в несерьезной оценке тех позиций, на основе которых совершается первый опыт нравственного выбора.

Самое опасное, когда этот стойкий предрассудок сталкивается с мещанской психологией. По кодексу мещанина мир делится на «меня любимого» и остальных. Для «меня любимого», для моего любимого дитяти существуют только права, для всех остальных — только обязанности. Незрелое сознание тринадцати-четырнадцатилетних, подвергаясь атаке мещанского представления о мире, оказывается нередко направленным в сторону разрушения духовных ценностей, в сторону категорического снисхождения к себе и жестокости к окружающим людям.

Для меня было крайне неожиданным и важным, что Женя-Джека впервые ударил человека в шестом классе.

Фильм «Чучело» рассказывает именно о шестиклассниках. Точность совпадения меня потрясла.

Уверен, что сегодня необходим большой разговор о возрасте двенадцатилетних, потому что именно в этом возрасте, по моему глубокому убеждению, и начинается рождение гражданина.

Ролан Быков

Взрослые, по-моему, видят в современной молодежи только плохие стороны. Они хотят помочь нам, но чаще мешают, не понимая наших увлечений, интересов.

Сама я никогда не считалась «трудной». С первого класса училась хорошо, но где-то с 6-го класса примкнула к компании «трудных». Ребята были и ровесники, и старше. Почти у всех было что-нибудь неблагополучно в семье. У одного отец — горький пьяница, у другого мать с отцом развелись, у третьего мать умерла, и он «резко пошел вниз». Но все они были неплохие ребята. Позже к нам примкнули те, у которых было все хорошо дома, но их не понимали родители, хотели сделать из одного «великого музыканта», из другого полиглота. Делать нам было нечего. Решили записаться в спортивную школу, выбрали конный спорт, но нас не приняли, сказали, мест нет. После этого жизнь ребят стала «пропащей». Я же из компании выбыла.

Поведение и поступки ребят зависят от воспитания... Надо непременно чем-нибудь увлечь ребят, когда человек занят, у него нет времени на бессмысленное поведение.

Что не понимают взрослые во мне? Наверное, свободолюбие. Не хочу ни от кого зависеть в полной мере. Не понимаю в них реалистичности.

Я-ко, 14 лет, Ленинград

Мне вручили пачку двойных листков в клеточку. Я бегло просмотрел сочинения. Все они, конечно, были о жизни до... До того дня, когда судьба занесла этих ребят на окраину города, за глухой забор, в воспитательно-трудовую колонию.

За окном светило солнышко, ветер гонял по плацу два желтеющих листка. Я сидел и читал сочинения.

«В семье у меня дела были плохие. Отец часто пил и скандалил. Когда я был маленьким, мы с матерью очень часто убегали из дома и ночевали у соседей...»

«Вначале моя жизнь протекала, как и почти у всех людей моего года, то есть до пяти лет меня водили в детский сад, где я в какой-то мере воспитывался, но об этом что-то очень плохо помню. А вот

с шести лет жизнь моя, если можно так сказать, пошла боком. Из детсада я по странным причинам выбыл и до школы находился без контроля, потому что, когда я просыпался, дома уже никого не было, и весь день я был сам себе хозяин: что хотел, то и делал. Родители мои, хотя и просили соседей, чтобы они за мной присмотрели, но какое дело соседям до чьего-то сына? Между прочим, именно в это время я и познал одну сторону денег. Около моего дома находился гараж комбината бытового обслуживания. Ну и там, как в любой «шарашкиной конторе», после работы шоферы и механики любили выпить. А так как делать мне было нечего, то я там все время крутился, сдавал пустые бутылки, благо магазин был под боком и бутылки в нем принимали любого калибра. На вырученные деньги я покупал конфеты и прочие сладости».

«Когда я пошел учиться в четвертый класс, между отцом и матерью произошла крупная ссора, и мать подала на развод... Мы уехали в другой город, и там я немного разболтался, как говорится, без отцовского глаза...»

«...Единственная моя претензия к отцу и матери в том, что уж очень строго меня держали в возрасте от 12 до 15 лет. В эти черные для меня дни очень много меня били ремнем за замечания в школе и вообще за мое мальчишеское поведение. Между прочим, били меня иногда совершенно ни за что. Могли бы просто со мной поговорить, и все было бы хорошо. После пятнадцати лет меня потянуло на улицу к более или менее взрослой жизни. Мне хотелось сходить в кино и на танцы, но меня по-прежнему не пускали. И вот в один декабрьский вечер я сказал маме, что в школе вечер и что я хочу туда сходить. Она мне категорически отказала. Тут я не выдержал, психанул и заявил, что на вечер в школу я все равно пойду. Когда я оделся, дорогу мне загородила мать. Мы с ней поговорили: сначала мирно, потом уже в резких тонах. В результате я оттолкнул ее от двери и выбежал на улицу. Почему я так подробно запомнил этот случай? Да, мне кажется, потому, что этот вечер явился границей, притом довольно резкой, в моих отношениях с семьей. Чем дальше шло время, тем я все меньше стал слушаться их советов, а поступал, как считал нужным...»

Я сидел с этими сочинениями, написанными неустоявшимися юношескими почерками, и раскладывал их, как кубики: картинка к картинке.

Ему шесть лет, мама на работе, завтрак на столе, улица смотрит в окно, пустая бутылка мягко шлепается в траву, как бумажный самолетик... Он школьник, пальцы в чернилах, клякса в дневнике, забыл таблицу умножения... Он растет, а отца нет дома, и почему-то плачет мама, а когда отец придет, лучше зажать уши ладонями и спрятать голову под одеяло... Вот ему пятнадцать лет, декабрь, метель... Вот-вот и с ним что-нибудь случится, и на пульте дежурного райотдела милиции вспыхнет тревожная лампочка.

Я понимал, что так быть не могло. Что невозможно арифметическим сложением многих судеб создать одну-единственную в своем роде и как бы общую для всех. То, что происходило с одним парнем, не могло в точности происходить с другим. До колонии они не были знакомы друг с другом, жили в разных домах, на разных улицах, и их отцы не были собутыльниками, а матери, если были несчастливы, то, как говорится, каждая по-своему.

Но передо мной лежали три или четыре десятка сочинений на тему: «Рассказ о моей жизни». Сочинения эти были очень похожи друг на друга, и даже не знаю, как точнее сказать, чем... Наверное, все-таки, одним, одинаковым ощущением детства.

В комнату вошел начальник колонии.

— Да, — сказал он, помолчав. — Все правильно. Все совершенно справедливо. Подавляющее большинство наших ребят из семей крайне неблагополучных... Но это-то, наверное, ни для кого не открытие...

Но что же это такое — неблагополучная семья? Ведь все больше и больше возрастают показатели ее благосостояния. Комнатка в коммуналке скоро уж вовсе станет редкостью!

Что ж происходит-то в этих неблагополучных семьях?

Дети теряют родителей. Не в их телесном виде и обличье — тишину и покой родительского крова, любого, какой бы там ни был метраж, какая бы мебель там ни стояла.

Дети лишаются детства. Ведь что детство без дома, который притягивает тебя не отцовским рублем, а чем-то иным, совсем иным...

Николенька приезжает домой... Помните? Возьмите, перечитайте трилогию Льва Николаевича Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность».

«Сени и лестницу я прошел, еще не проснувшись хорошенько, но в передней замок двери, задвижка, косая половица, закапанная салом по-старому, тень от кривой, холодной, только что зажженной светильни сальной свечи, всегда пыльное, не выставлявшееся двойное окно, за которым, как я помнил, росла рябина, — все это так было знакомо, так полно воспоминаниями, так дружно между собой, как будто соединено одной мыслью, что я вдруг почувствовал на себе ласку этого милого старого дома. Мне невольно представился вопрос: как могли мы, я и дом, быть так долго друг без друга?..»

«Ласка этого старого дома...» С какой потрясающей точностью переданы ощущения шестнадцатилетнего человека! Какой живой у него дом!

Но дом и должен быть живым. Улица-то — вечный объект педагогических диагнозов — становится пугалом для родителей только тогда, когда дом холоден для ребенка, когда дом отвергает его, когда в домашнем мире нет мира. Да и самого домашнего мира тоже, наверное, нет. А что без него детство? Одна мертвая жилплощадь.

Недаром многие воспитанники колонии, когда я их спрашивал, гарантированы ли они от нового преступления, отвечали: да, если вернутся из колонии в другой город, на другой конец своего города, на другую улицу в конце концов!

Нет, не потому они так отвечали, что не любили свой дом, не скучали по нему. Любили и скучали: какой ни есть, а свой, родной. Но не доверяли ему. Предчувствовали, что дом может укрыть их тело стенами, но душу оставит беззащитной.

Один мой знакомый, девятнадцатилетний парень Витя (с ним мы еще познакомимся поближе), арестованный за целый ряд преступлений, как-то в разговоре в пух и прах

разбил некоторые наши педагогические концепции. «Не согласен, что улица влияет тлетворно, — говорил он мне. — Улица — это хорошее и плохое. На улице ты видишь и злое, и доброе. Дело все в том, к чему ты стремишься. А к чему ты стремился, то и находишь на улице».

Вот что дает дом — дает растущему человеку первые нравственные установки. И вот почему дом, не способный их дать, неблагополучен.

В последнее время мы очень много говорим о том, что у подростка должен быть в городе дом, где его всегда ждут, где всегда будут рады его видеть. Но почему-то, говоря так, мы подразумеваем какой-то другой, не домашний дом — клуб, секцию, дискотеку... Возможно, и это правильно и современно. Но тот, единственный и главный дом детства? Неужели движения души повсеместно заглушены баритоном теледиктора? Неужели случайные попутчики в самолете внимательнее выслушают нас, чем собственный сын? Неужели и ДОМ канет в тартарары, как исчезает Двор, превращаясь в беспредельный микрорайон?

Нет, наверное, нет. Хочется верить...

Так что же, создать культ ДОМА? А почему бы и нет?

Я понимаю, мое мнение субъективно. И в первую очередь потому, что передо мной — необычные сочинения, написанные в необычной школе. Но задумаемся, почему бытовое, житейское удивление судьбой какого-нибудь шестнадцатилетнего Васи, который рос, рос, в «чижика» играл, гербарии собирал, в хоре пел и вдруг совершил преступление, становится сейчас удивлением общественным? Да потому, что именно на этом, кажется, нетипичном жизненном срезе видны горячие, болевые точки жизни подростков.

...Солнышко за окном все так же светило, только уже чуть отодвинулось. Передо мной были разложены сочинения. А на плацу в это время ребята строились на обед — чуть похожие друг на друга, может, «нулевой» стрижкой, может, одинаковой серой униформой. Командиры выравнивали шеренги, потом шеренги стали длинной колонной. Потом скомандовали: «Шагом марш!», и тонкий голосок затянул: «Не плачь, девчонка, пройдут дожди...»

Л.Н. Толстого я перечитал уже в Москве.

«Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! — писал он. — Как не любить воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений».

* * *

— ...Не останутся все эти разговоры только на бумаге?

— Будем стараться. Кто ты?

— Меня зовут Светлана.

— Школьница?

— В этом году закончила школу. Как вы думаете, сеть дискотек расширится или их будут и дальше сворачивать, как это делается в последние несколько лет?

— А как ты сама думаешь?

— Я думаю, их надо побольше. Молодежи действительно негде проводить время.

— Что, если будет много дискотек, решатся ли все ваши проблемы?

— Но это был бы очень хороший шаг.

— А у тебя можно что-нибудь такое же спросить?

— Безусловно.

— Как ты думаешь, ребята вашего поколения... Ну, возьмем твой круг, какие у него есть положительные качества.

— Положительные? Во-первых, я не считаю, что молодежь стала хуже, как это многие считают. Мне, знаете, кажется, что доброты маловато. Злой какой-то народ, обозленный. Какая-то неудовлетворенность.

— Напротив, нам сейчас звонил парень, он сказал, что наоборот — поколение очень дружественное.

— Я сейчас говорю об отрицательной стороне, потому что она несколько перебивает все хорошие стороны.

— Ну а все-таки, хорошее?

— Желание контактировать.

— А много ли есть людей взрослых, с которыми можно и поговорить, и пообщаться нормально?

— Такие люди есть, но немного. Либо они нас не понимают, либо мы их не понимаем.

— А какие должны быть качества взрослого человека, чтобы и вы его поняли и он вас понял?

— Прежде всего желание понять. И еще — время, которое взрослый человек может потратить, чтобы выслушать вещи, которые казались бы ему очень странными.

* * *

Я считаюсь неблагополучным с 7-го класса. С чего началось, точно не помню. Но знаю — меня никогда не наказывали. Дома ходили вокруг меня на цыпочках (единственный сынок). Родители, видя, что я склонился над тетрадкой, не могли нарадоваться, а я же читал глупенькие книжки. Мне было завидно смотреть, как проходят по улицам парни с гитарами. Мне очень хотелось к ним. Вечером увидел парней с соседней улицы и наговорил гадости проходившей мимо девчонке. Меня признали своим. Особенно я подружился с вожаком (Вороном). А осенью, когда он ушел в армию, власть перешла в мои руки. Я научился драться и теперь знаю, что меня многие боятся. Но только девчонка, которая мне нравится, со мной разговаривать не хочет. Может быть, так мне и надо. Хотя стоило бы ей сказать мне хоть слово, я бы все бросил. Но она на меня и не смотрит...

Саша С., Ачинск

Мы создаем свой идеал (если, конечно, создаем) под влиянием человека, который рядом с нами. Но вот сейчас он смотрит, как избивают товарища, а завтра будет так же хладнокровно и равнодушно смотреть, как избивают тебя. Значит, это не идеал? И тогда ты снова ищешь. Но ведь мы все немного слабые. На улице, когда нас много, легче всего стать сильным. Поэтому нас много.

Сергей Л., Свердловская область

ПЕРЕМЕН МЫ ЖДЕМ. ПЕРЕМЕН!

Ситуация вторая

Выбор

— Меня зовут Андрей, мне 17 лет. У нас своя компания, мы обо многом говорим и спорим.

— А бывают у вас споры по вопросам, важным для всех?

— Это у нас каждый день. Но в общем-то мы приходим к одному и тому же. Нас уже не прельщает то, что мы пойдем в дискотеку. Что толку? Это надоедает. И с финансовой стороны очень обременительно. Мы-то пока не зарабатываем.

— Как тебе кажется, какие именно молодежные проблемы сегодня самые важные?

— Думаю, надо побольше развлекательных программ, чтобы отвлечь молодежь от той скуки, которая в основном присутствует в компаниях.

— Но человек может так заразвлечься, что не захочет ни думать, ни работать. Весельем пресытится.

— Я думаю, надо коренным образом пересмотреть наше, вернее, ваше отношение к молодежи. По каждому вопросу слушать наибольшее число звонков вот таких. Надо ставить определенный вопрос, по которому в этот день ребята могут ответить.

— А какой вопрос, тебе кажется, надо поставить?

— Думаю, в первую очередь проблему воспитания с самого раннего детства... Вот сейчас пришел еще один друг, сейчас будем обсуждать разговор с вами...

* * *

— Мне кажется, что сейчас молодежь довольно инфантильная. Живут на всем готовом...

— А вам-то сколько лет? И, кстати, как вас зовут?

— Дмитрий, 22 года. Студент... Я и сам практически живу на всем готовом, но я как-то стараюсь быть взрослее, а многим очень нравится просто числиться студентами, ходить время от времени в институт и проедать родительские деньги. То есть жить в свое удовольствие, но особо для этого ничего не делать. Это один из основных молодежных пороков.

— Как ты думаешь, ваше поколение более рационально, чем раньше?

— Нет, наверное. Мы избалованы. Мы — избалованное поколение. Я помню, какие были раньше десятиклассники... Помню, в пятом классе. Это были взрослые, солидные люди. Но я помню себя десятиклассником! Мы с гиканьем, топаньем носились на переменах, в салочки играли.

Мотобог скрывался от жары в зарослях возле огородов. В руке у мотобога были зажаты шесть карт, а рядом на траве лежали другие — мото-, радио- и магнитофонобоги.

По улице шли гуси, и стоял великий зной, от которого желтели в полях так и не поднявшиеся колосья. Улица была в кочках и выбоинах, и виднелись редкие клочья асфальта. Как заплаты на протекторе мотоцикла.

— Ну, давай, ходи, — сказали мотобогу. Он поднял карту, и в эту самую минуту появился Володя Шестаков из уголовного розыска и я.

— Здравствуй, Игорь, — сказал Володя, и червонный валет повис в воздухе, как парашютист в затяжном прыжке. — Пойдем-ка с нами...

Минут пятнадцать назад сержант Иванов из районного ГАИ рассказывал нам про «очень веселый», как он сказал, вчерашний случай: «Парень, значит, меня заметил — и на разворот. Я за ним, кричу: „Стой!“ Увеличиваю скорость — он тоже. Объезжаю его — он в сторону. Я из „Жигулей“ кричу: „Остановись!“ —

не слушает. Ну наконец обгоняю — и легонько жезлом по плечу. Остановился и на меня чуть ли не с кулаками. Ему же нельзя близко к мотоциклу подходить, а не то что гонки с ГАИ устраивать. Мотоцикл отобрал, сейчас он у нас во дворе стоит. Уже бабка его приходила...»

Вот и дом: палисадник, сад в глубине, на крыльце — бабушка. Взгляд у нее тревожный.

Сарай — летний дом Игоря, его неприкосновенная резиденция. Полумрак, маленькое окошко, кровать, два старых стула. На полу — гиря и гантели. На стенах — цветные фотографии: парни в шлемах, руки сжимают рули «Яв» и «Харлеев».

— Каждое утро? — киваю я на гири.

— Ага, — отвечает Игорь, — каждое утро. 25 раз — пудовую.

Чем он занимается целыми днями? Речка, сидение с приятелями в кустах, гантели и гири, боксерские перчатки (секция самодеятельная, и не секция даже — так, обмен ударами), вечером гуляет с девчонкой. Вот круг его занятий. Можно было расспрашивать его дальше и смотреть на его жизнь пристальней — большего вы не найдете. Большим был мотоцикл. Его отобрали в первый же день, как он принялся его обкатывать...

А потом было утро. Суббота. Я шел по пыльной улице и искал еще один дом в этом городе.

Об этом человеке я услышал в поезде, когда ехал в этот город. «Есть там такой Толяныч — он всех заводит». Потом в милиции: «Есть у нас такая знаменитость...» Потом от ребят на улице: «Толяныч — это человек».

Я шел к Толянычу, авторитетному парню среди тех, кто умеет и любит драться, чтобы задать ему вопрос, хотя, конечно, одним вопросом не обошлось.

— Толя, я из Москвы.

— А... — сказал он и протянул руку. — Привет.

Рука была исписана синими узорами.

— Был? — спросил я.

— Да, — ответил Толяныч. — По 206-й. За хулиганство.

— Толя, — сказал я ему. — Так больше продолжаться не может.

— Понимаю, — важно кивнул Толяныч, будто мы с ним сидим за круглым столом чрезвычайно важного международного совещания. — Самому долбанули по голове, — и он легонько прикоснулся ко лбу, где еще оставались следы той недавней крупной драки.

— Толя, скажи, пожалуйста, почему именно так ведут себя твои знакомые ребята?

— Тоска зеленая. Летом еще ничего — речка и так далее, а зимой напьешься и потом ничего не помнишь — с кем дерешься, из-за чего...

— Толя, скажи, пожалуйста, что нужно сделать в городе, чтобы жизнь была интереснее, чем сейчас, и спокойнее?

— Подумаю...

Он будет думать минуты три. За это время я объясню, что этот вопрос я уже задал множество раз ребятам городка. Они отвечали: «открыть молодежное кафе», «создать клуб радиолюбителей», «построить стадион», «создать клуб самбистов», «осветить танцплощадку», чтобы меньше дрались, «открыть картинную галерею», «сделать клуб филателистов», «открыть пункт проката мотоциклов», то есть предлагали сделать то, что в этом конкретном городке еще не создали, не успели или позабыли создать. Мотобог Игорь сказал, что надо обязательно создать клуб юных авто- и мотолюбителей и секцию мотобола. Я понимал ребят, хотя, конечно же, не одни секции, клубы и кружки могут сделать жизнь насыщенной, интересной и одухотворенной. Здесь такой круг проблем, что убери хоть одно звено из этого круга, и даже самая сногсшибательная секция окажется бессильной помешать какому-нибудь мальчишке безжалостно растрачивать время.

Толяныч потянулся и сказал:

— Я бы понаделал на каждом шагу пивных точек. Нет, серьезно. Что, лучше что ли водку пить?

И усмехнулся.

Вот какой был для меня второй дом в городке. Третий дом был, так сказать, мифическим, потому что домом он стал для Лени совсем недавно.

— ...Как тебя зовут?

— Леонид, — вытягивается мальчик.

— Леня, — говорю я ему. — Расскажи, пожалуйста, свою жизнь...

Вот что рассказал четырнадцатилетний Леня, ожидающий суда в камере предварительного заключения.

«Проводили мы время так: прогуливались каждый вечер по площадке. Пили вино. В секции я не записывался, хотел в бокс — не приняли из-за зрения. Записан в двух библиотеках — нравятся книги про войну. Вообще люблю смелых людей. Любил технику. Велосипеды с моторами „брали“ по ночам — замки ломали. Катались, ездили на них на рыбалку. „Брали“ и мотоциклы — два раза. На „Вятке“ ездил Васька. Жизнь была как в кино. Из нас никто ничего не боялся. Однажды взяли боксерские перчатки. Занимались. Мечтал стать гонщиком. Брат очень расстроился, когда все это случилось. Он в меня верил...»

Рассказ этот бессвязен, и, чтобы связать концы с концами, нужно было бы привести уголовное дело о группе четырнадцатилетних подростков, совершивших четырнадцать «технических» и «спортивных» краж. Не для продажи, не для наживы — для мальчишеских «приключений».

Один из группы — скромный и тихий Леня.

Вот такие три дома в городке.

Ну а теперь о самом городке, в котором они живут.

Десятилетия назад стояло здесь большое село, районный центр, знаменитый тем, что в этих местах была разгромлена банда Антонова. А еще раньше — прошло детство Рахманинова.

Город пришел пятиэтажными домами, асфальтированными улицами, невиданной суетой на железнодорожной станции, куда со всех концов страны стали приходить составы с материалами и оборудованием для большой стройки.

Дает первую продукцию завод. Стоят дома. Светится вечерами Дворец культуры. Проложены дороги, о которых могла только мечтать конница Котовского, громившая антоновские банды. Стоят гаражи, много гаражей — ведь в городе каждый шестой имеет машину или мотоцикл.

А в подвалах новеньких домов собираются компании ребят — с вином, сигаретами и прочими принадлежностями «вольной» жизни. Сколько раз эти подвалы заколачивали, казалось, накрепко и навсегда? Но их открывают снова. Из гаражей уводят почти каждую ночь мотоциклы, как в бывшей деревне уводили коней. Из квартир — новых, благоустроенных, из домов — старых, частных несутся в эфир позывные «диких» радиостанций, всякие «монахи» и «резиденты» врываются в официальные волны. По улицам и современным микрорайонам ходят компании ребят, лихо топая по асфальту, распевая песни, не разберешь — трезвы или пьяны, и прохожие на всякий случай отходят в сторону.

* * *

Уважаемая редакция, прежде чем изложить суть дела, хочу предупредить о том, что мне всего 22 года, чтобы вы не подумали: пишет, мол, пожилой человек, не понимающий сегодняшних молодых.

Как жалеют подростков! Бедные дети! Некуда им себя приткнуть, они, видите ли, не понимают мир, их, видите ли, не всегда понимают окружающие. Давайте все-таки разберемся.

Еду из института. Половина двенадцатого вечера. Жду троллейбуса, курю, думаю о своем. Вдруг неожиданно моего плеча касается чья-то рука. Поднимаю голову: стоит пожилой мужчина. «Извините, — говорит, — можно сигарету». Смотрю на его лицо: бровь рассечена, глаза опухли. Хорошо, что рядом оказалась вода, сумел примочить ему бровь. Расспросил, что с ним случилось. Оказалось: ехал со свадьбы, ждал автобуса, подошли четверо подростков, попросили закурить, у него сигарет не оказалось. И тут один из «бедных подростков», ни слова не говоря, начинает бить его, потом все они на него накинулись... Вот такой случай.

С этим человеком все обошлось благополучно — я его видел через несколько дней. Но ведь нередко после подобных случаев люди остаются калеками.

Последнее время все чаще слышишь: во всем виноваты школа, родители, еще кто-нибудь, только не сами подростки. Будто они

существа, ничего не видящие вокруг, не несущие ответственности за свои поступки, или, как их еще иногда называют, непонимаемые.

Но сколько раз в неделю видишь, как эти «непонимаемые» спокойно заливают свою скуку вином, одурманиваются наркотиками, а потом изливают свою энергию на «не сумевшую их воспитать» общественность. А не хватит ли их жалеть?

Так что же мешает нормально жить этим подросткам? Что им еще нужно?

Я, конечно, согласен: надо давать подростку все необходимое для развития. Но разжевывать им прописные истины ни к чему. Получается: мы много даем подросткам и мало от них требуем. К сожалению, мы часто не видим, что подростки наблюдают за нами со стороны и посмеиваются над нашими усилиями спасти «заблудших овечек».

Хватит их жалеть, я не верю, что жалость «спасет» тех хулиганов, которые накинулись на автобусной остановке на ни в чем не повинного человека.

Евгений Пронин, студент, Севастополь

Ходячее мнение, что жестокость поможет нам искоренить правонарушения, становится особенно единодушным, когда речь идет, увы, о самых юных.

Мне предоставили небольшую комнату: стол, несколько стульев, плакаты на стенах, которые придают любому помещению, даже с геранью на подоконнике, казенный вид. Но в конце концов здесь не чай распивают и не диски слушают.

Первым вошел Миша: улыбка до ушей, вежливое у порога «Разрешите?», открытый взгляд, готовность тут же выложить свое «дело». Миша с приятелями-одноклассниками однажды пришел на кладбище и разбил, покорежил несколько памятников.

— Скажи, Миша, с чего вам вздумалось идти на кладбище?

— Отмечали мой день рождения, выпили, а потом кто-то сказал, что нужно ребят спасти, наших знакомых: их арестовали за то, что они разбили памятники. А если мы сейчас пойдем и то же самое сделаем, то в милиции подумают, что это не они, а другие.

— То есть вы хотели создать своим приятелям ложное алиби? Так это, по-моему, называется?

— Ага, — согласился Миша.

Миша, по его словам, не знал, что совершает преступление, и очень удивился, когда за ним явились работники милиции…

Вторым вошел Саша. У него неторопливая речь, взгляд равнодушный, мимо, в окно. Он, в отличие от Миши, понимал, что совершает преступление. Говорит:

— Я ударил ее по лицу.

Он зашел в магазин, покрутился возле прилавка, зачем-то ткнул пальцем в рыбину, и тут продавщица сказала, что он, наверное, хочет украсть эту рыбину, и очередь на него зашумела, а он, не говоря ни слова, дал продавщице пощечину.

— Я не собирался красть, — говорит Саша. — Не верите?

Я ответил, что верю и дело совсем не в рыбе, а в ударе: как рука-то поднялась?

— Да я «бормотухи» выпил, — отвечает Саша.

Еще один вошел в комнату, зовут Игорь. Если и те двое были безусыми, то этот и подавно — ему еще в «чижика» играть и мультики смотреть. Запинаясь, как у доски, он рассказал, как шли вчетвером по темной улице, увидели девчонку в дорогой меховой шапке…

— Сняли шапку, а дальше что было? — спрашиваю.

— Ну, побежали… — еле слышно отвечает он.

— Это-то ясно. Что с тобой на следующий день было, через неделю, через месяц? Тебе хотелось найти ту девчонку, извиниться, вернуть шапку? Все-таки зима, холодно.

Он отрицательно машет головой, потом, запинаясь, говорит:

— Б-боялся.

Но когда я спросил Игоря, явился ли этот страх — страх возмездия — самым сильным из пережитых в жизни, то оказалось, что нет: страшнее стало тогда, когда до суда его поместили в следственный изолятор (в тюрьму, как считает он) и такие его там встретили парни, что вспомнить их — и то страшно.

— Не хочу в колонию, — по-детски вздохнул он в конце нашей беседы.

Потом в комнате сидел Юра, потом Олег, потом еще один Саша и еще один.

Преступления, за которые они были осуждены, не отличались ни дерзостью замысла, ни необычностью исполнения, ни хитростью сокрытия следов. Но именно такие, обычные и бесхитростные, и составляют сегодняшнюю картину подростковой преступности. Но давайте не будем перечислять причины, которые привели их к преступлению. Об этих причинах сказано и написано так много, что даже сам «трудный» подросток (тому я не раз бывал свидетелем) распишет вам подробно, почему повлияла на него улица, как отразились на его воспитании дрязги в семье и равнодушие учителя, кто не вовремя подтолкнул его к преступлению, а кто вовремя не остановил.

Давайте о другом — о закономерном финале преступлений, то есть о наказании. А для этого предлагаю небольшой психологический эксперимент.

Представьте, что вам, читатель, предстоит сейчас определить меру наказания Мише, Саше и Игорю. У вас в руках Уголовный кодекс. За преступления, которые они совершили, можно и отправить в колонию на год, три, пять, а можно обойтись и без этого, то есть наказать, оставляя на свободе. И те, и те меры законом предусмотрены. Не будем спорить о сроке. Только одно: наказание должно быть мягким или жестким?

Миша в школе занимался в физическом кружке, мечтал поступить в мореходку, по характеристике — «добр и общителен». Саша работал на заводе, сдал на разряд, ходил в секцию дзюдо, школу бросил, но мечтает доучиться в вечерней. Любит девчонку, на которой хочет жениться. Игорь учился на тройки, но, по мнению родителей, не без способностей. Увлекается техникой, помогает по дому. Да, у каждого есть мама, которая сейчас плачет, есть мечты, которые в вашей воле мгновенно оборвать: ни тебе мореходки, ни свадьбы с куклой на радиаторе машины.

Какое же вы наказание вынесете?

Усложним задачу: Миша разбил памятник на могиле близкого вам человека, Саша дал пощечину вашей жене, Игорь сорвал шапку с вашей дочери.

Какое чувство в вас пересилит? Куда их? В колонию? Или снова — в школу, на завод, в свой двор, в свою семью?

Как вы уже догадались, ребята, с которыми я разговаривал — а происходило это в одном из общественных пунктов охраны порядка города Курска, — оставлены на свободе: они получили отсрочку исполнения приговора.

Хорошо помню, какие споры разгорелись несколько лет назад вокруг этого принципиально нового закона. Не даст ли он обратный воспитательный эффект? Справятся ли государственные и общественные организации, которым согласно новому закону поручался надзор за подростками, остановленными на пороге колонии? Помню, разговоры с судьями и работниками инспекций по делам несовершеннолетних: одни готовы были немедленно предоставить отсрочку всем, другие, наоборот, сомневались в каждом подростке. Да и ясно было, как непросто провести в жизнь этот новый закон. Определяя подростку меру наказания (допустим, три года лишения свободы), суд не только объявлял ему, что приговор отсрочен на полтора, скажем, года, но и налагал на него определенные обязанности, невыполнение которых грозило лишь одним: прекращением отсрочки. А как уследишь за подростком? Да и поймет ли он, что общество предоставило ему еще одну возможность исправиться, а не просто погладило по головке и отпустило из зала суда? А как воспримут это его сверстники, товарищи по школе или двору?

Хотя прошедшие годы целиком подтвердили эффективность новой юридической меры, единичные ошибки — дали отсрочку, а мальчишка взял да киоск ограбил — настораживали. Поэтому число подростков, получивших отсрочку исполнения приговора, варьируется в разных областях — от 15 до 25 процентов, то есть их не так много, как можно было предполагать несколько лет назад.

В Курской же области половина (!) несовершеннолетних преступников, представших перед судом, остается на свободе. Это уже эксперимент. Что за ним? Излишнее великодушие или тонкий расчет?

Услышав только эту цифру, нужно было бросать все дела и выписывать командировку в Курск. А для того чтобы не ошибиться и не ввести в заблуждение читателей, редакция обратилась в Министерство внутренних дел СССР с просьбой направить с корреспондентом «Литературной газеты» своего сотрудника. Вот так на десять дней мы оказались в Курске с человеком, которого я давно знаю и мнение которого, признаюсь, очень ценю.

Ответственный работник МВД СССР полковник милиции Геннадий Иосифович Фильченков отличается поразительной чуткостью ко всему новому (будь то неожиданный опыт районного инспектора или острая статья в газете), знанием стратегических направлений борьбы с подростковой преступностью и — очень ценным — доверием к личности подростка. И результат: в Курской области уровень преступности среди подростков стал в те годы в два раза меньше, чем в среднем по стране.

То есть пощада, доверие к подростку приводят к снижению преступности, а не наоборот. Добро все-таки сеет добро, а не разгильдяйство, разнузданность, неуважение к обществу, презрение к закону, как, к сожалению, кое-кто думает.

Чего только не предлагают некоторые читатели! И «стричь» их поголовно, и «сечь», как в добрые старые времена, и «подвинтить гайки», и «поджечь землю под ногами хулиганов». Помню письмо, в котором предлагалось выселить куда-то всех малолетних правонарушителей. Куда только? На Марс, что ли?

Помню, однажды мы долго проговорили с умным воспитателем одной хорошей воспитательно-трудовой колонии. «Мне надо было, — рассказывал он, — отвезти воспитанника, которого досрочно освободили, в областной центр и посадить его на поезд. Времени до поезда оставалось много, у меня в городе были дела, и я оставил его на вокзальной скамейке: сиди и жди. Дела заняли больше времени, чем я предполагал, и на вокзал я вернулся только через три с половиной часа. Мой воспитанник сидел там же, где я его оставил, на том же краешке скамейки. Что за урок мы ему дали, подумал я тогда. А как ему жить завтра, когда над душой не будет стоять воспитатель, когда не надо будет ходить строем?»

Этот рассказ запал в память. Не раз находил я подтверждение его тревоги и уже не удивлялся, когда встречался с людьми, по второму, третьему, а то и пятому разу переступившими порог колонии.

Много прекрасных педагогов работает в воспитательно-трудовых колониях, нормально там кормят и показывают фильмы, сажают за парты и учат специальности, заставляют быть послушными правилам общежития. Но перевоспитание в условиях изоляции неминуемо приводит к тому, что подросток, научившись подчиняться и смирять свои инстинкты под строгим присмотром старших, теряется, когда этот ежеминутный присмотр кончается, когда иные силы — уже не внешние, а внутренние — должны руководить его поступками. Слишком резок оказывается переход от ограниченных к неограниченным поступкам. Настолько резок, что немало воспитанников колоний выдерживают вот так, «на краешке скамейки», месяц, полгода, год, а потом срываются — кончается завод «пружины» — и, самое главное, срывают других, своих ровесников.

Ведь мы, взрослые, и они, юные, слишком по-разному воспринимаем человека, вернувшегося домой из колонии. Сколько бы ни грозили родители пальцем: «Попробуй свяжись», подросток, прошедший такую школу, притягателен для ребят во дворе не меньше, чем какой-нибудь знаменитый хоккеист. В нем интересно все: от татуировки и жаргонных словечек до историй, наполовину выдуманных, которыми он напичкан. Вот почему многие подростки, наказанные за преступление колонией, становятся, возвратившись домой (часто и сами того не желая), центрами криминогенными, как называют их юристы, вокруг которых бьется невидимая взрослому глазу жизнь. Поэтому первоначальный расчет инициаторов курского эксперимента как раз и заключался в том, чтобы подобных центров было как можно меньше.

Нет, не благодушные альтруисты в Курской области — расчетливые люди. Когда мы, как заклинание, твердим (цитируя, быть может, не самую удачную поэтическую строчку), что «добро должно быть с кулаками», то просто-напросто боимся:

по-иному не поймут, не оценят. А боимся-то тогда, когда не оказывается в нашем распоряжении главного: способности убеждать и желания верить.

* * *

— Меня зовут Игорь, 20 лет.

— Какую молодежную проблему вы считаете наиболее важной для публичного разговора?

— Только не те, о которых чаще всего пишут. Читал письмо одного парня, и меня резануло в нем, что он требует от кого-то что-то сделать: клубы фанатов, мотоциклистов и так далее. Он не только подтверждает обвинение в потребительстве, но еще и говорит, что да, мы именно такие. И еще утверждает, что у него новые запросы. Нужно было бы и дальше продолжить: мы — новые потребители жизни. А дело не в этом.

— А в чем?

— Мне кажется, дело в другом. Какой человек является сегодня созидателем жизни?

— А какая, по-твоему, может быть почва для созидания?

— Это важный вопрос. Ну да, чтобы твои слова не оказались просто словесной шелухой. Где поле для дела.

— Это сложно, но мне кажется, что для созидания нужно быть готовым нравственно. Должна все время идти внутренняя нравственная работа. Вот о чем больше всего сегодня говорит и спорит молодежь?

— Я вышел из того возраста, когда спорят, какая группа лучше «Машина времени» или «Круиз». Если взять нашу группу. Я приношу «Литературную газету» — читаем вторую половину. В основном разговариваем на экономические темы, потому что мы будущие инженеры... А так о чем разговариваем? Я могу говорить обо всем.

— А что вы видите хорошего в своем поколении?

— Трудно сказать... Если приспичит, если не дай бог беда, то практически все будут защищать. Сплотятся... Вот тогда и можно говорить о нравственном выборе.

Где найти героя в мирное время?

Ну, ясно — в поле, у станка, на шахте, в научной лаборатории — там, где «покоряем пространство и время», как поется в песне. Чаще всего понятие «герой» мы связываем только с понятием «труд», поскольку они неразрывны в нашем сознании. Ну разве еще с подвигом на берегу реки или у горящего дома.

Мне бы хотелось расширить привычную схему. И назвать героем парня не за особо упорный труд, не за спасение кого-то в воде или на пожаре, а — уж простите высокие слова — за нравственную стойкость и несгибаемость.

В вестибюле Одесского мореходного училища загранплавания висит стенд, на котором значатся фамилии курсантов, закончивших учебу с отличием. Но фамилии одного отличника — Николая Розовайкина — в этом списке нет. Хотя он упрямо получал пятерку за пятеркой на выпускных экзаменах.

Как раз в то время в училище пропали деньги. Не в том смысле, что вор забрался, кошелек стащил, а в том, что просто испарились десятки тысяч рублей, заработанных курсантами в совхозе. Нет их нигде, этих тысяч, и до сих пор.

Как море в шторм, бурлило тогда училище. Группа преподавателей потребовала начать служебное расследование. Была создана специальная комиссия, которая работала, проверяла бумаги, шаг за шагом приближаясь к разгадке, кто же так бесстыдно поживился за счет курсантов. Но финансовые документы надо уметь читать и между строк. Комиссия не умела и запуталась. Тогда обратились в районную прокуратуру, которая возбудила уголовное дело — не против кого-либо конкретно, а, как говорят юристы, по факту правонарушения.

Училище ждало скорых результатов. Но они где-то застряли или кто-то их задержал. И тут в нескорое дело «взрослых» решили вмешаться «дети», то есть курсанты. К районному прокурору они пришли во главе с отличником Николаем Розовайкиным. Пришли просто высказать нетерпение, возмущение, поставить прямые «детские» вопросы: где деньги? кто их взял? почему медленно идет следствие?

Об этом визите мгновенно узнало руководство училища. И Николаю был задан интересный вопрос, который он часто будет потом вспоминать и с которого, собственно, начнется наша история. «Ну а тебе-то лично что надо? — спросили Розовайкина. — Ты же идешь на красный диплом!» И еще он запомнил взгляд, которым его смерили, — такой «взрослый» удивленный взгляд, как на диковинку — экзотическое растение. Взгляд откровенно насмешливый: «Ишь ты!» В те же дни ему вручили красный диплом, пожали руку на прощание и выпустили в жизнь, то есть в море.

Плыви, юноша, попробуй шквального ветра, испытай штормовую качку, авось обточат тебя волны жизни, и ты выйдешь на берег круглым, как камушек-голыш, без зазубрин юности.

Судовой механик Розовайкин был распределен на работу за границу, в далекую южную страну. Как говорится, ветер в его паруса дул только попутный. Вернулся домой уже опытным специалистом, получил хорошую должность, увидел блестящие перспективы. Тогда же решил учиться дальше и поступил на вечернее отделение Института инженеров морского флота. И все бы шло гладко, если бы не предложили ему вернуться в родную мореходку освобожденным комсоргом. Впрочем, кому же и предлагать такую работу, как не бывшим отличникам, уже хлебнувшим морской волны и доказавшим в деле свою надежность.

Итак, он вернулся в родной дом. И увидел, что в доме неблагополучно. Куда-то девались преподаватели, которые особенно волновались тогда из-за курсантских денег: один почему-то сменил специальность, второй совсем уехал из города, третий против воли ушел на пенсию... «Почему?» — громко спрашивал Николай, а ему отвечали шепотом: «Не надо об этом». Встретил своего бывшего однокурсника — оказалось, ищет работу. Рассказал, что написал тогда письмо в газету об этих деньгах, а письмо переслали в училище. И вот теперь все: ни плавания, ни дальних стран. А уголовное дело, как говорят, тихо прикрыли.

К этому времени Николай уже успел хорошо проявить себя в роли комсорга. Новое поколение курсантов его признало и полюбило. Райком наградил почетной грамотой. Областная газета написала о нем статью.

Но Николай решил повторить тот «детский» свой вопрос: куда все-таки девались курсантские деньги? И добавил новый: почему вообще происходит неразбериха с финансами? Почему комсомольцам выписывают премии и тут же заставляют возвращать деньги на «общественные» нужды?

Некоторое время ему пытались отвечать «по-хорошему», мирно объясняли, с улыбкой, что курсантам нужна вакса для сапог, много ваксы, а в смету она не заложена. И на билеты в театр денег не дают. И одну-другую делегацию надо принять прилично. Да мало ли что? Однако по его расчетам выходило, что ваксой, билетами и минеральной водой можно просто завалить училище на такие огромные деньги. Куда-то они еще уплывают, думал он. И все искал течь в трюмах своей мореходки...

Вот тут руководство училища и догадалось окончательно, что этот парень будет «выступать». И что время смешков и намеков прошло. Не обкатали его морские волны, не сгладили углы и зазубрины, не научился он помалкивать, когда «надо», не усвоил правила их игры. За это его полагалось щелкнуть по носу.

Тут я позволю себе замедлить темп рассказа. И прояснить расстановку сил. На фотографии тех лет я видел Николая стоящим на трибуне комсомольского собрания. Он что-то говорил, подняв вверх руку. И тысяча курсантов внимала ему. Хорошая фотография. Впечатляющая для постороннего: вот лидер молодых моряков, их вожак, комсорг. Но для своего руководства (или его части) он был как бы пылинкой на рукаве, которую можно смахнуть. Винтиком, который можно заменить новым. Мелочью, которая вдруг начинает путаться под ногами.

Механика щелчков по носу отработана давно. Немного уговоров, ухмылка, потом сразу насупленные брови — и крутые меры. Кто-то устно, но твердо (имя это так и осталось в тайне)

приказал активу училища обсудить моральный облик Розовайкина за то, что тот развелся с женой, и примерно наказать его. Николая обсудили, но, выслушав его объяснения, наказывать не сочли возможным. Это был пробный шар, который прошел мимо цели. Тогда, без ведома комсомольцев, Розовайкин был освобожден от обязанностей секретаря комсомольской организации училища — и исключен из комсомола. За что? Ну, конечно, за развод. Только за развод.

Вот тут уже серьезно столкнулись два взгляда на жизнь, две морали. Чистый порыв нашего героя и многоопытная уверенность в том, что напуганный парень тихо уберется с дороги и проклянет день и час, когда осмелился «искать правду».

Я не называю по именам всех участников развернувшейся вскоре травли Розовайкина, потому что не могу определить степень участия каждого. Один ведь просто промолчал — и все! Разве он знал, что из этого выйдет? Другой просто позвонил кому-то по просьбе кого-то — и все! Третий, подписывая явно сомнительный документ, пожал плечами в удивлении: надо же, кому-то досадил парень, гореть ему теперь синим пламенем. Всего одна подпись — такой пустяк! Может быть, они и не отдавали себе отчета в том, что фактически сцепились под руки с другими участниками «мертвой стенки», о которую предстояло расшибиться юноше, начинающему житье... Всего один звонок — пустяк... А стенка-то уже образовалась из молчков, звонков, вздохов и мелких бумажек. Такова была одна сторона.

А с другой — упрямый парень, который уже понимал, что не в игрушки играет. Знал, что такое руководители знаменитой мореходки для морского города, что самая маленькая просьба их по инстанциям звучит не как просьба, а как совет, рекомендация, почти приказ. Знал все это, но отказывался верить, что неправда так сильна и может победить.

Не два человека столкнулись, две морали.

Еще совсем недавно Николаю вручали грамоты и писали об этом в газете, еще только-только ему жали руку руководители комитетов комсомола района и области, еще недавно его ладную фигуру видели на пленумах и активах. И вдруг — все. Его

исключили из партии и из комсомола. Он остался без работы — той работы с курсантами, которую успел полюбить и которой его лишили вопреки желанию комсомольцев. Попросился снова в док: ведь он судовой механик, он специалист высокого класса! Ему предложили лишь одну должность — мастером... в деревообрабатывающий цех. Да еще обиделись, когда отказался.

Комсорг — с энергично поднятой рукой, в аккуратно выглаженной форменке, готовый всегда, по первому зову, поднять своих ребят, будь то митинг, будь то субботник — вдруг трансформировался в какого-то склочника, рвущего на груди тельняшку.

А такой уже был никому не нужен.

Тут же после освобождения от занимаемой должности Николай стал не просить, а жаловаться. И жаловаться не устно — письменно. И не куда-нибудь — в Москву.

Пытаюсь представить себе изумление и досаду на лице того многоопытного человека, которому была доверена судьба его писем. «Этот мальчишка мутит воду», — думал он. Снимал трубку, чтобы выяснить, в чем там дело. А ему отвечали на том же языке, полуправдой, что, мол, «завелся» бывший курсант из-за каких-то неоприходованных денег. Представляю, как снисходительно они отмахивались от «упорного дурачка» и тут же переходили на более приятные темы. А что с парнем делать? Да припугнуть его похлеще — это было ясно. Думали, он «умнее», с полуслова поймет свое место винтика, пылинки. Оказалось, слабоват щелчок.

Тогда в газете «Водный транспорт» появляются подряд два фельетона против «кляузника и клеветника» Розовайкина. Один из авторов даже в глаза не видел героя. Получил материал в Одессе и состряпал произведение, как говорится, не отходя от кассы.

Человек, которого я называю героем, даже бровью не повел. Ему было абсолютно ясно, что ошибка будет исправлена, только время понадобится.

Наконец первая поддержка была получена: Бюро ЦК ВЛКСМ

отменило как необоснованное исключение его из рядов комсомола. Теперь-то восстановят на работе? Но в Одессе не торопились исправлять ошибку. И Николай поехал в Москву, чтобы еще раз, лично, устно, внятно объяснить, что происходит.

Понимаю, как беззащитно воображение перед лицом фактов, как хочется увидеть фамилии, имена, должности этих таинственных «собеседников». Но что делать?! На телефонные звонки не поставишь исходящие номера, намек не скрепляется датой и подписью, «пожелания» не подшиваются в архивы. Да и самих этих деятелей очищающие ветры наших дней уже смели с общественной арены. Но это — сегодня. А тогда были звонки, намеки и пожелания.

И вот они снова выясняют, кто такой Розовайкин, чего он, собственно, добивается. Объясняют, что курсант «зарвался». И вносят предложение: «пощупать» его с помощью милиции, неужели за парнем ничего нельзя найти этакое, наказуемое? Если постараются, то найдут!

Николай Розовайкин был арестован в Москве, на квартире у родственников по телефонограмме из Одессы с просьбой срочно задержать опасного преступника и препроводить по месту жительства. На четвертый день его передали с рук на руки работникам одесской милиции, старшему лейтенанту и старшине.

Втроем вышли они из отделения, доехали до аэропорта, поднялись по трапу в самолет. Лететь до Одессы полтора часа: достаточно, чтобы познакомиться, разговориться, излить душу. Но все трое молчали. Только старшина сказал куда-то в пространство: «Ну что, будешь еще ездить жаловаться?» Николай пожал плечами. Он понимал, что эти двое прилетели за ним не по своей воле, а по служебному предписанию.

Его привезли, расписались где надо, и Николай предстал перед следователем райотдела милиции, молодым, но, как считало начальство, перспективным. Из тех, кто понимал все с лёта.

Следователь предъявил постановление о привлечении Розовайкина в качестве обвиняемого. От него Николай

неожиданно узнал и о том, что уголовное дело было, оказывается, возбуждено тогда, когда он находился не в Одессе, а в Москве, и о том, из-за чего же разгорелся такой сыр-бор, из-за чего была организована операция в стиле кинобоевиков: арест, ошарашенные глаза родственников, не подозревавших, какого рецидивиста приютили они под своим кровом.

Ставили ему в вину, говоря языком Уголовного кодекса, во-первых, тунеядство, а во-вторых, дерзкое хулиганство. Хулиганство это было совершено (как свидетельствовал документ, который ему предстояло подписать) 1 июля в 10 часов утра во дворе дома, где Николай родился, вырос и жил. Оказывается, когда в то утро во двор пришла комиссия во главе с заместителем председателя райисполкома, чтобы выяснить, правомерно или нет один из соседей расширил свой балкон, якобы он, Николай Розовайкин, начал оскорблять членов комиссии, «выражаться нецензурной бранью». Мало этого, он будто бы заставил своего старшего брата Виктора накинуться с кулаками на представителей власти! — и порвать одному из них подкладку на пиджаке.

Те, кто приказал начать следствие, точно знали, что Виктор — брат Николая — с детства парализован, он инвалид первой группы, человек абсолютно беспомощный и физически не способен — заставляй его или не заставляй — кинуться на кого-нибудь с кулаками!

Точно так же знали и то, что не «паразитический образ жизни» ведет Николай — учится на вечернем отделении института и в Университете марксизма-ленинизма, что не на «нетрудовые доходы» он существует, а на деньги, заработанные честным трудом, не «тунеядствует», а добивается восстановления на работе, от которой необоснованно освобожден.

Но слишком много беспокойства он доставлял поисками справедливости, слишком много писал, слишком много говорил. И поэтому следователь слушал обвиняемого холодно и спокойно твердил: «Давай подписывай!»

— Вы нарушаете закон! Вершите беззаконие! Я требую свидания с районным прокурором! — горячился Николай.

— Прокурор не хочет тебя видеть, — отвечал следователь.

Молодой и перспективный следователь работал прилежно: вновь и вновь требовал признания вины, во что бы то ни стало пытаясь доказать, что Николай оскорблял, выражался и подстрекал своего парализованного брата.

По многочисленным протестам следователя сменили. Но и новый продолжил дело коллеги, точно так же безуспешно пытаясь заставить Николая признать себя виновным.

Так продолжалось двадцать (!) месяцев, в течение которых ни в чем не повинный человек был изолирован от общества. Пока наконец суд после шестидневного (!) рассмотрения уголовного дела по обвинению Николая в паразитическом образе жизни и злостном хулиганстве не пришел к выводу (цитируем приговор), что «утверждение органов следствия о том, что Розовайкин Н.Л. подстрекал к совершению хулиганских действий своего брата Виктора... лишено убедительности». Точно так же он был оправдан и по необоснованному обвинению в «паразитическом образе жизни». Оправдан по всем статьям и освобожден из-под стражи в зале суда.

После освобождения Николай пришел в Черноморское морское пароходство, и ему, специалисту высокого класса, проработавшему после окончания училища за рубежом, нашли работу...

Вскоре Николая Розовайкина можно было встретить на территории Одесского порта. Какой-нибудь любознательный турист, вдруг сошедший с гранитных набережных в пыльные, скрипящие разными голосами, пропитанные терпкими запахами недра порта, мог бы, увидев ладного парня с матросской выправкой и метлой в руках, поразмышлять о превратностях судьбы: что ж, кому-то стоять на мостике, кому-то орудовать метлой, одним словом, жизнь — и так далее.

Но для своих этот парень был обыкновенным уборщиком причалов, и даже те, кто подозревал о чем-то необычном, вопросами не донимали: метет — и метет. Иногда, правда, его встречали бывшие однокурсники по мореходке, и, наблюдая, как проходит его жизнь, и, боясь обидеть рассказами о том, как проходит их жизнь, перекидывались ничего не значащими

словами. Тем из них, кто пытался шутить: «Что, отличник? Таблицу умножения доучиваешь, чтобы правду найти?» — он отвечал жестко и коротко: «Правда — есть! Увидишь!»

И продолжал мести причалы.

Он захотел восстановиться на четвертом курсе института, где прервал обучение не по своей вине. Ему было отказано. «У нас нет, — сказали ему, — факультета для уборщиков причала».

Вряд ли нашелся человек в Одессе, который осмелился бы предсказать подобную судьбу члену Одесского областного комитета комсомола, секретарю комсомольской организации знаменитого мореходного училища загранплавания, выпускнику этого же училища, окончившему его с красным дипломом, студенту вечернего отделения Института инженеров морского флота, молодому коммунисту и просто молодому человеку.

Жизнь — то же море (вспомним этот образ, раз уж мы в Одессе). Так же налетают волны, гремят шторма, наступает спокойное время штилей. И точно так же, как в жизни, кому-то первым принимать на себя удары шторма, подставлять себя под разные напасти и трудности.

Но не слишком ли большую волну, в самом-то деле, поднял этот парень? Из-за чего? Банк, что ли, ограбил? Человека убил? Взятку дал миллионную?

И чего он добился? Едет жаловаться — возвращают в Одессу под конвоем. Пишет пронзительные письма в прокуратуру — двадцать месяцев содержат под стражей. Радостный выходит из зала суда, а следователь в течение шести недель не отдает ему паспорт: «Зачем тебе устраиваться на работу, все равно посадим!» Добивается судебной реабилитации, а ему суют метлу в руки.

Вот так, в один абзац уместились испытания, которым подвергла Николая Розовайкина судьба, а они заняли пять — вдумайтесь! — пять лет его жизни. Пять самых прекрасных лет в жизни человека, с 23 до 28, когда уже наступает время зрелого выбора, но еще не закончилась пора романтических парений юности.

Стоит ли любая наша житейская справедливость таких человеческих испытаний? Стоит ли после этого радостно вздыхать: «Да, есть правда!»

Эти риторические вопросы перед Николаем не стояли, потому что себя лично он не жалел и жалеть не хотел. Он думал о будущем, то есть о торжестве правды.

Да, он вызвал большую волну, и шторм едва не захлестнул его. Но он-то знал, что справедливость не делится на большую и маленькую: мол, за одну необходимо бороться, спасать ее, как спасают человека, гибнущего в море, а с другой можно обращаться по-свойски. И оказался прав, потому что так думал не он один.

Десятки людей встали на защиту Николая Розовайкина, сотни писем пришли в партийные, советские руководящие органы, в редакцию «Литературной газеты», в Прокуратуру СССР.

В дело вмешался и Комитет партийного контроля при ЦК КПСС. Виновные были строго наказаны, Розовайкина восстановили в партии и в комсомоле.

Сейчас он вновь работает судовым механиком, закончил институт, новая формулировка появилась в решении о прекращении против него уголовного дела: не «за недоказанностью», а «за отсутствием состава преступления».

Справедливость восторжествовала, несмотря на то, что в течение полугода телефоны звонили не только в служебных кабинетах, но и дома у автора и у руководителей «Литгазеты». Нам старались доказать, что это мелкий, частный, не заслуживающий общественного мнения факт из жизни одного молодого, чересчур горячего человека, который совершенно случайно оказался в центре событий.

Но, видимо, это и есть главное свойство честного, порядочного человека — оказываться в центре событий.

Время многое расставило по местам. И согнало с насиженных мест тех, для кого справедливость была пустым словом, лишь угрожающим их благополучию. Николай Розовайкин был для них странным, непонятным человеком, даже

ненормальным. Кто же для них «нормален»? Да и какими хотели бы они видеть сегодняшних молодых? Циниками, не верящими ни во что, считающими, что для карьеры все средства хороши? Приспособленцами? Теми, что ли, кто тогда был уверен, что, живи Розовайкин иначе, все было бы у него в «полном порядке»?

Николай Розовайкин победил, потому что оказался непоколебимо честен.

Он победил именно потому, что без колебаний подставил свою судьбу под штормовой натиск. Он победил потому, что знал твердо: справедливость торжествует не только в кино, но и в жизни, истина только тогда становится истиной, когда ее доказываешь, даже рискуя собственной судьбой. За правду, наконец, нужно бороться в открытую, иначе мы потеряем ее во множестве допустимых отклонений, которые в сумме создают отклонения недопустимые.

Он стойко доказывал, что белое — это белое, а черное — черное, пугая окружающих пренебрежением к оттенкам, и только поэтому его правоту в конце концов признали. Он сделал свой нравственный выбор и потому оказался сильнее обстоятельств, не отступил перед обстоятельствами. Вот поэтому сегодня нам особенно ценна проявленная Николаем Розовайкиным настойчивость.

***

Мужественный и сильный Николай! Старый, седой полковник с большим уважением жмет твою руку. Хотелось бы в бою иметь рядом такого товарища.

С. Бессонов, Москва

У нас, северян, существует термин с особым, глубоким смыслом: НАДЕЖНЫЙ. Это и в работе, и в дружбе, и на случай защиты Родины. Так вот Николай — надежный! И в разведку бы мы с ним пошли! А люди, поступившиеся своей совестью и нашей моралью, в сложный момент оказались бы далеко не на передовых позициях. Ведь кроме навыков социальной демагогии, которыми такие люди

овладевают поразительно быстро, есть еще обыкновенная совесть. То есть то, что не купишь за деньги и не достанешь по блату, с черного хода.

В. Лопанцев, рабочий, Тюменская область

Только что прочитал о Николае. Эта история взволновала всех — и моих товарищей, и мою семью. Передайте привет Николаю Розовайкину. Хорошо, что есть такие люди, хорошо, что правда и справедливость восторжествовала. Мне кажется, именно на таких примерах надо учиться нашим ребятам. Сегодня перед каждым стоит выбор: способен ты или нет сам, лично, без подсказки вмешаться в общественную жизнь. Ведь за тебя никто ничего не сделает. И сегодня надо учиться самостоятельности и в позиции и в поступках. Как бы тяжело ни давалась эта наука. А иначе — нельзя!

Андрей Миреев, комсомольский работник, Якутская АССР

Николай продолжил революционные традиции комсомольцев двадцатых годов. Да, другое сейчас время, и, казалось бы, сейчас не место подобным «штурмовым экспериментам». Но история Николая Розовайкина еще раз показывает, как необходимо уметь и учиться бороться с разного рода подонками, которые могут извратить идеалы, за которые боролись и умирали те же комсомольцы из двадцатых.

В. Марюта, инженер, Донецк

Думая сегодня о судьбе Николая Розовайкина, я все больше и больше убеждаюсь: да сколько сегодня зависит от нас самих! Говорят, что с возрастом привыкают ко всему. Но, наверное, и причина многих наших неурядиц заключалась именно в том, что ко многому привыкли, на многое закрывали глаза, со многим мирились. Еще не начав борьбу, уже уставали от борьбы, еще не состарившись — уже становились маленькими старичками. Уходили в пьянство и наркотики, в добывание шмоток и в мечту об автомобиле. Только бы ни во что не вмешиваться, только ни о чем не спорить.

Сегодня я уверен: именно такие ребята, как Николай, должны

быть примером для каждого думающего, подчеркиваю, думающего молодого человека. Мы многое видим, на многое обращаем внимание, но как часто нам кажется: всякие жизненные нелепости — не нашего ума дело. Без нас разберутся, исправят, отремонтируют. Мы же — только потребители. И вещей, и ценностей, и идей.

Хватит! Если не мы, то кто же?

Олег, 19 лет, Свердловск

* * *

— Я вам звоню из Новосибирска. Меня зовут Саша, студент, 19 лет.

— Слушаю тебя.

— Я хочу вам сказать, что в нашей жизни очень многое значит умение выделиться.

— Не понял...

— «Встречают по одежке, а провожают по уму» — очень правильно замечено!.. Вот смотрите, мы за день сталкиваемся с огромным количеством людей: на улице, в институте, на работе. Все эти люди как раз и «встречают» нас. Оценивают, да? Так что если человек отлично одет, к тому же не глуп, то он завоюет симпатии и «встречающих» и «провожающих».

— Но ведь «отлично одет» — это еще не значит, что он одет в фирму.

— Это для вас «не значит». Для людей, которым за тридцать. Молодежь же в большинстве случаев «встречает» по фирменной одежде, а уж провожает по знаниям в нескольких областях.

— Саша, это, может, нескромный вопрос, но где ты берешь деньги на «фирму»?

— Вы знаете, деньги родители дают. Один раз продал кассету. У меня старший брат, я у него еще иногда беру, он работает. Но я летом прошлым работал, я постарался отдать, что брал.

— А другие работали?

— Я как-то не интересовался.

* * *

Мне 18 лет. Помогать фарцовщикам я начала полтора года

назад. Мотивы — желание иметь деньги и выделяться внешне из серой толпы. У меня очень сильно рос интерес ко взрослой жизни. У меня нет дружеского контакта со сверстниками, зато прекрасные отношения со взрослыми. Я живу не одной жизнью. Дома, в семье, я ребенок без хлопот, у меня все хорошо, моих знакомых родители не знают. В институте, где я учусь, я исполнительная девушка, общественница. Но все это я с удовольствием сбрасываю, когда ухожу с друзьями, где ценится мое умение добывать деньги, выгодно сбываю товар. Мне недавно сказали, что я опередила время.

Через пару лет я выйду замуж. Надо заранее подумать о жилье. Для этого опять же нужны деньги. У родителей брать не хочу. Они тоже должны жить полной жизнью.

Л., Иркутск

Я ВЫБИРАЮ
СВОБОДУ

Ситуация третья

Водоворот

Могу поспорить на что угодно: никто из читателей не сможет ответить на вопрос: «Можно ли прожить на аске?»

Написал: «никто», а вдруг увидел, как будто здесь, прямо передо мной, стоит, прислонившись к стене, в длинном, до пят, пальто, в широкой, на глаза, шляпе, невозмутимый Гарик по кличке Прайс и улыбается легко и снисходительно: «Можно...» И еще я увидел, как, подняв воротник куртки, уходит все дальше и дальше — кто его знает, в сторону ли очередного вокзала или так, на уличный перекресток, — Сережа и, обернувшись на повороте, недоуменно пожмет плечами: «А что тут спрашивать?» И еще увидел, как порхает между прохожими девочка, имени которой я так и не успел узнать, и, услышав вопрос, только кинет сочувственный взгляд и, ничего не ответив, исчезнет в толпе. И еще, и еще.

Мы взрослые люди. Откуда, скажите, нам знать, какие еще бессмысленные вопросы преподнесет нам это племя, часто для нас столь далекое, столь незнакомое? На что еще заставит ответить?

Напишем слово «аск» так, как и положено его писать — латинскими буквами: «ask». Теперь это слово, даже для человека, познания которого в английском ограничиваются забытым школьным курсом, приобретает смысл. «Ask» — спрашивать, просить, попросить.

Когда однажды поздним вечером в длинном подземном переходе я нос к носу столкнулся с этой компанией, то вначале не мог понять, что же такое вокруг происходит? Или снимается кино? Или социологи решились вдруг что-то исследовать? Или вообще какая-то неведомая сила подвергает запоздалых прохожих непонятным испытаниям, для чего-то спрашивая и спрашивая: осталось ли в душе сострадание? Не охладело ли сердце к чужим болям и невзгодам?

— Товарищ! — парень в новеньких, с иголочки, джинсах бросился наперерез нагруженному сумками прохожему. — Одну минуту, товарищ! Вы знаете, что происходит там (называл он одну далекую заморскую страну), вы знаете, что там ежедневно умирают от голода дети! Мы должны помочь им, товарищ!

— Постойте, прошу вас! — девушка в аккуратных брючках преграждала путь нарядной, наверное, из театра немолодой паре. — Да, у вас все хорошо, и у нас тоже, но там же голодные дети! Я вас прошу, помогите!

— Вы читали сегодняшние газеты? — парень в длинном до пят пальто и в широкой, на глаза, шляпе спокойно и серьезно даже с какой-то настоящей болью в глазах спрашивал двух девушек: — Вы знаете, что там происходит?! Мы можем оказать маленькую помощь! Кусок хлеба для ребенка или литр крови для раненого. Много денег не надо! Дело не в деньгах! Дело в вас!..

Голоса гулко отдавались в почти пустом переходе.

Я стоял, ошарашенный этой картиной, лихорадочно вспоминая, что же там происходит, в том далеком от нас краю, когда и передо мной остановился парень, тоже в джинсах, но уже в потертых, в свитере, на котором было вышито маленькое красное сердце, и, глядя прямо в глаза, приветливо улыбаясь, торопливо заговорил о своем друге, о его родителях, о человеческом долге.

Что бы вы, читатель, сделали на моем месте? Ведь не грозят — улыбаются, не требуют — просят, не для себя же в конце концов! Конечно, непривычно вот так, в подземном переходе, ни

с того ни с сего, но мало ли что бывает в жизни, мало ли какие люди подрастают рядом с нами!

И я уже полез в карман, но тут этот парень (лет семнадцати на вид, не больше) сделал вдруг что-то совсем в данной ситуации неожиданное. Он по-детски хихикнул, попытался снова стать серьезным — не получилось, и, уже почти не сдерживая смех — как плохой рассказчик анекдотов, который начинает смеяться раньше слушателей, — начал нести совсем явную несуразицу: извержение вулкана, горящая лава, горы пепла.

И я сказал первое, клянусь, что пришло в голову:

— Да ты на часы посмотри! Магазины-то уже все закрыты!

Парень в свитере, на котором алело маленькое сердце, выдохнул, отсмеявшись, и сказал доверчиво, как своему:

— А швейцар в ресторане? Вы что, не знаете? Это же элементарно! Ноу проблем... Час работы — и бутылка.

И тут, признаюсь, я облегченно вздохнул. Понимаю, нехорошая эта легкость, не очень-то достойно человека ожидание разочарований, но, с другой стороны, взять хотя бы тех же пришельцев. Одно дело, когда думаешь, есть они или нет, прилетели или они еще летят, а если прилетели, то где живут, чем занимаются, не встречался ли ты с ними случайно, а если встречался, то как вел себя. И совсем другое дело, если тебя убедили на сто процентов, что их нет и быть не может и нечего мучиться и подозревать каждого встречного. На нет и суда нет.

Но я отвлекся.

Время все ближе подходило к полуночи. Затихала жизнь и в подземном переходе. Парни — их, как помню, было пятеро или шестеро — стояли теперь все вместе, кучкой, переминаясь с ноги на ногу, весело, как пятиклассники на перемене, толкали друг друга. Только вдалеке, под занавес, как говорится, девочка лет семнадцати работала (другого слова теперь и не подберешь) с немолодой, немодно одетой женщиной.

Я не уходил. Стоял и смотрел на них. Может, хоть теперь сквозь улыбочки, сияющие на лицах, проступит, как на кинопленке, холодный оскал юного циника или дерзкая ухмылка

уличного флибустьера, промышляющего по вечерам у испуганных прохожих: «На-бутылку-красного-дай-папаша-а-то-в-ухо»? Ничего подобного! Улыбки как улыбки, лица как лица, слова как слова. И ни один, пусть самый робкий, прохожий не свернет в сторону, заметив эту компанию, а пройдет сквозь нее твердо и спокойно, да еще спросит, что сегодня новенького в консерватории.

Может, станет заметна в них алчность, патологическое умение взять и то, что плохо лежит, и то, что лежит хорошо, то самое современное «мурло мещанина» (в изображении которого, как мне кажется, порядком накопилось путаницы)? Да нет, ничего такого. Спокойно, без напряжения и уж тем более без всякой алчности, как человек, для которого не важна сумма и приходится держать деньги в руке только лишь для того, чтобы чем-то занять руки, пересчитывал Гарик (тот, в длинном пальто до пят) вечерний доход. И когда девочка, наконец-то «отработавшая» свое, бросила Гарику, еще не доходя, двадцать копеек и тот, подставив ладонь, все-таки не поймал монету, никто не бросился ее поднимать, а даже наоборот — один из парней отфутболил ее в сторону.

Может, вдруг заметим раскаяние? Ну хотя бы ощущение некоторой внутренней неловкости, что так легко — да еще на чем! — можно одурачить десяток взрослых людей? Нет, не осталось неловкости. Даже страха, что кто-нибудь из прохожих вернется и строго спросит, от какой такой организации собираются средства, — даже страха не было в помине. Я, случайный прохожий, стоял рядом с ними уже минут десять-пятнадцать.

Они отлично понимали, что я все увидел и понял. Но это ничего не значило! Они не стеснялись ни меня, ни — почти уверен — любого, кто стоял бы на моем месте.

Наконец вся компания (и я вместе с ней) поднялась наверх, на улицу.

Здесь дул зябкий ветер, и гасли огни в домах.

Гарик легонько подтолкнул к двери ресторана при гостинице парня в свитере, на котором было вышито сердце.

Они топтались на месте, переговариваясь о какой-то

нормальной ерунде: где-то выступает популярный ансамбль, кому-то отец привез из-за границы «фирму», что скоро лето и надо «мотануть» на юг, погреться. Девочка спросила, который час, и побежала в автомат звонить маме. Кто-то вдруг вспомнил, что завтра зачет не сдашь — останешься без стипендии. Кто-то сообщил, что сегодня он домой не поедет, потому что надоело слушать, как они «выступают».

Я не знал, кто эти ребята — конкретно каждый из них (да и не очень-то урочное время было для расспросов). Но их, так сказать, общее лицо было знакомо и узнаваемо. Точно такие же компании можно встретить в центре наших городов, и уверен, что и вы, читатель, не однажды останавливали удивленный взгляд на стайке экстравагантно, с налетом некоторого «хиппизма», одетых мальчиков и девочек, толкущихся посредине вечерней толпы, но отдаленных в этой толпе не только от взрослых, но и от своих ровесников — просто школьников, просто ребят из ПТУ, просто гуляющих или праздно шатающихся. Даже ученые успели заметить их, и в одной работе я прочитал о «стритовых», «центровых», «хипах», то есть о них, отличных от привычных ребят из подворотен, для которых хватает общения в старой беседке посреди двора да популярных песенок на лестничной площадке, которым достаточно для утверждения своей личности уличных толковищ да, увы, двух бутылок «бормотухи», выпитых по очереди из единственного стакана, либо папироски с «травкой».

«Центровые», как я успел заметить, обожествляли музыку («бит», «рок» и т.д.), очеловечивали джинсы, становились легкой добычей фарцовщиков и спекулянтов или сами время от времени входили в круг фарцовщиков и спекулянтов, знали обо всем понемногу и старались не отстать от самого современного, будь то йога или каратэ, но основные их поступки заключались в самом отсутствии поступков. И, увидев такую компанию однажды в скверике, ты смело мог прийти туда же через полгода и увидеть те же лица, те же позы, то же ленивое хождение на одном и том же пятачке. Знакомясь с ними и разговаривая, я уже знал, что, отработав свое, сыграв свою роль и отстояв

положенное время, они возвращались домой — к благополучным родителям и книжным стеллажам.

Компания в подземном переходе была такой и не такой. За этими ребятами, за их безобидным трепом и раскованными движениями стоял совершенно реальный поступок — спекуляция на сострадании и отзывчивости. Для них стало можно поступать так, как поступать нельзя. И не по каким-нибудь зафиксированным на бумаге законам нельзя (хотя и законы, наверное, на это найдутся), а по самым элементарным человеческим, по которым не пускаются в пляс при прощании с любимым человеком, не бьют старика или ребенка. Это кощунство над тем, над чем нельзя кощунствовать, шутка, стоящая за пределами шутки.

Через некоторое время мне пришлось заниматься одной историей. Родители не могут справиться с сыном, их последняя надежда — письмо в редакцию. «Я не знаю, что происходит с Сергеем, но происходит что-то страшное. Не доучившись, сын бросает школу. У него появляется какая-то странная компания. Он стал говорить о том, что и учиться, и работать скучно. Надо просто весело жить и т.д. Первый раз он убежал из дома зимой, где болтался целую неделю — неизвестно, а когда пришел домой, я его не узнала: какие-то джинсы с цветочком на левом колене, немыслимая куртка, перешитая из солдатской шинели. „Где ты был?“ — не отвечает. В школу идти отказался. Мы его хорошенько отругали, а он снова исчез. Теперь его не было целый месяц. Мы заявили в милицию...» — и так далее, и так далее. Длинная, невеселая история.

Я встретился с Сергеем и сразу узнал его: он оказался из той самой компании. Проговорили мы с ним долго, несколько часов, и когда я его спросил, что же было самым интересным в его жизни «вне дома», Сергей ответил: «Работа на аске».

— Погоди-погоди. Объясни по-русски и по-человечески: как это можно «работать на аске»?

И Сергей не торопясь, стараясь поточнее подбирать слова, объяснил: надо быть коммуникабельным и ничего не стесняться; настоящий «аскет» (термин Сергея) не должен

выглядеть попрошайкой, потому что «...сегодня, — улыбнулся он, — вагонный нищий — анахронизм, который действует только на нервы древних старух»; для хорошего «аска» необходим набор разных несчастий, как своих собственных, так и чужих. Но, добавил Сергей, «усложнять дело пожарами, наводнениями, землетрясениями, как я теперь убедился, не стоит. Подойди, улыбнись, извинись, скажи, что ты студент, потерял деньги, завтра сессия и т.д. Очень действует». Наконец, сказал Сергей, надо «бить на жалость. Только на жалость».

И я еще раз отчетливо вспомнил тот вечер и компанию в подземном переходе.

Я не знаю точно, сколько их было. В конце концов, не о том речь. Хватит даже одного Гарика и одного Сергея, чтобы беспокойнее стало жить.

Вот, допустим, со мной лично произошла странная штука. На днях в аэропорте ко мне подошел парень и, раз семь извинившись, сообщил, что у него украли деньги, знакомых нет, и так далее. И в такой простой ситуации, когда и решать-то нечего: вынь рубль или сколько там, не обеднеешь, — я вдруг начал сомневаться. Тот ли передо мной человек, за которого он себя выдает? Не приятель ли Гарика, не родной ли брат Сергея? Не жертва ли я очередной игры?

И только одно, что заложено в человеке самой его природой — почти детская вера в то, что на несчастье не обманывают, — помогло мне убедить себя, что этот парень действительно попал в неприятную ситуацию. Заставлю ли себя поверить в следующий раз, не знаю. Вот это-то как раз самое обидное. То, что бьют по самому больному — по жалости, по доверию.

...Вечер кончился тем, что из гостиницы, держа, как кубок, бутылку, вышел парень в свитере. Гонца приветствовали победными криками.

Я хорошо помню, как они уходили. Медленно и плавно, как люди, которым спешить абсолютно некуда. Они уходили в темноту ночи. Яркий свет гостиницы все дальше отдалял нас от них.

Мы остаемся, провожая их взглядами. Мы не знаем точно, куда они пошли сейчас.

О чем мы их недорасспросили?

Что нам надо спросить у себя самих?

* * *

Немного о себе: зовут Саша. Живу я в городе Иркутске. Я студент одного из вузов нашего города, учусь довольно успешно, то есть на «четыре» и «пять». Занимаюсь общественной работой — в меру, то есть не очень себя загружаю. У меня нет обеспеченных родителей, и мне не с кого тянуть деньги — я все себе сделал сам.

Я упустил с самого начала самое главное. Дело вот в чем: я — фарцовщик.

Сейчас мне 24 года, и у меня есть все, что нужно для обеспеченной жизни (не подумайте, беспечной) человека в наше время. И вот для того, чтобы жить, я начал карьеру фарцовщика четыре года тому назад. Сейчас у меня все есть: квартира с телефоном почти в центре города. Квартира прекрасно обставлена, одну комнату занимает библиотека, машина и гараж во дворе дома. Я могу позволить себе почти все, и я не чувствую себя ущемленным морально.

...После службы в армии я начал воспитывать сам себя. Вы скажете, что родители не так меня воспитали? Нет, это мне надоело жить кое-как. Мне надоело носить брюки на вырост, пальто, перешитое из старого отцовского. Я хотел красиво одеваться, ходить в театр, иметь много книг и работать с ними, и еще я хотел учиться по выбранной мною специальности.

Я презираю «мелких модников», которые тянут у родителей деньги, чтобы купить себе фирменный пакет из полиэтилена, чтобы быть «не хуже других», быть современным — на этом, внешнем, понятие о современности у них и заканчивается. Этих девчонок и парней, одетых на родительские деньги по последнему крику моды, которые часами простаивают на барахолке в надежде купить косметику или еще какую-нибудь дефицитную мелочь для того, чтобы пожить несколько дней «красиво», у которых интеллект исчерпывается вопросом: «Че сдаешь?..»

Саша, Иркутск

Толпа несла меня, выкидывая время от времени на полупустынные островки старьевщиков — я глотал воздух, замечал кусок синего неба над головой, — а потом снова меня заглатывала «толкучка».

Я смотрел внимательно вокруг и слушал внимательно. Я старался запомнить мельчайшие детали и незначительные подробности, которые, может случиться, окажутся впоследствии самыми главными.

Вот хмурый бородатый парень потрясает новеньким свадебным платьем...

Вот мальчик сует мне под нос замшевый башмак...

Вот седой старик безучастно смотрит поверх немудреного своего товара: ватника без одного рукава, промасленного пиджака, кусков брезента...

Я видел, как из окна курьерского поезда, лишь детали пейзажа: каракулевую шубу, резиновые пупсы, самодельные молотки, джинсы, хрустальные бокалы, женский парик, тельняшки, сумки с немыслимыми пряжками, расклеенные сапоги, кримпленовые костюмы, шнурки от ботинок, граненые стаканы, лаковые туфли, велосипедный насос, баранью шкуру...

— Какого размера этот сапог?

— Вам не подойдет...

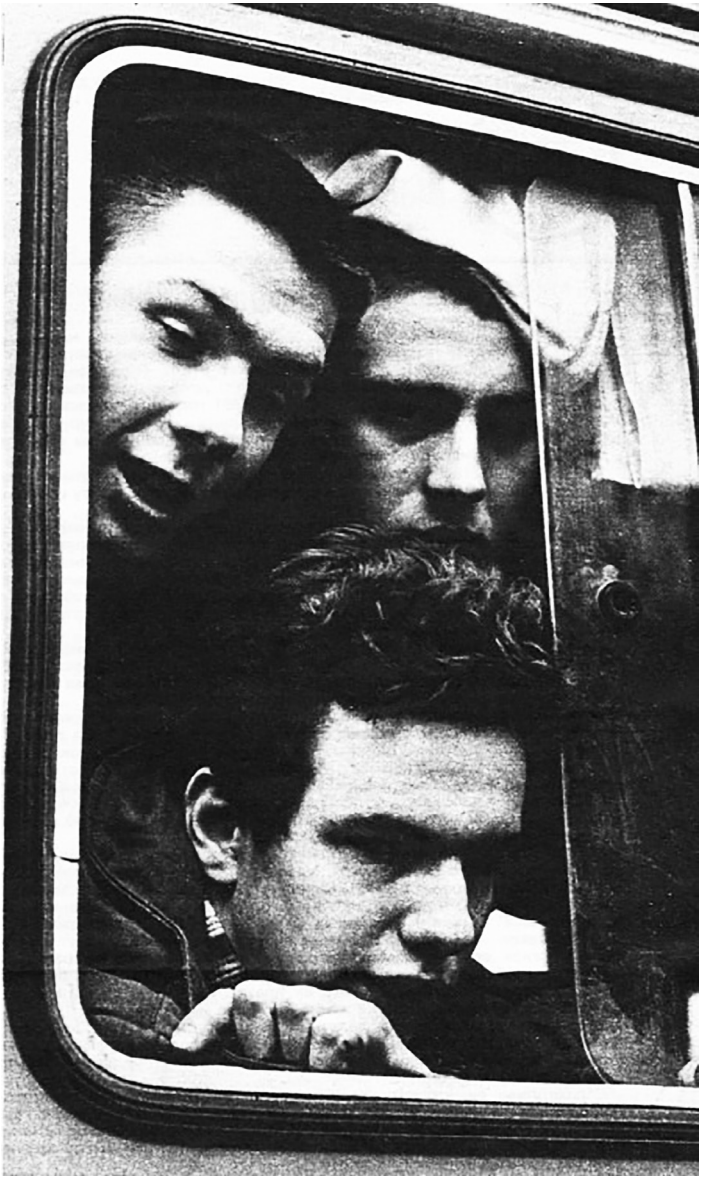
— Я — сестре...

— У вас что, нога с собой?..

...«Толкучку» вынесли далеко за город. Мы ехали по этому шоссе рано утром, наблюдая, как выкатывается откуда-то, может, из-за моря, солнце.

В центре города таксист подсадил тихого мальчика со свертком в руках, на окраине — молодую женщину с баулом. А стрелка спидометра все двигалась и двигалась влево, пока намертво не остановилась на цифре 50. Шоссе представляло теперь Садовое кольцо в часы пик: автобусы, «Жигули», мотоциклы, такси, а невдалеке, срезая угол, вышагивала через поле немоторизованная колонна.

Вот такой первый моментальный снимок «толкучки»: арка, недостроенные навесы, стоянка автомашин, заполненная

больше чем до отказа, бурлящая толпа, переливающаяся, как стеклышки в калейдоскопе. Мальчики с горящими глазами, шныряющие в толпе.

...Через два дня в автобусе я услышу диалог совсем молоденьких ребят:

— Славка уехал на «толчок» с червонцем, а вернулся с пятьюдесятью, — скажет первый.

— Во дает! — весело ухмыльнется второй.

...Мальчишка торопится, налетает прямо на нас, возникает то тут, то там в этой несуразной толпе, шепчет громко какому-то рыжему: «Есть товар», теряется, а потом снова мелькает его улыбочка прямо перед нашими глазами. Я запомнил лицо этого парня. Очень хорошо запомнил. Я до сих пор жалею, что так и не узнал, что ему то нужно было среди всех этих «специалистов», которым вся жизнь — «толкучка». Кто он?

...Парень стоит, судорожно сжимая в руках джинсы, завернутые в целлофан. Стоит не вписанный в толпу. Отдельно. В стороне.

— Новичок... — на ходу бросает мой товарищ.

Парень оглядывается на нас, и в глазах его, по-моему, дымка робости. Пока еще не блеск.

Сегодня — да. А завтра?

Уже в Москве я очень многое вспомню. И память сработает совершенно неожиданно. Самое яркое: мальчишка с «толкучки», в руках которого замшевый башмак дрожит, как граната, из которой выдернули чеку. Взорвется?

* * *

— Алло, я немного подзалетел...

— В каком смысле? Не понял?

— Я — Владимир, 21 год, образование незаконченное высшее... В Москве — проездом...

— Ну, слушаю тебя? Что замолчал?

— Так вот. Началось все в десятом классе, когда я уже заканчивал школу и сдавал экзамены. Меня ребята обещали устроить на работу.

— Куда?

— В бар...

— В бар? Кем, интересно?

— Там дискотека... Я, еще когда учился в школе, закончил курсы диск-жокеев... Но дело не в этом. В конце концов ребята меня не устроили, но там я познакомился с некоторыми моряками...

— Погоди, а ты сам из какого города?

— Это неважно. Дело не в этом. В общем, я дал одному моряку деньги, чтобы он мне привез магнитофон.

— И сколько дал?

— Полторы тысячи.

— Откуда же такие суммы в десятом классе?

— Как откуда? Я что, не сказал? Я начиная с девятого класса занимался разной ерундой: пластинки, джинсы и т.д.

— То есть фарцовкой?

— Да. В основном работал на моряках.

— И что, смог накопить такую большую сумму?

— Почему большую? Полторы тысячи?

— У тебя, что, и больше бывало?

— Когда как... Но вы дослушайте, не перебивайте.

— Извини.

— Он тогда привез мне магнитофон, кассеты. И еще привозил. А в четвертый раз я ему отдал три тысячи — это уже было полтора года назад. А когда он возвращался из плавания, то его посадили: то ли порнография, то ли еще что. В общем, мне сказали, что мои деньги пропали. И я стал перезанимать, выкручиваться...

— То есть, эти три тысячи были не твоими?

— Я их взял... Надеялся, что потом магнитофон продам, ну, не за три тысячи, конечно, повыгоднее, расплачусь и так далее.

— Ты хочешь сказать, что и раньше ты перепродавал магнитофоны по спекулятивным ценам?

— Вы догадливы... А у нас в городе есть один парень... Он занимается вымогательством. Он нападал на более мелкие группировки, и те ему платили дань. Очень исправно.

— Ты с ним был знаком?

— Да... Сначала с его братом. Я-то был тогда мелкая сошка, он на меня не обращал внимания... А тут — такая ситуация. Я обратился к нему — мне очень нужны были деньги. Это — долг. Я решил, отдам — и все, завязываю. Кое-что продал. Магнитофон, пластинки, но все равно не хватило. Он мне дал тысячу рублей, но потребовал, чтобы я заплатил ему проценты: с тысячи — четыреста рублей.

— И ты согласился?

— Я оказался в безвыходном положении, друзья стали от меня потихоньку отказываться, потому что уже всем был должен по мелочи... И к тому же я занимал у него на год...

— А почему же твои друзья начали от тебя отказываться?

— А кому нужен такой товарищ, который занимает деньги, а потом не отдает?.. В общем, проходит год, и я понимаю, что деньги тому парню я отдать не могу. Ни сумму, ни проценты с суммы. Он начинает за мной гоняться...

— И успешно?

— К тому времени я уже бросил институт, сидел дома. И они приходили...

— Он.

— Да нет, он сам — никогда. Ребята от него. Приходили — били. Так, не очень сильно. Один мне сказал: «Я против тебя ничего не имею, но — такая работа...»

— Не открывал бы дверь, пошел бы в милицию.

— Не смешите... Иногда я отсиживался у девчонок, но город небольшой, куда денешься... А тогда он еще поставил мне «счетчик»...

— Что поставил?

— Счетчик... Каждый день сумма долга росла, и в конце концов долгов у меня стало около десяти тысяч. Еще кое-что продал: стенку, какие-то шмотки — передавал этим ребятам, которые приходили, да им кое-что приплачивал... Чтобы не били... Сейчас у меня осталось долга семь тысяч... Ну вот, возвращаюсь домой около двенадцати ночи — подруливает машина. Темно было... Фары прямо на меня... Останавливаются в полметре...

Выскакивают оттуда четверо, я их раньше никогда не видел… Пистолет, и мне прямо в лоб…

— Настоящий пистолет? Может, тебе показалось?

— Настоящий. «Марголин». «Если завтра не отдашь деньги, то мы тебя прикончим». На следующий день рано утром я ухожу к девчонке, целый день сижу у нее. А на рассвете — уезжаю. В Красноярск. Сказали, что там на домостроительном комбинате платят по 250-300 рублей, а оказалось, зарплата 70-100, общежитие залито вином пополам с кровью, каждый день драки, уголовники, бичи и прочее. Уезжаю в Москву, с Главпочтамта звоню матери. Она говорит: все время приходят. Сижу в Москве, жду перевода от матери… Алло, вы слушаете?

— Слушаю, слушаю… Да, Володя, попал ты в передрягу…

— В водоворот…

— Тебе надо помочь выбраться?

— Да не надо этого… Выслушали — и спасибо. Все равно помочь вы мне ничем не можете.

— Давай попробуем!

— Не надо. Как-нибудь выкручусь…

— И куда ты сейчас?

— В Среднюю Азию. Там у меня мужик знакомый в одном месте. Устроюсь на работу, видно будет…

— Володя…

— Только давайте без нотаций. Все, пока!

Иногда ловлю себя на том, что мне его все-таки жалко. Хотя он сам, думаю, очень бы удивился, что именно этого чувства — жалости — достойна его судьба. Как это у него было: «Я думаю, у меня все будет нормально. Спорим?»

Я не стал спорить. Больше того, я не смог сказать нормальных слов на прощание, кроме банальных, ни к чему не обязывающих:

— Надеюсь, там ты что-нибудь поймешь.

Через некоторое время девушка с сержантскими погонами на мундире стояла в дверях комнаты для допросов, легко и безучастно поигрывая связкой ключей, и ждала, пока мы кончим

разговор. А Виктор встал, заложил руки за спину, пошел, оглянулся, вдруг подмигнул, бросил через плечо: «Ну, спорим?» И улыбнулся.

Улыбка эта не вязалась ни с его внутренним состоянием — все-таки осужден на три года лишения свободы — ни с внешним видом — убогая черная роба и стрижка под «ноль».

Но он улыбнулся.

Вот так мы расстались.

И я понял, что все-таки мне жалко Витю Полянова.

Витя Полянов стоит перед глазами.

Еще долго после того, как все (какие можно было собрать) факты его жизни были собраны, когда встречи с десятками людей легли строчками в блокнотах, когда, наконец, главный блокнот — запись разговора с самим Виктором — был заполнен от корки до корки, я не мог сесть за машинку и написать фразу: «...все-таки мне жаль Витю Полянова».

Хотя, если подумать, кого еще жалеть во всей этой истории? Охотников за дефицитом, обманутых поляновскими глазами, доверивших ему свои деньги, севших с ним вместе в такси, покупавших вместе с ним на разных квартирах дефицитные шмотки, переплачивавших вдвое, а то и впятеро, сверх истинной цены, то есть заранее принимая нечестную игру? Жалеть из-за того, что они оказались обмануты каким-то мальчишкой, заведены им в конце концов в ресторан «отметить покупки», а потом коварно брошены — ни такси с покупками у ресторанных дверей, ни самого Вити. Плакали денежки!

Деньги не плачут.

Жалеть раззяв, трепетной рукой берущих у Виктора джинсы, запечатанные в полиэтиленовые пакеты с фирменным клеймом, суетливо сующих ему деньги в подворотне, радостно спешащих домой и обнаруживающих, что в пакете — ровно половина джинсов, то есть, говоря по-простому, одна штанина?

Когда мы встретились, ему было всего лишь девятнадцать лет. А сейчас он, если не ошибаюсь, отбывает уже третью судимость. Первую свою торговую операцию он совершил

в четырнадцать, а потом пошло, пошло, и он уже не мог остановиться, не мог подумать, а в конце концов и представить, что можно жить иначе: не торгуя, не продавая, не покупая, не вмещая в эти три понятия смысл человеческой жизни.

За дни нашего знакомства Витя Полянов вызывал разные ощущения. Например, удивление.

— Я думал, что вы из прокуратуры — ворошить старые дела. Нет — тем лучше. Записывайте, во-первых, я — фарцовщик. То, чем я занимался до этого печального происшествия, — я имею в виду арест и суд — для меня гораздо выгоднее любой, — подчеркиваю, любой! — работы. Записываете?

Вот так начался наш разговор. Занятная откровенность?

Еще одно чувство — растерянность. Он пускает дым в потолок, улыбается легко и свободно, как будто мы с ним беседуем на свободе, в баре, а не в следственном изоляторе.

— …Хотите, я за пять минут сделаю из вас фарцовщика?

— Попробуй, — отвечаю я.

— Не верите… — констатирует он.

— Нет, но меня разбирает любопытство.

— Эксперимент прост, — начинает Виктор. — Я приношу вам фирменные джинсы. Сообщая при этом, что они мне, допустим, малы. Вы, представьте себе, отказываетесь. Но я как бы между прочим спрашиваю у вас, не нужны ли они кому из ваших товарищей по работе. Вы выходите в коридор, выясняете, что джинсы, несомненно, кому-нибудь нужны. И вы их продаете. Но ведь не по реальной цене, а по той, которую предложил вам я! Вот вы и стали фарцовщиком.

— Ты уверен, что именно так все и случится?

— Угу, — кивает Виктор и одаривает меня одной из своих улыбок, выработанных пятилетней деятельностью у комиссионных магазинов.

Еще одно чувство. Лично я обозначил его так: непонимание. Сам Виктор назвал это по-другому — «некомпетентность».

В один из дней мы сидели с Виктором и подсчитывали, во сколько же он обошелся — в финансовом измерении — своим родителям со дня окончания школы.

— Ну, — начал Виктор, — во-первых, 365 дней (один год, правда, високосный) по рублю. То есть, я прекрасно знал: что бы со мной ни случилось, утром, когда я встану, возле меня будет лежать рубль и пачка сигарет. В общей сложности, этих денег, так сказать, «на прокорм», было затрачено максимум полторы тысячи...

Витя не зря подчеркнул: «что бы ни случилось». После школы (кстати, школы специальной, с изучением иностранного языка) он поступил в институт, где проучился ровно один семестр. Отец Виктора считает, что всему причиной лень Виктора: он не мог заставить себя вставать в восемь часов утра и ехать на другой конец города. Виктор объясняет все проще: «Ну, кончил бы, допустим, стал бы инженером, получал бы 120 рублей. Есть ли в этом смысл? Тем более, что мне легче купить диплом».

После трех неудачных студенческих месяцев Виктор сменил несколько — до десятка — мест работы. Последние полгода он нигде не работал.

— Так, дальше, — попросил я продолжить нашу арифметику.

— Ну, я не считаю стоимость тех вещей, которые они мне покупали. Но тут, знаете, такая штука. — Виктор улыбнулся. — Лучше бы они не покупали. У нас разные вкусы. Лучше бы давали деньгами: я сам бы купил то, что мне нужно, то есть то, что подходит современному человеку.

— Ты позабыл, что отец, когда ты еще учился в 10-м классе, покрыл все твои карточные долги?

— Это мелочь, — отмахнулся Виктор.

— Ну, и наконец, — подошел я к самому главному, — сколько раз ты просил деньги у родителей на свои торговые операции?

— Раз десять, — не задумываясь, ответил Виктор.

— И тебе всегда давали?..

— Ну, — пожал он плечами. — Фифти-фифти, то есть раз пять давали легко, а раз пять — с боем, со скандалом, но все равно давали.

И тогда-то я напомнил Виктору его собственные слова о том, что плохой день был для него, когда он зарабатывал

меньше 200 рублей, что в руках его бывали большие суммы денег, до нескольких тысяч. Так почему же он, имея в руках деньги, все-таки принимал от родителей рубль по утрам и энное количество рублей со скандалами и без?

Виктор представил несколько объяснений.

Во-первых, «родители — это дойная корова, которую стоит использовать».

Во-вторых, «родителям уже за сорок, и они должны существовать для обеспечения ребенка».

И, наконец, в-третьих, «я должен был постоянно давать чувствовать родителям, что я существую».

Если бы остановиться на этих объяснениях, наверное, разумных, с точки зрения Виктора, то все встало бы на свои места и потребительство — вскрытый современный порок — легко бы завершило схему падения молодого человека из благополучной семьи.

Но что-то противилось принять лишь эти объяснения. Быть может, элементарная логика: ведь если у самого Виктора всегда были деньги (а они были — каждая афера с такси, набитым дефицитом и увезенным от разомлевшего от счастья покупателя, давала ему, по его же словам, тысячу, а то и больше рублей), то зачем же требовать с родителей, рискуя нарваться на скандал?

— Нет, Виктор, все-таки я тебя не понимаю, — прервал я его. — Должны же быть и иные причины, кроме «дойной коровы»?

Вот тогда-то Полянов и бросил мне в лицо:

— Как я понимаю, вы не компетентны.

— Как-как? — не понял я.

— А вот так, — жестко отрезал Виктор. — Вы не знаете нашей жизни, то есть жизни деловых людей. Сегодня у тебя нет четырнадцати копеек на «Приму», а завтра в кармане — 500 рублей. Ведь капитал находится в обороте. В обороте, — подчеркнул он, чтобы уже не оставалось никаких сомнений в первопричинах финансовых семейных конфликтов. Вот почему Виктор, улыбаясь, можно даже сказать, насмехаясь, рассказывал о проекте

отца: «Кончишь институт — получишь машину и ключи от кооперативной квартиры».

— Зачем мне все это? — спрашивал он у меня. — Квартира и машина — это не база. Мне для работы нужны были наличные деньги. То, что оставалось от оборота, являлось стержнем для работы. Тем более, меня больше привлекала не цель, а сам процесс.

Как, откуда взялось это в Викторе — парне, выросшем в наше время, среди сверстников, не ведающих, что такое «оборотный капитал», — разговор, мне кажется, особый. Отдельная тема. Давайте хоть с одним человеком разберемся, с самим Виктором.

Определение еще одного чувства, вызванного разговором с ним, я нашел с трудом. Поэтому не будем на нем останавливаться подробно.

Допустим так: негодование.

— Ну вот что, — произносит Виктор, — между прочим, я не знаю ни одного человека, который в наше время может за идею сидеть на воде и хлебе. Каждый хочет за каждый свой жест что-нибудь поиметь.

И так далее.

Дело не в этой софистике: «за идею», «на воде и хлебе». Дело в другом: в полной уверенности Виктора, что материальный блеск не только у него, у каждого человека, по его мнению, заслонил всю радугу жизни.

Спор вокруг этого вести трудно, потому что ценности несоизмеримы, и можно только посочувствовать Виктору, что в круг его общения не попадали люди высокие и чистые, физически, в конце концов, не способные не только что-либо продать, но и купить что-либо на толкучке. Нет, все это странно. Оставим это без широкого комментария.

Наконец, еще одно ощущение — элементарный интерес.

В один из дней Виктор взял мой блокнот и перечислил те факторы, которые в конце концов и сделали его таким. Вот они в порядке, так сказать, поступления: «семья», «школа», «средства массовой информации», «улица и микромир,

ЧУМА
МАЛАХ
КАПАЙ
БПОЛЯЧКА

который окружает за порогом дома», «встречи с другими взрослыми», «любовь».

Вне перечисленных факторов Виктор назвал вот что: «В детстве мне хотелось, чтобы в моей песочнице было больше всего куличиков».

Сам он определил это собственным генетическим кодом, но, когда я попросил его покопаться и в этом, он ответил, что все это «дебри» и лучше заняться тем, что бесспорно. А бесспорно было следующее (цитирую):

«Семья: ребенок смотрит на мир глазами своих родителей. Как узнать, плохо живет человек или хорошо? Что лучше: у человека есть дача, хорошая квартира, машина или человек бредет по улице, а у него в авоське батон и сто граммов колбасы? Мой дом подсказал мне, что лучше. Я сделал выбор».

«Школа: здесь было положено начало моей деятельности, если можно так сказать. Первую торговую операцию я провел в школе — купил джинсы. Смотрел на „средних гениев“, то есть ребят, увлекшихся чем-нибудь. Призвания у меня не было, ни математикой, ни химией я не увлекался. Тянуло к тем, кто выделялся внешне — одеждой, манерой поведения, кругом знакомств. Меня привлекала престижность...»

«Средства массовой информации: примитивные телепрограммы. Я, допустим, люблю мотогонки, но кто-то их, наверное, не любит. Почти не показывают. Мне кажется, молодежь надо удерживать хотя бы у телевизора».

«Встречи с другими взрослыми. Родители отделили свой мир от моего. А меня очень тянуло к друзьям отца. Но, вы знаете, у них главные разговоры — о работе. Работа меняется — все контакты исчезают. У отца нет ни одного близкого друга. Ладно, меня не пускали в этот мир — я проник в него сам. Взрослые, с которыми я познакомился помимо дома, были другими: уверенными, беззаботными, их знали швейцары в ресторанах. Меня тянуло к ним. Позже я узнал, что эти взрослые — такие же, как я. Вернее, я стал таким же, как они».

«Любовь. Встречаешь человека, который тебе нравится. Тебе хочется обладать этим человеком. Раньше перед дамами

гарцевали на рыцарских турнирах. А нам на чем гарцевать? И где? На мотоциклах! На улице! Любовь заставила меня полюбить мотоцикл. Это первое. Второе: если девушка привыкла кушать шоколад и пить шампанское, то тебе хочется купить ей шоколад и шампанское. А для этого нужны деньги, а деньги надо заработать. Это любовь, ничего не поделаешь».

И вот что мне хочется привести целиком: «улица и микромир, который окружает за порогом дома». Знаете, даже некое воодушевление заметил я в его глазах, когда он встал и произнес:

«Улица... Улица — это расширение твоего мира! Улица — это место, где проверяется, кто ты и зачем ты здесь. Дома ты усваиваешь истины, на улице ты проверяешь их в действии. На улице ты находишь друзей, на улице ты встречаешь этих самых девушек. Не согласен, что улица влияет тлетворно. Улица — это и хорошее, и плохое. На улице ты видишь и злое, и доброе. Дело все в том, к чему ты стремился. А к чему ты стремился, то ты там и находишь. Я нашел на улице то, что искал, то есть людей, подобных себе. Вы знаете, от раннего детства у меня осталось ощущение карнавальности центра города. Я помню: подъезжаем на машине, папа ходит по магазинам, а я смотрю из окна и вижу этот карнавал, особенно вечером. Как мне хотелось попасть туда! И я попал. Когда я впервые пришел в кафе в самом центре города, где собирались центровые ребята, — мне тогда было лет четырнадцать, — меня охватили трепет и волнение, как будто я вошел в храм. Потом я стал бывать там часто. И так далее... А теперь — дайте мне еще одну сигарету... Спасибо...»

Не будем оспаривать каждое утверждение Полянова. Не будем высчитывать, все ли факторы назвал он или не все: кто это знает точно? Не будем поражаться примитивности его оценки, если примитивность эта замечена. Не будем негодовать, радоваться вроде не из-за чего.

Не забывайте: слова, закавыченные мной, принадлежат не барабанщику из «Артека», а преступнику, отбывающему срок наказания. Теперь уже третий срок...

Но все-таки это интересно.

Несколько этих страничек из блокнота я прочитал ученому, уже много лет занимающемуся воспитанием молодежи. «А что, — сказал он, — это любопытно. Очень любопытно... Он мог бы выступить у нас в институте...» Я руками развел. «Ах да-да, конечно, — вспомнил он. — Но все-таки любопытно».

Поэтому я без зазрения совести пишу, что разговор с Виктором Поляновым, кроме всего прочего, был для меня не только интересен, но и полезен.

Ну а то ощущение, с которого я начал историю Виктора Полянова, — ощущение жалости. Где же оно?

Как родилось оно, откуда оно взялось, я объясню, когда придет тому время. Чуть позже, тем более что непосредственно в момент беседы с Виктором его еще не было.

Все, какие угодно, чувства были. Все, что угодно. Кроме жалости. И я был уверен, что чего-чего, а уж жалости-то не останется в сердце, когда по прошествии времени взгляд снова уткнется в блокноты с пометкой на обложке: «Финансист».

Но оказалось, что и по сей день Витя Полянов стоит перед глазами. И значит, не так все просто.

В какой-то момент разговора с директором школы, в которой Полянов проучился десять лет и которая, говоря языком высоким, дала ему путевку в жизнь, я неожиданно почувствовал, что именно сейчас будут сказаны слова, впрямую его осуждающие.

Моя собеседница взглянула поверх меня, в окно, потом прямо мне в глаза, как учитель ученику, и спросила:

— Вы еще увидите Виктора там?

— Там? — переспросил я.

— Ну да, там, — сказала она с ударением на последнем слове.

И я понял, что сколько бы раз я ни переспрашивал: «Где там?» — она не скажет: «В колонии, в тюрьме», — потому что эти слова были не совместимы с кабинетом, за дверью которого поднимались пять школьных этажей, бегали новые ребята и звенели веселенькие школьные звонки. И я понимал, что нелепое соотношение «там» и «здесь» для педагога отзывалось

покалыванием в сердце, и иначе быть не может, если это не чиновник в департаменте просвещения, а учитель, желающий своим ребятам любой профессиональной судьбы, кроме судьбы Полянова. Поэтому ответил:

— Да, я увижу его там.

— Так передайте Виктору, — сказала директор школы, — передайте ему, — и голос ее достиг высоких нот, — что я отработала 26 лет в школе, я имею первого заключенного. Я потрясена не потому, что не знала, что он может кончить именно этим, а потому, что все-таки верила: этого не случится.

Я понимал, что то, что сейчас сказала Людмила Сергеевна, очень серьезно. По крайней мере — для нее. Поэтому я не нарушил тишины, установившейся после этого в кабинете, и старался не смотреть на нее.

— Хотя, — вздохнула Людмила Сергеевна, — хотя передайте ему также, что я потрясена, что на скамью подсудимых попал парень с хорошей головой.

И уж только тогда, после завершения паузы, я спросил:

— Людмила Сергеевна, как вы думаете, все ли сделала школа для того, чтобы судьба Полянова не обернулась именно так?

— Вы знаете, — ответила она, — я буду, наверное, не права, конечно, каждый человек до конца все не доделал, и до конца не долюбил, но в 9-м и 10-м классах все мы занимались Витей днем и думали о нем ночью. Мы знали: перевернем мир, а он кончит школу, хотя этот мальчик с пятого класса беспокоил всех. Вы уже, наверное, знаете, что в старших классах у него стали очень напряженные отношения с семьей, особенно с отцом. Мне иногда казалось, что он готов уйти куда угодно, только не домой... Все, что было у Виктора доброе, — это в школе. Где он видел улыбки — так это в школе. Дома — ссоры с родителями. В его компаниях — вечная продажа, разговоры о деньгах, долги. В школе просили только одно: выучи косинусы, ответь про животный мир. Хотя, конечно... Я была у Вити дома пять раз, а могла бы десять. Да, десять, — закончила Людмила Сергеевна.

Потом мы говорили еще о многом, пока наконец я не подошел к своему главному вопросу: причины, сделавшие Полянова Поляновым, то есть человеком, в неполных девятнадцать лет удостоившимся общественного внимания не за самоотверженные поступки, не за благородство и честность, не за спасение ребенка из полыньи, а только за одно: за то, что его судьба — это приставленный к нашему виску телеграфный ключ, отстукивающий лишь одно слово: SOS.

— Кто виноват? — задумалась Людмила Сергеевна. — Сила тех людей, которые окружали Виктора вне дома и школы? Или беспечность родителей? Я не могу точно ответить, что же именно так нравственно распустило его? Может быть, излишняя опека позволила Виктору так своеобразно решать жизненные вопросы? Может, отсутствие контактов с чистыми людьми? А точнее, причина в том, что сначала родители слишком много дали Виктору: слишком многое разрешали, слишком часто возили, слишком хорошо одевали, слишком много показывали. А потом — пошли только требования. А у Вити уже исчезла граница между желаемым и возможным. А если ты привык жить на 500 рублей в месяц, а потом тебе предложили жить на 100, такой перепад может стать губительным. Особенно если мы говорим о подростке, то есть о Викторе, каким он был у нас в школе.

Ну, что ж, и это объяснение, видимо, может иметь место. Ведь, докапываясь до причин, превративших в преступника мальчика из благополучной семьи, мы должны учитывать не только мнение самого Полянова, но и людей, окружавших его в разные отрезки его жизни.

Поэтому, к примеру, интересно мнение и его одноклассника, приятеля, в какой-то момент — даже друга.

— Вы знаете, — сказал мне Игорь, — Витька всегда хотел или иметь больше всех, или одеваться красивее всех, или быть лучше всех, впрочем, тоже внешне. Если, допустим, кто-то ездил на мотоцикле быстрее, чем Витька, и он понимал, что догнать он не может — тогда он ездил на заднем колесе. Каждый день своей жизни он очень хотел

выделиться. Создавалось впечатление, что каждую минуту он думал только об этом.

Да, и это правда. Я пишу так уверенно «правда», потому что у меня есть железное подтверждение — саморазоблачение Виктора (хотя, по-честному, слово это не совсем здесь подходит: для него это было не саморазоблачением, а объективной информацией для печати).

Осознав, что он не попадает в число «средних гениев» (термин, уже употреблявшийся), то есть не хватает звезд на астрономии, не щелкает формулы, как семечки, на алгебре, не цитирует Писарева на литературе, Виктор стал выделяться тем, что первым — еще в восьмом классе — пришел в школу в фирменных джинсах; что именно его после уроков ждали таинственные личности, к тому же значительно старше его по возрасту; что именно он дарил знакомым девушкам подарки, которые не каждый взрослый-то человек осмелится принять. Даже отбывая впервые наказание в колонии, Виктор переживал из-за того, что вокруг него какие-то «мелкие люди, всякая шпана», осужденная за хулиганство, кражи, ограбление. Люди, по его словам, примитивные, не соответствующие его собственному уровню. (Теперь-то он, может быть, к этому притерпелся?)

Отчего Виктор стал таким, почему? Может, разгадка в словах директора школы Людмилы Сергеевны, которая знает его с первого класса?

— Мне кажется, что с раннего детства Виктору внушали, что он особенный. Когда стал он меняться прямо на глазах, его мама кричала на нас в присутствии сына: «Вы неправильно к нему относитесь». Только в 10-м классе его отец публично признался, что никакого влияния на сына он уже оказать не может.

Ну что ж, может быть, и это сыграло решающую роль, и осталось Виктору, чтобы выделиться из всех, только проехать на заднем колесе мотоцикла или притащить в класс стопку джинсов.

Наконец, заслуживает внимания и формулировка отца Виктора, Павла Николаевича:

— Поймите меня правильно, Виктор кончил десятилетку, поступил в институт, потом бросил. И не работал, и в то же время пользовался всяческими благами. Я не сухарь: и в кафе могу посидеть, и шашлык на природе изжарить. Но это второе. А первое — работа. Именно этого Виктор не понимал.

Хотя сказано это кратко, лаконично, но согласитесь, слова эти важности необычайной.

Полянову-младшему хотелось жить так, как живет Полянов-старший, то есть иметь приличную зарплату, хорошую квартиру в центре города, машину, дачу. Но при этом не работая. То есть получить результат, не прилагая усилий к его достижению. Он не учитывал, что его отец, прежде чем стать руководителем предприятия, прошел весь путь «от» и «до».

Как-то я спросил Виктора, как, по его мнению, должны были вести себя его родители, чтобы он, единственный сын, не только не считал их «врагами», но и уважал.

Вот что предложил Виктор:

— Во-первых, я бы на их месте решил проблему жилья, то есть отделил бы меня от них. Во-вторых, все-таки переписал бы на мое имя автомобиль, сегодня, а не после того, как кончу институт. В-третьих, давал бы мне в день три рубля, а в субботу и воскресенье столько, сколько я попрошу, конечно, в пределах реальных возможностей.

Как нравится вам откровенная формула потребительства девятнадцатилетнего парня?

И хотя это объяснение — я бы назвал его «желанием мгновенного результата» — очень важно для понимания развития характера Вити Полянова, я все же рискну дать свое определение основной причины, сделавшей его таким.

Ведь, в конце концов, проблема соответствия трудного пути, который проделали родители, и нынешнего материального благосостояния детей, воспринимающих это материальное благосостояние как реальную и единственно возможную данность, актуальна сейчас во многих семьях. Почему же именно на Виктора Полянова судьба, как говорили в старину, указала перстом?

Для снежной лавины, мирно лежащей на склоне горы, достаточно удара камнем, размером не больше пятикопеечной монеты, чтобы она сорвалась, устремилась вниз, сметая и разрушая все на своем пути. «Лавина потребительства», кроме души, не разрушает ничего. Но и для нее, как и для лавины, рожденной природой, хватает такого же «камешка», который в одном случае может, конечно, пролететь мимо, в другом — ударить без вреда и отскочить. Ну а в третьем случае... В третьем, как случилось с Поляновым, вызвать обвал и смести не человека в его телесном обличии, а человеческую личность.

Камешкам принято давать звучные имена: «сердолик», «яшма»...

Что ж, назовем и мы камешек: «суперобложка». Это, мне кажется, то самое недостающее звено, которое позволило «сработать» всем тем причинам, подтолкнувшим Виктора к преступлениям.

Однажды, в дни очередного безденежья, в поисках «оборотного капитала» Виктор продал всю «Библиотеку всемирной литературы» и в течение длительного времени никто этого не заметил. На полках так же, как и до продажи, стояли книги... Вернее, суперобложки. А внутри — старые газеты и прочий хлам.

Суперобложки, выстроившиеся на полках по цветам и векам для всех, живущих в доме и приходящих в гости, — означали благоденствие, покой, достаток, культуру в конце концов. И только один Виктор знал, что за ними пустота.

Можно было отмахнуться от этого эпизода как от незначительного, тем более что Виктор и не такие фокусы выделывал в своей квартире, в своей семье. Но в конкретном поляновском случае эпизод с суперобложками, поверьте, символичен.

«Совершенно домашний мальчик...», «не знали забот...», «откуда могло это взяться...», «перемены в сыне заметили только в конце девятого класса...» А ведь уже все было, все было раньше, и сын, очутившись в критической ситуации, скажет о своих взаимоотношениях с родителями:

— С раннего детства я знал, что они (то есть родители) —

это люди, от которых надо было что-нибудь скрывать. Сначала — оценки, потом листы, вырванные из тетради, потом — первую сигарету, выкуренную с ребятами во дворе. То есть примерно с первого класса я начал создавать свой собственный мир, в который не хотел посвящать родителей. И думаю, это их устраивало, — зло закончил Виктор.

Последнее замечание очень существенно. Неизвестно, что тяжелее: знать истину или верить «суперобложкам», прикрывающим истину.

Сарказм Виктора поэтому понятен, когда он говорил: «Родители ругали за запах пива — и давали деньги, которые, ясно, идут не на мороженое и не на билеты для девочки в кино. В моей комнате иногда скапливалось такое количество джинсов — ой-ой-ой! Да и они сами просили иногда кое-что достать для детей своих знакомых».

У меня нет доказательств, знали или не знали родители Виктора о размахе его торговых операций. Да я и не собираюсь искать их. Важнее другое: сам Виктор ни на секунду не сомневается, что они знали и, зная, заботились о другом: чтобы внешние правила игры были соблюдены, чтобы оставался студентом, хорошим сыном, таким же, как в детстве, домашним и хорошим мальчиком. То есть, все порочное, что уже зарождалось в Викторе, кружило там, разрушая одну за другой молекулы души, было надежно спрятано в глянцевую суперобложку.

Именно это и превратило связи внутренние, так важные для людей, живущих под одной крышей, одной семьей, в связи материальные: они и в самом деле материальнее, зримее, они имеют денежный эквивалент, на них легче строить взаимоотношения.

Я пересмотрел еще раз блокнот, где записан наш последний разговор с отцом Виктора.

«Я ему однажды сказал: давай заключим с тобой контракт — ты мне зачетку за первый курс, я тебе — ключи от нового мотоцикла. Как премия на производстве...»

«Я мог бы купить ему путевку в санаторий, но я ему куда покупаю? — в турлагерь: пусть отдыхает как все...»

«Если бы мне сказали: дай тысячу рублей, и сын будет на свободе, я бы отказался. Во-первых, я на это просто не могу пойти, как гражданин, а, во-вторых, в таком случае сын поймет, что мои идеи ничего не стоят...»

И так далее, и так далее...

Как все-таки много в этой истории приходится употреблять слов: «купил», «продал», «достал», «рубль», «десять рублей», «сто рублей», «деньги». И хотя бессмысленно отмахиваться от всех этих естественных реалий, нелеп спор: «Можно ли прожить на земле без денег?» — все равно по серьезному счету это тоже своего рода суперобложка, которой можно отгородиться от жизни, спрятаться от нее, но уж никак не заменить ее.

Вот поэтому-то я и написал вначале, что единственное чувство, которое осталось у меня по отношению к Виктору, — жалость.

Можно стать богатым, баснословно богатым, можно играть в эти «деловые игры» и получать от самого процесса игры удовольствие, можно многим прикрыться от жизни: не только одной квартирой — даже двумя, не только финской мебелью, но и антикварной, не только собственным автомобилем, но и самолетом.

Только ты сам, как личность, мало кому будешь нужен.

«У меня очень много деловых связей», — в голосе Виктора, когда он произносил это, звучала гордость.

В его записной книжке было записано около четырехсот телефонов.

Его многие знали в городе, и многие о нем слышали.

Но только один из нескольких десятков людей — сверстников Виктора, с которыми мне пришлось встретиться, произнес: «Этот подонок...», «Я с ним не имею ничего общего...», «Он в тюрьме, а я на свободе...»

Этот один спросил, не может ли он как-нибудь помочь Полянову? Что нужно сделать? Как?

«Игорь — чистый человек, но ему будет очень трудно жить. Жизнь — жестока...» — сказал Виктор, когда я рассказал о своей

встрече с его одноклассником, единственным из четырехсот, с которыми (по собственным словам Полянова) он был связан не деловыми отношениями, а какими-то другими... Какими точно, он так и не смог сформулировать.

Вот так он остался парнем, способным проехать на заднем колесе мотоцикла: кадр, вполне достойный суперобложки какого-нибудь красивого, яркого, в разноцветных картинках издания с почти полным отсутствием текста.

Этим документом началось следствие по делу Виктора Полянова:

«Начальнику отделения милиции (номер отделения и фамилия начальника).

Такого-то числа и месяца гражданин Полянов, находясь в нетрезвом состоянии — весь вечер он распивал спиртные напитки в компании (следуют фамилии. — *Ю.Щ.*), — учинил дебош, накинулся с кулаками на меня и мою жену, ругался матом, сбросил на пол телевизор, бил головой (у меня рассечена бровь) и др. На шум и крик подоспели соседи. Гражданин Полянов сначала притих, а затем с площадной бранью и с ножом в руках (по общему мнению, это была финка) бросился к лифту, на пути порезал руку жене, а я успел прикрыться дверью квартиры... По вызову соседей прибыли из отделения милиции два милиционера, осмотрели все и ушли. Гражданин Полянов длительное время нигде не работает, ведет совершенно непонятный образ жизни для молодого человека. Из дома продает вещи, как свои, так и ему не принадлежащие. В доме постоянно собирается компания его сверстников, пьют, играет музыка. Были у гражданина Полянова и попытки к домашним дебошам. Настоящим прошу принудить гражданина Полянова уважать законы нашего общества и привлечь его к ответственности». (Дата, подпись.)

В этом заявлении я не исправил ни буквы. Вот только там, где вы читаете «гражданин Полянов», в заявлении стояло: «Виктор» или «наш сын».

Так все произошло. Так, можно сказать, было еще раз доказано, что любая суперобложка всего лишь декоративное

украшение, имитирующее, но не заменяющее реальную действительность.

Не будем гадать, что же толкнуло родителей Виктора на шаг, не так уж часто встречающийся в судебной практике, — ходатайство о возбуждении уголовного дела против собственного сына. Отец объясняет это так: «Мы хотели оградить Виктора от худших поступков». Сам Виктор добавляет: «Чтобы, не дай бог, не повредил еще больше его делам по службе».

Как бы там ни было, в зале народного суда был осужден не только Виктор, но и дом, в котором он вырос, внешне благополучный и респектабельный; но и та «двойная бухгалтерия», которая, что бы мы ни говорили, не может не оставить отпечатка в сердце подрастающего человека.

Над чем там еще хохотал Виктор? А вот над чем:

«Однажды Людмила Николаевна выступила на собрании и потребовала, чтобы родители, у которых есть машины, больше не привозили на них своих детей в школу. Так вот — к школьным воротам никого больше не подвозили. Машины останавливались за углом. Интересно, догадывалась ли наша Людмила об этом? Мне кажется, знала. Но из окна ничего не было видно. Ведь так, а? Как вы думаете?»

А вы?

А у меня Витя Полянов стоит перед глазами.

Совершенно уверен, что много людей с пониманием отнесутся к истории Вити Полянова.

Я считаю нужным высказаться от имени тех, кто близок Виктору по возрасту и еще не сложившемуся образу жизни.

Да, погоня за престижностью — чисто внешней — приняла сейчас пугающе широкий размах. Но сегодня изменилось даже само понятие слова «спекуляция». Если раньше этим хлопотным делом занимались толстые тети и сомнительного вида дяди, которых большинство людей избегали и, по крайней мере, стеснялись общаться с ними, то теперь все иначе. В моде стал фарцовщик.

На него уже не показывают пальцем. Напротив. Да и в самом этом слове многим молодым людям слышится уже что-то смелое

и увлекательное, чуть ли не полезное людям и почетное. Хочу заметить, что наиболее вредным для общества фарцовщиком является фарцовщик-любитель. То есть не тот, кто живет за счет своих торговых сделок, совершая крупные махинации, а именно тот, кто занимается таким бизнесом «по совместительству», понемногу, не запуская работу, учебу, изредка приторговывая случайно подвернувшимся товаром. А таких гораздо больше, чем «профессионалов», посвящающих этому грязному, но доходному делу основную часть своей жизни.

Разумеется, в первую очередь тревожно за молодых людей. Но ведь не только в нас дело! Почтенные, вроде бы интеллигентные люди, как говорится, с положением, тоже не брезгуют подзаработать на перепродаже книг, тряпья, сигарет и других предметов, пользующихся высоким спросом и трудной доступностью. Моральной же стороны дела стараются как-то не касаться. Не желают принимать свои действия всерьез. А ведь нас-то должна интересовать именно эта сторона. Остальным занимается милиция. Уж слишком много людей старается подзаработать на обывательской ограниченности.

Чем труднее достать какую-то престижную вещь, без которой обыватель (любого возраста!) не мыслит своего существования, тем более крупную сумму он готов за нее отдать.

Спекулянты — народ деловой и предприимчивый. Они всегда остро чувствуют спрос и предложение, быстро и точно реагируют на потребность клиентов (чего, кстати, от всей души хочется пожелать нашей уважаемой, но неповоротливой торговле). И пока, к сожалению, у спекулянтов работы хватает.

«Раз другие это носят (курят, слушают, имеют), то я ни в коем случае не должен отставать», — вот примерная логика обывателя. В печати ругаем мы хамов-официантов, публично удивляемся блату в магазинах, негодуем на потребительскую ненасытность. А в жизни? Ежедневно робко заглядываем в глаза продавцам, гоняемся на «толкучках» за «фирмой», держим, что называется, нос на ветру, чтобы не «отстать», не «пропустить», не «проглядеть». Посмеиваясь над знакомыми, все-таки завидуем им и безудержно тянемся к стандарту.

Те же, кто только начинает жить, отлично видят всю эту двуличность. А свойственная молодости прямота и максимализм приводят к следующему: то, что почти незаметно у людей старшего поколения, с особенной яркостью выявляется у их детей.

Кроме того, молодым жизненно необходимо выделиться из толпы, острее почувствовать свое «я», доказать собственное превосходство, полноценность. Но как это сделать? В институте учиться долго, да и этим вряд ли кого удивишь. Устроиться на высокооплачиваемую работу без специальности трудно, значит, заниматься неквалифицированным и физически тяжелым трудом?

Так как же утвердить себя? И тут приходит на помощь другая сторона жизни — обывательская. Престижность материального благополучия. Просто и, главное, быстро. Две-три успешные торговые сделки, и ты уже можешь ужинать в кафе, потом в ресторане, потом ты уже фамильярно похлопываешь по плечу и учишь жить нерасторопного знакомого, достаешь ему то, за чем он безуспешно охотился целый год, и тем самым получаешь «за услугу» кругленькую сумму и хотя бы внешнее уважение.

Я умышленно не беру во внимание тех, кто нашел себя в работе, серьезном увлечении, любви или семье. О видящих жизнь в кривом зеркале идет сейчас речь. Именно для них важнее всего факт утверждения себя как личности. Какой личности и какой ценой — не столь важно.

Подпольные коммерсанты бравируют своей уникальностью. Им доступно то, что недоступно простым смертным. У них даже вырабатывается своя, хоть достаточно жалкая, но опять-таки объяснимая идеология. И с такой идеологией надо бороться — не только с помощью следственных органов, не только в семье и школе.

Мне жалко Витю Полянова. Мне обидно за него. Мне обидно за тех моих сверстников, кто променял свою энергию и ум на несколько обыкновенных тряпок. Они не задумываясь поспешили переплюнуть пап и мама хотя бы в этой отрасли, слепо кинулись поклоняться дорогостоящим, но все-таки бесконечно примитивным идолам. Стали копить, приобретать и с гордостью показывать «достояние» себе подобным.

Где же причины такого большого размаха пошлости? Вероятно, все-таки в тех критериях морали эпохи, которые мы сами и создаем.

Александр Страхурлов, Воронеж

***

— Меня зовут Александр Медведев, мне 18 лет. Рабочий, москвич. Я хочу вас спросить: почему это все у нас происходит?

— Ты знаешь, мы только начинаем этот разговор и надеемся, что вместе с читателями найдем ответы. Что на контакт выйдут сами ребята и с их помощью мы все выясним.

— Я тоже «ребенок».

— Саша, как ты думаешь, какая именно группа молодежи достойна сегодня общественного внимания?

— Мне кажется, молодежь от 15 до 25 лет.

— Это ты говоришь о возрасте. А по каким признакам?

— Понял. На первое место я бы поставил ребят из ПТУ. ПТУ и техникумы. И, видимо, первый-третий курс институтов... Я, наверное, сумбурно говорю?

— Нет, Саша, все нормально.

— А скажите, занимаются этим в редакции молодежь или люди старшего возраста.

— У нас в редакции?

— Да.

— У нас небольшой штат, и в основном работают люди среднего поколения. Мы же не «Комсомольская правда».

— Понятно. Если хотите, спросите меня, я отвечу на интересующие вас вопросы.

— Среди рабочей молодежи какое течение наиболее сильно, наиболее заметно?

— Я бы разделил рабочую молодежь на три категории. Первая – это рабочие как таковые, которые хотят посвятить свою жизнь рабочим профессиям. Вторая — это залетные рабочие. Они или хотят заработать стаж, или иметь в анкете данные, что он рабочий. Это ценится. Это престижно в некоторых учреждениях. Третья категория – ребята, которые никуда не попали. Это очень разные люди. И по интересам, и по запросам. Вот у нас

в бригаде пять человек, и мы подобрались так, что у нас интересы общие. Какие интересы? Музыка, развлечения. Я недавно женился, и у нас с женой нет телевизора. Но он и не нужен. Мы нашли свой способ развлечения, именно с моими друзьями. Ко мне приезжают ребята в гости, и мы ездим в гости. Беседуем. Как раз на эти темы, которые вас интересуют.

— Скажи, Саша, в сегодняшние молодежные компании входят ребята разных кругов: допустим, рабочий, студент, школьник? Или компании эти замкнуты: рабочий парень не попадет в компанию студентов и наоборот.

— Есть компании рабочие, но надо выделить рабочих-учащихся. Они выделяются из просто рабочих.

— Саша, ты дружишь с одноклассниками, которые сейчас учатся в институтах?

— Поддерживаю отношения с двумя. Остальные так странно на меня посмотрели, когда я пошел в рабочие. У меня семья-то интеллигентная. На меня и родители посмотрели странно, когда я стал рабочим. Но я хочу попробовать себя. Я не хочу заработать стаж, а именно хочу остаться рабочим на всю жизнь. Я хочу произвести на себе эксперимент: попробовать все.

— Саша, а ты не поступал в институт или поступал, но не прошел?

— Понимаете, у меня была возможность... скажем, неправильная, то есть блатная, поступить в медицинский, но я отказался. Не столько потому, что мне претит поступлению по блату, а захотелось попробовать свои силы именно в рабочей среде. До того, как пришел на предприятие, я дружил с ребятами-интеллектуалами, и они отзывались о рабочих свысока. А я хотел понять, что это за люди — рабочие. Именно разобраться.

— Скажи, Саша, что тебе больше всего не нравится в среде рабочей молодежи, и что кажется в ней интересным, отличающим от сверстников-студентов и т.д.

— Понял. Во-первых, пугает пассивность. И в то же время радует дремлющая активность. Именно эта активность может через некоторое время проявиться. Если в этом будут

способствовать. Но нужны какие-то новые формы. Я, конечно, не специалист, но это, по-моему, ясно каждому.

— А пьют ребята много?

— Очень много. Страшно много. Стыдно смотреть. Но есть ребята, которые на пьянство смотрят как на норму, а есть те, которые хотят работать и не пьют. Но их, правда, меньше.

— Саша, ты сейчас живешь самостоятельно, или вам помогают родители?

— Уже два месяца живу полностью самостоятельно. До этого мне помогали родители.

— Саша, если не секрет, сколько ты зарабатываешь?

— 180 рублей.

Знакомьтесь: Михаил Остафьев. Это имя вам ничего не говорит? Совершенно верно. Популярности Миша никогда не искал. Но, думаю, после того, как я представил его, кто-то вспомнит: как же, как же… Встречались.

Род занятий? Как бы попонятнее сказать… Мошенник? Одурачиватель людей, голодных до дефицита? Спекулянт? Герой «толкучек»? Их жертва? Ладно. До поры до времени оставим этот вопрос открытым.

Когда мы познакомились, Михаилу исполнилось 19 лет, он закончил вечернюю школу. Работал лаборантом в одном из научно-исследовательских институтов.

Если считать, что глаза перископ души, то, посмотрев в глаза Михаила, можно догадаться, что на душе у него неспокойно. Хотя сам он это отрицает. Но об этом позже.

Мы встретились не случайно, а намеренно. По крайней мере, я уже был о нем наслышан и к встрече этой стремился. Проговорили мы несколько часов. Отвечал он на мои вопросы предельно искренне — вы сможете убедиться в этом.

Михаил знал, что именно интересовало меня в его биографии, о каких именно нервных точках нашей жизни пойдет беседа.

— Как я понял, вас интересует система нашего производства?

— Да, — кивнул я.

— Покупали майки за 3 рубля, ставили трафарет западногерманской фирмы, заклеивали в целлофановые пакеты и продавали за 10-15 рублей. Размер ходовой — 46.

— Миша, не так быстро и подробнее. Сколько вас? Кто покупал? Сколько продали?

— Нас двое. Художник ставит трафареты, я сбываю продукцию. Чаще всего — у комиссионных магазинов. Изготовили и продали сто маек. Стоишь спокойно, подходят всякие люди, тихо спрашивают: «Что есть?» Отвечаешь. Кто скажет: «Дорого...» — не торгуешься. Кинешь ему: «Поищи дешевле». А где он поищет? Чаще всего покупали взрослые, но ясно для кого — для детей. Потом...

— Миша, меня очень интересует, с чего это началось. Не каждый твой ровесник сможет выйти к комиссионному магазину?.. Что-то должно измениться в самом человеке перед тем, как шагнуть в толпу у комиссионного?

— Хорошо. Впоследствии я попытаюсь ответить на этот вопрос. Но пока давайте я вам расскажу, что было потом. Мы стали производить сумки с трафаретом «Мальборо» — мой компаньон перерисовывал с пачки сигарет. Покупали бортовку — это такая ткань по 1 рублю 25 копеек за метр. Из каждого метра выходило по две сумки. Шила знакомая девочка со швейной фабрики — так, за коробку конфет...

— Кстати, как же распределялись ваши доходы?

— Половина на половину. Художнику за трафаретки, мне — за сбыт. Ну, так вот: ставили «фирму», делали ручку — витая веревка, и — к «комку», то есть к комиссионному. Толкал по 15 рублей за штуку. Спрос был очень большой, на этот раз покупали сами ребята. Правда, и взрослые тоже. Одна женщина чуть не упала (по ее словам) от разрыва сердца, когда увидела «фирменную» сумку. Очень весело...

— Миша, неужели так никто и не понял, в каких «государствах» произведен ваш товар?

— Ну нет, почему же. Однажды я сдавал сумки в комиссионный — там у меня знакомый продавец. Подошел его напарник, увидел товар и сказал: «А... Сам делал...»

NOADKO

— И побежал звать милиционера? — спросил я.

Миша рассмеялся: «Кто не рискует, тот не обедает с пивом».

И тогда я спросил:

— Но, по крайней мере, вы выпускали качественную продукцию?

— Конечно. Мы попробовали разные краски, чтобы сделать трафарет. Сначала масляную. Видим — плохо получается, от краски неприятный запах. Пришлось побегать, посоветоваться с художниками. Наконец, достали типографские краски. За бутылку водки...

— Но все-таки, с чего ты начал?

— Идея родилась, когда ходил по нашим магазинам. Подумал, что можно делать лучше, качественнее. Не обижать, одним словом, покупателя...

— Миша, я не об этом. По магазинам ходил не один ты, а множество людей, в том числе и молодых. Твоя идея — надеюсь, ты согласишься со мной — пришла в голову далеко не каждому.

— Но одному, что ли, мне?

— Подожди. Пока вопрос о тебе. Ведь не с детства же ты мечтал заниматься сомнительным бизнесом, на который, как ты сказал, у тебя уходит колоссальное количество времени — примерно три-четыре вечера в неделю?

— В детстве я мечтал быть путешественником и даже летчиком. Моя девушка, которая была... Ну, это совсем другой кусок моей жизни, не для печати... Так вот, она мне твердила, чтобы я все это бросил и шел на завод. Будешь, говорит, и без того много зарабатывать. Я терпел, терпел и ушел от нее...

— Миша, по каким кривым плыла твоя мечта от путешественника и летчика до комиссионной пристани? Повлияли ли на твой выбор какие-либо события в твоей семье? Какие-либо разговоры? Впечатления? Встречи?

— В семье? Нет. В моем роду одни офицеры. Отец поражается: «Откуда ты у нас такой?»

— Он знает о твоих торговых операциях?

— Может, догадывается, но о масштабах не подозревает.

Нет, семья здесь ни при чем. Бедность там, лишения — это все не про меня. Дом с мебелью и машиной. Но видел и очень много людей, которые живут лучше. Со свободными деньгами.

— Можно сказать, что ты всего этого и хочешь добиться более быстрым путем?

— Можно сказать и так. Но, кроме того, меня привлекала их энергия. Эти люди знали жизнь, они понимали, что в этом мире без денег нельзя, что все продается и покупается...

— И однажды тебе встретился такой человек...

— Правильно. Угадали.

— Очень примитивная схема. Еще в детстве вычитал в детективах.

— Может быть. Но такой человек был. Звали его... Ну, допустим, Феликс. Однажды я загнал свой магнитофон. Достаточно удачно. Когда Феликс об этом узнал, он очень долго смеялся, просто гоготал: «Навык есть»... Есть так есть.

Магнитофон — это была моя первая торговая операция. В дальнейшем я работал некоторое время под руководством Феликса. Он доставал блоки американских сигарет, я их продавал в ГУМе. Моя доля — 30 процентов выручки. Потом он однажды привез в Москву целые «Жигули» облепихи. Я ее продавал на Черемушкинском рынке. Стоял за прилавком, дали фартук... Некоторые возмущались: такой молодой, а торгует... Но ничего, сошло. Я получал свои 30 процентов и, кроме того, что удавалось добыть самому.

— Никакого внутреннего смущения ты не испытывал? Все-таки городской парень за прилавком...

— Дайте вспомнить... По-моему, нет. Точно, нет. Мне даже было интересно.

Потом я сказал Мише, что таких, как этот тридцатипятилетний Феликс, человек-«Жигули», надо изолировать от общества, потому что он очень опасен, если уже не для Миши (что же Миша, идет собственной дорогой, летит себе, как космический корабль в ширпотребной галактике), то для других ребят, кому Феликс и ему подобные станут стартовой командой. Миша не сказал: «Да, надо изолировать». Но не сказал и:

«Нет, не надо изолировать». Миша отмолчался. Но потом уже, к концу разговора, рассказал, что таких, как Феликс, достаточно. Сами они не продают и не покупают, а только руководят за соответствующие комиссионные стайками ребят. Потом Миша добавил, что он взрослых спекулянтов не любит. Что это совсем другое, чем он сам, Миша, чем его приятели, его одногодки. Правда, Миша согласился, что через десятка полтора лет ему будет столько же, сколько Феликсу сегодня. И, выходит, он не любит себя самого в будущем. В общем, с этим вопросом мы немного запутались. Поэтому давайте возвратимся к плавному течению нашего разговора, тем более, что мы подошли уже к третьей его, заключительной части, самой (для меня лично) интересной.

— Миша, можно задать тебе несколько «высоких» вопросов?

— Да, пожалуйста.

— Вернее, сначала один житейский. Когда ты рассказывал о поисках художника для твоего предприятия, ты сказал, что нашел его не сразу. Значит, кто-то отказывал тебе! Кто-то не хотел участвовать в «фирме»...

— Не хотели те, кто не хотел работать. Предпочитают посидеть с гитарой, потрепаться с девчонкой.

— Значит, ты считаешь, что только лень твоих приятелей помешала им стать твоими компаньонами. Других причин ты не видишь?

— Я считаю, так. Других причин не вижу.

— Хорошо. Теперь время «высоких» вопросов. Первый. Была ли в твоей жизни ситуация, в которой ты проявил себя мужественно?

— Кажется, нет. Не было таких ситуаций.

— Понял. Ситуаций таких может и не быть. Дальше. Приходилось ли тебе вступаться за честь и достоинство другого человека?

— Таких ситуаций не было. Пишите: «Не пришлось».

— Хорошо. Давай дальше. Знакомы ли тебе высокие чувства: любовь, дружба...

— Высокие чувства были, когда я встретил ту девушку. Теперь их нет, потому мы с ней расстались.

— Помогал ли когда-нибудь другому человеку?

— Деньги взаймы?

— Допустим, и деньги.

— Наверное, давал.

— А так просто ты бы мог дать, не взаймы?

— Может быть. Если очень надо. У меня так просто никто не просил.

— Какие качества ты больше всего ценишь в людях?

— Энергичность, практичность, динамичность.

— Считаешь ли ты, что есть люди, которые живут интереснее тебя?

— Не думаю.

— Значит, тебя полностью устраивает твоя жизнь?

— Да. Моя жизнь полностью меня устраивает.

Тогда я замолчал и какое-то время вопросов Мише не задавал. Но он и без вопросов продолжил, как будто специально для журналиста:

— В театры не хожу. Книг не читаю... Та девушка... Ну, с которой я был, все пыталась приучить меня к книгам. У нее ничего не получилось. Это не для меня.

— Значит, материальное богатство для тебя важнее, чем богатство духовное?

— А человек может быть богат духовно при нищете? Зачем тогда ему это духовное богатство?

— Если я назову тебя мещанином, ты не обидишься?

— Вы не правы. Я не ставлю себе целью накопить много денег. Сами деньги мне не нужны. А чтобы жить, чтобы ни в чем не нуждаться...

— Квартира, мебель, машина....

— Что вы привязались к машине? Для меня машина — это не то, о чем я думаю, например, каждый день перед сном. Большинство денег, которые зарабатываю, трачу на диски. У меня сейчас большая коллекция. А диски, будет вам известно, стоят не дешево — до ста рублей.

— На черном рынке?

— На каком же еще?

— Понятно. Но мещанином духа тебя назвать можно?

— Это пожалуйста, — ответил Миша.

— Миша, стоит ли говорить об идеалах?

— Нет. Не стоит.

Еще один вопрос я придумал заранее и приберег напоследок. Мне казалось, что как только я его задам, то с Миши сойдет вся эта галантерейная кожа и за «бабками», «комками», «фирмой» откроется его истинная сущность. Но, как всегда бывает в таких случаях, надежды мои были неосновательны.

— Чувствуешь ли ты какие-либо нравственные угрызения от того, что жизнь твоя складывается так, а не иначе? — таков был вопрос.

— Нет. Не чувствую, — таков был ответ.

Сейчас, возможно, кое-кто будет с надеждой ждать, что добродетель восторжествует, а порок будет наказан. Но боюсь, что, наказав порок в образе конкретного Миши, мы не посеем зерна всеобщей добродетели. Хотя, конечно...

Ущербен ли Миша нравственно? Да, несомненно. «Нельзя начинать какое-либо дело, не имея оборотного капитала», — выдал Миша истину, перелицевав которую, можно прийти к заключению: «капитал» Мишиной души не даст общественно полезных процентов. Стыдно, Миша!

Но, воскликнув так и даже присовокупив к этому череду бранных эпитетов, позиций Миши мы не пошатнем. Увы. Но, тем не менее, признаки этих шатаний и без наших слов заметны в самом Мише, как бы он это ни отрицал.

Он неожиданно, например, обронил реплику, совершенно не относящуюся к нашему разговору: «Там (то есть на черных рынках) отвыкаешь от элементарной этики». «Как?» — не понял я. «Спасибо» уже никому не говоришь. Скажешь, а тебе в ответ: «Спасибо в карман не положишь».

Или вот еще — рассказ Миши о приятеле. «Взял я его с собой однажды. Подошел к одному, предлагаю товар, а приятель отворачивается. Называю цену, а приятеля всего передергивает. Шепчет мне: „Пошли отсюда скорей...“»

Эту историю Миша мне рассказал уже после того, как

категорически утверждал, что не занимаются торговыми операциями только ленивые.

Хорошо, что все это Миша замечает, и без осуждения. Но и без особого сочувствия.

Мишины планы. Ближайшие: везти товар на юг, там цены повыше. Далекое будущее: поступить в торговый техникум, работать в комиссионном магазине, доработаться до заведующего секцией. Директором магазина Миша, кстати, становиться не хочет, потому что директоров сажают чаще. Откуда это Миша взял, не знаю. Но, судя по всему, он прав. Какая-то загадка природы.

Зная уже, чем занимается Миша и каковы были до недавнего времени его взаимоотношения с законом, мы можем предугадать всю глубину его нравственного падения. Но, не зная этого, мы бы пришли к выводу, что призвание Миши — коммерция. Вот я нарисовал Мише абсолютно замечательное будущее: «Представь, что у тебя все есть: машина, вилла, открытый счет в банке. Представь, что тебе не нужно работать. Чем ты будешь заниматься?» Ставя вопрос именно так, я надеялся, что ВДРУГ удастся понять, есть ли таланты, которые пока бесполезно зарыты в Мише? Знаете, что он ответил? Что он тут же начнет все распродавать: виллу, имущество, машину, чтобы купить новое, а потом снова продать, а потом снова купить, а потом снова продать. И так далее, и так далее.

Что ж, может, в этом Мишин талант? В коммерции ведь тоже нужны люди с призванием, как и во всякой области человеческой деятельности.

Значит, с Мишей все ясно?

Ничего не ясно.

Все-таки ключ от шкатулки, в которой находятся тайны нравственных изломов таких ребят, находится не в кармане Мишиной джинсовой курточки. Где-то еще. Только где?

Может, в конструкторских бюро и цехах предприятий Министерства легкой промышленности? Да, часть тайны, как теперь всем стало ясно, именно там.

Мне обидно за этих раззяв, которые отдали бешеные

деньги только за то, чтобы полюбоваться будто бы иностранным клеймом на абсолютно нашенских майках. Но еще больше обидно за тех, кто эти майки произвел. Что у них, краски, что ли не было? И уверен я, что люди, оказавшие бесплатную услугу Мише хотя бы тем, что произвели майки, по качеству не уступающие фирменным, но оставляющие место для Мишиной предприимчивости, — и телевизор смотрят, и радио слушают, и газеты читают, и молодых людей на улицах встречают не из прошлого века, из нынешнего. И вот уж сколько лет покаянно отвечают на критику, и знают, что сейчас модно, а что нет. Да вот никак не успевают развернуть свою громоздкую машину, чтобы поспеть за юрким Мишей.

Я предвижу возражения, что другой, не Миша, и то, что есть на прилавках, наденет, да еще и девочку из полыньи спасет. Правильно. Другой наденет. И третий наденет. И четвертый. А пятый — пойдет на «толкучку» доставать себе то, чего нет на прилавках или что бывает редко. Шестой же поймет, что можно жить тем, что снабжать пятого модными шмотками. А к полынье и девочке этот вопрос вообще не относится. Тем более теперь, после принятия закона об индивидуальной трудовой деятельности, дающего Мише права гражданства.

Конечно, пятый, шестой еще не определяют коллективный облик поколения, но ведь они тоже наши. И Миша наш, пусть даже какой-нибудь блюститель общественной нравственности не то что в разведку пойти — обедать с ним за одним столом не сядет. Но Миша все равно живет с нами в одном городе, ходит с нами по одним улицам, смотрит те же самые кинофильмы и дышит одним воздухом. И прекрасно себя чувствует.

А может, совсем все просто? Высокий уровень жизни, пришедший к нам после стольких лет войны, разрухи и залечивания ран после войны? Может, это стремление пользоваться благами как можно скорее идет от того, что не только дети, даже отцы сегодняшних детей вырастали в сравнительно благополучных условиях? Но если только в этом причина, то и сетовать глупо, и уж никак не запретишь Мише

или каким другим Мишам мечтать о личном автомобиле. Или совсем не в этом дело?

А может, все дело только лишь в людях, которые встретились на Мишином пути? И жаль тогда, что женщина, чуть не получившая инфаркт при виде лжефирменной сумки, оказалась сильнее, чем та, что пыталась приучить Мишу к книгам. Но той первой помог Феликс, а второй кто помог? И где были мы с вами, задающие вопросы и знающие все на свете ответы?

Остафьев... Эту фамилию он придумал себе перед тем, как мы с ним расстались. Придумал по моей просьбе. Он готов был пойти и на то, чтобы его узнали все.

...Если для того, чтобы зарабатывать большие тысячи, не нужно ни особых талантов, ни работоспособности (и самой работы), а достаточно только поступиться высокими моральными принципами, то, простите, Ваши статьи являются неким аналогом руководству по вскрытию сейфов! Думаю, что Вы писали нечто другое! Разумеется, речь идет о талантливости в специфической области, которую на Западе именуют бизнесом. (От талантливости в области надувательства простаков пока отвлечемся — речь, в конце концов, не о жуликах, эта проблема гораздо проще и яснее!). Кроме того, и по существу, думаю, что переход к надувательству — это уже следствие избранного пути и распада личности, и не первопричина. Но ведь дело-то в том, что понятию «талантливый бизнес» должен существовать аналог и в развитом социалистическом обществе (аналог, а не эквивалент!). И мы его знаем, это — «талантливый организатор». И настоящие такие таланты редки! И вот тут-то корень проблемы! Редкий талант склонен к занижению самооценки, а в этой области — в особенности. Соответственно, и к оценке вознаграждения за свой талант и его общественное проявление. Наши официальные тезисы «о максимальном удовлетворении непрерывно растущих...» и «о распределении по труду», что обычно понимается как «распределение по полезности (или результативности в широком смысле этого слова) труда», еще больше убеждают нашу молодежь в их праве требовать (или искать пути) адекватного вознаграждения за их труд и таланты. (К сказанному можно добавить,

что иногда мы и идем по этому пути. Примеры: присвоение звания «Заслуженный мастер спорта» 14-15-летним девочкам или 25-летним хоккеистам и другим выдающимся спортсменам с соответствующим материальным вознаграждением, которое молва еще сильно преувеличивает и т.д. и т.п.)

Возвратимся, однако, к проблеме.

Думается, что Вы сильно упростили и даже исказили жизненное кредо Полянова, Остафьева и им подобных. Они действительно хотят иметь жизненные блага сейчас, пока молоды. Но не только не отказываются много и трудно работать, но даже умеют это делать и делают это! Только в той области, где считают себя талантливыми, а значит, способными сделать много больше и лучше, чем средний трудящийся. При этом они не согласны на вариант, который им предлагает наше общество: сейчас получать 100-150 рублей и закладывать фундамент карьеры (в хорошем смысле слова), которая когда-то (ближе к старости) даст благосостояние. Не согласен потому, что считает: тогда ему эти деньги будут не нужны, и единственное их разумное применение — это отдавать их своему будущему сыну.

Я не стал бы тратить время на сочинение этого письма, если бы это было только «жизненное кредо талантливых фарцовщиков». К сожалению, по своему собственному опыту должен сказать, что это кредо и очень многих других молодых (до 30 лет) «талантов», особенно в области организационной деятельности, понимая последнюю достаточно широко. Причем кавычки я поставил, пожалуй, напрасно. Они имеют только тот смысл, что это слово не надо понимать слишком буквально. Скажем лучше — способных людей, которых имеет смысл выдвигать на более ответственную, но и более хлопотливую работу. Очень часто такие молодые люди отказываются от этих предложений, и многие из них не скрывают, что отказываются потому, что не считают дополнительные 10-30 рублей, которые им можно предложить по существующим порядкам, справедливым вознаграждением за тот большой дополнительный труд, который необходим для действительно добросовестного (и, если хотите, талантливого) выполнения своих новых обязанностей.

Если считать, что такая позиция имеет широкое распространение, а я в этом глубоко уверен, то это уже становится весьма

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ
ПЕРЕСТРОЙКА
ГЛАСНОСТЬ

серьезной общегосударственной проблемой. Поскольку же мы эту проблему не решаем и даже делаем вид, что ее вроде бы и не существует, то нам приходится сталкиваться с двумя следствиями такой ситуации. Первое имеет прямое отношение к Вашим статьям. Морально неустойчивые субъекты (причины этой неустойчивости Вы хорошо показали) видят только один приемлемый для себя путь — реализацию своих способностей в подпольном бизнесе. И не надо утверждать, что они при этом не хотят и не умеют много и весьма эффективно работать. Беру на себя смелость утверждать, что если бы наши ответственные и полу-ответственные деятели легкой промышленности и торговли исполняли бы свои служебные обязанности с такой же энергией, работоспособностью и инициативой, то очень многие, а, возможно, и все имеющиеся и еще только возникающие «дефициты» весьма быстро бы исчезали. Более того, мне бы хотелось добиться такого положения вещей (и это, безусловно, вполне возможно), когда не только у нас ценилась бы заграничная «фирма», но и в США, например, гонялись бы за изделиями фирмы советской.

А для того чтобы этих целей достигнуть, по-видимому, необходимо открыть возможности для проявлений инициативы и работоспособности тех самых «организационных талантов». Опыт показывает, что расчет на «сознательность» при более чем скромном вознаграждении явно не оправдывается. Соответствующие позиции на служебной лестнице занимают люди бесталанные, которые действительно не хотят и не умеют ни работать, ни проявлять необходимую инициативу. Идея В.И. Ленина поставить на службу делу социализма инициативу и способности даже чуждых нашему строю элементов, при некоторой ее модификации применительно к современности, отнюдь не потеряла своей актуальности.

В частности, эта модификация, на мой взгляд, должна заключаться в том, чтобы использовать с соответствующим вознаграждением способности и желания людей, которые хотят и умеют работать больше и эффективнее принятых средних норм. Думается, что такая идея принципам социализма отнюдь не противоречит, а при надлежащей ее конкретизации и приспособлении к реальным условиям может помочь в решении многих наших серьезных проблем.

Конкретные пути и меры по реализации этой идеи должны, конечно, разрабатываться специалистами. Дилетантский подход к решению экономических и социальных проблем совершенно недопустим. Думается, что и существующее явно ненормальное положение дел обусловлено дилетантской точкой зрения на так называемую «непроизводственную сферу», о которой якобы нет необходимости особенно заботиться и труд в которой вознаграждать должным образом. Только дилетантством можно объяснить то существенное обстоятельство, что при этом забывается об определяющей роли организации производительного труда и обеспечении его всем необходимым, то есть тех самых задачах, которые решает «непроизводительная сфера». (Если экстраполировать рассуждение на случай заводов-автоматов то на долю человека останутся только эти непроизводительные функции.)

А.В. Ржанов, член-корреспондент Академии наук СССР, Новосибирск. (Письмо написано в 1980 году.)

Редакция «Литературной газеты» вместе с журналом АН СССР «Социологические исследования» провели опрос подростков в Москве, Ленинграде, Ереване и Ашхабаде, который показал:

у старшеклассников в момент опроса оказалось своих, карманных денег в среднем 43 рубля. За этой цифрой существенные различия: 47 процентов располагали не более чем тремя рублями, а 28,6 процента имели до десяти рублей, 15 процентов опрошенных несколько сотен;

средняя стоимость «фирменных» вещей составила в Ашхабаде:

у детей руководителей — 177 руб.

у детей служащих — 167 руб.

у детей рабочих. — 107 руб.

В Ленинграде:

у детей руководителей — 121 руб.

у детей служащих — 134 руб.

у детей рабочих — 113 руб.

В Ереване каждый третий подросток покупал вещи по спекулятивным ценам. В Москве с фарцовщиками имели дело 31 процент опрошенных, в Ленинграде — 25 процентов, в Ашхабаде — 16 процентов.

Вопросы: «Кто имеет много денег?», «Где их можно легко заработать?» показали следующую шкалу престижности (анализируя ответы 213 молодых москвичей): фарцовщик упоминается 47 раз, спекулянт — 39, военный — 28, работа (в автосервисе, в ресторане, на шахте, на Севере, в Совтрансавто, в АПН, в пункте приема стеклотары и т.п.) — 27, министр — 23, шахтер — 19, парикмахер — 13, директор — 11, продавец — 11, проститутка — 11, дипломат — 9, таксист — 8, автослесарь — 6, летчик — 6, артист — 4, мясник — 4, профессор — 4.

***

Я давно хотел написать Вам. Может, даже не вам, а кому-нибудь другому, но я чувствовал острую и непонятную необходимость поделиться своими мыслями с кем-нибудь.

Можно с уверенностью сказать, что я живу совершенно один. Я давно понял, что у меня нет друзей, единомышленников. Вдумайтесь в это, пожалуйста.

Когда я занял на районной физической олимпиаде 1-е место, то мне некому было даже рассказать об этом. Это все ужасно.

Но возьмем строки из моего же дневника.

«...Я прекрасно могу обходиться без других, кроме тех контактов, которые жизненно необходимы. Я могу смеяться, грустить, веселиться, в общем, жить и бороться в одиночку, и все это приносит мне искреннюю радость. Многие считают, что отличник — человек черствый и однобокий, но я не принадлежу к этой категории. Иначе не говорили бы учителя: „У тебя ум не туда направлен...“ До 9-го класса я не мог точно сказать, кем я буду: я успел побывать в судостроительном кружке, оркестре народных инструментов, ходил на легкую атлетику, потом на бокс, волейбол; опять легкая атлетика, велоспорт, опять волейбол... В школе я был записан в математический и геологический факультативы, ходил в химкружок, на хор, состоял во многих лекториях. С 5-го класса я был

председателем совета отряда, старостой, начальником культмассовой комиссии, членом редколлегии, капитаном всех КВН.

Вплоть до 9-го класса я хотел быть музыкантом, шофером, летчиком, милиционером, учителем, писателем... И дружил с самыми плохими учениками нашего класса... Мы всегда увиливали от общественной работы, уходили с классных мероприятий. Может, поэтому нас в классе недолюбливали, а у меня так часто менялись общественные поручения. Нельзя сказать, что наша дружба была крепкой, но, во всяком случае, наша тройка существовала постоянно.

Я был отличник, а... (имя зачеркнуто) из-за своей дурости троечник, (имя зачеркнуто) — почти двоечник. Но это были замечательные и сообразительные ребята. После 8-го класса я остался один: они ушли учиться в техникум...

Одиночество я почувствовал сразу и остро. Обычная тема разговора наших ребят не выходит дальше глупых выходок. Я впервые понял, что „спокойствие — душевная подлость". Я понял, что уже не могу вернуться назад, что я слишком далеко ушел от всех. Я могу сблизиться, но зачем? Их уже трудно перевоспитать. Кто это сделает? Классный руководитель у нас попался так себе.

... Я действительно занят, тем более, что я вдруг ощутил могучую тягу к знаниям. Я зарылся в учебники, и никакая сила извне не могла остановить меня. Но эта сила нашлась внутри меня самого. И я всплыл на поверхность. Передо мной открылся настоящий земной рай: блаженные лица, смех, шуточки... Какое- то время я думал, что счастлив. Я хотел вращаться в гуще событий нашего класса, но меня оттуда безжалостно выбросили. Да я и сам понял, что не сумею прожить с ребятами нашего класса. Я знал, что делать, но не знал, с чего начать, тем более одному. „Осознавать долг и не исполнить его — трусость", — скажете вы. Но это лишь слова, а словами сыт не будешь.

И я снова зарылся в работу. Тут я был действительно счастлив...

Мне часто стали говорить, что я эгоист и единоличник.

...Это Лена. Я был удивлен ее эрудицией, привычками, красотой, привлекательностью. Три дня были переломными в моей жизни. Ленка — удивительное сочетание самых разных качеств (которые, к сожалению, отсутствуют у меня), она для меня недосягаема.

Я сомневался, как маленькая, хрупкая девочка сумела выбить меня из колеи. Откуда в ней нашлось столько силы? Я понял, что это то, к чему я стремился постоянно, чего мне так мучительно не хватало...

...Я мог часами сидеть без движения...

...Это любовь, но любовь молчаливая, односторонняя и торжественная. Я не шел навстречу, но эти незначительные диалоги, эти молчаливые и грустные взгляды приносили мне настоящую радость... Я понял, что только так можно по-настоящему жить и работать.

...Это холодное безразличное молчание сильнее любого оружия. Все кончено. Как глупо. Во всем виноват только я сам»...

Здесь взяты достоверные записи из дневника. Последняя 6 февраля. Я опять зарылся в работу, 50 задач по физике в неделю, 20 слов по английскому в день, 1 час стенографии.

Но у меня нет гарантии, что так будет хотя бы до середины марта. Иногда у меня возникает острая необходимость осознать, для чего, зачем и как я живу. Наступает критический момент, и я прохожу очередную «реформу». Перестраиваюсь. Но затем повторяется все сначала. Раньше это было ужасно, хотя и редко. Теперь это повторяется ежедневно. Я ищу постоянно выход, но нахожу только какие-то отдушины... В работе я забываюсь...

Я хочу к людям. Мне нужно с кем-то советоваться, с кем-то дружить. Среди всех я насчитал 5 человек «выше меня ростом», и все не в нашем классе. Но как к ним пройти через хиханьки и ехидные шуточки, тем более, что я по характеру робкий, да и вдобавок краснею по пустякам.

Как разбить безразличие класса, это спокойствие?.. Я к вам обращаюсь, как?

Подписи нет. 0 час. 45 мин. Ростовская область

Здесь учился Ленин

Ситуация четвертая

Зов

Утром в понедельник 19 сентября Лидии Тимофеевне сообщили, что ее сын Сергей, восемнадцатилетний курсант речного техникума, с весны проходивший практику на теплоходе «Рыбинск», таинственно исчез. «Что значит исчез?» — переспросила она, не понимая, о ком, о чем сообщает ей незнакомый голос по телефону. «Да так и исчез. Среди бела дня».

Случилось это и в самом деле посреди яркого и солнечного сентября, когда теплоход, выгрузив лес, плавно рассекал воды водохранилища.

Что могло с ним случиться? Стал ли он жертвой несчастного случая? Или преступления? Нечаянно упал за борт, незаметно для других покинув машинное отделение? Или бросился в воду намеренно?

Сергей заступил на вахту в полдень 18 сентября. В 12.40 доложил вахтенному начальнику, что приборы, за показаниями которых он следил, работают нормально, и снова спустился в машинное отделение.

С этой минуты Сергея больше никто не видел. Он исчез. Вот так, прямо по ходу теплохода.

Вахтенный начальник записал в вахтенном журнале: «13.45. В районе острова Каргач был вызван вахтенный рулевой-моторист в рулевую рубку. На вызов не явился. Капитан встал

за руль, а я произвел обход судна. Вахтенного моториста на теплоходе не нашли».

Вот и все подробности таинственного происшествия.

Но родители Сергея не знали еще и этой малости, когда ловили такси, мчались на вокзал, доставали билеты, стояли, прижавшись к вагонному окну, не видя, что там, за окном.

В город поезд пришел в час ночи. Их никто не встречал. Расспросили, как добраться до порта. Катерок подбросил до «Рыбинска». Поднялись на борт. Перед ними открыли дверь каюты Сергея: вот вещи, вот книжки, вот продукты, которыми снабдили сына в дорогу двумя неделями раньше, когда он забегал домой между рейсами, почти все продукты почему-то оказались нетронутыми. Все напоминало Сергея, будто он только-только захлопнул дверь каюты.

А где же он? Что могло с ним случиться?

Сколько раз мы читали, как ради одного-единственного человека, потерявшегося в море или заблудившегося в тайге, отрывали от работы сотни людей, поднимали в воздух вертолеты, меняли маршруты теплоходов, ни на минуту не задумываясь, рентабельно это или нет, «оправдано» или не очень. Пусть и план какой-нибудь при этом горел, но такое высокое выковывалось в пламени горящих производственных показателей — человека ищут! — что даже у самого душевно черствого служаки, оценивающего жизнь лишь колонками статистических выкладок, не поднималась рука перечеркнуть словом «план» слово «человек».

К понедельнику 19 сентября о том, что Сергей таинственно исчез, знали уже все, на кого по долгу службы свалилось неожиданное известие: в техникуме, в пароходстве, в водном отделе милиции. И что же? Поднялись в небо вертолеты? Надели скафандры водолазы? Тревожные приказы: «Оперативная группа, на выход!» — раздались в коридорах милиции? Прервались важные совещания? Замедлили свой бег «входящие» и «исходящие» бумаги?

Начну по порядку… в той последовательности, как и развивались события после того, как Сергей исчез.

До рассвета просидели родители в его каюте. Тишина стояла над водохранилищем, тихо было и на теплоходе: немногочисленный экипаж — 9 человек — спал. Утром родителей доставили на катере в порт, показали, как найти милицию. Зашли, услышали, что начальник водного отделения милиции занят. Подождали. Майор встретил почему-то хмуро и неприветливо, будто сын, Сергей, что-то такое совершил. «Разберемся», — сказал начальник и демонстративно посмотрел на часы, кивнул на дверь. Снова вернулись на теплоход. Там сказали, что надо освободить каюту сына. Начали торопливо собирать вещи. Подошел какой-то парень, спросил, зачем берут книги: «Сергею-то они больше не понадобятся».

Снова оказались на берегу: вокзал, билет, вагон, Москва.

Где сын? Что с ним?

Впервые в жизни вот так, надолго — на целых полгода практики — оторвался он от дома. Когда провожали в первый рейс, волновались: выдержит ли, не испугается, не потеряется ли на волнах жизни?

С нетерпением ждали каждый его приезд, хоть на день, хоть на час. Встречали на берегу, поднимались по трапу на теплоход, открывали дверь его каюты. Капитан как-то сказал: «Что это вы его так опекаете? Не маленький уже!» Но для родителей сын оставался маленьким, домашним, неприспособленным, по их мнению, ко всяким жизненным передрягам. Радовались, когда слышали: «Хороший парень, исполнительный, дисциплинированный». Таким воспитывали. Переживали, когда услышали однажды от опытного речного волка: «Что это он у вас такой домашний? Ему надо научиться кусаться!» Соглашались: да, надо, конечно, и «кусаться». Но как этому научиться?! Подозревали, что сыну приходится нелегко: слишком замкнутый, слишком молчаливый. Но верили: вокруг взрослые, помогут, не дадут в обиду.

Но знали ли правду, как ему жилось на теплоходе? Что происходило в его душе? Такой ли оказалась жизнь на корабле, какой представлялась ему еще в детстве, когда гонял плоты по Яузе?

И когда все произошло, вспомнили и недомолвки в разговоре, и молчание в ответ на прямой вопрос: «Не обижают ли тебя?», и это — «не умеет кусаться».

Теплоход «Рыбинск» тем временем вернулся в Москву, в Южный порт. Упросили следователя водной милиции допросить членов экипажа. Московский следователь успел допросить троих. На большее не хватило времени: в ту ночь теплоход снова ушел в рейс. Мать Сергея позвонила заместителю главного инженера Московского речного пароходства по охране труда и технике безопасности, спросила, почему же после ЧП не задержали теплоход, не выяснили все до конца. Услышала в трубке: «Ну и что? Из-за вашего сына вся работа должна была остановиться?!» И — короткие гудки.

Так прошла первая неделя с того злосчастного понедельника.

Когда я впервые слушал рассказ Лидии Тимофеевны у нас в редакции (а на дворе уже стоял декабрь и сколько кабинетов обошла она за это время!), подумал о том, что не могло так быть, что беда заволокла ей глаза и говорит сейчас ее голосом, что наверняка останавливались теплоходы и поднимались в воздух вертолеты, что кто-то так, как и она, до сих пор не спит ночами, а если и спит, то, разбуди его среди сна, спроси: «Вы помните, как начался для вас понедельник 19 сентября?!» — ответит не задумываясь: «С ЧП па „Рыбинске“». И если говорит Лидия Тимофеевна о том, как измотали, измучили ее безрезультатные хождения по инстанциям, то это опять же следствие непроходящего душевного потрясения, а «инстанции» — то уже давно приняли все меры для установления истины!

Но декабрьская поземка мела за окном редакции, и выходило, что ответ на вопрос: где Сергей? — до сих пор не получен. Неужели такой неразрешимой оказалась загадка исчезновения?

Визит, письмо, кабинеты: один, второй, третий; снова письмо, телеграмма, телефонный звонок, поездка в Кимры: может, там кто-то вспомнит Сергея во время последней остановки «Рыбинска»? И снова хождение по инстанциям. Порог

за порогом, кабинет за кабинетом. Лидия Тимофеевна требовала: выясните, может, на теплоходе была авария? Может, Сергей исчез раньше, чем появились запись в вахтенном журнале? Может, он стал жертвой преступления? В ответ неопределенное: «Разбираемся».

Но что же происходило тем временем в «инстанциях»?

Они спорили, кому же искать пропавшего курсанта.

Директор техникума показал мне два удивительных документа. Оказался бы сейчас другой повод, не стоял бы на нашей истории знак трагедии, можно было бы их высмеять, написать легкий фельетончик, в очередной раз удивиться терпеливости бумаги и обыкновенному чиновничьему равнодушию тех, кто эти бумаги подмахивал. Но сейчас не до смеха.

В ноябре техникум, вслед за родителями, решил выяснить, каковы же результаты розыска Сергея, обратились в отделение милиции по его месту жительства и получили следующий ответ, датированный 15 ноября: «На ваше письмо, адресованное в 87-е отделение милиции г. Москвы, Бабушкинское районное управление внутренних дел сообщает, что розыск без вести пропавшего Сергея Ивановича, 1965 года рождения, проходившего производственную практику на т/х „Рыбинск“, осуществляет УВД Вологодского облисполкома».

Тогда, может быть, Вологда даст ответ, что с Сергеем? На ответе стоит дата — «21 ноября». Ответ гласит: «Розыскное дело на без вести пропавшего находится в 87-м отделении милиции г. Москвы».

Вот что, оказывается, происходило в тех самых «инстанциях», пока родители Сергея писали письма, посылали телеграммы и обивали пороги кабинетов. Бумаги путешествовали, почти как в старой пьесе: из Москвы — в Вологду, из Вологды — в Москву. На бумагах ставились даты, бумаги скреплялись разнообразными подписями, запечатывались в конверты, а время шло. Время шло неумолимо, все дальше и дальше отходил в прошлое тот сентябрьский полдень. Все меньше шансов оставалось на то, чтобы истина была установлена: ее заметало время. Заканчивалась навигация, распускались по домам

экипажи, тонкая корка льда покрывала Рыбинское водохранилище. Кто теперь разгадает тайну?..

Мы шли по следам расследования происшествия на «Рыбинске». Встречались, с кем получалось встретиться, искали документы, которые могли найти. В Москве, в Ярославле, в Вологде. И чем больше накапливалось свидетельств, тем чаще и чаще возникал вопрос: да считает ли кто-то себя виноватым в этой истории?

Виноватым? Ясно, ЧП! Понятно, парень пропал: горе для родителей, беда, которую и сравнить-то не с чем, разве что с точно такой же. Но не по злому же умыслу действовали участники горе-поиска, чтобы обвинять их в умышленном бездействии, не имели, не могли они иметь что-то лично против Сергея (и в глаза его никто не видел).

Больше того! Спроси сейчас любого человека, причастного к поискам Сергея, и каждый, если вспомним, скажет, что он-то лично сделал все, что мог, да еще обидится, услышав хоть какие-то обвинения в свой адрес.

Московское речное пароходство организовало интенсивные поиски — траление дна. Вологодская транспортная прокуратура возбудила уголовное дело. Милиция завела дело розыскное. Что же еще?

И даже то, что траление началось лишь на исходе октября по многочисленным жалобам матери, что уголовное дело прокуратуры было возбуждено лишь 18 октября, после обращения родителей в прокуратуру СССР, что, наконец, только 1 декабря милиция завела розыскное дело — даже подобной волоките можно найти объяснение. Стоит подобрать объективные причины, оформить их словами — и готово. Вот и выход: никто не виноват в том, что Сергея искали не так, как следовало искать человека, попавшего в беду.

Мы спросили у начальника пароходства, почему только 25 октября этот «вопрос рассматривался» на совещании, только в конце октября началось траление? Ведь сколько воды утекло с того трагического дня сентября, и хоть не был Сергей опытным речным волком, гордостью пароходства, но все-таки свой —

моряк. Даже фотография его висела на «Рыбинске» в числе лучших. Да даже если бы и не висела! Начальник пароходства объяснил: все делали как надо, командировали тут же на судно инженера по технике безопасности, проверили, установили, что вины администрации судна в происшедшем нет, — и все. Сколько дел кругом! Планы, перевозки, грузы. Мать стала жаловаться — рассмотрели вопрос. Послали тральщика. Что же еще? Свое, как говорится, отработали. Какие могут быть претензии?!

Вологодской транспортной прокуратуре — той легче. Как же она могла заниматься происшествием на «Рыбинске», если Череповецкое водное отделение милиции происшествия нигде не зафиксировало? Узнали о том, что случилось, уже из центра, из Москвы. Как узнали, так и начали искать. Осмотрели теплоход, расспросили экипаж, обнаружили, что исчезли на теплоходе гиря и цепь, возбудили дело по статье, предусматривающей ответственность за доведение до самоубийства. Поздно, конечно, время упустили, но что делать...

Наверное, виноват начальник водного отделения милиции, который попросту сбагрил дело в Москву? В Москве удивились. Как же так? Что, коллега неграмотный, что ли? Есть инструкция, по инструкции положено розыскное дело начинать по месту происшествия, а не по месту жительства. Почему же продержали материалы в Москве целых полтора месяца? Время-то уходило, драгоценное время! В райуправлении внутренних дел Москвы мне объяснили, что положено было сделать «то» и «это», записать в одну книгу, подшить в другую, подписать, зарегистрировать, запечатать в конверт. На все нужно время. Что спрашивать с москвичей за чужую вину? Спросите с вологодцев.

Ну а майор, который и начал непростительную цепочку ошибок? Чем можно оправдать его поступки? Да и можно ли? Оказывается, можно. В ответ на гневное письмо прокуратуры Вологодской области, в котором он обвинялся в грубых нарушениях уголовно-процессуального кодекса, и.о. начальника Вологодского управления внутренних дел сообщил, что майор

строго предупрежден. За то, что происшествие на «Рыбинске» было не зарегистрировано, по существу, скрыто, начальник водного отдела милиции отделался смехотворным «строгим предупреждением» — мерой наказания, даже не предусмотренной дисциплинарным уставом органов внутренних дел. То есть липовой. В общем, пожурили. И объяснили, почему наказали так мягко. У него, как указывает его руководитель, есть обстоятельство, смягчающее вину: «В занимаемой должности он работает непродолжительное время». А если бы работал «продолжительное»? Написал бы: «Учитывая опыт работы»?

Так — кирпичик к кирпичику — выстраивалась плотная стена, через которую не пробьешься и не перешагнешь. Все «правильно», все «как надо». Никто ни в чем не виноват. Стечение обстоятельств.

Слушая в первый раз рассказ Лидии Тимофеевны, и я вдруг поймал себя на предательской мысли: да я же все могу объяснить. Могу объяснить до такой степени, что каждое действие каждого человека, столкнувшегося с трагедией на «Рыбинске», покажется не только естественным, нормальным в данной ситуации. Не встретили родителей Сергея на ночном вокзале? Так кто же знал, когда они приедут? Все спокойно спали, когда родители сидели в пустой каюте сына? Что же, будить весь экипаж, и так уставший за рейс? Не очень деликатно посоветовали освободить каюту? Не таскать же чужие вещи по морям, по волнам! Попросили не забирать книги? Но что же делать в свободное от вахт время? В домино играть? Не законсервировали корабль на время следствия? А план, а дело, а работа?

И так далее, и так далее.

Как легко мы можем оправдать себя в любой, самой не оправдываемой ситуации, как далеко можем зайти!.. И когда самозащитная реакция на всяческие чужие беды станет должностной, профессиональной реакцией на каждое обращение за помощью, то и сам человек превратится в какую-то контору, способную лишь орудовать скоросшивателями.

Как и случилось в истории, о которой я сегодня рассказываю.

Труп Сергея был обнаружен спустя полгода, весной…

…Вот сижу сейчас над кипой выписок из уголовного дела (давно уже прекращенного), над блокнотами, куда записывал собственные впечатления о встречах с людьми, знавшими Сергея, и понимаю, что не могу не сказать еще об одном. «Замкнут», «одинок», «все время один», «в кают-компанию не заходил», «друзей не было», «в компании не приглашали», «какой он, не знаю». Это сегодня вспоминают о Сергее те, кто бок о бок в течение полугода жил с ним на одном теплоходе. Так, может быть, не он «не явился на вызов», а они не откликнулись на его зов, на его одиночество…

Его не замечали намного раньше того жаркого сентябрьского дня. И не заметили, когда его не стало.

***

— Мне 21 год, два с половиной месяца назад я пришел из армии. Так получилось, что большинство моих товарищей очень заняты, и я днями, а иногда и ночами гуляю по Москве.

— Для чего?

— Ни для чего. Просто гуляю; ну, вообще-то в поисках контакта. Я познакомился с очень многими людьми. Но говорить-то не с кем и не о чем… В основном — ребята — от 15 до 18, то есть наша ближайшая смена, и они почти ничего не читают. Только — музыка, деньги и шмотки. И потому тяжело с контактом. Вот я с одним разговаривал восемнадцатилетним. У него прическа, и внешний вид, и даже походка отличается. И он мне говорит: он такой, чтобы отличаться от других. Эти ребята весьма безвкусны, но каждый в своей прическе, в своей одежде хочет сделать что-то свое.

— Миша, а как вы знакомились на улице?

— Ну, как когда… Я еще до армии часто так ходил на три вокзала… Ночью. Мне было скучно, и мне надо было куда-нибудь пойти — и с кем-нибудь поговорить…

***

Однажды в редакцию пришло одно из тех писем, по

которому надо немедленно выписывать командировку и мчаться туда, откуда оно отправлено.

Вечером этого же дня я был в небольшом городке у Черного моря. Через три дня я встретился с Колей, пятнадцатилетним парнем, приславшим в редакцию странное и неожиданное письмо.

Первое впечатление: нагл.

— Дайте закурить, — просит он меня и разваливается в кресле, расставив широко ноги.

— Все, что ты написал в письме, — правда? — спрашиваю я строго.

Он пожимает плечами.

— Значит, ты глава банды из восьмидесяти человек, вас все боятся... ты ездишь на мотоцикле «Ява»?

Он кивает головой и стряхивает пепел о краешек пепельницы.

Первое впечатление: курит совсем недавно, так недавно, что, наверное, ни один миллиграмм дыма не опускается ниже гортани.

— Далее. В парке, — я называю место в городе, известное здесь каждому, — ты собираешь свои «пятерки» и даешь указания, что и как делать. Правильно?

Он кивает головой.

— Вы ненавидите обывателей, спекулянтов, взяточников, вообще подонков и карьеристов.

— А вы разве нет? — спрашивает он.

Первое впечатление: совсем мальчишка, тоненькие руки, лохматый, достаточно приличные джинсы, цепочка на шее.

— Итак, значит, иногда вы берете мотоциклы, и 100-110 км в час мчитесь по шоссе. Работники ГАИ вас боятся.

— Не все, но некоторые, — уточняет он.

Что еще? Пожалуйста. Однажды, проезжая с друзьями вот так, на все 110, прижавшись к рулю и выжимая газ, он первым увидел огненную змейку, пронзившую налившиеся хлебные колосья. Он первым стащил с плеча кожаную куртку и бил

ею колосья, пока огонь не был остановлен. Немного обгорел — руки, лежал в больнице. Но поступили они так не для славы и какого-то уважения.

Что еще? Решили конфисковать деньги у одного гражданина, которые тот добыл абсолютно нечестным путем. Дело провели ночью. Втроем. Всего втроем. Милиция до сих пор найти не может следов.

Я смотрю на его тоненькие руки и ладони, которые стали влажными. Сигарета дымится в пепельнице — он забыл про нее, и серый столбик пепла дойдет сейчас до фильтра.

Забыл? Испугался?

Первое впечатление: трус. Боится, что сейчас я сниму телефонную трубку, наберу «02» и сообщу: «У вас есть нераскрытое преступление? Передо мной сидит один из его участников. Приезжайте!»

— У нас есть клятва. Устав. Из-за друга можем рискнуть чем угодно. Любим угонять машины. Только частные.

— А деньги переводите в детдома?

Он смотрит внимательно, смеюсь я или по-настоящему, подбирается в кресле:

— Иногда в детдома.

Первое впечатление… Ладно, никакой банды в 80 человек, нераскрытых квартирных ограблений, угонов автомобилей не оказалось — это выяснить было не так уж трудно в соответствующих организациях. И пожара в хлебном осеннем поле тоже не было — и это проверить оказалось нетрудно. И мотоцикла, на котором можно выжать 150 км в час (чего уж там мелочиться — 110), — мотоцикла тоже нет. Ничего нет, абсолютно ничего. Факты, изложенные в письме, по которому я тогда выехал в командировку, не подтвердились.

Можно было спокойно ехать на вокзал и домой, в Москву. Чтобы тиснуть в газете разоблачительный фельетон. Но о чем?

Давайте разберемся.

Было ли что-то страшное в мечтах? Кажется, нет. Да и мечты-то в основном высокие, светлые. Поле, вдруг неизвестно откуда взявшееся в душном летнем городе, и огонь, коварный

6327
МОБ

и безжалостный, и этот мальчишка пятнадцати с половиной лет, абсолютно городской. Как для газеты. Или как из газеты.

Но ведь горящие поля встречаются в жизни ребят, да и в нашей собственной не так уж часто, а в его, конкретной жизни они так и не встретились. Конечно же, можем сказать этому парню: всегда будь готов к тому, чтобы загасить огонь, отбить нападение хулиганов на незнакомую девушку. Но жизнь обыкновенная, она все-таки чаще без всяких экстремальных ситуаций.

Как же быть тут ребятам? Как реализовать свои мечты? Как добиться престижности среди сверстников?

В школе, кстати, удивились, что Колю разыскивает корреспондент. «Нормальный», «учится — четверки, тройки, мог бы лучше», «я не знаю, кто его товарищи, по-моему, их нет», «иногда уставится в потолок и абсолютно ничего не слышит», «хотел вывести двойку по физкультуре. Очень слабый мальчик, абсолютно не приспособленный к жизни».

Это мне сказали в школе.

А дома я застал только его маму. Отца у Коли нет.

«Он у меня домашний. Я говорю ему: „Ну ты хоть ребят к себе приведи или в гости сходи на день рождения...“ Придет и, понимаете, ляжет на диван и может часов шесть, не вставая, слушать магнитофон... Сначала я думала, болеет. Сейчас привыкла... Джинсы — это ему брат двоюродный достал. Он моряк... Последнее время стал грубить... да кто из них в таком возрасте не грубит? Мотоцикл? Какой мотоцикл? Да кто же на нем ездить будет? Я, что ли?»

Ниточка жизни Коли, как я ее представляю: один у матери, которая его очень любит и делает все, чтобы ему всего хватило и не было никакой нужды; дом, его маленькая комната; сверстники мужали в уличных боях, образовывали свой круг общения, куда сам он прийти не сумел; здесь, во дворе, он не смог утвердить свое право на собственную неповторимую личность; в школе можно было завоевать уважение, хотя бы учителей, учебой — не получилось; силой? — какая уж там сила у домашнего мальчика, ни разу в жизни не игравшего

в футбол. Последнее время он окружил свою жизнь некой тайной, и ребята это заметили, но снова поздно — к концу девятого класса, когда отношение друг к другу уже сформировалось. Оставалось последнее — письмо в газету.

Это — предположение, гипотеза, и как всякая гипотеза, относящаяся к области человеческих отношений и самого человека, она может оказаться ложной.

Но как бы там ни было, вот этот, почти анекдотический случай еще и еще раз показал, как нужно «что-то такое...» человеку: яркое, неожиданное, необыкновенное. И как выход в жизнь. И как уход от одиночества.

***

То, что в ясный и солнечный день, в двух шагах от городского Дворца пионеров, в кустах у реки не было совершено убийство, чистая случайность. Прошел бы кухонный нож несколькими сантиметрами левее и выше — быть беде. Траектория глупой железки спасла шестнадцатилетнего Александра Зыбина от гибели. Волей случая не стал убийцей шестнадцатилетний Андрей Хлыбов.

Об этом я думал, когда, стараясь не поскользнуться, пробирался от реки наверх, а потом, поднявшись, пересекал открытое пространство, отделявшее землю от асфальта. В февральском снеге растворились, как не были, те несколько августовских минут, после которых потерпевший Зыбин попал на 16 дней в больницу, а преступник Хлыбов — на 5 лет в колонию усиленного режима.

«Ну что? — спрашивал я сам себя. — Теперь понятно, что произошло здесь?»

Да, я пролистал кипу бумаг в уголовном деле, встретился с десятком людей, знал по минутам, кто где стоял, кто куда повернулся и кто в какую сторону побежал. Но, оказавшись на месте преступления, сейчас уже голом, заснеженном, я отчетливо понял, что, зная все, не понимаю главного. И поэтому мне не то что трудно — невозможно себе представить, чтобы так, среди бела дня, почти на виду...

Пытаюсь восстановить в памяти то, что знаю. Утром 28 августа потерпевший Зыбин попросил у матери деньги: недостающую до нужной суммы двадцатку. Сначала мать не дала, тогда он заплакал и сквозь слезы сказал, что у всех, кроме него, есть джинсы. Слезы помогли. Зыбин вылетел с деньгами на улицу. Несколько часов он провел в квартире Валерия Попова. Они то ли играли в карты (показания Попова на следствии), то ли смотрели телевизор (его же, более приглаженные, на суде). Потом вместе с Валерием вышли на улицу, пересекли двор. Был полдень.

Хлыбов с самого утра сидел дома: «необыкновенно возбужден, шутил, смеялся» (отец — суду). Время для встречи с Зыбиным — полдень — он назначил сам. Положил в карман брюк кухонный нож. Вышел во двор. У подъезда Зыбин протянул ему деньги, сказал, что иначе он их потеряет. Втроем они пересекли двор, мирно и даже весело разговаривая друг с другом. Так, дальше… Дошли до речки, повернули налево, вдоль берега. Потом… Потом и случилось то, что случилось…

«Зыбин сказал мне, чтобы я шел за джинсами и принес ему, а пока он будет купаться. Я пошел в кусты, чтобы найти место, где убить Зыбина. Нашел и вернулся за ним. Зыбин уже искупался и вышел из реки. Я сказал, что джинсы надо примерить. Я и Зыбин по тропинке пошли в кусты. Зыбин шел немного впереди меня, я его поддерживал, чтобы он не упал. Когда я дошел до места, где задумал его убить, я сказал ему: „Подожди“. Зыбин повернулся вполоборота в мою сторону. Я достал из кармана брюк нож и ударил два раза… Он побежал. Я сделал за Зыбиным несколько шагов, но кусты кончились. Я повернулся и той же дорогой, какой пришел, вернулся обратно. Я пришел к матери на работу, все рассказал ей и отдал нож…»

Вот и все.

Не в драке, не в ослеплении, не обороняясь, а расчетливо и коварно обманул, привел, выбрал место…

Но что же, что же здесь не так? Чего не хватает в этой картинке, чтобы она приобрела полную, без единого облака, ясность?

Не хватает ерунды, нелепицы — джинсов.

Джинсов, за которыми Зыбин, как на веревочке, шел по дороге, указанной Хлыбовым, никогда не существовало в природе. У Хлыбова попросту не было возможности их достать. Сам он их тоже никогда не имел. Время и место он назначил не для купли-продажи — для убийства.

С того самого дня — за неделю до преступления, когда Хлыбов пообещал достать джинсы, Зыбин жил в предвкушении праздника. Я не оговорился и не преувеличил. Вместо джинсов в иной момент мог быть модный диск, гитара или, скажем, мотоцикл, на котором, как на крыльях, промчишься мимо ошалелых прохожих. Знаем ли мы, что для них — подростков означают эти вещи? Кусочек вселенной, которую они создают вокруг себя и в которой вертятся сами, или, может быть, что-то иное?

Я не хочу сказать, что если бы Зыбин не потребовал от Хлыбова достать джинсы и Хлыбов не обещал ему, зная сам, что не выполнит своего обещания, тогда бы преступления не произошло. Нет, конечно же, нет. Но именно джинсы трагически окрасили взаимоотношения двух подростков в ту последнюю неделю. Взаимоотношения, которые тянулись куда дальше, чем за эту, последнюю неделю, до встречи у реки.

Потерпевший Зыбин больше года избивал преступника Хлыбова. Бил один и в компании с тем же, внешне тихоней и пай-мальчиком Валерием Поповым. Бил у реки и возле школы, бил ногой в живот и кулаком по лицу, бил просто так, без особых предисловий и с издевательскими церемониями. Зыбин знал, что может пошевельнуть пальцем, и Хлыбов поплетется за ним на водную станцию и будет терпеливо ждать, пока проведут короткое «деловое совещание», чтобы потом накинуться всей стаей, не разбирая, где лицо, где живот. Хлыбов был его пленником, и Зыбин чувствовал — так, как чувствуют только звери и дети, не вкладывая в чувства мысль, — что одно появление его во дворе заставляет Хлыбова застывать в подъезде; что власть, которую он приобрел над ним, безгранична и достаточно простой ухмылки, чтобы Хлыбов

побледнел, опустил глаза, торопливо зашагал прочь. Еще 15 августа, за 13 дней до 28-го, среди бела дня он вместе со своими приятелями подстерег Хлыбова на реке, жестоко избил его и только смеялся, когда тот бессильно барахтался в воде.

И вдруг сам попал в зависимость от Хлыбова.

Александр Зыбин плакал навзрыд, чтобы выклянчить у матери деньги, а Андрей Хлыбов спокойно говорил ему: «Мало, мало. Нужно еще 20 рублей». И поражался собственной смелости, а еще больше тому, что Зыбин — сам Зыбин! — согласно кивает головой и идет плакать дальше.

Зыбин приходил за джинсами, слышал: «На следующий день» — и покорно уходил прочь, готовый прийти и завтра, и послезавтра, и когда угодно — как скажет тот, который еще вчера был просто одним из мальчиков для битья.

Потом, когда Зыбин вышел из больницы и предстал перед следователем, он не мог простить не удара, а обмана, и твердил: «Да он, наверное, хотел деньги забрать, вот и пырнул ножом».

А Хлыбов — и на следствии, и на суде — упрямо повторял: «Я хотел убить Зыбина», пытаясь передать взрослым то ощущение страха, с которым жил последний год: безнадежное слепое отчаяние, сопровождавшее его жизнь последнюю неделю на свободе — от того дня, когда он решил убить Зыбина, до того дня, когда он чуть не осуществил свое намерение. Но взрослым хотелось какого-то более привычного объяснения случившемуся. Хотелось найти не причину — повод, мотив, чтобы, зацепившись за него, еще раз поверить, не допуская и мысли, что вера ошибочна, в наше достоверное знание их мира. Искали причину — и нашли. Когда потерпевший в конце концов признался в том, что бил Хлыбова, но... только по одной причине: Хлыбов, дескать, занимался спекуляцией, — ему поверили. По крайней мере, это было понятно и привычно.

Женщина — старший следователь УВД, капитан милиции — старательно изобличала Хлыбова в том, что он продал, хотел продать, думал продать. Допрашивались соседи, родители, ребята во дворе. Уже казалось, что путь от проданной

однажды пачки жвачки до покушения на убийство — действительно путь, который и может объяснить преступление Хлыбова лучше, чем всякие наивные, несуразные, необъяснимые «хотел убить». Забылось даже то, что следствию этот путь подсказал сам потерпевший, который в течение длительного времени превращал в потерпевших всех окружающих ребят.

«Зыбин предложил мне не ходить в школу, а пойти в кино. Я отказался. Он на другой день поймал меня во дворе и избил. После этого моя мама пошла к Зыбину домой. Зыбин после прихода моей мамы снова избил меня. Был урок физкультуры. Зыбин отозвал меня в сторону. Мы вышли во двор. Во дворе Зыбин начал меня бить ногами. Бил сильно».

«У меня из кармана он вынул перочинный ножик, разложил его, ткнул мне ножичком в ребро, прорвал рубашку и оставил царапину на теле...»

«Принес в школу обрез, стрелял из него, пробил шапку, чуть не попал в глаз»...

Эти объяснения написаны разными детскими почерками. Их много, больше десятка. Районная комиссия по делам несовершеннолетних заботливо собирала материалы о преступном поведении Зыбина. Но они так и остались «материалами», простой кипой бумажек, которая до сих пор пылится в стенном шкафу.

Они не только не приобщены к уголовному делу, следователь отказалась изучать их, ограничившись просто справкой из комиссии, просто констатацией, что Зыбин не был пай-мальчиком.

Суд выяснил, что Хлыбов однажды продал пачку жвачки, однажды — пачку «Мальборо» кишиневского производства, однажды предложил (!) переписать за деньги магнитофонную кассету. Следствие заставило его вспомнить, ткнуло носом в пачку жвачки и в пачку сигарет, как нашкодившего щенка. И Хлыбов признал, что да, ладно, спекулировал, но хотел-то убить. Он не видел никакой связи между одним и вторым. Взрослые увидели или захотели увидеть.

Его били. Следствие получило неоспоримые факты.

И в отношении Зыбина и компании уголовное дело было возбуждено. Но тут же прекращено в связи с амнистией. Они были наказаны и прощены. Но ни Зыбин, ни его приятели так и не узнали, что, избивая Хлыбова, совершали преступление.

Из кабинета начальника следственного отдела УВД, в присутствии его и других, не менее ответственных работников милиции, я позвонил отцу Валерия Попова, ответственному работнику областного масштаба, извинился, что отрываю по такому пустяку, спросил напрямик, знает ли он, что его сын совершил преступление, но был амнистирован.

— Что-что? — послышалось в трубке. — Мой сын? Валерка? Откуда вы это взяли?

Я сослался на официальное постановление, оставшееся в деле, рассказал о том, что за преступление совершил его сын, потом (по подсказке работников милиции) спросил, может быть, не он, так его жена знает об этом.

— Абсолютно исключено, — ответил он.

— Но хоть сам-то сын знает?

— Откуда…

Работники милиции выглядели растерянными — преступник не знает о наказании. Я посмотрел в окно: февральский ветер и стужа, и подумал не о том, что произошло после преступления и после суда, а о том, что происходило до преступления и до суда. Об этом дворе, просматриваемом взглядами Зыбинской компании, о Хлыбове, пересекающем двор, о страхе одного и болезненном самолюбии другого, о потерпевших и преступниках, об их мире.

Он, Хлыбов, и не думал, где достать джинсы, не ходил по знакомым, не торчал в людных местах — авось появится какой-нибудь заезжий фарцовщик. Он не мог их достать. С таким же успехом он мог бы пообещать Зыбину авианосец.

Взрослым легче, чем ему — Андрею Хлыбову.

Мы твердо уверены: после того, как что-то пообещаем, но не сделаем, наш знакомый не подойдет на улице, не ударит наотмашь между глаз. Не поздороваться — и то постесняется. Мы не стоим в подъезде, с трепетом ожидая, когда сосед

пересечет двор. Мы не позволяем себе не то что ударить — просто оскорбить. Мы знаем — и это главное, — что безвыходных ситуаций намного меньше, чем нам казалось когда-то раньше, давно.

Мир, в котором живем мы, отличается от мира, в котором мы жили когда-то и в котором теперь живут наши дети. Сравнивая вчерашнее прошлое и сегодняшнее настоящее, мы так часто отдаем предпочтение прошлому только потому, что исчезли и забылись те наши детские страхи, сомнения, мучительные, изнуряющие вопросы.

Наш мир — вариантнее (простите за такое слово), чем мир, в котором живут они и который когда-то покинули мы. Если что-то нехорошее случается у нас в настоящем, мы можем зацепиться за какие-нибудь хорошие воспоминания и по ним, как по лестнице, перешагнуть в будущее. Мы можем уйти в работу, окунуться с головой в отделку квартиры, забыться над хорошей книгой. В этом отношении тем, у кого еще мало воспоминаний, намного тяжелей. Самая незначительная (на наш, наученный житейским опытом взгляд) сопротивляемость среде становится для подростка катастрофой, приобретает почти космические масштабы. Это для нас, сегодняшних, всякие там детские беды — просто укус какой-нибудь букашки. Для них эта букашка видна, как сквозь стекло микроскопа: огромное мохнатое чудище с немыслимым количеством глаз и лап.

Вспоминая сейчас историю, случившуюся среди бела дня в кустах у реки, я все больше думаю о том, что способность уткнуться глазами в стекло этого «детского» микроскопа, увидеть, понять и помочь — не прихоть или игра, а общественная необходимость, обязанность, долг всех, кто так или иначе связан с воспитанием подростков.

А кто из нас не связан?..

Ведь в том, что случилось в Тамбове (назову, наконец, город, да и реку Цну, над которой все и произошло), кроме вины Хлыбова и беды Зыбина, есть и наша вина.

Еще не совершив преступления, Андрей Хлыбов летел к нему всю последнюю неделю (от дня умысла до дня

исполнения), как самолет с поврежденным двигателем на запасной аэродром.

Я усиленно искал тех, кто видел или мог видеть Хлыбова в ту последнюю неделю. Мне хотелось понять, читали ли что-нибудь необычное в его глазах, походке, наклоне головы, взмахе руки при ходьбе. Ведь человек, задумавший совершить убийство, должен чем-то отличаться от человека, у которого только и забот, чтобы не пропустить новый фильм.

В один из этих дней его случайно на улице встретила классный руководитель. По ее словам, Андрей был таким же, как всегда, — ни дерзким, ни мягким, ни остроумным, ни тупым, ни двоечником, ни отличником. Она, правда, вспоминала, что Андрей сказал, что хочет купить собаку, обязательно большую, спрашивал, какую лучше. Родители заметили только то, что он «был необыкновенно возбужден». Встретил я человека, который мог предположить, что Андрей задумал что-то нехорошее. Андрей так прямо и сказал ему: «Мне надо с одним человеком рассчитаться». Куда уж дальше! Но взывать к гражданской совести этого семиклассника из соседней школы я не собираюсь: слишком далеко «рассчитаться» от «убить» и «убить» на словах от «убить» кухонным ножом.

Но что там эта последняя неделя! Мне хотелось добраться до большего. Хоть кто-то замечал, видел, чувствовал, что в течение года подросток приходит то с синяком под глазом, то со ссадинами на щеке, то — хуже — мнется и никак не может переступить порог подъезда?

Вячеслав Иванович, отец Андрея, руководитель отдела НИИ, сказал, что и замечали, и видели, и спрашивали. Сын рассказывал, что какая-то совершенно незнакомая компания ребят напала, потребовала вечные «20 копеек», пришлось защищаться, и так далее, и так далее. То есть рассказывал все, кроме правды.

Я спросил: «Почему?» Вячеслав Иванович пожал плечами, горестно усмехнулся. И я вдруг понял, что вопрос мой не только бестактен, но он и до чрезвычайности дилетантский. Даже в мальчишеских младшеклассных драках грозятся позвать на

помощь старшего брата, реального или с картинки на обложке «Пограничника». Родителей — нет, никогда. Разве что самые отсталые ябеды, рискнувшие обрушить на свою голову позор предательства.

Дальше — пойдем по классическому кругу — школа.

Просидев несколько часов в школе, я понял, что отрицательная характеристика на Хлыбова — скорее дань правилам игры, при которой в суд пишут, что человек с детства вешает котов, а, допустим, в общество охраны животных, — что у человека в квартире целый санаторий для бездомных кошек.

Да, он действительно учился неважно, но не настолько, чтобы кидаться с ножом на прохожих. Некоторые мальчики в этом возрасте начинают курить, выпивать, а за Андреем этого никто не замечал. Очень болезненно переживал он каждую полученную двойку, даже дневник прятал. И очень расстраивался, когда в дневник сразу проставляли все двойки, полученные раньше. То ли боялся родителей, то ли стеснялся, то ли еще что... Имел общественное поручение — отвечал за сохранность мебели: стулья, табуретки. Чтобы его кто-то бил? На улице? Никогда не жаловался.

Тот же вопрос я задал его одноклассникам. Они задумались, вспоминая, видел ли кто его с фонарем под глазом или с перебитой губой, потом честно признались, что если бы даже и увидели, то не заметили. «Как это так? Увидели бы, а не заметили?» — не понял я. Мне объяснили, что таким он был: незаметным, «совсем дитя», «ничего мужского».

Мог бы спастись еще и улицей. Ведь улица не только кого-то калечит (откуда-то взялось это как бы неоспоримое мнение), но иногда поддерживает — это чаще — в самые трудные минуты. Если, допустим, была компания Зыбина, то почему бы не быть компании Хлыбова?

Увы, ее не было. Вся его «компания» состояла из семиклассника Юры.

Они могли только мечтать, сидя где-нибудь вдвоем, о каких-то мореходках, куда можно от всего удрать, о каких-то собаках, которыми можно защититься от нападений. Вот и все.

Даже самому слабому хочется не только иметь того, кто бы его защитил, но и самому хочется защищать. И Андрей хотел защитить Юрку. Когда Зыбин потребовал от него подняться к Юре в квартиру и вывести его на улицу, он обманул Зыбина, сказав, что Юра уехал к сестре, далеко от города. Когда Зыбин сказал, что все равно он этого Юру изобьет, Андрей решился еще на большее: пошел в опорный пункт охраны общественного порядка и все рассказал.

Это было за две недели до преступления.

Компанию Хлыбова объединяло только одно — страх перед Зыбиным. Страх тоже может объединять, и когда я спросил у Андрея, что бы он сделал, если бы у него оставалось хоть полчаса между преступлением и арестом, он ответил: «Пошел бы к Юрке, и сказал, чтобы больше ничего не боялся». Да, страх может объединять людей, но спасти, увы, не может.

Ну, что еще... Можно перечислить многие организации, которые в Тамбове, как и во всей стране, занимаются тем, чтобы одного подростка спасти, другого наказать, третьего куда-то направить. Многое делают, но вот ни с Зыбиным не справились, ни Хлыбову не помогли.

Все, кто мог, знали. В школе знали, что «Зыбин терроризирует всю школу», в инспекции по делам несовершеннолетних — что приносил в школу обрез, в комиссии по тем же делам до сих пор хранится папка с делами компании Зыбина.

Больше того, знали не только о том, что Зыбин кого-то бьет. Еще раньше, на комиссии по делам несовершеннолетних, мелькнула фамилия Хлыбова, конкретного подростка, которого избивает Зыбин.

Знал все и опорный пункт охраны порядка, и когда секретарь совета общественности этого опорного пункта, выступая на суде, сказал, что «лично для него в ситуации не было ничего неожиданного, и если бы не Хлыбов, то Зыбина убил бы кто-нибудь другой», то он сказал чистую правду.

Все всё знали, заносили в протоколы, ставили на учет, разбирали на комиссиях, но (пытаюсь подобрать сравнение)...

смотрели на все, как через стекло вагона на перелески, реки, дома и пашни.

Да, очень часто, как через стекло, мы наблюдаем за ними, видим и не понимаем, что видим, фиксируем их проступки и не знаем зачем, предчувствуем: что-то произойдет, но не догадываемся, что именно.

Мы уверены, что они боятся нашего наказания, но забываем, что они надеются и на нашу помощь.

Когда Андрей Хлыбов пришел в опорный пункт охраны общественного порядка, чтобы спасти своего единственного бессильного, запуганного друга Юру, и понял, что там не помогут; когда на следующий день Зыбин, узнав, на какой шаг он решился, жестоко избил его, Андрей подумал, что на помощь взрослых рассчитывать нечего.

Это оказалось его последним неоправдавшимся вариантом, после которого он попытался совершить то, что решил совершить.

***

Здравствуйте!

Итак, пишет Вам Алекс, телефонное знакомство с которым (довольно-таки сильно обеспокоившее Вас) состоялось в четверг в 18 час. 35 мин.

Ну что?!! Вспомнили меня, вот теперь здравствуйте еще раз, так сказать, здравствуйте, «старый знакомый»!

Читаю «Литературку» давно. Я не верил, что все эти письма и т.д. существуют. Считал, что пишете вы сами по себе, но вот в этот четверг, когда я увидел телефон, терпение мое лопнуло. Лишь сейчас вы начали ту тему, которая будет «кормить» Вас не один день, но, работая над ней, Вам, чтобы иметь острые статьи и репортажи, надо немного рискнуть и пойти в путь по лезвию бритвы. Это мой чисто человеческий совет, и, вернее, я просто откровенно пишу Вам. Эти строки только для Вас.

Да, разрешите представиться вполне официально, не прячась под одним лишь именем, но прежде, чем я сделаю это, я прошу дать мне слово порядочного человека, что мои данные вы не будете

использовать во вред мне, «сдав» меня в руки милиции. Вот я получил Ваше слово и верю Вам. (Далее приведены точные координаты автора. — *Ю.Щ.*)

Начало моего отрочества пришлось где-то на 14-15 лет.

Учился я в это время в 8-м классе. Физической силой я никогда не отличался, и любой в школе может меня «поколотить». А ведь битым быть не хочется! И я решил, что должен иметь «сильные чужие руки», то есть найти себе компанию «друзей», которые бы могли постоять за меня горой. Вот такая «корыстная» цель, о которой многие читающие эти строки (если вы опубликуете это письмо) побоятся вот так откровенно сказать. Так думают лишь наедине с самим собой, да и то мельком, никогда всерьез не задумываясь о том, что будет потом?!

Друзьями моими оказались «Заяц», «Федот» и еще несколько наиболее сильных и «смелых» (когда все вместе) ребят. Гуляли все ребята на одном «центровом» месте — у кинотеатра.

Мы по-детски поклялись хранить тайны друзей, умереть, но не выдать «врагам» и, как особо настаивал я, «...горой стоять друг за друга». Мы взяли лезвие и немного «выпустили» из себя крови на наш «свод законов», написанный на бумаге, а потом торжественно сожгли этот лист. Сейчас я улыбаюсь, вспоминая этот придуманный (стыдно сказать) мною сценарий клятвы и принятия в «банду» — так называли нас все люди, а мы же величали себя «бригадой».

Что характерно, значительно повысилась, например, наша успеваемость, но это было «опасное улучшение» — сейчас, когда мне 25 лет, я смотрю на себя и своих «друзей» критически, поэтому пишу так откровенно. Действительно, мне легко давался немецкий язык, русский язык, литература и математика, вот я и помогал своим «кентам» — так мы стали называть друг друга.

14 лет — это возраст увлечения «бомбами» и «самопалами». Порох делал я, но, что характерно, это так заинтересовало, что Валерка — ярый двоечник и второгодник — действительно выучил химию, и, когда он гордо стоял у доски и отвечал сам, не глядя на класс, то напряжены были все. Это первая пятерка, за ней был первый диктант, за который он получил 4, хотя там и было 8 ошибок, но ведь раньше их было не менее 30! Спасибо нашей старой

доброй учительнице, которая поняла нашу банду. Моим «кентам» завышали оценки, но они видели, что делают это не зря. «Бригада», в которой два второгодника, два ярых двоечника и один хорошо успевающий ученик. Учителя поняли, что мне удалось заинтересовать «друзей». Хотя я, делая это, предусматривал чисто корыстную цель — захватить «бразды правления», то есть сделать так, чтобы мой голос имел решающее значение. Но знал-то ведь это лишь я один. Вот так получилось, что я, действуя подло и коварно, достиг двух результатов.

В классе не было двоек, причем учителя, завышая им оценки первые две-три недели, сильно воодушевили «мою банду» — они поверили в себя и стали учиться сами, что главное — у них появился интерес к учебе, и память у всех была отличная, так что мы были, как считали учителя, чудом их педагогики. Пусть они носят эти «лавры», я получил свои: меня «кенты» учили драться, не бояться ударов, дали в руки нож и показали, как им орудовать.

Естественно, в школе мы были среди своих сверстников «короли», а вот старшеклассники, они уже побаивались нас, — отчаянных сорванцов. Естественно, и в их возрастной группе была какая-то своего рода «бригада». «Короли» пошли к «королям». И вот тут уже, дорогие родители, начинается то, что делает вашего ребенка «трудным». Старшие ребята курят, ну и мы тайком покуривали на переменках в школьном саду или прячась где-то. Потом мы уже и выпили со старшими. Вначале была «безобидная» бутылка вина на 7-8 человек. Это я сейчас понимаю, как тут подходит пословица «Лиха беда — начало!» Тогда было важно, чтобы от нас пахло вином, этим мы «поднялись» в глазах своих сверстников. И они начали нам подражать, — вдумайтесь в это!!!

Мы же начали хулиганить. Нас побаивались взрослые ребята по 20-25 лет, у нас ведь были друзья их возраста, которые не отличались спокойным нравом. Мы позволяли себе «обносить» сады; что греха таить, могли взять что плохо лежит. А часть ребят пользовалась нашими услугами, оплатив их по тарифу. Например, парень встречался с девушкой. Но они из разных районов, мальчишку бьют за то, что он встречается с девочкой с их двора, он любит ее, но сам за себя он не в силах постоять против нескольких дворовых

«королей». Он шел к нашей компании, зная, что нас боятся или, по крайней мере, не хотят связываться. Он говорил о своей беде, и вот, получив 2-3 бутылки вина, мы либо колотили дворовых хулиганов, или, если они были «тверды» для нас, распивали с ними мировую, и этот парень пил тут же, и все решалось мирным путем.

Вот так «компания» уже приобретает очень опасный социальный смысл.

Но в моей судьбе однажды произошли крутые перемены. Меня уже не устраивала та «команда», с которой я начинал, они уже мне были не нужны в качестве «рук».

Однажды я познакомился с одним из старших ребят, причем благодаря той услуге, которую я ему оказал, он остался жив. Это сблизило нас, и вот уже я узнал от него, что есть вещи, которые заменяют человеку все.

А в те годы как раз начала принимать бурный размах джинсово-дисковая истерия, пошли в ход различные поп-журналы, журналы о музыке, музыкантах, секс-журналы, за них платились бешеные деньги, но ведь, кроме картинок, там были еще и тексты.

Ах, как для нас тогда звучали имена Джимми Хендрикса, Дженис Джоплин и других звезд, угасавших в героиновых джунглях! И вот передо мной лежат несколько ампул.

Я побежал к своему другу, он вяло пожал мне руку, но, когда увидел ампулы, поободрился и вобрал в шприц первые 2 кубика...

Я протянул руку, и вот игла, легко пробив вену, начала «давать контроль», я перехватил шприц из рук «друга» и сам ввел себе этот раствор, закрыл глаза и помчался «дорогою в никуда».

Но вот прошли 4 часа забвения, я открыл глаза и первое, что сказал: «Еще!!!» Но получил отказ, который меня огорчил, но, впрочем, не очень. Путь в небеса я нашел, и жизнь понеслась сквозь мириады космических миров и банановых плантаций, прерываясь, правда, вначале часто, а потом все реже и реже школьными занятиями и разговорами с родителями, которые, кстати, в первый момент ничего не поняли и были рады, что от моего облика «хиппи» остались лишь длинные волосы.

Это было, когда мне только-только исполнилось 14 лет.

Было у меня и много взрослых друзей, которые за несколько

ампул учили меня мудрости «карточной игры». И вот я знаю несколько кладок, бегло «гоняю стос одна в одну», мастерски делаю «вольт», то есть передергиваю колоду карт. И вот я становился на время другом тем, у кого родители работали в медицине. Как правило, ехали ко мне домой слушать последние «диски», я доставал колоду карт, которая уже заранее была «заряжена» и, сделав «трещотку» (так называют вид тасовки карт, когда их положение в колоде не меняется, но создается иллюзия тасовки), начал игру. Без труда выиграв 150-200 рублей, я просил рассчитаться со мной, зная, что денег у противника нет. Тот судорожно искал выход, чтобы спасти свою «честь», и тогда я осторожно подсказывал ему выход...

Таким образом я ежедневно получал несколько ампул.

Но вот однажды я заболел и к своему ужасу обнаружил рано утром, что у меня нет ампул. К этому времени я уже ввел себе за правило делать укол перед школой, сразу после школы, а потом вечером, перед тем как идти на танцы или в бар, и продолжалось это где-то на протяжении 4 месяцев. И тут через несколько часов я начал себя ужасно чувствовать. У меня потекли слезы, и я ничем не мог их остановить, начался сильнейший насморк, а потом появились какие-то резкие подергивающие боли и мышцах ног и рук, а потом все это распространилось на все тело. Я метался по комнате и не мог найти себе места, а мысли все время вертелись вокруг одной мысли: «Ну, уж если я так простудился, то сейчас бы ампулу, она бы хоть улучшила настроение». И вот я выскакиваю из дома и, остановив такси, еду к своему «старому другу». Он посмеялся, когда я начал ему жаловаться на то, как я так внезапно рано утром заболел, потом подошел к тумбочке и вынул оттуда 3 ампулы.

...Но вот родители заметили, что со мной что-то происходит, заметили смену компании, а затем и проколы на руке. И, не раздумывая, отправили меня в психиатрическую лечебницу, где врачи ставят мне «диагноз»: «Полинаркомания. Морфинист II стадии».

Я кипел гневом, что меня силой лишили «рая»!.. Не мог простить родителям, что они насильно отправили меня на лечение. И вот в 12 часов дня меня выписали из больницы, а в 15 часов я в ванной вонзил в свою руку шприц. Потом я стал осторожней и старался «обмануть дьявола», то увеличивая, то уменьшая дозы, но «морфий умел

ждать», и вот я снова его раб, и этот раз он ждал меня всего лишь около месяца. Прошел еще один год этих «райских снов» и кошмарных пробуждений, но вот уже на меня обратила внимание милиция и снова психиатрическая больница. Два месяца лечения, и я снова на свободе, после этого держался около месяца. Но вот я поехал в бар, где встречались такие, как я, «братва» приняла меня, и тут же под столиком раздался треск ампул. Снова началась эта дикая карусель. «Деньги — наркотики — кайф и снова на поиск денег», — вот формула моей жизни. Конечно же, я иногда что-то читал, но это были редкие дни, когда я был спокоен, что у меня есть запас наркотиков. Я заканчивал школу (кстати говоря, физико-математическую, и притом без троек). Потом три года подряд поступал в институт. Причем первый раз в институт радиоэлектроники — эта специальность нравилась мне, а потом в медицинский: «господин Морфий» гнал меня туда.

Все время я работал в медицинских учреждениях, однако долго не задерживался ни в одном из них, рано или поздно выяснялось, кто я и зачем работаю в медицине.

И вот в 20 лет я однажды очень неудачно приобрел наркотики: людей, которые их украли и продали, арестовали, они показали на меня, и вот 3 года я отдыхал на «курорте общего режима». Правда, и там не мог мириться с той мыслью, что буду жить без наркотиков, искал их, иногда находил, мне и заменили общий режим тюремным заключением.

Но всему бывает конец, окончился мой срок, и что же я вижу? Все те же компании, только они значительно омолодились. Если раньше 15-16-летние наркоманы были редкостью, то сейчас я встречаю 14-15-летних ДЕВОЧЕК, курящих «план», а не сигаретки, как раньше, уже пробовавших «горячий укол».

«Лечение на курорте» мне пошло в некоторой степени на пользу, иначе бы я не писал вам это письмо. Но скольких еще ждут тюрьмы, пересылки?! Сколько маленьких безумцев уйдут от мамы, уйдут из общества, а вернутся ли они?

Поэтому я хочу предупредить тех, кто еще не «плотно уселся на иглу», «спрыгнуть с нее». Ну а если сидишь «плотно», есть ведь врачи! Меня лечили очень много раз, но толку не было, да и быть

не могло до тех пор, пока я сам не захотел этого. Пусть поверят мне те, кто лишь начинает сейчас, — эти строки для них. Те, кто уже давно «раб белой смерти», это и так знают очень хорошо, но выдержать «ломку» они не в силах. Ведь ребята, которые имеют, так же как и я, десятилетний стаж наркомана, знают, что это такое. Мы сейчас жалеем о тех годах, что «улетели во снах». И то, что сейчас в ход пошла даже такая гадость, которая вызывает галлюцинации, то ведь о здоровье нам бесполезно говорить — вы пока его не цените, — нет, просто поберегите свое здоровье, для того хотя бы, что сейчас называется «любовью», ведь очень обидно вам будет, ребята, когда и для этой любви вы окажетесь непригодны.

Наркоманы, как правило, трусливый, но любопытный народ. Они любят оставаться в тени, чтобы не упоминалось их имя, но сами жадно впитывают каждую строчку о наркотиках и наркоманах. Многие ищут спасения, ищут врачей, ищут пути назад, а их так трудно найти, поэтому каждая строка спасет, может быть, не одну жизнь. Вы уж извините за то, что вышло такое длинное письмо и за почерк. Второй раз я не читаю того, что написал, потому что могу начать обдумывать, так ли я делаю, но хоть я и уверен, что это письмо в газету нужное, но все же не хочу искушать себя, а то еще вдруг что-то не понравится и порву, а снова мне не написать.

Алекс

***

Задолго до того, как мы познакомились, Нина написала следующий текст:

«...Как-то у Ольги после принятия наркотиков у всех было приподнятое настроение. Я желала поднять свое настроение и попросила у Ольги какие-нибудь таблетки. Она мне дала таблетки белого цвета. Я их проглотила, и после этого у меня появилось такое ощущение, что тяжело мне вставать, я летаю, шум в голове. Все это мне было приятно...»

Дальше, без перехода, про своего знакомого Олега:

«Олег сам по себе неплохой парень. По характеру добрый, отзывчивый, может выслушать, дать какой-нибудь совет. Он увлекается наркотиками, любит выпить. Однажды Ольга

сделала какую-то наколку на руке. Олег ее ругал, называл дурой. Одним словом, отчитывал ее. В отличие от Олега Ольга не добрая девушка, злая, любит драться. Она увлекается наркотиками, приобретая их за деньги...». Через страницу, заполненную воспоминаниями о других своих знакомых юношах и девушках: тот добрый, а этот пристает, одна «обманщица», а вторая «дерется редко» — продолжение наркотической темы:

«После того, как я у Ольги приучилась употреблять наркотики, меня до того тянуло к наркотикам, что я в аптечке у бабушки не оставляла лекарств. Естественно, я уже знала, какие таблетки можно употреблять. Я так пристрастилась к ним, что даже один раз в состоянии наркотического опьянения мне виделись чертики, которые выглядывали из-за угла. Я начала с 2-3 таблеток, потом уже дошла до 10. От компании Ольги я отошла где-то в марте, из-за преследований матери. Честно говоря, я уже чувствовала, до чего меня доведут наркотики. Мать узнала обо всем из письма, которое я написала к подруге в Таллин. У меня сил не было все рассказать матери, потому я прибегла к письму. Я положила его на видное место, чтобы мать смогла его прочитать. Тем самым она подключилась бы и помогла бы мне. Так и получилось. И мы вроде обо всем договорились. Но я свои обещания не выполнила. Я не могу удержаться от употребления наркотиков. Обманывала мать и уходила из дома. Но мать сама жила тяжело, и поэтому или не понимала меня, или у нее сдавали нервы, и она поступала со мной очень жестоко.

Где-то в январе 1986 года я возле подъезда встретила двух парней. Вернее, трех. Они меня проводили до дома. Один из них был Стас, с которым мы подружились. Я узнала, что и он употребляет наркотики. Однажды он пришел на свидание очень злым. Я спросила, что с ним. Он после долгого молчания попросил меня сходить к какому-то парню и попросить мак. Когда я спросила его, почему он сам не идет, Стас сказал, что тот ему не даст. Тогда я тоже отказалась пойти, но он уговаривал пойти, говоря, что мне дадут, если я хорошо «попрошу».

Я догадалась, что там меня должны были изнасиловать, а за это дать для него наркотики...

Летом я встретилась с еще одной Ольгой, и она призналась мне, что тоже увлекается наркотиками...»

И так далее, на десятке страниц, исписанных еще не устоявшимся, ученическим почерком: 2 года жизни, с 14 до 16 лет.

Свое 16-летие Нина встретила в клинике для наркоманов. Я увиделся с ней через две недели после того, как ее выписали оттуда, и когда я переписывал в блокнот этот ее рассказ о жизни, то чувствовал на себе ее внимательный взгляд. Когда отрывался от блокнота, она предупредительно спрашивала: «Почерк плохой, да?» И — кокетливо улыбалась. Если бы не эта улыбка, то ее — маленькую, тоненькую, юнее своих юных шестнадцати, — можно было бы легко представить в каком-нибудь строю, на какой-нибудь торжественной линейке...

— Нина, скажи, где ты брала деньги на наркотики?

Она снова улыбается:

— У детей маленьких отбирала...

— То есть, грабила?

Улыбка шире:

— То, что я забирала у малышей деньги, — это не преступление. И между прочим, наши ребята, которые на бильярде играют, в день по 50 рублей зарабатывают.

Я сомневаюсь, она мне начинает с жаром доказывать, что это так, «по 50 в день», рассказывает про какого-то феноменального восьмиклассника, который «заколачивает по 100».

Спрашиваю, часто ли ей приходилось участвовать в драках?

— Не помню.

— Ну 100 раз? Или 2 раза?

— Больше 20.

Пытаюсь выяснить, есть ли молодой человек, которого она любит и который любит ее?

— Было много, но это увлечения, а не любовь. Сначала интересно, а потом надоедает.

— То есть, тебе пока не повезло?

— У меня были праздники каждый день, — не соглашается она.

— А у твоих приятелей?

Вспоминает, вижу, как вспоминает: морщит лоб, поднимает глаза к потолку:

— Один парень так накурился, что стал себе вены резать. Из-за девчонки… — усмехается.

— Скажи, как ты представляешь себе будущее?

— Я его никак не представляю.

— Что значит «никак»? У тебя же будет семья…

— Я не думаю о семье… — и вдруг зло: — Всем от этого будет легче, если меня не будет!.. Хуже места, чем больница, в которой я лежала, все равно нет!.. И если передо мной снова будет лежать дурь, то я все равно не удержусь…

Мне показалось, что она заплачет. Но ошибся. Вдруг спросила, в какой газете будет напечатано интервью с ней. Повторил, в какой, если будет напечатано.

— Надо будет ребятам показать… — ослепительно улыбнулась.

Тогда я задал вопрос, ради которого я и встретился с шестнадцатилетней Ниной:

— Кто же эти люди, которые продавали тебе наркотики?

— Да я сама в этом виновата! Сама! Половина моих знакомых ребят — наркоманы. Вы что, не знаете этого?

Пытаюсь в ответ выстроить какую-то «педагогическую» фразу: то ли, что эта «половина» из тех, кого она сама, лично знает и такой уж, значит, выходит круг знакомых; то ли о том, что те, кто торгует, куда более виновны, чем она, ну, конечно же, виноватая…

Второй разговор — не менее легкий — с ровесником Нины, шестнадцатилетним Сашей. Его «стаж» — 3 года, то есть с 13 лет. Приведу этот диалог, каким он остался в моем блокноте.

— Кто тебя, так сказать, «угостил» впервые?

— Старшие ребята… Это было в моде: на улице, во дворе, возле школы. Папиросу пустили по кругу — дошла очередь и до меня.

— И после этого ты уже и начал искать тех, кто мог бы тебе дать наркотики?

— Сначала не было никаких ощущений, но примерно через 2 месяца мы пошли в одно место у нас в городе: они обычно за больницей собирались, на стройке… Там сидело человек 5 или 6. Два типа — уже скурившиеся.

— Что значит, «скурившиеся»?

— Сами взрослые, а по внешнему виду — хуже нас: маленькие, сморщенные… Мы попросили, нам дали.

— То есть, тебе давали наркотики бесплатно? Учитывали твой детский возраст?

— Это только вначале… Потом пришлось покупать. Я знал места, где обычно собирались те, кто торгует наркотиками. Это сейчас всех зажали, а еще года 2 назад было легко купить. К тебе подходили и предлагали, а ты еще выбирал, у кого получше…

— И кто обычно предлагал?

— Обычно люди постарше…

— А где ты брал деньги?

— Мама на кино давала…

— Саша, давай все-таки вести честный разговор! Чем больше ты пробовал, тем тебе больше хотелось, ведь так?..

— Ну так, так… В восьмом классе я уже ходил искать наркотики каждый день. У меня на это уходило примерно 5 рублей в день.

— Для восьмиклассника немало, скажи?..

— Ну много путей достать деньги. Когда на самом деле дома выпросишь, когда бутылки соберешь и сдашь… Однажды украл серебряную ложку и сдал ее.

— Скажи, и ты ни разу не испугался, что станешь уже неизлечимым наркоманом?

— Сначала думал, что, когда захочу, тогда и брошу. Но потом почувствовал в себе всякие изменения: сижу на уроке, слушаю, а ничего не слышу… И между прочим, в первый раз я почти бросил. Все, что у меня было дома, раздал друзьям… Деньги, которые раньше тратил на наркотики, стал тратить на музыку.

— Долго продержался?

— До сентября. И потом опять все сначала.

— Скажи, а замечали ли твои родители, что ты становишься наркоманом?

— Сначала нет, потом стали догадываться. Несколько раз находили ампулы… Скандал, конечно. Я обещал, клялся, но потом не выдерживал.

— Ты можешь объяснить родителям, которые, наверняка, будут читать наш с тобой диалог, как они могут определить, что их сын или дочь употребляют наркотики?

— Зрачки становятся узкими-узкими, как точечки… Руки, конечно, сильно исколотые… Состояние все время возбужденное, потому приходится колоть по 3 дырки. А еще по глазам: они становятся колючими и острыми.

— Спасибо. Последний раз ты решил бросить совсем недавно?

— Стало плохо на Новый год… Всего ломало страшно. В таком состоянии пришел домой, вошел в свою комнату, достал шприц, а тут вошла мама. Я мог бы ей ничего не отдавать, но почему-то отдал: и шприц, и все прочее. Я, правда, ей кричал: отдай, это не мое… Еще что-то, сейчас не помню… Потом зашел парень: я его на Новый год приглашал, но уже забыл об этом. Выгнал его почему-то… Лег… Заходят мать с отцом. Я им все рассказал, объяснил, какие лекарства надо достать. Восемь дней было очень тяжело: всего ломало, болели ноги, хотелось лезть на стенку… В день приходило ко мне человек по 20, но мама никого не пускала… Сейчас все, все. Никогда больше.

Когда мы встретились с Сашей, пошел уже пятнадцатый день, как он жил без наркотиков. Всего пятнадцатый.

Еще я спросил у Саши, как он думает, сколько заработали на нем лично торговцы наркотиками?

Он удивленно посмотрел на меня:

— Но они же искренне хотели помочь мне!..

Мне часто приходится встречаться с ровесниками Нины

и Саши, но я не помню такого тягостного впечатления, как после этих двух встреч, о которых я сейчас рассказал.

После того, как наркотическая тема стала наконец-то обсуждаться открыто, мы уже готовы к тому, чтобы после шока, вызванного первыми публикациями в печати, по полочкам разложить ответственность за возникновение у нас в стране проблемы, которая, казалось кому-то, уж нас-то минует: те — не то сеют, эти — не так лечат, третьи — плохо контролируют, четвертые — не так ловят, и не за теми, за кем надо, наблюдают.

Убежден: наркотики — не та проблема, ответственность за последствия которой можно перекладывать на чьи-то чужие плечи, то ли под белым халатом, то ли под милицейскими погонами.

Наркотики наступают на подростков и молодежь.

По данным, которые приводит в первом номере за 1987 год журнала «Социалистические исследования» доктор философских наук, заведующий научно-исследовательской лабораторией социологии преступности МВД Грузинской ССР А.А. Габиани, 35,8% всех опрошенных приобщились к наркотикам от 16 до 19 лет, и столько же — от 20 до 24 лет.

В этой же работе есть и ответ на вопрос, на который так и не смог ответить шестнадцатилетний Саша (цитирую):

«Потребители наркотиков платят за них немалые деньги. Правда, иной раз от товарищей, друзей или родственников «доза» перепадает в виде угощения или помощи. Но, как правило, подобная «любезность» носит взаимный характер... В целом, по нашим подсчетам, опрошенные тратят 1 млн. 13 тыс. руб. в месяц или 12 млн. 156 тыс. в год. Если принять во внимание, что, по вполне понятным причинам, корреспонденты приуменьшили свои расходы, то для получения более или менее реальной картины, упомянутые суммы следовало бы, по крайней мере, утроить. Другими словами, подпольные торговцы наркотиками, действующие только в Грузии, получают в год приблизительно 36,5 млн. руб.».

Подпольные торговцы наркотиками ищут и, к сожалению,

находят рынок для сбыта своего смертельного товара. На ком они зарабатывают сегодня?! На чьих детях?..

Поэтому-то я и не стал комментировать подробно диалоги с двумя шестнадцатилетними людьми. Хватит и того, что им всего лишь по шестнадцати. Всего лишь. Еще и уже шестнадцать.

***

Звонок восемнадцатилетнего Леонида.

— Я сторонник глобальных мер.

— Каких же?

— Я заметил, что по каждой проблеме самодеятельного молодежного соединения — будь это клубы каратэ или самодеятельной студенческой песни — обсуждения в печати проходят несколько фаз. Первая фаза: а вдруг это хорошо? Вторая: это действительно хорошо! Третья: а так ли это хорошо? И четвертая: нет, это совсем плохо! У вас с командами начался только первый этап.

— Но мы и не торопимся переходить к другим фазам. Куда торопиться? Разобраться бы сначала...

— Так разберитесь! Мое мнение: нужно доверять молодежи. Помогать тому хорошему, что появляется снизу. Ведь мы же не такие глупые и уже не такие маленькие, что сами не можем отличить, что хорошо, что плохо...

— Алло... Я Кирилл, но не тот Кирилл, о котором вы написали, а совсем другой. Но тоже фанат.

— Кирилл, мне кажется, что сейчас фанатов стало меньше, по крайней мере, в центре?

— Это не совсем так... Все дело в порядках. Вчера мы поехали с друзьями на матч «Спартак» — «Кайрат», и нас вывели за то, что мы сидели на два ряда выше, чем было написано в билетах. И у каждого по рублю десять пропало.

— Сочувствую, но выводят-то чаще всего за драки!

— Какие драки! Выводят за то, что хлопаешь, кричишь,

за то, что ездишь с командой. Забирают, записывают адреса и присылают в школы. Мы ездили в Киев, и одного моего друга забрали перед матчем и написали письмо, что он «устраивал бесчинства».

— А если ребята нетрезвые?

— Нетрезвых на матч не пускают...

— Кто же тогда дерется? Скажи, вот какие отношения у вас с фанатами ЦСКА?

— Плохие...

— Вот видишь...

— Но все драки на улицах происходят потому, что запрещают болеть на стадионах.

— И что же, по-твоему, надо делать?

— Я думаю, что надо вот что сделать: обратиться к фанатам и сообщить, что на матче можно поддерживать команду, а после матча — нет. А то сейчас шумят на улицах, распугивая прохожих... Куда-то надо девать энергию.

6843 МНФ

Ситуация пятая

Команда

Чем больше я встречался с фанатами: и на улицах, в засыпающих скверах, и при свете дня, в стенах редакции, тем больше убеждался, что нет, не в футболе дело.

Футбол скорее символ, вокруг которого можно объединяться и который можно защищать.

Ранняя весна. Вечер. Сижу в гостях у друзей. Вдруг — шум за окном, непонятные крики, топот. Быстро куртку на плечи, в лифт, и вниз — на улицу. По тротуару, оттеснив к стенам домов прохожих, идет колонна ребят в одинаковых красно-белых шапках и такого же цвета шарфах. Впереди какой-то парень, пятясь, дирижирует красно-белым зонтиком, и в такт взмахов колонна выкрикивает: «„Спартак“ — чемпион», «„Спартак“ — чемпион».

Человек лет сорока-пятидесяти возмущенно говорит: «Из-за них теперь на стадион не хожу; сомнут — и не заметишь. Вон уже и на улицу вышли».

Покричав еще немного, ребята разбежались.

Кто они? Откуда взялись? Где умудрились собраться вместе такой толпой? Почему вышли на улицу?

Неужели, думал я, именно любовь к спортивному клубу так соединила ребят? Но давали ли повод для подобного

идолопоклонства «Спартак», другие спортивные клубы, чьи болельщики, вслед за спартаковцами, начали громко заявлять о себе в крупных городах? Слишком уж несоизмеримыми представлялись фанатичные вопли ребят в поддержку футбольной команды с куцыми успехами самих футболистов.

Но время шло, и оказалось, что футбольные страсти перерастали арены стадионов и вырывались на улицы и скверы. Стены домов, заборы, телефонные будки покрывались призывами и лозунгами, прославляющими любимую команду, или, наоборот, унижающими команду соперников. Ерунда, мелочь: цвета шапок и шарфов — превращала подростков одного двора, одной школы в противников, готовых ради «своих» цветов позабыть и школьные компании, и дворовые привязанности. Футбольные матчи нередко заканчивались конфликтами между юными болельщиками или приводили к неожиданным уличным происшествиям, свидетелем одного из которых я стал однажды весной. Стало казаться, что футбольное боление и хулиганство — одно и то же, только одно более организованно, а другое — более стихийно.

Что футбол — лишь символ, я понял впервые, когда познакомился с семнадцатилетним Кириллом, тем самым парнем с красно-белым зонтиком, под дирижерские взмахи которого толпа скандировала: «„Спартак“ — чемпион». С того весеннего вечера я видел его не раз: и на стадионе, и на улицах. И всегда он громче всех кричал, активнее всех размахивал руками или зонтиком в такт крикам, был наиболее ярким в толпе одинаковых подростков. Однажды я пригласил его прийти в редакцию и рассказать, ради чего весь этот сыр-бор, и он, к моему удивлению, с легкостью согласился (потом я уже привыкну, что ребята не только хотят подобного разговора с взрослыми, но и стремятся к нему; просто мы, к сожалению, не всегда хотим этих диалогов и не всегда готовы к ним).

То, что рассказал Кирилл, было, конечно же, интересно: выезды с командами в другие города, стычки с местными болельщиками, неожиданный автограф Рената Дасаева, популярный диск, проданный ради билета на самолет в Тбилиси

(там матч!), реакция мамы, визит участкового, сорванная шапка противника, синяк под глазом. Какая бездна жизни, незнакомой нам, взрослым, открывалась за обычным футбольным болением! Но больше всего меня поразил тогда сам Кирилл. Как он представился: «Кирилл, спартаковский фанат», как высказывался о болельщиках других команд: будто это и не его сверстники, а какие-то инопланетяне, которые неизвестно где живут и непонятно чем питаются; как повторял вновь и вновь слово «команда», относя его не только к команде футболистов, а и к своей — команде фанатов. Он, почувствовал я тогда (и это чувство не покидает меня все время знакомства с представителями разных команд), осознавал себя не просто семнадцатилетним парнем, выпускником школы, городским жителем и т.д., а представителем определенной группы подростков, защищающей определенные символы. Он почувствовал тогда, при первой нашей встрече, что я могу не понять этих символов и наверняка не пойму: не из этой команды; и потому, очевидно, тем более горячо доказывал: он — фанат, их — много, они — вместе. Этим-то, конечно, и объяснялась та легкость, с которой он согласился на визит в редакцию: доказать, объявить всему миру.

Подобную, открыто декларируемую принадлежность к той или иной группе я не встречал раньше и потому-то сам для себя назвал Кирилла, других подобных ребят, представителями новой волны подростков.

Футбольные фанаты были первыми. Вслед за ними появились другие «команды», соединенные иной символикой: у одних были коротко остриженные виски; другие отличались друг от друга булавками, прикрепленными на курточках и джинсах; третьи поражали странной не очень приятной одеждой.

Сколько потом было встреч с подростками новой волны!

Вот визит родителей в редакцию: «Наш сын связался со „скейтбордистами“. Они не просто катаются на досках: у них свои места сборов, скейты — только повод собраться вместе».

Вот письмо учителя: «Старшеклассники создали группу „Суд“ — измываются над теми, кто не с ними». Заметка в городской газете, полученной мной из Сибири: группа подростков носит рубашки одинакового темного цвета, украшает их всякими зловещими символами.

И чем дальше я сталкивался с подобными ребятами, тем больше понимал: неважно, как сами ребята называют свои команды, какими словами, из каких языков определяют свое положение среди сверстников. Им было важно то, что им хотелось называться, выделяться и из среды взрослых, и из толпы своих сверстников.

А что же делать при этом взрослым? Тем, кто растит и воспитывает? Не заметить? Отойти в сторону? Позвать на помощь «дядю милиционера»?

Сначала — понять, а для этого выслушать, услышать, вызвать на диалог. Ведь часто все наши недоразумения происходят как раз из-за нежелания и лености выслушать тех, кто моложе нас по возрасту и жизненному опыту.

***

В телефонной трубке шум улицы, рокот машин, сквозь все эти звуки города — голос семнадцатилетнего Андрея.

— Мы называем себя группой «Рок на колесах».

— То есть вы рокеры? Катаетесь на мотоциклах?

— Да. Мы собираемся каждый вечер на одной площадке.

— А кроме того, что вы мотоциклисты, что вас еще объединяет?

— Ну как что? Вас это интересует?

— Да, конечно.

— Вы, может, про нас напишете?

— Не обещаю, но может быть...

— Странно... Ну, ладно. Мы собираемся каждый день, ребята почти одни и те же. Но некоторые приезжают впервые. Тут же становятся нашими. У нас даже есть и молодожены.

— А какие ваши отличительные признаки? Как вас можно узнать?

— Преимущественно кожаные куртки. Шлемы синие или черные.

— И часто вы собираетесь?

— Я же сказал, каждый день. Обычно в 9 или в 10 вечера.

— Собираетесь, и дальше что?

— Ну, рассуждаем, может, друг к другу в гости рванем, или просто катаемся по Москве.

— А как к вам относятся окружающие?

— Иногда милиция появится, скажет: не собирайтесь! Мы отнекиваемся, что, мол, стоим просто так, случайно... Мы и в самом деле никого не трогаем. Когда приказывают разъезжаться — разъезжаемся, потом собираемся снова.

— И зачем?

— Нам хорошо вместе. Хотите, приезжайте к нам сами убедитесь.

— Спасибо за приглашение.

Новый звонок. Настя, 16 лет.

— Во всяком случае, странно... Насколько я знаю, отношение ко всем этим группам у взрослых резко отрицательное... У нас в школе парня выгнали за то, что он панк.

— Так прямо за это и выгнали?

— Естественно нашли какую-то другую причину, но мы-то все знаем. И он знает.

— А вы, Настя, сами в какой-нибудь группе?

— Я сочувствующая...

— Кому именно?

— Я — панкам.

— И что же такое эти ваши панки?

— Панки — это отбросы общества, как они сами считают. У них знаете какой девиз? Мы плебеи, нам все можно.

— Ага... Это как бы нормальные ребята, которые играют в хулиганов?

— Вот именно. Они считают, что человек — это худшее порождение природы, и не стоит ничего стесняться... Я видела одного мальчика — у него были зеленые волосы. Очень

симпатичненький. Во всяком случае, оригинально. Не такой, как все. Зеленые волосы, широченные красные штаны, сколотые булавками с двух сторон, и какая-то хламида-монада.

— Но это внешние отличия. А внутренние?

— Вообще-то они гнилые ребята.

— А говорите, что сочувствующая...

— Но не оставаться же одной? Хочется отличаться от остальных и с кем-то быть вместе.

— «Литературная газета»?

— Да.

— Меня зовут Лена.

— Сколько вам лет?

— Восемнадцать.

— Слушаю вас...

— Странно... Прочитала вашу статью и удивилась. У вас какой-то тон странный.

— Не понимаю? Почему странный тон?

— Обычно наставляют, поучают: «Вот это, детки, надо делать, а это нет», а ваша газета не поучает, а спрашивает нас.

— Мы пытаемся разобраться. Нам одним, без вас, это сделать очень трудно. Можем ошибиться.

— Вы хоть знаете, кто входит во все молодежные группы?

— Примерно да, знаю. Но, возможно, ошибаюсь. Вы — представитель какой-нибудь команды?

— Да. Я — фанатка «Спартака».

— Ваши уже звонили в редакцию.

— Ну и как? Боевые ребята, правда?

— Разные...

— Ну так вот, Юрий, во всех этих командах — сыновья и дочери преуспевающих родителей. Им просто нечего делать.

— Лена, не согласен. Как я знаю, в молодежные группы входят дети самых разных родителей, не обязательно, как вы говорите, «преуспевающих». Что из фанатских групп, что из групп хиппи...

— Хиппи? Бить их мало.

— Бить? За что?

— Я их ненавижу. Овечки.

— А... Но, Лена, и хиппи, по-моему, в первую очередь хотят чем-то выделиться из окружающих.

— Но мы все хотим выделиться, все играем. По крайней мере, насколько я знаю нашу группу. Излюбленная фраза нашего вожака: «Скучно жить на этом свете, господа, ох, как скучно...»

— Лена, мне казалось, что все наоборот. Именно вам, как вы себя зовете, фанатам, не может быть скучно. За вами — футбол. А там происходят постоянно всякие события: то выигрывают, то проигрывают, то выгонят игрока с поля или из команды.

— Большинство наших абсолютно не интересуется спортом. Фанатение — это способ выделиться и установиться. Кто-то выделяется одеждой, кто-то — знанием музыкальных групп, кто-то, как мы, фанатством.

—Так, выходит, вы и на матчи не ходите?

— Мы обычно собираемся на спортплощадке возле школы.

— И начинаются приключения?

— Я сама мирный человек, никого не бью и ни к кому не лезу.

— А ваша команда?

— Ребята поймали одного... Понимаете, тех, кто не выступает, мы не трогаем. Но здесь ходили и скандировали всякие нехорошие четверостишия про «Спартак». Наши одного поймали, вломили, чтобы не высовывался.

— Лена, а как вы стали фанатом? Или фанатичкой... Не знаю уж, как сказать точно?

— Как-то вечером я не знала, чем себя занять. Пошла в кино, а там — Колумбия. Я думаю, что — упала, что ли, на колумбийский фильм идти? Потом увидела ребят. Они мне предложили билеты на дискотеку в какой-то клуб. Но там же шпана одна! Черт знает что! Туда зайдешь — обратно не выйдешь. И вдруг познакомилась с одной компанией. Ребята пригласили в кафе и сказали, что они фанаты. Мне понравилось. И я стала такой же, как они.

— Лена, а легко ли попасть в вашу команду новому человеку?

— Новый человек проходит испытания.

— Испытания? Впервые слышу. Что это еще такое?

— Нового испытывают на стойкость и веру.

— Веру во что?

— Веру в команду. Допустим, в прошлом году наши ребята стояли в подъездах и спрашивали, за кого болеешь. Если человек струсит, скажет, что, допустим, он фанат «Динамо» (если наши себя выдадут за динамовцев), то, значит, не наш.

— А если будет отстаивать свое, спартаковское, то, выходит, свой?

— Конечно...

***

В свои 25 лет я считаю себя неким «средним звеном» — человеком, еще помнящим себя в юности, но уже способным смотреть на нее «извне», хотя и не заразившимся страхами и предубеждениями против молодежи многих сорока-пятидесятилетних. Но вот что происходит с ребятами сейчас, я понимаю с трудом.

В 18 лет я с любопытством глядела на длинноволосых людей с пацифистскими значками и лохматыми сумками через плечо. Их мир казался мне заманчивым и недостижимым, а когда мне объяснили, что пацифизм — это идеология всеобщей любви и непротивления злу, своеобразное толстовство, она показалась мне очень привлекательной. Читая об английских хиппи, вставлявших цветы в стволы направленных на них пистолетов, испытываешь восторг. Но вот недавно человек, который когда-то общался с нашими пацифистами, говорит, что круг интересов большинства из них не шире алкоголя и наркотиков, а слово «идеология» им, как правило, просто неизвестно. Этому тоже веришь. Или еще. На стене дома, недалеко от нашего, мелом сделана надпись: «Россия юбер аллес». Это — «нацисты». Человек, сделавший такую надпись, явно не ведает, что творит — ведь он немногим моложе меня, в его семье наверняка кто-нибудь воевал или был в блокадном Ленинграде. Мне это явление непонятно. Как, например, непонятно поголовное увлечение молодых ребят Востоком и оккультными науками, когда двадцатилетняя студентка то и дело «выходит в астрал».

А теперь я расскажу о том, что мне известно и понятно, что я видела сама и в чем участвовала. Может быть, это как-то вам пригодится?

Наша группа называлась ЛЛАС — Ленинградская Лига Автостопа. Члены Лиги, или «гонщики», занимались именно автостопом. Мы путешествовали по стране на попутных машинах (некоторые доезжали до Сибири, до Средней Азии), но не ради новых мест, а ради самой дороги, ради скорости. Хороший «гонщик» зимой добирался до Мурманска за сутки, а добравшись, сразу поворачивал назад. То есть это был не способ передвижения, а спорт. Устраивали мы и гонки на попутных — кто быстрее проедет по выбранному маршруту (километров 500 или больше). Выезжали одновременно несколько человек, обгоняли друг друга, клеили марки с указанием времени прибытия на определенный километровый столб, возвращались. Были свои правила, своя тактика и стратегия — очень азартная игра! Каждый «гонщик» имел свой номер (разрешите представиться — гонщик ЛЛАС № 3 или «троечка»), количество членов перевалило за 30. Мы сами делали себе снаряжение, было нечто вроде «формы гонщика» с мотошлемом и номером на нем, постоянно изобретались способы останавливать машины ночью, в туман, в городе, и т.д., разрабатывались маршруты, существовал свой жаргон, и тому подобное. Это был не спорт уже, но образ жизни, потому что на Лигу уходило все свободное время (а у самых фанатичных и не только свободное), все физические и духовные силы, для многих это был главный, если не единственный интерес, люди оценивались по тому, какие они «гонщики». Похожее отношение я встречала у альпинистов — кстати, горные походы были почти обязательны для членов Лиги, я сама неоднократно бывала в Хибинах; причем походы эти носили чисто самодеятельный характер — никаких альпинистских секций и альплагерей (мы их поначалу презирали), это потом уже в Лигу вошли ребята, занимающиеся в секциях, тогда отношение изменилось. А КСС (Контрольно-Спасательная Служба) — вообще личный враг гонщика. Не вся, конечно. «КСС делится на две службы — контрольную, это и есть враг, и спасательную», — считает Алексей В., президент нашей Лиги, (гонщик № 4.)

Пишу в прошедшем времени, так как старые гонщики многие вышли из Лиги — у них семьи, дети, работа, но, говорят, Лига еще существует, появилось новое поколение гонщиков, и «президент»

ЭР 5

3

лично приезжает устраивать гонки в Ленинград из Волгодонска, где он теперь живет.

Интересно еще, что наша Лига Автостопа была не единственной в Ленинграде. Мы встречались с другими группами того же типа — в них ребята просто увлекались туризмом, номера заменяли клички, иерархию («президент» и пр.) — своеобразные «степени родства» (например: «Граф» — сын «Кори» и «Садко», брат «Дока», и т.п.) — но суть оставалась та же — «образ жизни». Были, помню, «Универсалы», «Атасы», какие-то «Вши», кто-то еще...

Причина именно таких увлечений мне более-менее ясна: в лесу, в Саблинских пещерах, на «трассе», в горах — холод есть холод, тепло есть тепло, друг это тот, кто с тобой в одной кабине или связке, враг — ночь, камнепад, мороз и КСС. То есть все ценности абсолютные при минимуме нюансов и тонкостей — жизнь делалась труднее физически, зато нравственно гораздо проще, все ясно: где добро, где зло. «Думать не надо. Сел — и едешь» — Алексей В.

Теперь пора рассказать об этом самом Алексее В., нашем «президенте». По-моему, это и есть «неформальный лидер». Он создал Лигу, ему принадлежат все начинания в ней, благодаря ему Лига до сих пор существует.

Я опишу этого человека таким, каким я его знала, когда участвовала в Лиге, — мы уже больше года не встречались, говорит, он изменился (женился, работает). А познакомились мы 8 лет назад, когда ему было 16. Это был ярко выраженный романтик — уже тогда ходил в походы (с самого детства), ездил на попутных машинах и товарных поездах и отличался крайней радикальностью суждений. Он не говорил: «Ты дурно поступаешь», но «Ты — подлец!», не «Он помог мне», но «Он спас меня» и т.д. Все это типично подростковый максимализм, в 16 лет нормально, но таким я его знала все последующие годы. Причем романтизм его носил весьма мрачный характер: разговоры о самоубийстве были постоянной темой с 14 лет. Были случаи, когда его знакомые девушки (просто знакомые!) жаловались, что их приятели слишком много себе позволяют при ухаживании, и наш Алексей тут же пускался на поиски оружия, чтобы убить подлеца. Это он на заседаниях Лиги предлагал вооруженную борьбу с обывателями.

Выжил, не попал в тюрьму за убийство (пистолета так и не достал), стал старше и обратил свою энергию на создание Лиги Автостопа. Попутную машину Алексей считал панацеей от всех бед: поездка лечила («спасала») от дурного настроения, от неприятностей, закаляла для борьбы с предстоящими трудностями. Поэтому Алексей активно обучал автостопу всех своих друзей (в том числе и меня), он же со своим ближайшим другом впервые съездил за тысячу километров в Хибины, открыв эру дальних поездок. Он пытался работать — сперва у нас в библиотеке, потом на заводе — и отовсюду уходил, так как «не терпел насилия над личностью» — попросту ссорился с начальством, к тому же дальние поездки требуют времени большего, чем 2 выходных. Поступил в институт — та же история, не доучился даже до конца первого семестра...

Алексей объездил всю страну и давно нигде не работал. Какие-то деньги давали ему родители, а на мой вопрос, чем же он питается в своих путешествиях, он отвечал: «Трасса прокормит», — то есть, где-то водитель накормит, да и друзья у него появились во многих городах. Он ездил не просто так, ради развлечения — у него всегда находилось дело: то навестить знакомую девушку, работающую в Туве с геологами, то — друга, служащего в армии в городе Фрунзе или в Калининграде («Ему там очень плохо, ты представляешь, как он обрадуется?»), то достать снаряжение в Челябинске, то организовать поход по Кавказу (он уже вовсю занимался альпинизмом) с ребятами из Донецка. Многим он помогал — совершенно бескорыстно, например, отвозил жену к мужу в воинскую часть или знакомую альпинистку в альплагерь. Но помощь его всегда была только такой: обычно он лучше человека знал, что этому человеку нужно, а нужно, по его мнению, всем было только одно: дорога. И поэтому с людьми его отношения были сложными: он легко находил друзей, людям было с ним интересно, подкупала его готовность всегда прийти на помощь, и путешествия были очень увлекательны, но так же легко он друзей и терял. Стиль его общения с людьми педагоги называют авторитарным. Ему всегда надо было руководить, быть лидером, «президентом», и любое непослушание вызывало у него искренний гнев. Еретик объявлялся подлецом и обвинялся в предательстве всего самого святого: «Недорого же

стоили твои разговоры о горах, если ты даже не можешь пойти на конфликт с родителями и поехать с нами». И так далее. Причем, это не была жажда власти, но искреннее убеждение, что он «спасает» людей, и «кто не с нами» был не столько «против нас», сколько дурак, не видящий своего счастья. Когда в 22 года я отошла от Лиги — не хотела больше ссориться с родителями, да и другие интересы появились — он искренне жалел меня и уговаривал вернуться (он считал меня перспективным гонщиком и говорил, что я зарываю талант в землю).

Несмотря на свой трудный характер, он никогда не был один (хотя одиночество всегда было одной из главных составляющих его мировоззрения — как средство воспитания Настоящего человека) — уходили старые друзья, появлялись новые, к тому же всегда были 2-3 человека, товарищи с детства, которые прощали ему все слабости.

Что же привлекало в этом человеке? Что делало его все-таки лидером? Его романтизм, отношение к жизни как к фронту? Или его способность везде, в любой ситуации сориентироваться, не растеряться — он всегда знал, что надо делать. И делал, может быть, глупость, но делал. И это внушало уважение.

И вот мне кажется, что наша Лига Автостопа — это маленькая модель тех молодежных объединений, которыми занимаетесь вы. Интересно вообще стремление объединяться и как-то себя называть. Одна моя хорошая знакомая, бывший член Лиги (создатель ее, тоже обладающая качествами лидера) и гонщица № 5 (вышла из Лиги из-за хронических ссор с Президентом, «нашла коса на камень»), говорила как-то: «Мы хотим быть чем-то более значительным, чем отдельная личность. Человеку плохо одному. А в компании, не объединенной общим делом, вскоре становится не о чем разговаривать: даже мои ровесники, умные, образованные люди — каждый в отдельности, — собравшись вместе, начинают обсуждать знакомых и кто с кем где пил, чего и сколько...»

А о чем говорилось в Лиге? О маршрутах, о снаряжении, о гонках — все же не так скучно. Хотя, бывает, общее дело есть, а разговоры все равно о том, где, кто и с кем... И, мне кажется, важно не столько дело, сколько объединяющий мотив, позволяющий уважать себя: «Мы — Универсалы, мы не просто так...»

И сделать тут, наверное, ничего нельзя, да и не надо делать. Я не говорю о тех случаях, когда объединяющим мотивом становится что-нибудь вроде фашизма. Тут, я думаю, что если молодой человек уважает своего прошедшего войну деда (или просто знакомого старика), то он поймет, что такое нацизм, почувствует это и никогда не напишет нацистскую гадость на стене. Но есть одна грустная деталь: если орденоносный дед сегодня склочный, скупой, злой и несправедливый старик, хотим мы или не хотим, но внук его уважать не станет. Одного факта участия в войне ему мало. Потому что для подростка война — история, а противный дед — реальность.

Не мне судить и перевоспитывать стариков, я о другом: у меня двое детей, пока что они не умеют ходить, но если я хочу, чтобы они, когда вырастут, не рисовали свастики и не кидались скопом на одного, мне надо будет заслужить их уважение.

Пожалуй, это все, что я хотела вам рассказать.

Елена, 25 лет, Ленинград

И снова четверг, телефонный час. Из разговора с Алексеем, (18 лет, бывший фанат, панк, потом скейтбордист).

— Алексей, твой переход из команды в команду меня очень озадачил. Я думал, что все более постоянно, особенно у фанатов. Расскажи по этапам, как, куда шел. И что где привлекало, и что где отталкивало.

— Первым был фанатизм.

— Какой команды?

— «Динамо» Москва. Причем я очень много слышал о спартаковских фанатах, пришел на стадион, не зная, что есть фанаты каких-то других команд. Смотрю, сидят ребята в бело-голубых шапочках (а я еще с детства болел за «Динамо») и хлопают, кричат. Мне так поправилось!

— Ты, наверное, был тогда в классе восьмом?

— Да. Естественно, мне это понравилось. И после этого матча я стал ходить с ними. Я полностью погрузился в это дело.

— А на выезды ездил?

— Один раз. В Минск. Отталкивало меня то, что очень часто ни за что попадал в милицию.

— Ты долго пробыл фанатом?

— Годик. Причем про панков я узнал очень поздно, хотя они появились довольно рано, просто я на них не обращал внимания. Я полностью был погружен в фанатизм. Знаете, на Пушкинской раньше собирались, а был случай один... Нацисты — слышали про таких?

— Да.

— Ну, были нацисты, пацифисты, панки... Нацисты были против фанатизма, и были такие трагические случаи, когда они двух спартаковских болельщиков повесили на шарфах.

— Алексей, ничего этого не было. Это я точно знаю. Специально выяснял.

— Ну, мы думали, что это было. И естественно, все собрались, уже неважно кто ты, динамовец, или спартаковец, или ЦСКА.

— А панки?

— Нет, я вам объясню, как я познакомился с панками. Все договорились, все фанаты, прийти на Пушкинскую площадь — тогда был день рождения Гитлера, мы знали, что они будут его справлять. Пришли их бить. Там я увидел всего двух нацистов, на них набросились, тут же милиция оцепила все.

— Они что, были со свастикой?

— Понимаете, толпа набросилась на них, милиция оцепила, их увели, я так и не успел разглядеть. Одного я помню. Он был полностью в черном, в черных очках и сбоку свастика.

— И тогда были панки на Пушкинской?

— Да, конечно.

— Они тоже пришли бить нацистов?

— Тогда я не знал, есть там панки или нет. Но я могу сказать, что панки всегда ненавидели нацистов. Может быть, на Западе по-другому, но, по крайней мере у нас, в том обществе, в котором я общался, мы их ненавидели. С того дня я не покончил с фанатизмом, но стал ему меньше уделять внимания. У меня были неприятности в школе, неприятности дома, и в милицию меня вызвали. В общем, со всех сторон на меня набросились. То есть мне было нужно окунуться в какую-нибудь другую атмосферу, чтобы отвлечься от всего, что на меня накинулось.

— И ты стал ходить на Пушкинскую, как на работу, каждый вечер.

— Да ну не то что как на работу. Как-то влекло все это. Совершенно другая обстановка там была. Ничего хулиганского там не было. Это некоторые считают: Пушкинская — это все.

— А панки — они кто?

— Панки... Это двоечники, короче.

— Мне казалось, что двоечники — это фанаты.

— Фанаты — это пэтэушники. У нас как? Много времени уделялось Пушке, на занятия времени не хватало, в школе становились отстающими.

— В чем выражалось то, что ты был панком?

— Мне нравилось, что на нас обращают внимание. Мы все ходили разукрашенные.

— Я лично не видел ни одного разукрашенного по Москве.

— Естественно. Мы, как только видели милицию, тут же вот так заслонялись. Поэтому я от этого и отошел, потому что в нашем обществе невозможно панковать.

— А еще в чем?

— Понимаете, какое-то свободное поведение. Одежда яркая, безвкусная. То есть каким-то образом обратить на себя внимание. То, что я — необычный человек. Какая-то прическа такая. Сбритые виски. И стоячие волосы такие. Были ребята, которые красили волосы в фиолетовый цвет, зеленкой красились. Я могу вам сразу сказать, это ничего противозаконного под собой не имело.

— А отношение панков с фанатами?

— На Пушке и панки, и фанаты собирались. Друг друга не трогали.

— А отношения панков к пацифистским группам?

— Отрицательное. Резко отрицательное. Понимаете, почему я не люблю пацифистов? Это, конечно, хорошо, мир, дружба, но они борются против любого вооружения, а надо бороться против НАТО. В этом их ошибка. Естественно, и среди пацифистов у меня тоже были друзья. Драк тоже никаких не было. Просто панки не любили пацифистов.

— Сколько ты панковал? Тоже год?

— Панковал я побольше. До прошлого лета.

— А почему перестал?

— Я вам объяснял, что стало трудно с той же милицией. Если ты панк... Не будем говорить плохими словами. Я просто понял, что бесполезно панковать, только наживать всякие неприятности. Лучше быть нормальным человеком. Хотя, как это ни парадоксально, хочется чего-то такого.

— Как ты думаешь, много ребят отошло от всего панковского?

— Из тех, с кем я общался в этом кругу, ни одного человека не осталось.

— Пришли новые?

— Как вам сказать... Не то что пришли новые... Сейчас можно по пальцам пересчитать, сколько панков осталось. Ну а то, что из наших старых панков никого не осталось, не только потому, что они поняли, что это бесполезно. Просто не с кем панковать. Не будешь же ты один? К тому есть всякие лимитчики, пьяные... Ну вся какая-то такая, как мы выражаемся своим языком, урла. Слышали?

— Конечно.

— Которые просто, если панк, они готовы убить. И опасно это, и тебя люди не понимают. Они тоже, так же, как и я, отреклись от этого дела.

— Дальше скейты? Но это же вообще никакая не группа? Это же просто увлечение?

— Я должен сказать, что это увлечение очень прогрессивное. Все большие и большие массы этим увлекаются. Не стандартное, оригинальное очень. Для того чтобы научиться, нужно очень долго осваивать это дело. Я на себе знаю, что это очень жестоко. Я очень много раз падал.

— Я не сумел проехаться.

— Очень трудно. Но регулируется вестибулярный аппарат. В общем, такое полезное дело. И я не понимаю тех людей, которые не одобряют скейты. Я помню, был такой один случай... Девятого мая было народное гуляние. Мы своей компанией собирались на площади Ногина. Там катались по скверу и после салюта,

смотрим, идет толпа вот таких буров здоровых. А я, к счастью, был без скейта. И они говорят: «Вы что, тоже скейтисты?» Правильно надо говорить скейтбордисты. Мы, естественно, сыграли в дурочку. «А кто это такие? Что это такое?» Смотрите, говорят, вы тоже у нас получите. Как мы потом выяснили, это были ребята из пригорода. Они приезжают к нам на всякие разборы. Я не понимаю этого: какое тебе дело, чем занимается другой? В частности, кататься на скейтах, для них это вообще... Как они ненавидят панков, теперь они ненавидят скейтбордистов. Отнимают скейты... Ладно, там для себя, а то они на их глазах ломают их. Я этого просто не понимаю.

— А почему скейтбордисты вызывают такую неприязнь?

— Вы знаете, я до сих пор не могу этого понять. То ли зависть, то ли что...

— А ты считаешь скейтбордистов аналогами панков, фанатов и прочее? Или это совсем из другого ряда?

— Мне кажется, это совсем другое. Если у предыдущих течений была не то чтобы вера, но что-то под собой имелось, здесь просто все собираются, проводят свободное время. Ничего под собой не имея.

— Ты такое слово слышал — «попперы»?

— Да, конечно. Попперы — это как раз было во времена и панков, и пацифистов, и нацистов. Было очень модным быть поппером. Если хотите, я могу вам назвать течения, которые я знаю...

— Очень интересно. Давай.

— Ну, остаются фанаты у нас, хотя на стадионе и тихо, их много. Есть постоянные места, где они собираются. Панков я уже не считаю за течение... Нацистов, вы знаете, я тоже не вижу последнее время. Попперы. Сейчас припомню... Рокеры, были даже «Зеленые братья».

— А о коммунарских группах ты ничего не слышал?

— Нет. А... Ну еще пацифисты. Но они мало чем отличаются от хиппи.

— Но хиппи уже сегодня нет.

— Неправда. Их полно.

— Но все-таки есть разница между хиппи и пацифистами?

— Разница, в принципе, небольшая, так как хиппи сейчас ни за что не борются. Так, наркоманы. Притом моего возраста — это пацифисты. А хиппи — им уже далеко за 20, хайраты, как мы их называем. Что меня в них отталкивает? Эта их вера в то, что не надо мыться и надо жить в грязи. Дома из них никто не живет, живут по чердакам. Один хиппи недавно похвастался, что он уже 3 месяца не мылся. Я просто этого не понимаю.

— А музо-фанаты?

— Я тоже к ним сейчас отношусь, хотя и нигде не состою.

— Сейчас время «металлистов»?

— Всегда были фанаты тяжелого рока, и были течения, исключающие все остальное. Тяжелый рок — отдельное течение, которое я не люблю. Я не понимаю его, ни музыкальности, ни мелодичности. Одни вопли и визги.

— Алексей, каково твое отношение к ВЛКСМ?

— Если говорить честно... Я вступил в комсомол не потому, что я в душе весь комсомолец и без комсомола я жить не могу... Таких чувств у меня вообще не было... Я вступил только потому, что вступают все. Если я не вступлю, то меня будут разбирать там, сям. Один у нас не вступил, вы не представляете, что с ним только не делали. Зачем это надо? Чисто таких комсомольских чувств у меня, естественно, не было, вступил, чтобы не вызывать лишних подозрений к себе. К тому же, чтобы не пропасть в жизни, я собираюсь и в партию вступать. А без комсомола, сами понимаете... Что вы смеетесь?

— Ну ладно... А вообще, каковы твои оценки сегодняшней молодежи? Мира взрослых? Что тебе хочется от этого мира? Что, наоборот, вызывает негодование?

— Понимаете, в чем дело. По единицам нельзя судить о всех.

— Да, конечно.

— И то, что кто-то написал на стене «панк», не означает, что все панки такие. Меня больше всего поражает отношение старших к этому. Если они воспитывались в других условиях и вели себя по-другому — это не значит, что нынешняя молодежь, воспитавшаяся по-другому, должна вести себя точно так же, как и они. Что касается фанатизма, например. Так хорошо было,

Pink Floyd
Pink Floyd

когда основали эти клубы болельщиков! У нас на стадионе «Динамо» были такие вещи. Мы заранее собирались, за час на трибунах. И вот перед матчем к нам подходят местные органы милиции, директор стадиона. С нами провели беседу. И все было хорошо. А потом резко назад. Я просто таких вещей не понимаю. Как так, не разобравшись...

— Скажи, а тебя не смущает процесс поглощения людей вещами? Что иногда уходит из жизни духовное начало.

— Это сложный вопрос... Мне кажется, это зависит не от молодежи. Какими мы видим старших, такими и мы становимся. Волей-неволей. Вы хоть чуть-чуть знаете, откуда пошли панки?

— Да, знаю.

— Молодежь там уходила из дома из-за непонимания родителями. А это и у нас бывает. По себе знаю. Когда тебя не понимают, хочется уйти куда-то. Не понимают самые родные, естественно, тебя влечет туда, где бы тебя всегда понимали, где ты был бы всегда своим. А то тебя дома не понимают, на стадионе не понимают, что еще остается делать? То есть мир взрослых становится для тебя какой-то полосой отчуждения. А это, я считаю, очень плохо.

— Скажи мне, как ты думаешь. Пройдет время, ты вырастешь. Будет ли какая-то польза от того, что ты был фанатом, потом панком, музо-фанатом и т.д. Останется от этого какой-нибудь след в жизни?

— А вы думаете, мы об этом будем судить?

— Но сейчас ты как думаешь?

— Я, допустим, своим детям ничего не буду запрещать. У меня есть брат двоюродный. Мать у него такая паникерша: вот он фанат, он общается незнамо с кем. А его отец говорит: «Света, это все детство, это пройдет». Эти слова ощутились на мне. Я один раз вышел из возраста, другой раз вышел из возраста... То есть, я вам скажу, такие вещи запрещать никогда не надо. Запрещать надо нацизм, когда подростки, не знаю, чего хотят, и из удовольствия кричат: «Гитлер наш папа». А такие течения, как наши... Со временем это все равно пройдет. А что касается следа в жизни... Вы считаете конкретно для меня или вообще?

— И для тебя, и для поколения. Для твоего круга.

— Мне кажется, что мы очень часто будем об этом вспоминать, но особого места в жизни это не займет.

— Алексей, как, по-твоему, твое поколение отличается от нашего, допустим, поколения?

— Конечно.

— Чем?

— Когда вы вырастали, не было такого достатка, как сейчас. Ваше поколение — только комсомол образовался, у вас был ваш личный энтузиазм.

— Алексей, что мне 100 лет, что ли? Комсомол-то образовывался намного раньше.

— Нет, я имею в виду тех, кто был молодым лет 40 назад.

— А, ну да...

— Ну, как мой дед. Комсомольские стройки, энтузиазм. Сейчас все по-другому. Попробуйте сегодня кого-нибудь отправить на стройку, не заплатив ему.

— Ты был на БАМе?

— Нет.

— Я там провел месяц. Там удивительные ребята. Они были одиноки в своих больших городах, а там они все на виду, там они общественно важны. Так что все сложнее, чем просто деньги.

— Но все равно, огромная разница между нами и вами. Именно поэтому у нас возникают все конфликты со старшим поколением. Мы живем в иное время, чем они, и разные вещи вокруг нас происходят. Я всегда говорю родителям: если бы вы жили в наше время, то с вами было бы то же самое. Я просто уверен в этом. От этого никуда не денешься.

Еще разговор. Нелегкий для меня. Каждый четверг обязательно звонили взрослые, чаще всего с советами и пожеланиями, как надо воспитывать молодежь. И каждый раз мне приходилось, извиняясь, напоминать, что телефон этот — для молодежи. А то им будет трудно пробиться сквозь наши длинные серьезные размышления.

Но этот разговор я не посмел прервать:

— Они называют себя системой и обычно собираются в (мне назвали кафе, о котором я давно слышал). Я спросила, что вы там делаете? Она отвечает: пьем кофе, едим коржики.

— Но, как я знаю, в этом кафе больше ничего и нет.

— Она нам говорит: там все хорошие люди, интересные люди... Но у нас есть знакомые, которые были за границей, видели таких же хиппарей. Ходят ободранные, непричесанные. Муж сказал: все, мать, у нас с тобой больше нет дочери.

— А вы не преувеличиваете опасность?

— Как только она начинает говорить со своими подружками по институту, у меня волосы дыбом встают: «герл», «гуляем на стрите».

— Но когда мы были молодыми, у нас тоже были всякие жаргонные словечки.

— У нас ничего такого не было.

— Уверен, что были. Ведь слово «чувак» вошло в употребление среди молодежи вашего поколения, сегодняшних сорокалетних.

— Сравнили... «Чувак» — это безобидно. Шутка, не больше.

— Словечки — это все-таки не самое страшное. По аналогичным историям знаю, что самая большая беда наступает тогда, когда человека отлучают от собственного дома и тогда родной дом становится чужим и холодным.

— Именно этого я и боюсь. Вчера был такой страшный разговор. Она сказала: «Вы меня не понимаете, вы меня не любите, я для вас лишняя». И пообещала уйти из дома.

— Так, может быть, вам попробовать позвать ее друзей в гости?

— Я сказала вчера, чтобы их ноги у нас не было.

— То есть прямо противоположное. Но когда так говорят, то ребята непременно начинают искать место для сборов, заменяющее дом.

— Думаете, стоит их позвать?

— Да, стоит. Другого выхода нет!

***

Многие причины побудили нас к созданию этого манифеста...

Когда в тексте сказано «мы» — это значит мы трое. «Хиппи» — это наш идеал человека. Мы не претендуем на то, чтобы называть себя хиппи, пусть люди по делам нашим решают, насколько мы близки к своему идеалу или насколько далеки от него.

...«Жить надо разумом», — утверждает значительная часть современной нам интеллигенции, имея в виду при этом, очевидно, интеллект. «Жить надо чувствами!» — в противовес тому чуть ли не вопит большая часть системы (имеется в виду система «хиппи» — Ю.Щ.). Оба этих утверждения кажутся нам ошибочными. Жить надо высшим, что есть в человеке. А высшее — это отнюдь не чувства и не интеллект (вернее, не только это). И если из нашего манифеста можно сделать хоть какие-то практические выводы, то вот первый из них: поменьше слушайте других, меньше значения придавайте словам, откройте свое сознание для голоса бога, который, мы уверены, есть в душе каждого человека.

...Хотим напомнить системе о Махатме Ганди, которого хиппи Запада считали образцом поведения и о котором нынешняя наша система, по-видимому, напрочь забыла. Ганди в одиночку начинал какое-то дело, и если оно отвечало назревшим общественным потребностям — а выбирать он умел такие дела, — то к нему присоединялись десятки, сотни, тысячи людей, увлеченных силой его примера. Ганди был лидером, но он не был всеведущим вождем, который ведет свое погрязшее в невежестве племя по пути абсолютной истины к светлым и непоколебимым идеалам. Нам кажется, что именно так должны обстоять дела и в системе. Вожди не нужны никому, от вождизма до фашизма — один шаг. Настоящему хиппи не нужны и лидеры, потому что он сам лидер, но системе лидеры необходимы — люди, проявляющие хоть какие-то инициативы и своим примером увлекающие за собой других.

Но что же делать? — вопрос, который волнует других. Ответ прост — творите!.. Ибо только в акте творчества человек свободен по-настоящему. Творите! — и тем самым вы будете нести добро людям. Если вы хотите быть свободным, не ждите ответного результата от вашей деятельности. Если вы их ждете, значит, вы уже скованы, вы привязаны к этим результатам, это опять железная детерминация, хотя и детерминация будущим, а не прошлым, то есть

внешним условиям. Творите добро бескорыстно, и вообще не зацикливайтесь на результатах любой деятельности, чем бы вы ни занимались...

Хиппи не отказываются от высших достижений мировой культуры (тенденцию к такому отказу, которая проявлялась иногда как на Западе, так и у нас, мы считаем устаревшей и бесперспективной), не отказываются и от высших достижений мирового искусства, но изобилию льющихся на них помоев масс-культуры они противопоставляют свою собственную контркультуру. Важными компонентами этой контркультуры являются рок-музыка, сюрреализм и абстракционизм. Почему именно эти компоненты, а не какие-нибудь другие? Рок-музыка — потому, что это могучее средство эмоционального и духовного объединения людей. Рок — если это настоящий рок — музыка протеста и бунта, разрушающая в человеческом сознании то, против чего восстают хиппи, и созидающая новое... Той же цели служат сюрреализм и абстракционизм...

Искусство несет людям красоту. Красота есть гармония... И здесь мы хотим сказать несколько слов о гармоничности самого человека. Уродлив, дисгармоничен немощный телом интеллектуал, как уродлив и бездуховный спортсмен. Ни тому, ни другому никогда не откроется путь к высшему. И досадно, что при слове «хиппи», — а ведь хиппи — это дети-цветы, как они себя называют, — у людей возникает в сознании образ какого-то тощего, грязного, покрытого прыщами, вызванными нарушением обмена веществ от употребления наркотиков. Но система все-таки не стоит на месте, за 20 лет она прошла немалый путь развития, и мы надеемся, что в будущем слово «хиппи» не будет ассоциироваться с этим образом.

Мы живем в сером урбанистическом мире. И жаль, что уходят в прошлое разнообразнейшие хипповые прикиды, что, несмотря на то, что мы по-прежнему — и даже, пожалуй, больше, чем раньше, — носим украшения, наши феньки становятся все более однообразными и безвкусными (конечно, у нас нет денег на приобретение дорогих украшений, а если бы были, то их можно истратить с большей пользой для людей), но ведь надо проявлять хоть какой-то вкус и в самодельных феньках! Росписи на стенах системных флэтов становятся ужасающе похожими друг на друга. К сожалению,

стремление к красоте и нестандартности в своих прикидах часто подменяется примитивным желанием продемонстрировать публике свою крутость. Преодолеет ли система эти тенденции? Кто знает...

Некоторые положения традиционной идеологии хиппи ныне представляются нам несколько устаревшими. Их опровергла сама жизнь.

Хиппи, как принято считать, всегда выражали свой протест в уходе. Против этого нам нечего возразить. Однако и «протест», и «уход» можно понимать по-разному. Протест против стандартов и уход от стандартов, как в сознании, так и в реальном мире — это прекрасно! Но к хиппистскому протесту приклеился ярлык «пассивный». Сколь бы прочно ни держался этот ярлык, мы считаем, что пришло время сорвать его. Пассивность — вот что губило и западных хиппи, и нашу систему. Да и что такое «пассивный протест»? Протест в тряпках? Об этом даже не хочется писать... Многих ли людей пассивно протестующие заставили изменить свои позиции или хотя бы задуматься над ними? В итоге способствовал ли пассивный протест духовному развитию человечества, объединял ли он людей? А может быть, наоборот — разъединял?..

К сожалению, затхлая атмосфера последнего десяти- или пятнадцатилетия породила следующий стереотип мышления: активен воинствующий эгоизм, хищное шкурничество. Добро — сторонний наблюдатель, утешитель или благородный мученик...

Точно так же обстоят дела и с «уходом». Уход — экскапизм, бегство от реальности? Но изменили ли мир те, кто ушел в замкнутые коммуны, в наркотики или в себя? Ответ здесь может быть только один. Разобщенность и разъединение — единственные и неизбежные последствия такого ухода. Способствовать объединению, духовному прогрессу общества можно, только находясь внутри него каждый на своем месте. Иного пути нет.

В представлении обывателя, хиппизм неразрывно связан с наркотиками. Они действительно могут служить средством расширения сознания... Но история — как наша, так и западная — показала, что в конечном итоге наркотики губят людей как физически, так и духовно, связывают и порабощают, низводят до уровня животных

и разъединяют. Часто приходится выслушивать такое мнение: «Можно (и даже нужно) попробовать все, только „подсаживаться“ нельзя». Конечно, каждый человек имеет право делать с собой все, что захочется (не имеет он только права тянуть за собой других), но ведь дело в том, что никто не знает заранее, подсядет он или нет! По этим причинам мы считаем применение наркотиков неоправданным, категорически выступаем против их употребления, а саму концепцию психоделической революции полагаем изжившей себя (но отнюдь не против психоделического аспекта в музыке и вообще в искусстве!).

Ну что же, от психоделической революции рукой подать до сексуальной. Обходить столь щекотливый вопрос нельзя, и мы считаем необходимым высказать то, что думаем по этому поводу. Наверное, «революция» — это слишком громкое слово для обозначения свободной любви в ее сугубо телесном аспекте. Но факт есть факт: не каждому дано искусство любить одного человека. Мы не собираемся оценивать, хорошо это или плохо. Но мы не монахи, не аскеты, наш идеал — естественный человек. И все, что мы можем сказать — поступай постепенно! Ешь, но не обжирайся! И помни, что назначение свободной любви, как одного из видов всеобщей любви, — делать добро другим людям.

...Время требует действия, подвижности мысли и духа (это не значит, что надо торопиться, кидаться действовать очертя голову). Мы не агитируем, не вербуем сторонников. Не зовем всех и каждого идти с нами. Но надо просто идти. Знайте — будущее зависит от нас, как еще не рожденный ребенок уже зависим от мира. Будущее ждет нас.

Сталкер (Саша), Генерал (Дима), Воробей (Лера).
1987 год, март.

Письмо ребят кончалось стихами, которые мне тоже хочется привести (когда я их спросил, чьи стихи — ответили, что прочитали однажды в «Юности»):

Пусть бой сейчас незвучен и незрим,
Но от того, что вкруг тебя творится,

Не можешь ты неведеньем своим,
Как некогда, уже отгородиться.
Еще страшней и тяжелей бои,
Когда они без грохота и дыма.
И мысли светоносные твои
Как никогда, теперь необходимы.
Не насыщай сомненьями свой слух:
Что я могу, коль разобраться строго?
Любая мысль, врачующая дух, —
Как это много, беспредельно много!
Пыланье света, нарастанье тьмы —
И промедленью нету оправданья.
Не кто-нибудь, а мы с тобою, мы
Ответственны сейчас за мирозданье.

Письмо, которое я привел, и стихи, которыми оно заканчивается, еще одно свидетельство того, как неотделима жизнь молодежи от всей так называемой взрослой жизни.

Этот текст написан именно в 1987-м. Десять лет назад вряд ли появились бы такие слова в обращении к своим друзьям, к своей «системе». И выросли ребята, которые эти слова написали.

***

Четверг, три часа дня. Начали.

Звонок шестнадцатилетнего Димы и пятнадцатилетнего Ильи.

— Мы прочитали вашу статью...

— А вы кто?

— Мы фанаты, но между собой не деремся. Илья за «Динамо» болеет, а я за «Спартак». Но у нас нет разногласий, и мы по другому поводу звоним.

— По какому?

— Надо все группы легализировать, вместо того чтобы всех куда-то загонять.

— А как вы представляете себе «легализацию»?

— Надо создать клубы болельщиков и не обязательно болельщиков. Битломаны, металлисты, рокеры — это все одной масти, что и фанаты.

— А какие еще есть группы?

— Очень много. Фанаты футбольные, фанаты музыкальные, хиппи, пацифисты, анархисты, монархисты...

— А это еще что такое?

— Я с этими монархистами лично не сталкивался, но ребята говорили, что в основном они собираются в Ленинграде... Они его Петербургом называют. И балы там устраивают.

— Балы? В дискотеках, что ли?

— Почему в дискотеках... Не знаем.

— Что-то и я впервые слышу... Ну, ладно, а как, по-вашему, что же надо сегодня сделать, чтобы интересы ребят совпадали с интересами общества?

— Да разобраться вначале!..

Если мы вглядимся пристальнее в жизнь любой команды, то увидим, что за каждой из них скрывается жажда общественной активности.

— А это что за экзотика? — удивился я, когда он позвонил в редакцию и начал, видимо, волнуясь, сыпать словами, значения которых я не мог уловить: «это лом называется», «два креста, а есть и пять крестов, это вообще ого-го!», «раз — и отвадили живняка».

— Подождите, — прервал я его, — о чем, собственно, речь?

— Как о чем? О театре. Я представляю, вернее, — замялся он, — представлял театральную «фирму».

Так и произошло мое знакомство с двадцатитрехлетним Павлом, инженером, вчерашним студентом. Вскоре он появился в редакции.

— Вы когда-нибудь проходили ночью мимо театров? — спросил он. — Приходилось ли видеть ночную очередь за билетами?

— Ну да, — ответил я, вспоминая, что перед некоторыми театрами, положив на асфальт газету или портфель, сидели люди, чаще всего молодые.

По его словам, почти все театры поздно вечером или даже ночью «поделены» между различными группами студентов. Одна группа живет (он так и сказал — живет) в театре «Современник» и называется «фирма „Современник“», — другая — в Театре Вахтангова и называется «фирма „Вахтангов“», третья — у Маяковского, и так далее. Эти «фирмы» контролируют продажу театральных билетов, то есть они заранее знают, что в каком театре будет интересного, и перед началом продаж выставляют своих дежурных. Если особо интересный спектакль — дежурный выставляется с вечера. Котируются спектакли по собственной, придуманной в «фирме» терминологии: 2 креста, 3 креста, 4 креста, 5 крестов — «это вообще ого-го». И обмен билетами, который, по словам Павла, практикуется и между «фирмами», и внутри одной «фирмы», производится по количеству этих самых крестов: на один «многокрестовый» несколько пар «малокрестовых».

— То есть, уточнил я, — «кресты» выше реальной стоимости билетов?

— При чем здесь деньги? — удивился Павел. — Деньги здесь вообще ни при чем. «Кресты» «крестами», а деньги деньгами. Билеты стоят столько, сколько они стоят, а уж значение билета на тот или другой спектакль — это уж извините. Стоит у театра дежурный. Встанет с вечера и стоит. У него есть список, в котором 40 фамилий. И вдруг появляется какой-нибудь заядлый театрал. Приезжает и с удивлением видит, что у касс сидит на земле или даже на стуле человек, то есть какой-нибудь студент. Студент предлагает записать театрала в список. Тот поражен: «Неужели уже есть список?» — «Да, вы будете сорок первым».

— А список, что ли, липовый? — спросил я.

— Ну конечно же. Ведь обычно в продажу поступает от сорока до шестидесяти пар билетов. Не так уж много, согласитесь. Остальные расходятся по районным театральным кассам и киоскам по продаже билетов. Некоторые, самые неиспорченные, верили, что есть список. Записывались. Но чаще, огорченные, отходили. Это у нас называется «отвадить живняка». Другие, правда, возмущались и начинали «выступать»:

где эти сорок человек? Покажите нам их! И так далее. Дежурный бежит к телефону, и через час у театра — 40 человек. Все они из одного вуза, большинство живет в общежитии. Ребят же поднять ночью — делать нечего. У каждого в руке листочек, на котором записаны его номер и фамилия.

— И ребята едут по любому зову? — не поверил я.

— Те, кто в «фирме», конечно. А как же?! — в голосе Павла появились какие-то новые, чуть ли не торжественные нотки. — Да сами представьте, тебе — 18 лет. Или 20 — разница небольшая. И вот ты живешь и знаешь, что в любую минуту можешь кому-нибудь понадобиться, кто-то поднимет ночью, куда-то надо ехать, где-то тебя ждут. Ведь жизнь, согласитесь, жизнь!..

Он замолчал, как-то вдруг поник, то ли почувствовав, что его торжественный тон будет понят не так, то ли подозревая, что здесь, в редакции, работают люди, которые ну никак не оценят подобного трубного зова на ерунду, шутку, не более. Ведь не утопающих спасать побегут они сломя голову, не пожар тушить! Но мне совсем не хотелось приводить Павлу подобные аргументы! Сам испытываешь неловкость за какого-нибудь всезнающего коллегу, который в ответ на любой запрос ищущего человека советует «найти дело по душе» и не мучиться.

— ...Но самое интересное начинается тогда, когда между «фирмами» начинается война, — продолжал Павел. — Дежурный, ничего не подозревая, стережет свой список. Вдруг ночью приезжает другая «фирма». Дежурный бежит звонить «начальству», так сказать. Тот поднимает своих людей. Все приезжают и стараются силой смахнуть чужаков. Бывает, по 150 человек с каждой стороны. Это и называется «лом».

— То есть обыкновенная драка, как на танцплощадке?

— Ни в коем случае! Оттеснить друг друга, но без всяких ударов или какого-нибудь хулиганства. У «фирмы» свои жесткие правила. Те, кто ночью дежурит, никогда ничего не пьют, пьющих в «фирму» вообще не допускают. Зачем подставляться? Еще, например, такое: никаких применений грубой физической силы. Потолкаться — пожалуйста, но ударить соперника! Да никогда! Запрещенный прием.

— Павел, вы пропустили один существенный момент, который как раз и может все объяснить. Куда же деваются те, допустим, 80 билетов (ведь каждому дают на руки по 2 билета, а приезжают 40 гавриков)?

— Выходят из очереди, а у театрального подъезда уже стоит человек из главных, которому ребята сдают билеты. Они ему — билеты, он им — деньги. И все билеты идут в фонд «фирмы».

— Ну, понятно тогда, — разочарованно вздохнул я. — А потом продаются за две или три цены. Еще один вид бизнеса. Типа фарцовки, только как бы поинтеллигентнее.

— Да откуда вы это взяли! — возмутился Павел. — Тут же из «фирмы» вылетишь, если будешь замечен в спекуляции. Был случай, когда один приятель преподавателям билеты дарил. За оценки. Он часа в «фирме» не остался! Билеты идут самим же студентам. Но, так сказать, каждому — по заслугам. В зависимости от того, часто ли выезжаешь ночью. И от положения, так сказать, на иерархической лестнице в «фирме». Все законно: съездил несколько раз в ночные поездки или подежурил — получаешь хорошие билеты на хорошие спектакли. То есть эта-то проблема решена… Но дело даже в другом! Чем все это привлекает? Принадлежностью к своей «фирме», к своей команде. Мы — сила! «Фирмы» даже значки свои делают, чтобы знали: мы — это мы.

Он рассказывал дальше и дальше, вспоминая все новые подробности, окунаясь в воспоминания, и я вдруг почувствовал: он же жалеет о том, что приходится говорить «состоял в фирме», а не «состою». Как говорится, вырос! Есть жена, и сын, и работа. И хотя, по его словам, и работа интересная, о какой мечтал, и дома все нормально, то есть жизнь вроде складывается, как положено, по правилам, но не хватает теперь в ней чего-то, какой-то капельки.

Понимаю, сейчас кто-то запустит в меня камнем: мы годами мечтаем попасть в хороший театр, а предлагают только «нагрузку». Вот, мол, куда уходят наши билетики! Но «билетики уходят» обыкновенным студентам — своим из «фирмы». И не по спекулятивным ценам, а по нормальным. И достается

«фирмам» не такая уж значительная часть билетов. А кроме того, увы, часто видел театральных барыг, отнюдь не студенческого возраста, источники приобретения билетов у которых скорее для милицейских разборов, чем для журналистских диагнозов. И еще: кому, как не студентам, и ходить-то в театры!

Я спросил у Павла: «Отражалась ли как-нибудь жизнь в „фирме“ на жизни в институте?» Он даже с какими-то удивленными нотами в голосе ответил: «А как же? Авторитет завоевывался, каждый знал свою роль в „фирме“ и старался получить новую. Многие преподаватели даже не понимали, почему же, допустим, какой-нибудь пассивный студент, которого на собрании выступить на аркане не затащишь, вдруг взмахнет рукой — и за ним человек 10 пойдут, если не больше».

Нет, все-таки обязательно надо понять, что они ищут.

***

— Я думаю, могу вам много интересного сказать, почему ребята объединяются в команды.

— Слушаю.

— Чтобы вам было ясно, с кем вы разговариваете, представляюсь. Алексей, мне 18 лет, я 2 года — ну, когда в школе учился, — был секретарем комсомольской организации. И мне эти вопросы во многом знакомы. Ну, в частности, по-моему, одна из причин — это существование так называемых комсомольских активистов.

— То есть как это?

— У нас комсомол интересуется передовиками и отстающими, а среднее звено выпадает. А эти компании как раз из этого звена и набираются. И дальше одни из них или скатываются вниз и ими начинает заниматься милиция и другие органы, а другие постепенно отходят, и происходит обычное взросление. Тем, чем закончили свой путь хиппи и другие движения. Они становятся обычными респектабельными людьми, чем-то занимающимися, как-то живущими, вспоминающими обо всем, как о какой-то молодости. Часть из них, конечно, пополняет ряды фарцовщиков или тех людей, которых можно увидеть, как они толкутся по магазинам пластинок, и так далее... Вы согласны?

— Видимо, ты прав.

— У нас в школе были такие ребята. Но они дальше того, что сбреют виски или сходят в бар, больше ничего не делали. По крайней мере в школе. Ну, а после школы сами знаете... И знаете, что меня поражает?..

— Что?

— Есть комсомольские работники, которые не хотят знать, что такие группы существуют.

— Алексей, тебе приходилось сталкиваться с подобными комсомольскими работниками?

— Конечно. Они обычно говорят: «Ребята, на эти темы я разговаривать не буду». Такую позицию я лично ненавижу. Вы согласны?

— Ну, в общем, согласен. Вот мы и хотим вникнуть.

— Кто-нибудь с этими ребятами занимался? Никто. Вот говорят о формализме, но как только доходит до дела, забывают о словах, сказанных против формализма, и работают все в тех же старых, скучных формах. Прислушайтесь к моим словам, пожалуйста.

— Меня зовут Алексей, мне 22 года, сам я оттуда.

— Откуда «оттуда»?

— Я имел в виду из центра, два года я просидел на Пушкинской, так что... Это было не самое начало — начало было в конце семидесятых, но и в мое время народ тусовался больше всего на Пушкинской.

— Алексей, а ты-то сам был в какой команде?

— Вначале пацифистом, хиппи. Но потом они мне разонравились: они все грязные и волосатые, я стал просто в команде, которая ни к кому себя не причисляла, а просто сидела на Пушкинской и проводила там массу времени.

— Что-то типа попперов?

— Да... Что-то вроде. Ну а если вы хотите знать подробнее. Дело не в том, что там были люди, которые что-то отрицают конкретно... Это люди, которые вообще ничем не интересуются, кроме своих личных дел: музыка, одежда, девчонки, пиво и т.д.

— Алексей, скажите, пожалуйста, есть ли польза для общественного развития человека в том, что ранний период юности он проводит в команде?

— Я понял ваш вопрос и могу на него точно ответить. Для меня, например, Пушкинская имела огромное значение. Я никогда не буду жалеть, что я там был. Я стал достаточно неплохо разбираться в людях, потому что человек, который проводит вечера в центре, насмотрится такого, что это на несколько томов может хватить: от шлюх и кончая гомосексуалистами. Это я беру крайние точки. Но, кроме всего прочего, увидишь и подлецов, и хороших ребят. И девчонки тоже всякие разные. Ты приобретаешь там какой-то конкретный опыт общения с людьми. По крайней мере, сидел бы я в своей квартире в Кузьминках, я бы никогда не смог что-то говорить о людях.

— Значит, есть какая-то польза от того, что ребята соединялись и соединяются в команды? Есть ролевое деление, есть те навыки, общественные функции, которые могут потом пригодиться в жизни?

— Если у человека есть какая-то положительная основа, которую заложили или в школе, или дома, то сбить это положительное Пушкинская или какая другая тусовка не сможет.

— Алексей, а как ты думаешь, что будет завтра в молодежной среде.

— Завтра будет всех команд еще больше.

— Алло, это Форейнджер.

— Игорь? Привет, старый знакомый. Как дела?

— Недавно мы схлестнулись с торпедовскими фанатами. Они оказались посильнее, но им тоже досталось.

— Да из-за чего драться-то!.. Ведь драка — штука не очень хорошая. Я лично понимаю и позицию милиции, когда она разгоняет ваши драки.

— Но вы же сами написали, что «не надо звать на помощь дядю милиционера», а сейчас я замечаю нечто обратное.

— Но что-то против таких драк надо делать, согласись.

— Я лично был в стычках с ребятами из разных групп. Недавно с какими-то пацифистами. Они объединились против нас с торпедовцами. Это были пригородные пацифисты, я их знаю.

— Какие?

— Пригородные... И с панками я дрался...

— Игорь, не много ли драк?

— Я понимаю, вас это иронирует (это он так сказал. — *Ю.Щ*). Вот, мол, строит парень из себя какого-то героя.

— Нет, мне просто жалко, что из-за цвета спортивного флага приходится тратить так много сил и энергии. Это же ерунда!

— Ерунда!

— Ладно, не так сказал. Но, понимаешь, нам не только хочется узнать, что происходит сегодня в вашей жизни, но и сделать так, чтобы вам было хорошо. Стоит ли драться?

— Дело в том, что я не вожак. То есть я хоть и вожак, но не такой большой. Драки начинают большие — мы их только поддерживаем. Я тоже считаю, что надо создать клуб болельщиков, и тогда ничего этого не будет.

— То же самое просят и спартаковские фанаты. Но своими стычками вы сами мешаете эти клубы создать. Кому нужны клубы хулиганов?

— Но в этом виноваты не только мы! Обыватели обычно стоят у стеночки, когда у нас происходит драка. И сами тоже, между прочим, хороши. Например, на одной станции метро мы, как всегда, залезли в вагон с криками «Армейцы Москвы». И служительница метро сказала: «Я бы таких болельщиков к стенке ставила». Что это, правильно?

— Но я как-то сам попал в такую ситуацию, честно скажу — ничего приятного.

— Все равно! Это все происходит оттого, что нам запрещают кричать на стадионах, понятно!..

— Думаешь, дело только в том, чтобы разрешить кричать «Спартак — чемпион!»?

— Но нам же хочется быть вместе!..

Игорь звонил еще не раз. В конце концов я привыкну, что во

время четверговых сеансов связи обязательно услышу: «Здравствуйте, это Игорь по кличке Форейнджер». Потом он придет в редакцию. Ему уже исполнилось 16 лет. Скажет про ребят из своей команды: «Мои балбесики». Улыбнется. Будет долго размышлять вслух о том, почему команда — это хорошо. Удивит нас тем, что много читает. Любимый писатель Михаил Булгаков. И еще больше удивит тем, что удивится, что и мы читали Булгакова. В конце концов, я позабуду, что наши с ним первые разговоры велись в агрессивном тоне. Но сейчас не могу не привести его. В этом телефонном разговоре присутствует тот элемент нарочитого запугивания собой, своей командой, которым, как можно было убедиться во время наших контактов, многие ребята украшали рассказы о собственной жизни. Будто для начала нас, взрослых, необходимо было запугать, а потом уже и укротить. Иначе не выслушаем, бросим трубку, скажем, что все это «детство», «ерунда», «мальчишеская блажь», «иронирование».

Они очень хотят, чтобы их внимательно выслушали. Но главное все-таки — не запугать бы самих себя...

Мы разговаривали с семнадцатилетним Сергеем уже час, когда я почувствовал, что могу задать ему вот такой вопрос:

— Извини, а тебе не кажется, что ты одинок?

— Трудный вопрос... — он задумался. — Есть ребята, есть единомышленники, но есть и ощущение собственной мизерности перед лицом пошлости. Это и делает тебя одиноким. Мой лучший друг, он не из нашей команды, он говорит так: «Я ращу из себя обывателя, потому что считаю: загружать свой мозг мировыми проблемами не нужно, и, главное, это ни к чему не приведет».

— Но кто же такой обыватель?

— Это человек, который интересуется только самим собой, своей семьей, своим кругом и который бережет свою нервную систему от любых отрицательных эмоций. Он не стремится никому помочь, он не хочет ничего изменить. Это вовсе не зависит от того, какой у него достаток: антикварная мебель

или обшарпанная квартира. Обыватель замкнут в своем мирке, ему там уютно. Он живет в пошлости, производит пошлость и защищает пошлость.

— Ты часто размышляешь об этом, Сергей?

— Я думаю об этом постоянно.

Да это же здорово, подумал я, что вырастают ребята, размышляющие не только о сиюминутном, но и о существенном в нашей жизни, болеющие не только за себя одного, но и за всех нас. Разве не близка нам его позиция? Разве не такими, размышляющими, умеющими оценить, что плохо, а что хорошо, что настоящее, а что дешевка, и хотим мы видеть молодых людей?

А я-то настроился на спор с ним еще тогда, когда он позвонил в четверг.

По телефону он представился так: «Сергей, 17 лет, я — панк».

Ну вот, панк... В последнее время словечко начало мелькать в читательских письмах, чаще всего — с интонацией негодования. И несколько телефонных звонков от них или им «сочувствующих» тоже было.

Сергей, судя по всему, был готов обосновать свою позицию. Я предложил ему прийти в редакцию, он согласился, и на следующий день, в пятницу, я столкнулся на лестнице с парнем, который поднимался, издавая мелодичный звон.

— Сергей?

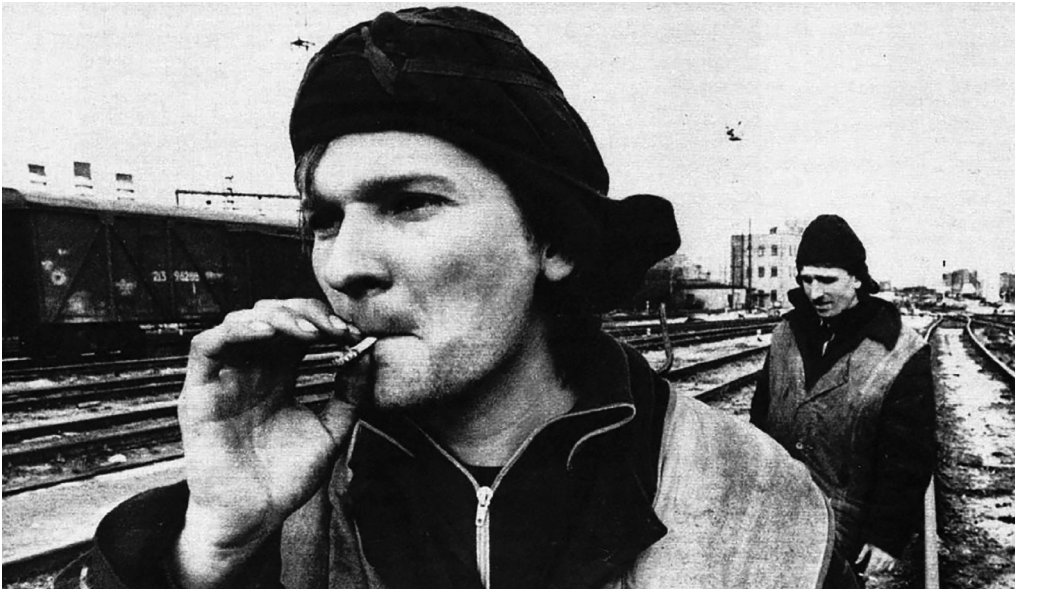
Его нельзя было не узнать в редакционных коридорах.

На шее узкий черный галстук, точнее, черная ленточка. На левом колене — круглый значок с какой-то музыкальной эмблемой. На джинсах, на рубахе, на свитере — штук 15 больших английских булавок. И, наконец, к джинсам сбоку, чуть повыше колен, прикреплен колокольчик.

Это был, так сказать, антураж, за которым можно было увидеть вызов норме или причуду юности, легкую шутку или злой умысел.

Началось все, по его словам, когда он заканчивал восьмой класс.

— Я сам тогда не знал, кто я, но кем-то хотелось быть. Все «мое» выражалось в том, что я надевал бриджи, черную рубашку и черный галстук. Вот этот, — он потрогал концы галстука. — Я подбил нескольких приятелей, мы сбрили виски и ходили по улицам, демонстрируя себя. Внимание публики нас не раздражало. Скорее наоборот.

— Но это — в 15 лет. А сейчас, сегодня?

— Демонстрировать себя — принцип нашей команды. Мы хотим, чтобы на нас оглянулись, чтобы нас заметили. Забавно идти по улице и на лицах прохожих видеть, что они озадачены. Вот какой-то солидный человек прошел, посмотрел на тебя надменно, и ты чувствуешь, что самим своим видом ты его почему-то — это слово Сергей подчеркнул — оскорбил.

— И это приятно?

— Да, приятно. Это согревает душу.

Я хотел было возразить Сергею, сказать о том, что самоутверждаться надо в другом: в учебе, в науке, спорте, знаниях и культуре, что «по одежке», в конце концов, только встречают, но вдруг осекся. Не точно ли такие слова я читал и слышал, когда был в возрасте Сергея?

Может, в этом все и дело? Они новые, а мы предлагаем им слова, которые были в ходу, когда сами были в их возрасте. Они новые, а мы предлагаем им старые, устарелые формы работы, которые и на нас-то не очень действовали, не то что на них. Они новые, а мы заставляем их петь песни, которые и нас-то петь заставляли.

Да почему же они такие новые? Потому что они едва ли не первое поколение советских подростков, чьи родители не испытывали ужаса войны и боли лишений. Они по-настоящему мирное поколение, и потому проходят новое, еще невиданное нами испытание. Испытание благополучием.

Но проходят-то его вместе со взрослыми. Не живут отдельно, а живут вместе с нами. И не такое уж это легкое испытание. Куда тяжелее, чем те, что придумывают они для своих отцов.

Сергей хочет обратить на себя внимание колокольчиком

на колене, но он — задумаемся над этим! — куда беззащитнее, чем, к примеру, какой-нибудь деляга, открыто привлекающий к себе внимание особняком, поднявшимся над всеми вокруг, или «мерседесом», купленным неизвестно на какие доходы. Тем-то попробуй скажи, что утверждаться надо в науке или культуре — засмеются в лицо. Никогда раньше самоутверждение маркой автомобиля, доступом к всевозможному дефициту, возможностью заграничных поездок не было таким престижным, и потому можно ли судить Сергея за то, что он хочет быть заметным, выделенным среди всех. Чем еще может он обратить на себя внимание того, допустим, «солидного»? Встать у него на пути и прочитать наизусть «Пиковую даму»?

Вот о чем я думал, когда слушал его. Ведь в молодости хочется быть замеченным, а кто его так заметит? Кому он будет нужен? Кому интересен?

Когда он еще только позвонил в редакцию, я спросил его (как спрашивал каждого), что же заставило его позвонить? Сергей ответил:

— Хочу, чтобы услышали!

Но не звук же колокольчиков?! Не просто же так, чтобы только покрасоваться, шагают он и его приятели сквозь толпу на бульваре?

Большего ему надо! Чтобы увидели и вздрогнули, испытали хоть какое-нибудь потрясение люди, которые, по его словам, «живут в пошлости и защищают пошлость». Что же стоит за обыкновенным колокольчиком, который сам по себе можно принять за шутку? По ком звонит колокольчик?

Сергей учился в училище по специальности, которая ему нравится. У него, по его словам, прекрасные отношения с родителями (спорят, но понимают!), а это случается не так уж часто. У него есть товарищи, то есть он не одинок. Он сыт и одет. Чего же еще не хватает ему в жизни? Чтобы его понимали? Чтобы к его словам прислушивались!

Вот о чем я думал, когда сидели мы с ним в нашей редакции.

Я протянул ему руку на прощание и спросил: «Ну, а сейчас, может быть, уже можно снять?»

Он кивнул: «Пожалуйста» — и отцепил колокольчик, откололо 12 из 15 булавок.

Да, надо предугадывать те опасности, которые несут группы подростков, объединенные различными символами, пресекать хулиганские выходки, если они есть. Предугадывать, то есть изучать, смотреть, спрашивать, чтобы различить одних от других, уметь вести с каждым — и не бояться этого — диалог.

***

— Честно говоря, я невысокого мнения о ваших статьях. Особенно последней, где вы писали про так называемого Сергея-панка. Что-то вы там перемудрили, по-моему. Что-то там неестественное было, честно говоря.

— Что именно?

— Как это он свои атрибуты ни с того, ни с сего снял? За час-полтора беседы перевоспитался?

— Ты, наверное, все неправильно прочитал. Сергей не перестал быть панком после визита в редакцию.

— Все равно, впечатление, что это вымышлено.

— Нет, это реальный парень.

— Если хотите, я могу кое-что о нас рассказать.

— Давай.

— Может, это вас очень поразит, будет резать слух. Вы, наверное, назовете нас наци. Мы ненавидим людей такого склада, как вы. У вас есть к нам какие-нибудь вопросы?

— А, вот это кто... Представишься?

— Меня зовут Вячеслав, 18 лет, студент.

— А таких, как ты, много или мало?

— По-моему, хватает. Я не знаю, как кто может о себе заявить открыто, но, по крайней мере, тех, кто так думает, намного больше, чем вы думаете.

— А как ты относишься к фанатам?

— А я сам вышел из динамовских фанатов.

— Решил переквалифицироваться?

— Просто осточертело. Там уже не было ничего интересного. Одни пьянки, драки, и больше ничего... В конце концов,

надоедает ходить друг за другом с этими шарфами. Или просто повзрослел, осмыслил все.

— Слава, твое отношение к Гитлеру?

— В принципе, я его уважаю, но не поддерживаю. У нас несколько другие идеи.

— Много ребята о ваших рассказывали, но я никак не могу понять, что это? Игра? Маска? Протест? Идеология? Ненависть? Детство? Какова ваша позиция сегодня?

— Только не детство. Какое же детство в 18-19 лет. Это уже детством не назовешь. Но и не игра. Мы хотим показать, что мы существуем.

— Ты хоть понимаешь, где ты существуешь? В какой стране?

— Вы сейчас будете намекать про те 20 млн., которые погибли в Великую Отечественную.

— Почему же намекать?

— Скажете: как же так, до чего вы дошли. Но мы-то этого не видели. Мы про это ничего не знаем. Может, это и было.

— А в твоей семье кто-нибудь погиб? Дедушка, бабушка?

— В моей нет.

— Никого?

— Никого.

— И у тебя дома знают, что ты наци?

— Да, знают.

— И ты пытался обосновать свою позицию родителям?

— Да, но мне не повезло. Отец мой на совершенно другом полюсе. Мы с ним довольно часто дискутируем на эти темы. Он очень отрицательно к этому относится. Он сам был на войне.

— А ты знаешь, как ребята практически из всех групп ненавидят таких, как ты?

— Конечно, знаю. Что же поделаешь?

— А у тебя есть цель сегодня? Как бы ты ее сформулировал?

— Именно сегодня?

— Да.

— Пожалуй, привлечь как можно больше ребят на нашу сторону.

— А именно каких групп? Из фанатских?

— Сейчас не до выбора. Мы стараемся показать, что мы есть, дать о себе знать. Чтобы не забывали о нас.

— Меня интересует, как ты относишься к чужому горю, к чужим людям.

— Честно говоря, чужое горе меня мало волнует.

— А, допустим, несчастье с кем-нибудь из ваших ребят.

— Отомстить.

— Ты действуешь или только говоришь?

— Стараемся действовать. По крайней мере, с помощью пульверизатора.

— Знак ваш все-таки свастика или нет?

— Да, свастика.

— А ты состоишь в ВЛКСМ?

— Приходится. Куда же от этого денешься?

— Понятно. Ну а что же тебя заставило позвонить нам?

— Во-первых, я не поверил в достоверность вашей статьи.

— Но в такой же мере можно не поверить и в реальность нашего разговора.

Он помолчал, потом повесил трубку. И прошло время с тех пор, уже немало времени, но я так и не могу ответить на вопрос, почему же он все-таки позвонил? Зачем? Что хотел услышать в ответ на то, что сказал?

***

Все эти команды — то, чем должен быть для молодых людей комсомол. А пока прием в комсомол и дальнейшее в нем пребывание чисто формально. Могу даже сказать по личному опыту в школе, что где-то в конце седьмого, начале восьмого класса начинается шум-тарарам: не выполняется план по комсомольцам. Но 40 человек едут в райком, получают билеты, и так далее. Чем ребята руководствуются? Чтобы быть как все, что, если не комсомолец, значит, что-то не то. Ну а дальше подливают масла в огонь комсомольские комитеты, сначала в школе, потом, как в моем случае, в институте. Комсомольские собрания, где один человек что-то читает по бумажке, остальные сидят в зале на задних рядах и откровенно зевают. Отсюда — стремление войти в команды. Тем более что

команды есть, так сказать, по интересам, начиная от тех же скейтистов, металлистов и кончая этими же нацистами, если на то пошло.

Алексей, 19 лет, студент, Москва

Но может ли у нас, в нашем обществе, где почти в каждой семье, остались жертвы войны, вырасти такой вот Слава?.. Может, это обычная телефонная бравада? Или нарочитая попытка шокировать собеседника, а вот как я вас?.. Или — лепет больного восемнадцатилетнего человека?..

Часто мне приходилось до ниточки разматывать клубок слухов, которые ребята пускали о нацистах, наших, отечественных. Пускали не специально, просто в юности хочется иметь не только друга, но и врага. Разматывать и убеждаться, что за «нацистами», на которых так хотелось напасть представителям других молодежных групп, миф, ерунда, не больше. Но я видел и парня, на груди которого болталась железная свастика. И группу короткостриженых, в черном, которые с неистребимым упорством доказывали своим сверстникам преимущество одной расы над другой.

Я знал, что корни подобного поведения искать-то надо не в темных подвалах прошлого, оплаканного и проклятого. И уж тем более не подозревать этих ребят, ненавистных для остальных не за действия, а за символику, в том, что они проповедуют идеи и чужой истории, и другого, давно уничтоженного гитлеровского государства.

И эти тоже наши. Наши, а не заброшенные к нам ночью на парашютах. Готовые к тому, чтобы вызвать ненависть окружающих только потому (как чаще всего выяснялось), что ненависть вызывал их собственный, переставший быть родным дом. Дом, в котором слишком огромной оказывалась разница между словами и образом жизни родителей, где только одним еще можно было сломать стену отчуждения и неприязни по отношению к самым близким, казалось бы, в мире старшим: тем, что этих старших повергнет в состояние ужаса та самая свастика.

Может быть, из таких Слава?

***

Он позвонил: «Меня уполномочили с Вами встретиться». — «Кто?» — «Наша организация».

Через несколько дней он пришел. Запись разговора с согласия восемнадцатилетнего «юного коммунара» Станислава записана на диктофон.

— Меня интересует начало, что вас соединило?

— Что соединило? Общий интерес.

— Когда это было?

— В прошлом году, в девятом. Ну, и общий протест, можно сказать. Общие интересы были специфическими. Мы увлекались нумизматикой — несколько ребят, и собирались создать клуб нумизматов. Но в школе это запретили. Сказали, мол, нечего. Нам это не понравилось. Решили собираться у кого-нибудь на дому. День за днем, монеты уже стали делом второстепенным. Как-то так сложилось, и потом, когда мы уже стали повзрослее, на перепутье, между девятым и десятым классом, мы стали говорить о формах общественного воздействия на нас. В первых днях сентября на Бородинском поле устраивается праздник, приходит много народа, и там мы увидели очень интересное молодежное течение — бонапартистов. Мы подумали, что же их могло объединить?

— А кто это такие? Не слышал...

— Это люди достаточно замкнутые, достаточно скрытные, у них — культ Бонапарта, культ грубой военной силы. Они считают, что сейчас рабочий класс в Западной Европе потерял свою революционность и революцию может совершить только армия.

— А сколько лет ребятам?

— Они старше нас. Старше намного.

— После армии?

— Как я понял, это в основном студенты. Мне их показал знакомый студент-историк, они время от времени перекидывались французскими фразами. Французская символика, сине-бело-красный флаг... Это, говорит, русские бонапартисты. Это, конечно, нас поразило.

— Но уже, Станислав, был рассвет фанатизма.

— Да, но как-то в нашей школе это не проявилось. У нас были изгои и элита. Группа изгоев и группа элиты. Изгои — это ребята, которым не повезло в жизни с родителями, с учебой. Они ударились в фанатизм. Но это у нас в школе быстро прекратили, потому что было их мало, ничего сделать они не могли. Короче говоря, они имели успех в других школах, а в нашей — нет. У нас — спецшкола. А мы... Нам было все равно. Ни элитой нас нельзя было назвать, ни изгоями. У нас не было самомнения о себе.

— Когда вы увидели бонапартистов, тогда у вас все и началось?

— Да. Нас было сначала человек 10, и был еще маленький толчок, когда всю нашу десятку приволокли за не совсем понятное нарушение. Короче, мы все не пришли на комсомольское собрание, явка на которое была строго обязательна.

— А из ваших никто не входил в комитет комсомола?

— Я входил, но меня тоже вызвали. И тогда мы впервые стали критиковать на комсомольских собраниях. Что же это делается, черт побери? Ребята в нашей группе задорные, это их увлекло. На следующем комсомольском собрании мы уже дали бой. Собрание не пошло по тому руслу, по которому было намечено. Комитет комсомола подал в отставку.

— Да?

— Совершенно серьезно, потому что администрация нашей школы сказала: как же так? как вы смогли такое допустить? Ведь все-таки шло не просто собрание, а отчетно-выборное.

— Вы, что, предложили свой состав комитета комсомола?

— Нет, наш список не прошел. Выбрали тех, кого надо, но с самого начала было не то. Нужно было выбрать для работы президиум. Кто «за»? Тут поднялся наш товарищ. Обычно список такой: директор, завуч, пара учителей, 2 комсомольских лидера, которые там сидят и ничего не делают. И докладчик. Мы внесли в список директора, завуча, а остальные — наши ребята. А там по плану были доклады людей, которые в президиуме. Учителя не понимали, что происходит, колеса, можно сказать, уже крутились, но в другую сторону. Потом стали диктовать состав нового комитета комсомола. Нам, в принципе, уже было все равно,

потому что в комитет нас все равно не выбрали после того случая. И я из комитета выходил в любом случае. Все проголосовали за этих друзей. Короче говоря, собрание смяли, отчета как такового не было, сказали несколько общих фраз. После этого собрания на нас косо смотрели, обещали дать нехорошую характеристику, короче, было много чего. Мы стали формироваться, но уже не в школе. Та десятка, которая у нас сформировалась, — там был парень на 2 года нас старше. Несколько человек на год нас младше. Стали собираться по квартирам. И получился у нас идейный раскол. Часть группы говорила, что надо оставаться в том положении, в котором находимся. Открытого выхода делать нельзя. Это будет или человек в пустыне, или человек в море. Другие говорили, что надо приступить к активным действиям.

— Что они под этим подразумевали?

— Отлавливать хайлафистов, панков и т.д. У нас в школе были пацифисты, при том ярко выраженного буржуазного толка. Их тоже. Сначала вежливо предупреждать, а потом дальше. Ну, вот мы раскололись. Это был первый раскол, осталось 5 человек вместе со мной. Промеж себя мы называли себя коммунарами, и решили перенимать тот положительный опыт, который был у Парижской коммуны. То есть идеологию, программу... Наша программа предусматривала отклик на молодежное движение вокруг.

— Как вы это себе представляли?

— Было такое программное заявление — манифест, в котором мы говорили о том, как наша группа расценивала причины происходящего. И основной причиной было то, как указывалось, что идеологический уровень не поднялся вместе с уровнем благосостояния. Возникла диспропорция, которой не должно быть.

— Это в принципе то, что отмечалось и в партийных документах.

— Да. Потом шло образное сравнение нашего общества с кораблем. Даже не корабль, а сухогруз, который перевозит зерно. Какая-то плесень попала в это зерно. Зерно — это молодежь, потому что мы растем и мы будем строить. И постепенно гниль проникает. И если вовремя гниль эту не убрать, то она может проникнуть

всюду. Ну, это такая литературная иллюстрация. Потом мы разделили молодежь на 3 части: активная, пассивная, третья — хайлафистов.

— Что вы подразумеваете под хайлафистами?

— Хай лаф — это высокий образ жизни. Отношение такое, что это сынки богатых родителей. Родители могут быть и хорошие, а дети не признают наших культурных ценностей. Есть великолепные ребята с печатью хайлафизма.

— А вы не пытались входить в контакт с фанатами?

— У нас было такое понятие «хождение в народ». Один стал болельщиком «Крыльев Советов», другой — спартаковским, третий — ЦСКовским, четвертый — динамовским. Давно это было, почти в самом начале. Мы пытались понять, что общего, что различного в этих движениях. Стали ходить на матчи, приготовили несколько лозунгов ударных. Пытались затесаться в эти толпы и направить их в другую сторону.

— И что у вас получилось?

— Ничего. Потому что нас было слишком мало, мы не могли воздействовать на большие толпы, у которых уже были признанные лидеры. Наши попытки увести народ от драк не имели успеха. И потом мы переключились на дружинников...

— Не понял?

— Есть такое начинание в школе — отряды юных друзей милиции. Мы все вошли в эту организацию. В школе оценили — о, хороший шаг, исправляются оппозиционеры. И тоже было интересно. На стадионе тоже были. Страшно. Толпа, рев, милиция выхватывает из толпы наиболее рьяных.

— Итак, как я понял, «хождения в народ» у вас не получилось?

— И первый опыт не получился в прошлом веке, и наш опыт.

Через некоторое время Стас снова позвонил мне и сказал, что прощается. Утром он и его друзья уходят в армию. Сказал, что они попросились в Афганистан. Там, по его словам, уже служили ребята из их команды. Сказал, что будет писать из армии. Через некоторое время пришло и письмо с полевой почтой на конверте.

Я долго Вам не писал отчасти из-за недостатка времени, отчасти из-за раздумий по поводу Вашей статьи «По ком звонит колокольчик».

Так вот, насколько я понял статью, Вы склоняетесь к тому, чтобы объяснить современный характер понятия «бороться со злом дурными методами». Вы вводите понятие «личность в одиночестве — панк», очерчиваете характер панкизма от конкретного панка, не делая выводов, оставляете читателям на раздумье вопрос: «Так кто же такие панки?»

Статья явно не закончена. Вам положительно необходимо продолжить ее новой публикацией, иначе дискуссия, очень нужная и очень важная, выдохнется, хотя я и не знаю, может быть, статья не окончена не по вашей вине, а по вине «общественного мнения», черт бы его взял.

Мнение «широких читающих масс» таково, что газета справедливо встает на защиту внеформальных молодежных организаций, куда народ идет из-за недостатка общественной активности.

Чуть не забыл: передайте, если возможно, горячее пожатие руки всех «коммунаров» Николаю Розовайкину, бывшему комсоргу одесской мореходки.

Станислав

***

Приглашая ребят на эту встречу в редакцию, каждому из них говорил примерно следующее:

Ты являешься представителем определенной молодежной группировки (объединения, команды, «тусовки» — Ю.Щ.). Мы хотим разобраться, что же за такие волны налетают на нашу жизнь? То футбольные фанаты, то металлисты, то хиппи, то панки, то — сразу и не сообразишь, как назвать?! Это что, игра? Мода? На час? Надолго? Опасно? Безобидно? Вредно? Полезно?..

И так далее, и так далее. В общем, давайте разберемся!

Никто из ребят не бросил в ответ: очень нужно! Что мы потеряли у вас в редакции?! Сами разбирайтесь!! Но каждый, правда, спросил: а почему именно меня приглашаете?

— Потому, — говорил я в ответ, — что среди своих ты

пользуешься влиянием и авторитетом, и если уж и разбираться во всем, то без тебя это будет нам сделать трудно.

Наметили день и час, когда они придут в редакцию, договорились о том, что никаких фамилий называть не будем, обсудили состав участников как со стороны редакции, так и со стороны (употреблю официальный термин) неформальных молодежных групп, определили круг вопросов, которые бы заинтересовали всех.

И осталось дожидаться намеченного дня.

Вопросы нашим гостям задавали: доктор философских наук И. Кон, доктор философских наук В. Шубкин, доктор педагогических наук А. Мудрик, заместитель главного редактора журнала «Социологические исследования» Г. Батыгин, а также мои коллеги: ответственный секретарь «ЛГ» В. Моев, первый заместитель ответственного секретаря Ю. Куликов, редакторы отделов И. Гамаюнов, Ю. Заречкин, А. Левиков, обозреватели А. Ваксберг, Н. Логинова, Т. Хлоплянкина.

Ребят же представлю по ходу нашей беседы.

Итак, начали.

Представляю Рифата. Он был одним из лидеров фанатов московского «Спартака». Время прошло — закончил институт, работает в школе.

— Рифат, вспомни, пожалуйста, с чего все началось?

— Когда «Спартак» вылетел в первую лигу, на стадионе стали собираться юные болельщики. Сначала мало — человек 60-80. Многим понравилось носить одинаковые шарфы и шапки, но больше всего нравилось объединение: и вместе скандировать и вместе поддержать свою команду.

— Но для кого-то ваши сборы стали предлогом для хулиганства, не так ли?

— Были хулиганы. Да, были... Но нас они возмущали не меньше, чем работников милиции. И потому постепенно число хулиганов уменьшилось, а число настоящих футбольных фанатов увеличилось...

— Не слишком ты преуменьшаешь «хулиганский фактор» в фанатизме?

— Не слишком. Мы влияли на хулиганов, наводили порядок на стадионе.

— Именно в те годы — в конце семидесятых — у тебя начали брать автографы, и когда ты появлялся на стадионе, то раздавался радостный рев твоих сторонников?

— Даже если и был мной заработан какой-то авторитет, то уж не правонарушениями... Мы хотели создать свой официальный клуб, футбольных фанатов, и ребята верили, что мы его создадим.

— Но когда с вашей идеей ничего не вышло и все просьбы остались безответными, снова поднялась волна хулиганства?

— Для милиции мы были все равны. Сколько раз наши останавливали пьяных хулиганов, а милиция забирала и тех, и этих. В конце концов настоящим фанатам просто не захотелось неприятностей на свою голову. И мы перестали ходить на стадионы.

— Пока спасибо... Я представляю Виталия.

Вопрос к Виталию.

— Скажи, судя по собственным уличным впечатлениям, много ли сейчас хиппи?

— Наше развитие отстает от того, что есть за рубежом.

— Но вы все-таки не похожи на тех хиппи, которые в свое время так потрясли мир?

— Одним словом охарактеризовать, кто мы, вряд ли возможно. Большинство наших не может долго говорить с другими людьми, настолько не совпадают взглядами на жизнь.

— В чем именно? Объясни точнее.

— Система (так мы называем себя) имеет уже несколько поколений. Старшее поколение мало общается с теми, кто пришел за последние 10 лет. С 1981 года начался упадок, с прошлого года мы снова оживились.

— И все же, кто вы? Просто длинные волосы?

— Есть много людей, которые остались с длинными волосами с тех давних времен. Это люди исключительно устойчивые

и мудрые. Они ни при каких обстоятельствах не подстригут волосы и не изменят своим убеждениям.

— Но какие убеждения?! Объясни, пожалуйста!

Маша. Хиппи — это не форма, а образ жизни. У нас нет догм. Одна из главных наших особенностей: мы должны жить своим трудом. Но часто это невозможно. Поэтому многие предпочитают жить на «аске». Знаете, что это означает?

— Знаю: «Товарищ, мне надо быть в Ленинграде… Помогите. Дайте рубль»… и т.д.

— В общем да… Сейчас это стало как мода, мода на нас, хиппи, чтобы ничего не делать, а жить и пить… Внутреннего содержания во многих новых ребятах нет. Пустыня…

Виталий. «Система» включает в себя немалое количество наркоманов.

Маша. Но мы сейчас не о том говорим, о ерунде: о длинных волосах, нежелании работать, наркотиках, а о сути не говорим.

— Но в чем же суть-то? Маша?

— Хиппи возникли у нас в середине 60-х годов и пришли они с Запада. Но для их возникновения были и свои собственные причины. Вспомните, какое было время… Добро — почему-то мы сейчас об этом забыли — является главной сутью. Мы все ищем добра, понимания человеком человека…

Вопрос к Диме.

— Ты представляешь самое мощное и популярное молодежное движение — клуб самодеятельной песни. Ты знаешь историю КСП?

— По всей видимости, однажды пришло время и очередь создать его. Кроме песен, которые передают по радио, нужны и песни, которые говорят с тобой, рассказывают именно о твоей жизни, ведут за собой. Тогда появились и Окуджава, и Ким, и Высоцкий, и Визбор.

— А что происходит сегодня?

— Одно время КСП почему-то кое у кого вызывали резко негативное отношение.

— Почему, как ты думаешь?

— Все присутствующие здесь ребята — представители той

или иной молодежной группы и могут подтвердить: везде, в каждом деле найдутся люди, которые все испортят.

— Что ты имеешь в виду?

— КСП были запрещены тогда, когда на один из слетов пришла масса народа, которых я лично называю любителями. Им не нужна песня сама по себе, как нам. Они появляются, чтобы потусоваться, а заодно и выпить. И в конце слета из бутылок была выложена цифра 25, которая означала порядковый номер слета... Это не понравилось... Поспешили нас запретить. Получилось точно так же, как в ситуации, о которой рассказывал Рифат. Запретить — так запретить всех. Такой выход кому-то показался самым легким.

— Но КСП не умерли же?

— Нет, конечно... Перешли на новые формы.

— Сейчас какое положение?

— Общего городского клуба пока нет. Как когда-то закрыли, так и не открыли. В МГК ВЛКСМ, как мне известно, вопрос об открытии ставится... Чем кончится дело, не знаю. Но в Москве создано более 20 любительских клубов. Где есть помещения, где их нет!.. Нам, например, приходится готовиться к выступлениям в лабораториях, за что сторожа получают выговоры.

— Скажи, чем так притягивает тебя участие в КСП?

— Там встречаешь людей, близких тебе по духу. У нас есть командир, есть свой устав, есть свой совет. Он полномочен решать все вопросы жизни клуба потому в первую очередь, что, кроме него, решать их никто не может. Мы несем ответственность за свою жизнь. Это будет точнее.

Вопрос к Сергею.

— Сергей, когда два года назад мы вели с тобой диалог в редакции, ты представился панком, и тогда же появился в газете материал «По ком звонит колокольчик?».

— Да, я был панком. У нас возникла группа, человек 12-15, мы ходили по улицам и демонстрировали себя.

— В черных куртках, с бритыми висками? Представляем, за кого вас принимали...

— Возможно, но тогда нам доставляло удовольствие шокировать окружающих. Но это дела давно минувших дней.

— Судя по твоему внешнему виду, ты переменил «команду»?

— Переход от панков к волосатым произошел непроизвольно. Я стал растить волосы, стал общаться с хиппи и понял, что эти ребята наиболее близкие мне по духу, хотя мне и не нравится, что среди них, волосатых, много людей недалеких и интересы многих из них ограничиваются только музыкальной сферой.

Вопрос к Илье.

— Илья, а кто ты?

— Я с детства мечтал найти единомышленников, с которыми можно было бы сделать что-то реальное... И я познакомился с несколькими ребятами, которые живут социальными проблемами. Мы называем себя оптимистами. У нас собрался букет ярких индивидуальностей. Мы пока не можем прийти к общему мнению буквально ни по одному вопросу. Например, мы никак не можем договориться об участии в нашей системе девушек.

— Илья, в последнее время нам, журналистам, не раз приходилось встречаться с ребятами, которые так же, как и ты, искали такую форму объединения, в которой они бы смогли реально воздействовать на общественную жизнь в своих коллективах. Помним, допустим, встречи со Стасом и его приятелями, которые начали свою деятельность с того, что объявили борьбу хайлайфистам... Эти ребята решили объявить борьбу, как они говорили, «обуржуазившимся» сверстникам. Они, правда, разошлись во взглядах, как бороться: или колотить, или воспитывать словом... Но, как правило, Илья, группировки такого направления появляются так же быстро, как и исчезают: бить себя в грудь, считая себя самыми праведными, все-таки мало.

— Я пытался учесть те ошибки, которые были допущены в других группах... Моя цель — собрать единомышленников не по одежде, а по образу мысли. Главное — организовать их.

И. Кон. Одно частное замечание. Старшим принято

поучать младших, и поэтому мне хочется сказать Илье следующее. Идеи никогда не рождаются в какой-то определенной организации, а наоборот. Поэтому прими дружеский совет: сначала реши, что же ты хочешь сделать, а потом уже делай. Или не делай.

Вопрос к Рифату.

— Скажи, а как вы обычно собирались?

— Перед каждым стадионом есть пятачки, на которых собираются болельщики: знакомятся, говорят друг с другом... Некоторые на этих пятачках становились ведущими. Был там, допустим, парень, его называли Мосфильмом (он там работал), который много беседовал с ребятами, пропагандируя только хорошее.

— Что именно?

— Заступался за ребят, которых угнетали хулиганы, проповедовал мир между всеми нами и справедливость, боролся против пьянства еще тогда, когда против него особенно и не боролись. Я пытаюсь объяснить, кто же сегодня может стать неформальным лидером в группе молодежи. Злобные натуры не в моде.

Игорь. В школе, в институте говорилось много о роли личности. Но каждая личность может как-то проявить себя, внести что-то свое в движение. Если рассматривать нас или фанатов, то можно легко увидеть, что были предпосылки для возникновения «команд». В первую очередь поле притяжения, вокруг которого можно объединяться. У фанатов спорт, у нас — театр. А раз есть поле, то есть и люди, которые на этом поле более активны, чем другие.

— Виталий, говорят, вы пытались организовать свою коммуну?

— Мы не начали, мы продолжили... Коммуны существуют каждое лето: в Прибалтике, на Украине, под Москвой, в Крыму...

— А зимой?

— Зимой только на квартирах...

Дима. Я напомню, мы, КСП, организация, которая пользуется официальной поддержкой, хотя и у нас много вопросов,

которые надо решать. В том числе и организационные. Некоторые из членов нашего клуба начали выпячивать себя. Это ни к чему хорошему не привело.

— Что ты имеешь в виду?

— Раньше клуб не заботился о своем пополнении, и старики ушли, клуб заглох. А сейчас пошел в гору, потому что думаем и о том, кто нас сменит, когда мы окончим институт...

Игорь. У меня есть замечание общего характера. Здесь нас собрали всех вместе, а стоило бы разделить. С одной стороны это клубы по интересам: театралы, футбольные фанаты. В клубе по интересам необходимы навыки управления, без этого все развалится! В «фирме» же не говорят о всяких высоких материях. Это скорее хобби, которое дает нам ощущение жизни...

Вопрос к Виталию.

— Скажи, каким ты представляешь свое будущее, лет примерно через 10?

Виталий. Иисус Христос сказал: не заботьтесь о дне завтрашнем, он сам о себе позаботится. Что с нами будет через 10 лет? Это не нам знать и не наше дело.

— Хиппи — люди верующие?

Маша. Хиппи держат религию в себе.

В. Шубкин. Я был 4 дня назад в Мюнхене и присутствовал там на заседаниях в институте международных проблем. Я спросил: как с хиппи? Мне ответили, что все это в прошлом.

Виталий. А «зеленые» разве пошли не от хиппи?

Вопрос ко всем ребятам.

— Играет ли роль в ваших группах социальное происхождение? Вы выходцы из интеллигенции, из рабочих?

Маша. К нам многие идут из-за романтики. Такие обычно имеют низкий интеллектуальный уровень, и идут к нам только потому, что, раз это запрещено, значит, это интересно.

— Ты считаешь, к вам должны примыкать только высокие интеллектуалы?

— Да... Иначе это просто игра.

Илья. У нас подбираются ребята прежде всего по

интеллектуальному уровню, а из какой семьи — не имеет никакого значения. Даже если семья малообразованная, ребенок может вырасти умным человеком. Если, конечно, отец не алкоголик, а мать не истеричка.

— Рифат, а фанаты кто?

— Фанаты — самая демократичная молодежная команда.

Вопрос ко всем ребятам.

— А какие отношения с родителями?

Илья. Мои отнеслись очень настороженно. Правда, пока нет реальных действий, не за что ни ругать, ни хвалить.

Виталий. Благодаря жилищной проблеме с родителями разъехаться невозможно. Значит, к ним надо проявлять терпимость.

— Виталий, но есть понимание между тобой и родителями?

— У отца 3 высших образования, но понять его трудно.

Сергей. Всему комплексу своих идей я обязан своему отцу. Он меня воспитал таким, каким я есть сейчас. Понимает меня и мать, но что-то она принять не может. Думаю, срабатывает житейский страх: вдруг попаду в милицию или еще какие-либо неприятности. Что касается внешнего моего вида, отец его не очень одобряет и считает, что воспитывать надо себя прежде всего духовно.

— Ребята, о чем мы еще вас не спросили? О чем самом важном мы должны сказать сегодня?

Рифат. Расскажу, как нам однажды поверили. Мы сами охраняли порядок на стадионе. То, что не могла сделать милиция за много лет, мы сделали, мы, наша группа самоконтроля. Но потом кто-то взял и отменил наше участие в соблюдении порядка. Вот ведь как получается: ругать легко, поверить трудно...

— Илья! А вы-то что хотите? Понятно, КСП, фанаты, театралы, а вы?

— Мы сами еще не сформулировали собственную платформу. На нас оказывается огромное давление со всех сторон.

— Что за давление? Кто давит-то?

— Не «кто», а «что»... Очень много информации, много

разных сведений, которые часто взаимоисключают друг друга, но если каждый факт рассматривать отдельно, то вроде все более или менее правильно... Мы хотим разобраться.

— В этом ваша цель?

— Наша цель — активизировать сверстников, что-то самим попытаться сделать. Ведь что происходит? Несмотря на все указы, многие молодые пьют да еще употребляют наркотики.

— Но кто в этом виноват?

— Нет возможностей себя проявить. Негде.

— Скажи, допустим, вам передали клуб и сказали: здесь вы можете говорить о чем угодно, дискутировать, спорить. Вас это устроило бы?

— Для дискуссий не надо разрешения.

— Так что же ты хочешь?

— Наша цель — прорасти в будущее.

— Непонятно...

(Пауза).

— Я не буду больше отвечать...

Вопрос ко всем ребятам.

— Какие взаимоотношения между группами? Есть ли столкновения, есть ли борьба, есть ли дружба?

Виталий. Ремонтники всех бьют.

— Ремонтники?

— Это новая группа, но о ней уже писали в газетах. Они считают, что должны «ремонтировать» личности тех, чей внешний вид их не устраивал.

— Но за что они всех бьют?

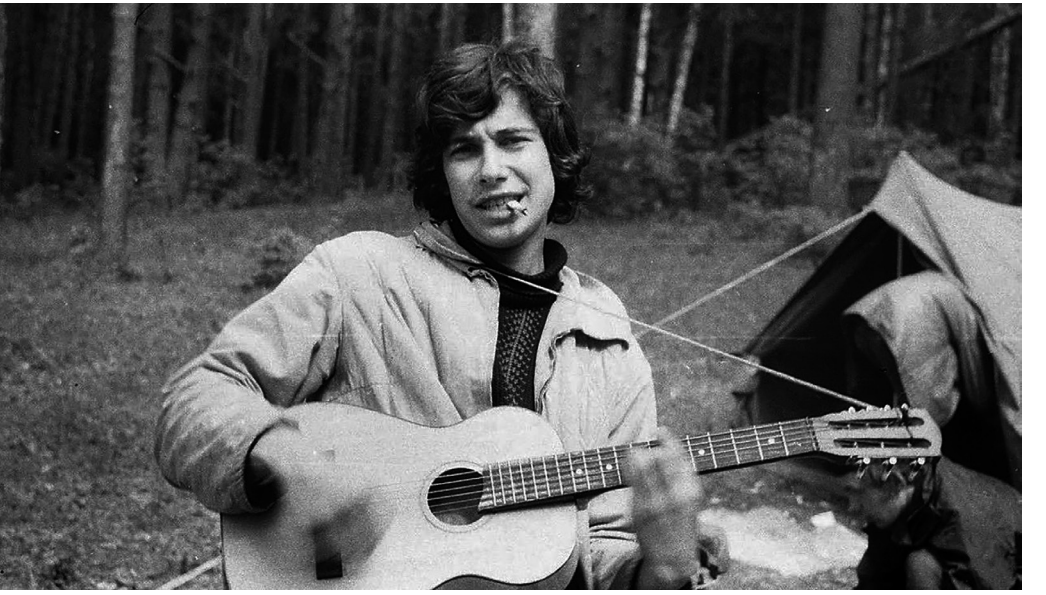
— Спросите у них. Они и значки срывают, и деньги отнимают.

— Ребята, когда говорят о молодежных группах, то прежде всего (может быть, эта и наша вина, журналистов) о том, что плохого от них, то есть от вас, можно ждать: фанаты — это хулиганы, театралы — спекулянты, хиппи — наркоманы...

Игорь. Мы ненавидим спекулянтов!

Виталий. Процент наркоманов среди других людей не ниже, чем у хиппи, уверяю вас.

Дима. Дело все-таки в доверии. Человек начинает искать разные нехорошие выходы своей энергии, когда хороший путь просто закрыт или его так заполняют разными запретительными инструкциями, что в конце концов плюнешь и будешь искать обходной путь, только чтобы не связываться.

— Дима, что ты имеешь в виду? Не можешь поконкретнее?

— Могу... Мы должны перед слетом показывать тексты песен, которые будем петь, в Доме народного творчества. Приезжаю, показываю... Сидит бабушка и поносит тексты, которые я привез... Есть, допустим, песня, и в ней четверостишие: «И вот Новый год, снова гололед, жизнь моя такси, снова не проси...» и т.д. Так знаете, из-за какой фразы хотели нам не разрешить петь эту песню?

— Ну?

— «Жизнь моя такси». Как это, мол? Что вы имеете в виду? На что вы намекаете? Это что, значит, у нас за все надо платить?.. И вот на такую ерунду приходится тратить нервы и силы. Лучше уж тогда собраться неофициально...

Илья. Если КСП воспринимается с недоверием, то что уж говорить о других группах... От них или убегают, или с ними бесполезно борются только из-за одного принципа: а как бы чего не вышло...

Сергей. Я уверен, если бы не боролись так с волосатыми, то и не шли бы в хиппи лишь из-за романтики, глупой, несерьезной...

Рифат. Мое мнение такое (говорю как педагог, я закончил педагогический институт): все движения, все группировки, все течения, которые не противоречат нашим законам и взглядам, надо разрешить. Не разгонять их, а направлять в правильное русло. И главное — чтобы ими руководили их собственные неформальные лидеры.

Илья. Я по-другому представлял Рифата...

Рифат. И каким, интересно?

Илья. О фанатах сложилось плохое мнение, и тебя я представлял красно-белым. А сейчас впервые узнал, что вы, оказывается, пытались организоваться с помощью комсомола. Жалко, что не получилось.

— Ну а что бы изменилось, если бы удалось создать клуб фанатов?

— Члены молодежных групп, как правило, люди активные, желающие каких-то действий. Человек-потребитель — это консерватор. Конечно, с созидателями тяжелее — вон сколько хлопот на свою голову. Но в конце концов такие люди нам нужны сегодня!

Маша. Давайте к неформальным организациям относиться неформально. У каждой группы существуют отрицательные черты. Но это отрицательное можно избежать пониманием: поверить, помочь.

Вопрос ко всем ребятам.

— Для вас сегодня взрослые — все на одно лицо? Или вы чувствуете борьбу мнений, с одной стороны, скажем, догматизм, с другой — перестройка?

Маша. Конечно, чувствуем.

Виталий. Замечаем...

И еще две цитаты из стенограммы.

А. Левиков. Одна из проблем, по-моему, состоит в том, что мы не должны валить в кучу все молодежные группы, а различать их оттенки и, различая, понимать, что же они хотят. Но точно так же и вы, ребята, не должны относиться к обществу как к чему-то единообразному. Разве общество не меняется? Разве в нашей жизни все происходит так, как происходило вчера?

И. Кон. То, что я сегодня услышал, вполне вписывается в те теоретические представления, которые есть у меня. Во всяком обществе — а наше общество не такое простое — существует довольно много различных субкультур, в том числе и у молодежи их тоже много. Часто эти субкультуры не имеют и не находят выхода, отсюда те болезненные явления, о которых сегодня было немало сказано. Дело, может быть, в том, что всем нам не хватает терпимости. Понять и услышать — как же без этого? Ну что же, будем думать.

Когда мы закончили, уже давно был вечер, давно опустела редакция. Все вместе мы вышли на улицу — погода, помню,

была замечательная. На перекрестке остановились, то ли прощаясь друг с другом, то ли готовые еще и еще спорить, искать ответы, разбираться...

Редкие в этот час прохожие бросали на нас подозрительные взгляды: борода и длинные волосы Виталия их настораживали? Необычный значок на куртке у Ильи?

Плыл вечер над Москвой. Мы прощались, понимая, как нужно сегодня учиться и договаривать, и слушать.

***

Мне почти 40. Я, конечно, не рассказываю своим детям, за что боролся в возрасте молодых людей, участвовавших во встрече под стенограмму. Но воспоминания двадцатилетней давности маячат передо мной.

В те годы я учился в медицинском институте, и у нас образовалась группа из наиболее активных ребят. Мы ставили перед собой задачу не больше не меньше, как реализация на деле целей и задач, поставленных в Программе КПСС. Мы, как и Илья, мечтали «прорасти в коммунистическое далеко». Намечали конкретные планы морального и социального влияния на своих сверстников. Идеи были простыми: если Оуэн в капиталистическом окружении смог в очень далекие времена устроить жизнь в своей общине на социалистический манер, то что нам мешает при социализме организовываться на коммунистический манер. Мы перечитали Маркса, Энгельса, Ленина. Начались бесконечные разговоры на лестничной площадке института, которая и стала местом сбора для нашей неформальной группы. Мы на свой страх и риск, не имея, конечно, представления о методах социологических исследований, начали искать формы переустройства нашей общественной институтской жизни. А потом наш парень Леня Решке вынес результаты этих исследований на общеинститутское собрание. Это был шок и взрыв.

Но еще больший шок произошел тогда, когда мы выпустили свою стенгазету, которую и вывесили на лестнице.

Кончилось все печально. И хотя никого не смогли отчислить из института — все учились хорошо! — неприятностей было немало. Что это, мол, такое, прорасти в будущее? Что это, не так, как все?

С нами была проведена «идеологическая работа» — разбирательства шли за закрытыми дверями. Раздувались слухи, появлялись нелепые предположения. Все мы были поставлены перед нравственным выбором: или признать свои ошибки, или доказывать свою правоту.

Мы проиграли. Нас заставили проиграть.

Да, мы стали носить джинсы и бороды, но с этого момента в жизни появились какие-то тоскливые нотки. Больше уже никто не спорил о социальной роли медицины в обществе.

Потом мы закончили институт, разъехались, женились, стали думать о хлебе насущном. Жили, работали, не зная, как определить нашу жизнь. Начался застой. Потом — XXVII съезд партии. Суровые требования отказаться от нытья. Перестать ссылаться на прошлое. Перестраиваться.

Но мне не дает покоя та старая институтская история. Тот всплеск нашей юношеской энергии, которого тогда на всякий случай испугались.

Не оттого-то и был у нас в обществе такой длительный застой?

Моя личная жизнь сложилась так же, как и у большинства моих сверстников. Мне самому роптать особенно не на что. Но хотелось бы увидеть реальное обновление нашей общественной жизни, чтобы те, кто войдет в XXI век тридцати-сорокалетними, могли гордо сказать, что социальные изменения общества, его демократизация, его обновление, его моральный климат достигнуты их прямым участием.

Я принципиально никогда не пишу в редакции. Но я отец четверых детей. И уже с этой позиции обязан вспомнить то, что было с нами, и что у нас не получилось.

В. Косарицкий, Мурманская область

1.

Как мы познакомились?

Еще была зима, дети шастали по сугробам вокруг редакции.

Он позвонил и спросил: «Как вы относитесь к „металлу“?»

Я расценил вопрос как предложение встретиться. И объяснил, как доехать.

Они появились тогда, когда волна футбольного фанатизма, так озадачившая всех несколько лет назад, не успела схлынуть. Еще кипели страсти вокруг стадионов, но уже поверх надписей на заборах «„Спартак“ — чемпион» новые подростки выводили новые слова «тяжелый металл» (чаще по-английски). И вместо воевавших друг с другом поклонников разных спортивных клубов вырастали другие команды-союзники, точно так же, как и футбольные фанаты, отстаивающие символы (мало понятные для взрослого), но уже из иного ряда, не спортивного, а музыкального: «металлисты» — любители жесткого направления в рок-музыке против поклонников более спокойной «новой волны», «ротаристки» против «пугачисток» и т.д., и т.п.

Но как бы ни меняло время декорации в уличных подростковых спектаклях, шла одна и та же пьеса, которую все мы, кто с любопытством, кто с негодованием, кто с сочувствием, наблюдали.

Действие пьесы, если кратко передать ее сюжет, заключалось в том, что подростки ищут нечто, придающее жизни вкус, некую краску, чтобы разбавить серый цвет, но почему-то находят постоянно тот или иной суррогат. Объединились, чтобы скандировать на стадионе, рыскали в поисках какой-нибудь галантерейно-трикотажной ерунды, чтобы оказаться на одно лицо с сотней своих ровесников, лепетали какой-то вздор, принимая его за величайшую истину, врубали на полную мощность магнитофоны, чтобы оглушающей музыкой с непонятными словами соединить свое человечество, высмеивая символы взрослого пристойного существования, находили свои собственные, еще более смешные…

Так, по крайней мере, для многих выглядели они со стороны, и когда «фанатели», и когда «балдели», и когда «тусовались». Как из партера, как за стеклом…

Но ведь чего-то они искали? Подавали же они нам всем, обществу, какой-то неразличимый сигнал? И когда мы скандировали, что все у нас в порядке, и когда, опомнившись, поняли, что в порядке у нас, оказывается, не все.

Так, может, они это поняли раньше? Нет, не поняли, а почувствовали? Может, все дело в том времени, в котором вырастали мы и в котором взрослеют они? Может, за их оглушающей музыкой и дурацкими символами — если присмотреться, прислушаться — мы различим и нечто здравое, чего не хватает нам самим?

...Сергей появился в редакции через час. На нем болтались несколько железных штуковин, на лбу вокруг длинных волос была повязана красная ленточка.

2.

— Рассказывай, как ты стал металлистом?

— Сначала я был динамовским фанатом. Надевал сине-белый шарф, шел на стадион, фанател... Однажды мы с приятелем крикнули в метро: «„Динамо“ — Москва!» и тут началось...

— Что началось? На вас напали «спартаковские» фанаты?

— Нет, откуда-то сверху скатился дяденька милиционер... Нас положили в «уазик» и, обкладывая разными словами, повезли в милицию. Тогда я был наивным, в отделении еще никогда не был... на меня составили бумаги.

— Ты испугался?

— Нет, ждал, что будет. Но вскоре меня опять задержали на матче. Снова милиция: стали писать всякие бумаги: «скандировал», «оскорблял», «нарушал порядок»... Я возмутился: это же неправда! Скандировать — одно, оскорблять — другое. Мне ответили: будешь выступать — получишь по бестолковке. Ну я и...

— Что? Решил, что двух приводов хватит?

— В общем, я решил двинуть из фанатов. На улице увидел каких-то ребят с булавками. Ага, панки. Я был готов после того, что со мной случилось, стать кем угодно, хоть панком. Стал ходить по улицам с булавками и выбритыми висками.

— Просто ходить?

— Да, ходить, чтобы бесить прохожих.

— И получалось?

— На время. Потом и это прошло. Я поступил в институт, но очень скоро разочаровался, пошли неприятности. Крушение всех надежд, из института отчислили… Увидел металлистов. Меня потянуло к ним как к людям, которые могут меня понять.

— Но почему именно к металлистам?

— Мне казалось, что у них есть цель в жизни.

— Цель? Что ты имеешь в виду?

— Мне казалось, что они такие же, как и я. То есть у них такая же неустроенность в жизни… В общем я примкнул.

— А как это происходило?

— Есть такой бар в центре (он назвал одно не очень чистое заведение — *Ю.Щ.*). Там они и собираются. Я стал там торчать, и постепенно они меня стали узнавать.

— Ты отрастил волосы, повесил цепь…

— Да, я стал таким, каким вы меня видите.

— Как бы ты сам объяснил различия между тобой-фанатом, тобой-панком и тобой-металлистом?

— Отличия чисто внешние, разные увлечения. У меня сегодняшнего — музыка «тяжелого металла».

— У тебя много дисков тяжелого рока?

— В магазине диски практически купить невозможно. У меня есть записи.

— Сергей, я знаю про напряженные отношения металлистов с любителями более мягкого направления в роке, так называемыми «волновиками».

— Я их не люблю.

— Их самих или музыку, которую они предпочитают?

— Музыку «новой волны» может любить только пресыщенный жизнью человек.

— Но «волнисты» тоже хотят отличаться от всех. Это заметно и по тому, как они одеваются — вызывающе модно, и по тому, какие прически носят…

— Но они же хотят отличаться совсем в другом смысле, чем мы. Они считают так: вот у меня все есть, я такой красивый — пусть меня все уважают за это.

...Вопрос — ответ, вопрос — ответ...

В тот зимний день я спросил Сергея, могу ли я записать на диктофон нашу беседу. Он пожал плечами: «Пожалуйста». И потом я несколько раз слушал эту пленку, пытаясь понять этого человека.

Металлист? Диковинный экспонат среди тысяч спокойных ровесников? Дожил до 18, а все в игрушки играет? Там — задержали, здесь — познакомился, туда зашел — что же это за жизнь такая? Что получится из него, уже успевшего бросить институт, а еще не сумевшего...

А чего именно «не сумевшего»? Если отбросить все железки, которыми он сам себя украшает, и удержаться от спора, что лучше — железный рок или Лев Лещенко, если не принимать во внимание мелкие приключения его уличной жизни — то окажется, что перед нами юноша, который учится мыслить категориями сегодняшнего дня, с трезвым взглядом, позицией, с которой можно спорить, но можно и разделить, с чистым, искренним и смелым голосом.

Я думаю, сколько раз за последние годы мы занимались ерундой: боролись с длинными прическами, майками и джинсами, люто топтали молодежных кумиров (вспомним хотя бы постыдные обвинения в адрес «Битлз»!), упорно убеждали друг друга с высоких трибун даже, что мир перевернется, если разрешить дискотеки или легализовать слово «рок», вычеркивали, запрещали, предсказывали немыслимые ужасы, если вдруг разрешим.

То есть вступали в спор, зная заранее, что проиграем. И делали вид, что здесь-то уж мы выиграли! Мы, взрослые, думали, что убедили их в своей правоте. Но они-то, они лишь делали вид, что в нашу правоту поверили.

И бормотали стандартные тексты по бумажкам на комсомольских собраниях, и радовали нас притворными сочинениями на вольную тему «Хочу быть рабочим», и следовали надуманным «починам», отправлялись в «экспедиции», маршрутами которых можно шагать, не трогаясь с места.

Они смеялись над теми, кто придумывал марши и почины.

Но вырастали, чеканя слова на трибуне и втихомолку смеясь над своими словами. Уже не на комсомольских собраниях.

Что могло быть хуже?..

Часто под словами «социальная зрелость» мы подразумевали лишь навыки молодого человека плавно вписаться в ту систему отношений, которую мы им предлагали. Учиться не спорить, а соглашаться, думать не самостоятельно, а под диктовку, принимать к исполнению готовые решения, а не искать свои.

Потом вспомнили слова «обратная связь», но только в ее, так сказать, вертикальном виде — от низа к верху. А может, пора привыкать и еще к одному измерению, горизонтальному? От младших — к старшим, а не только наоборот?

—У кого больше карманных денег: у «металлистов» или у «волнистов»?

— Конечно, у «волнистов»! Они ходят в дорогих шмотках, посещают культурные заведения, бары. Ну а нам хватает денег только на пивнушки.

— То есть, ты считаешь, что две эти новые подростковые группировки представляют различные социальные слои нашего общества?

— Не знаю. Но их вообще ничего не волнует в жизни. «А чего суетиться? — говорят они. — Магнитофон есть, машина есть, дача есть, будущее обеспечено».

— А что волнует тебя?

— Я остро замечаю недостатки.

— Какие именно?

— Поведение милиции. Нам приписывают то, чего мы не делаем...

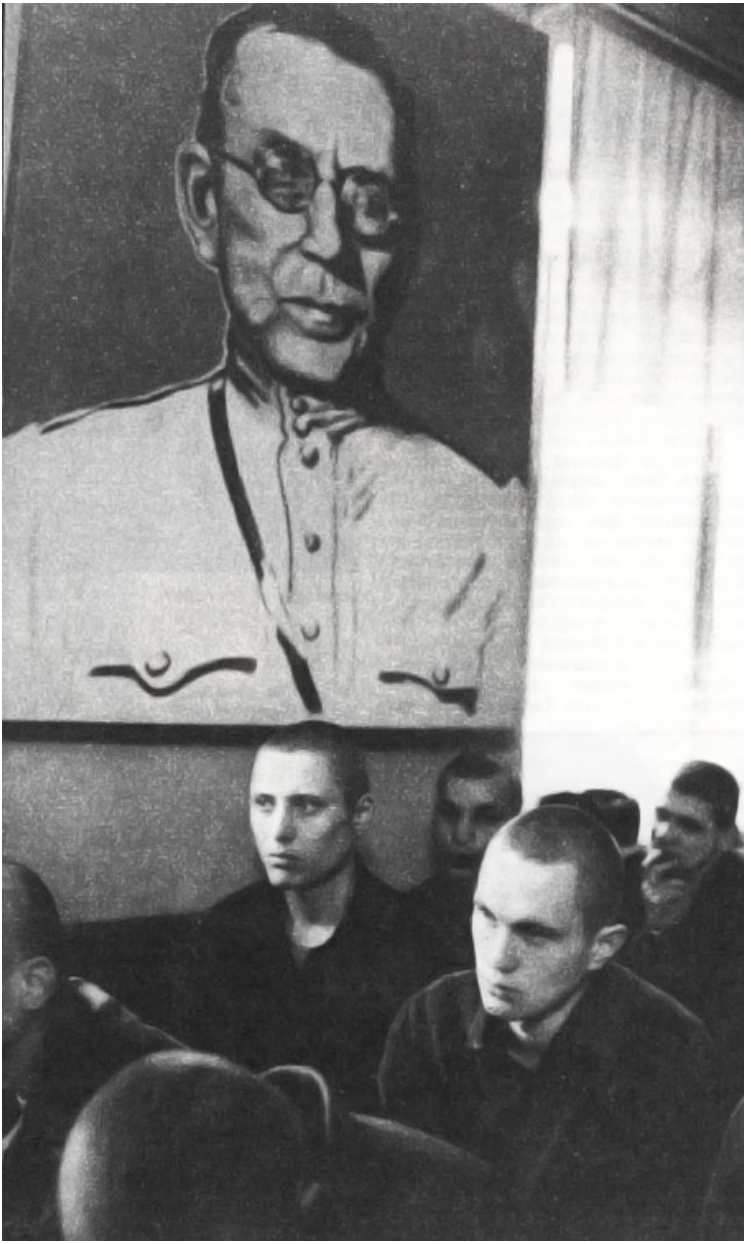
— И все? Это главное?

— (Пауза). Зачем я нужен... Об этом думаю.

— Об этом все думают. Но, допустим, у тебя сейчас появилась бы возможность изменить что-то в обществе. С чего бы ты начал?

— Навел бы порядок.

— Где, в какой сфере?

— Контроль за законностью.

— Так, согласен… Что еще?

— Еще?.. Трудный вопрос. Я бы по-другому проводил идеологическую агитацию. По-человечески.

— Так… Еще?

— Если бы я был богом, то наплодил бы множество честных людей. Честных полностью…

Может быть, именно сейчас и эти ребята кое-чему нас научат? Допустим, привычке к правде, как к той капле, без которой жизнь просто горька. Может, обучаясь у них, у новых, мы догадаемся наконец-то, насколько полезнее для будущего, для развития общества, для XXI века (как сейчас принято говорить) позволить молодым быть молодыми и думать не о том, что это они там поют, а о том, думают ли они? Готовы ли обойтись без нас, если нас вдруг завтра не станет?..

Мы почему-то всю нашу энергию обращаем на борьбу с их побрякушками, не понимая, что мода-то пройдет, да и ребята из нее вырастут. Но в азарте борьбы с молодежной модой не порубим ли мы полученные в юности крылья, которые чем дольше при человеке, чем богаче человечество?

Не повторить бы ошибок прошлого не только в экономике или управлении, но и в воспитании. Ведь не по умению барабанить лозунги оцениваем мы теперь полезность человека для общества.

Может, наших ребят надо воспитывать не в страхе наказания, а на чем-то ином, более общественно значимом?

Вспоминаю, как несколько лет назад, кому-то из наиболее рьяных борцов с новыми молодежными течениями пришла в голову мысль поставить на учет в милиции всех футбольных фанатов. «За кого, детка, болеешь? За „Спартак“? Записываем». К счастью, МВД СССР успело вовремя остановить эту «профилактическую» акцию.

Может, хватит?

Предложим молодежи какую-либо более полезную игру, чем казаки-разбойники! Ведь самое-то трагическое, по-моему,

в том, что, воспитывая «по мелочи», мы проиграть-то можем по-крупному. Молодой человек может вырасти с убеждением, что демократия заключена именно и только в том, чтобы иметь полное право ходить по улице босиком, свободно танцевать брейк или крутить в дискотеке музыку тяжелого рока. Ведь так долго пришлось отстаивать это право, зря что ли?... А остальное, главное, существенное в нашей общественной жизни снова останется за кадром. Вот ужас-то будет, когда лет через 40 сегодняшние подростки будут с гордостью рассказывать своим детям — или даже внукам, — что их молодость прошла в борьбе с участковым милиционером за право сидеть на бульварной скамейке, играя на дудочке? А за что еще? Какие правила другой борьбы предложили мы им в юности?..

С такими вот мыслями слушал я диктофонную запись разговора с Сергеем.

Ребята часто приходят в редакцию именно за этим — поговорить. Кидают слова из своего жаргона и с любопытством наблюдают за нашей реакцией: понятно ли? Не поднимаем ли удивленно глаза? Не переспросим ли? Но тут я понимал, что Сергей не просто так зашел, не только доказать преимущества «металлистов» перед «волной». Он ищет выход из более сложных проблем. Зачем бы ему нужно было стучаться в стекло чужого казенного дома?

Я предчувствовал, что мы еще с ним встретимся. И предчувствие, как пишется в романах, не обмануло.

3.

В конце мая Сергей позвонил снова.

— Мы здесь кое-что придумали, — сказал он. — Хотели бы информировать печать.

— Валяй... — ответил я.

Он сказал, что хочет передать в редакцию один важный документ.

— Для печати? — поинтересовался я.

— Для печати... — ответил он.

На следующий день Сергей принес вот это:

«Первому секретарю (название района)
районного комитета ВЛКСМ.

Уважаемый товарищ первый секретарь!

Мы, люди, увлекающиеся рок-музыкой, а в частности, тяжелым роком, убедительно просим Вас помочь нам создать клуб любителей рока, могущий объединить и направить по правильному руслу московских поклонников рок-музыки.

Каждый вечер мы задаем себе вопрос, что будем сегодня делать. Выбор у нас небольшой. Иногда ходим на редкие концерты рок-групп, но чаще идем в кафе «Ладья» или в подобное заведение. Посидев в пивном баре, отряды металлистов отправляются на поиски приключений. Кто идет на «тусовку в трубу», кто ищет развлечений в стычках с золотой молодежью, то есть с брейкерами, попперами и др. Многие из нас привыкли к постоянной выпивке, и многие в результате частых стычек с милицией и членами комсомольско-оперативного отряда начинают с недоверием относиться и ко всем остальным стражам закона, которые часто «забывают» о презумпции невиновности.

Думаем, что с подобным времяпрепровождением надо покончить, и чем скорее, тем лучше. Как неформальное объединение молодежи, мы, несмотря ни на что, существуем: с помощью милиции и КООДа нас, как Вы можете убедиться, разогнать нельзя, и если работа Вашего райкома комсомола будет и впредь опираться только на вышеупомянутые организации, то вряд ли проводимая Вашим райкомом политика принесет какую-либо пользу и нам, и вам. Итак, мы пришли к выводу, что нужен Клуб Любителей Рока под эгидой комсомола, вмещающий всех желающих металлистов и способный привлечь не желающих того металлистов, то есть тех, кто уже не имеет никакого желания вылезать из ямы. Задача не из легких, но, насколько нам известно, затраты на работу на идеологическом фронте впоследствии должны окупиться. Ведь нельзя же оставлять все, как есть, нельзя больше ждать того, что все образуется само по себе...

Мы думаем, что успех этого дела зависит от таких факторов, как доступное расположение клуба, официальный статус,

техническая оснащенность, способность организовать выступление и начинающих, и уже известных рок-групп, грамотно поставленная идеологическая работа... У нас есть много мыслей насчет клубов. Вы говорите, что самодеятельные рок-группы безграмотны, вульгарны и поют что-то чуждое и не идеологическое. Мы с этим не согласны. Вот доказательство нашей правоты. Рок-музыку на Западе называют музыкой бунта. То же самое можно сказать и о нашей рок-музыке, только война в ней объявляется бюрократии, консерватизму и прочим, так сказать, недостаткам, имеющим место в отдельных случаях. Так что же, позвольте спросить, в этом страшного? Почему надо держать множество хороших групп взаперти, в подвалах? Решением этого вопроса тоже может заняться клуб.

В заключение хочется сказать, что клуб нужен срочно, сразу и весь, и не столько авторам сего письма, сколько тем, кто сейчас в „яме". А в случае положительного решения гарантируем помощь любого рода».

И восемь подписей под письмом: фамилия, возраст, член ВЛКСМ. Подпись Сергея стояла второй.

Письмо, копия которого лежала передо мной, занимало три страницы машинописного текста. В нем все было важным. Все, вплоть до мелочей. И непривычная для письма в официальную организацию смесь «презумпции невиновности» с «тусовкой», и ссылка на «грамотно поставленную идеологическую работу» (знают, куда пишут!).

Но самым-то важным было другое! Кто это пишет? Сергей и его друзья — металлисты. Все-таки стучатся, царапаются в стекло!..

— Печать информирована, — сказал я тогда, прочитав письмо. — Наша помощь нужна?

— Нет, что вы! — энергично отказался Сергей. — Это уж мы сами!

В течение нескольких дней я боролся с желанием звонить первому секретарю райкома комсомола и спросить: «Ну что, вы услышали ребят?» Но понимал, что делать этого не следует —

и не только потому, что письмо нам передали лишь для информации. Не один же такой сегодня Сергей! И не только металлисты — группировка, так сказать, несколько экзотическая — стучат и барабанят в стекла своей основной, официальной молодежной организации! Пробивают подвалы для театральных студий и площадку для уличных выставок, пытаются оборудовать так, как хотят, кафе и организуют свои собственные слеты песен. Требуют, просят, умоляют. Но возникают ли лица за стеклом? смотрят ли оттуда? Или — вновь, как было вчера, испуганно занавешивают окна?..

Вчера, вчера... Ох это «вчера».

Футбольное фанатство было в самом разгаре. За ночь стены домов, заборы, трансформаторные будки, стекла автобусов покрывались буквами, ромбами, угрожающими надписями в адрес соперников. По улицам маршировали толпы подростков в одинаковых шарфах и шапках, заставляя прохожих шарахаться к стенам домов и с надеждой всматриваться в сумерки: где же милиция? То и дело доносились отголоски драк фанатов различных клубов. Болельщики со стажем переставали ходить на стадионы, боясь неистовых юношей, заполнявших трибуны.

Так все это выглядело со стороны — пугающе и жестоко.

Но мало кто знал тогда, что делалось внутри всей этой неистовой подростковой кучи.

По городу носился Рифат, тогда еще девятнадцатилетний, признанный и популярный лидер спартаковских фанатов, от тренеров — к руководителям стадионов, от руководителей стадионов — в милицию, из милиции — снова к своим. Взрослым, ответственным за дело людям он выпаливал предложение за предложением: мы оградим матчи от хулиганов, мы изолируем всю пьянь, мы организуем ребят вокруг футбола. Мы, мы...

Иногда, правда, Рифату и ребятам из его окружения удавалось убедить взрослых: в виде эксперимента, раз или два, им самим поручалось отвечать за порядок на стадионе, но эксперимент быстро прекращался — без их самодеятельности как-то спокойнее, привычнее.

Уже недавно он сказал, что в то время было написано около

тысячи (тысячи!) писем в различные организации с просьбой, требованием создать клубы юных болельщиков. Ни на одно письмо так и не пришел ответ. И неизвестно, были ли они прочитаны.

Сейчас я думаю, чем же именно завоевал себе популярность Рифат — популярность, доходящую до легенд, которые ходили среди множества ребят. Он давал надежду. Ничего, ребята, мы создадим клуб, нас поймут, мы будем жить... А как привлекательны и сладостны надежды — не только в юности, но в юности особенно.

Читая в то время заметки некоторых коллег, я поражался их ироническим разоблачениям: эх, мол, вы фанаты, а правого защитника путаете с левым нападающим и даже не поинтересуетесь, какое место в турнирной таблице занимал «Спартак» в 1951 году. Эх, думал я, наставники! Да это при чем здесь? В своем фанатизме ребята находили ту каплю дрожжей, которых им недоставало! Им нужно ощущение единства, поклонение символам, нахождение «противников», им нужна какая-то вера, наконец.

Пусть эта вера достаточно примитивная и для нас дурацкая, что ли. Но, с другой стороны...

Все больше думаю, что не случайно неожиданное появление разнообразных подростковых группировок — от нацистов до пафицистов — пришлось именно на конец семидесятых. Сейчас нам легко, оглядываясь назад, анализировать ошибки и выводить причины тех или иных негативных явлений, затормозивших движение общества.

Но мы-то люди были все-таки уже закаленные: у каждого был свой опыт, у каждого — свое отношение к истории. Но как же тяжело приходилось тем, кого опыт еще не закалил и кто был свидетелем лишь одной истории — той, что перед глазами?

Они тыкались, как слепые щенята, в поисках чего-то истинного, настоящего, естественного — и везде натыкались на плотно закрытые двери и усталые, испуганные глаза взрослых.

Проснувшуюся молодежь восприняли тогда в штыки. Когда ребята, зевая, отсиживали на комсомольских собраниях, когда

под строгим надзором старших строились в колонны для участия в очередных манифестациях, когда под нашу диктовку выпаливали с трибун немыслимые почины, то все вроде были довольны. Жизнь молодежи соответствовала, так сказать, жизни старших...

Я помню поздний зимний вечер. Рифат приехал ко мне домой, на окраину Москвы. Он был печален — все надежды рушились, и первые, кто это почувствовал, были ребята, которые до этого ему безоговорочно верили.

— Теперь авторитетнее «левые», — сказал он.

— В каком смысле? — не понял я.

— «Левыми» мы называем тех, кто на выезды с командой ездит без билетов... С портвейном, и вообще... — и, помолчав, попросил:

— Сведи меня с какими-нибудь руководителями комсомола. Я им объясню... Без помощи фанатство превратится в обыкновенное хулиганство. Просто орать и драться все-таки легче...

Я попытался помочь — не получилось. Тогда не получилось.

Неужели, думал я, те уроки не пошли впрок? Неужели ничего не изменилось? Куда же они тогда уйдут?

4.

Не звонил он долго, месяц, а может, и больше.

Иногда я ставил ту зимнюю кассету и еще раз вслушивался в голос Сергея.

— А сам ты честен? — спросил я.

— Может, я мало требований предъявляю к себе... Я сейчас работаю лаборантом в институте. Мне противно работать.

— Почему?

— У нас все суетятся вокруг «списания оборудования». Списывают, списывают... Говорят о перестройке, а ничего не меняется. Тот делает тому, этот — этому. Все идет по кругу. Хотел пойти на завод. Но приятель сказал мне: 15 дней ходишь, ничего не делаешь, куришь, играешь в домино, а две недели работаешь весь в мыле. И еще, там вот такая система: молодой

парень заработал в месяц 260 рублей, а получает 200. Остальные деньги идут тому, кто больше дружит с мастером.

— Сергей, но ты же сам видишь, что сейчас со всеми этими явлениями идет борьба, да еще какая.

— Просто объявить борьбу нельзя. Нужны новые люди.

— Скажи, но какое отношение имеет к твоим довольно здравым мыслям музыка тяжелого рока? Считаешь ли ты себя выразителем идеологии металлистов?

— Сейчас я уже не типичный металлист, а со странностями. Видите, я же пришел к вам...

— Легче или труднее было бы тебе жить, если бы ты не принадлежал к металлистам?

— В житейском плане, конечно, легче — я имею нездоровые отношения с милицией. Но не знаю, как бы я жил, если бы не принадлежал к металлистам.

— Но ты состоишь в официальной молодежной организации. Зачем тебе еще одна?

— Да, я комсомолец, но, надеюсь, вы задавали мне этот вопрос в шутку?

— Тебя не устраивает пребывание в комсомоле?

— Теоретически я поддерживаю ВЛКСМ. Как идею. Но во что это превратилось, вы сами знаете. У нас сейчас столько комсомольцев, что больше уважения вызывает тот, кто не стал вступать в комсомол. Те, кто особенно бьет себя в грудь и кричит: «Я — комсомолец», — на самом-то деле бьются за хорошую характеристику.

— Но ты сам смог бы изменить жизнь официальной молодежной организации?

— Не знаю... Не думал об этом. Боюсь, что очень мало могу сделать для этого.

— Почему?

— Недавно я пришел к такому выводу: у нас очень трудно оставаться честным человеком.

— Объясни, почему?

— Я не хочу говорить об этом...

Что он не договорил тогда? О чем хотел сказать?..

Но больше того! Кому он нужен, этот нетипичный металлист? В какую сводку можно вставить такого парня, сомневающегося и пытающегося найти истину, не верящего в то, что официальная молодежная организация может помочь ему, и через полгода идущего с просьбой в районный комитет комсомола? Куда, в какую сводку, в какие отчеты «о проделанной работе»?

Мечтаю о том времени, когда комитеты комсомола будут избавлены от отчетности — сюда «воспитание военно-патриотическое», а туда — «идейно-нравственное»! Жизнь школы можно понять, попав туда на перемену: как относятся ребята друг к другу, здороваются ли с незнакомыми, радостно в школе или тускло, как в казарме, точно так же работу комитета комсомола нужно оценивать не в кабинете первого секретаря, листая фолианты с отметками «намечено — выполнено», а на танцплощадке, в общежитии, на вечерней улице, в очереди возле винного магазина.

Сегодня мы много говорим о духовном мире человека, но создавать-то этот мир куда труднее, чем «построить», «освоить», «дать на-гора» или «ввести в эксплуатацию». Долгое время почему-то считалось, что одно от другого не зависит. Горит план — это понятно, а горит человек — это из области эмоций, которые ни в какой план не втиснешь. Наконец, стало ясно: не потому ли рушится только что возведенный дом, что человек, который строил его, духовно опустошен?

Но для наполнения жизни мало приучить человека пользоваться всем духовным запасом, накопленным за всю историю. Еще бы одно — добавить осознанное место в социальной жизни. Не в декларациях и призывных плакатах — в реальной практике. Долгое время мы сами себя уговаривали, что здесь-то у нас все в порядке. Оказалось — обман. И первыми почувствовали это подростки, молодежь.

И — начали искать себе место. Там, где умели, так, как могли...

Варианты, предложенные нами, молодежи могут показаться интересными. А если нет? Ведь кое-что изменилось

со времен нашей юности. Пусть уж теперь они сами пробуют. Посмотрим, что получится. Ведь это же не только общение — это своего рода и социальные игры. А как раз отсутствие навыков в таких играх в юности приводит к тому, что человек и в зрелом возрасте считает себя свободным от обязательств по устройству общества: и без него разберутся, примут постановление, пришлют инструкции, дадут руководящие указания.

Так постепенно и складывалась ситуация, при которой социальная индифферентность: на выборах проголосуем, на собрании поднимем руку «за», цитаты вызубрим, на призывы ответим — становилась мерилом социальной активности.

Так жили и удивлялись, что же это не выполняются постановления, бессильными оказываются инструкции и не доходят руководящие указания?!

Так и воспитывали.

Хватит!

Сергей позвонил примерно через месяц:

— Порядок... — услышал я его радостный голос. — Встречался с человеком из райкома... Обещал помочь, сказал, что найдут подвал... Надо все обговорить, но нас поняли...

Голос Сергея был уверенным, бодрым — и я обрадовался: вот как все-таки изменилось время! Как долго такой же реакции, хотя бы ответа, добивался Рифат, а тут не только ответ, но и обещание помощи, но и надежда на будущее. Пробились все-таки сквозь стекло или стекла уже не стало? Увидели, выслушали, поверили?

Следующий звонок раздался примерно через две недели.

— Ну? — спросил я. — Когда позовешь в гости в ваш подвал?

Сергей вздохнул:

— Никогда... Я был в райкоме... Мне сказали, что с подвалом будут решать, когда я представлю программу и план работы. Я не знаю, как это делать.

— Но вас же много, Сергей! — попытался я ободрить его. — Ну, посидите, подумайте... Приходите к нам, в редакцию. Придумаем вместе...

— Да что придумывать-то? — Сергей усмехнулся, — сегодня

металл, завтра — металл, послезавтра — металл... три пункта уже есть. Четвертого не хватает, пятого и так далее. Не получается. Пока...

И он повесил трубку.

Нужно было бы облегченно вздохнуть: то-то же! не оправдали надежд, дали шанс — и тем не сумели воспользоваться. Но радоваться-то нечему. Значит, не научили как можно. Или не тому, чему надо, — составлять планы. Возможно, и потому, что сами еще учимся жить по-новому.

***

Четверг. Телефонный звонок.

— Алло, слушаю вас!..

— Меня зовут Александр. Мне 16 лет.

— Слушаю, Саша.

— Мне нравится, что нами интересуются. Мне хочется с вами встретиться. И не только мне.

— Давай.

— Только, чтобы это была нейтральная земля.

— Нейтральная? Обязательно?

— Можно будет увидеться в каком-нибудь кафе.

— В кафе? Саша, если буду встречаться в кафе со всеми ребятами, кто хочет встретиться, то мне придется просто не выходить из-за столика.

— Я могу приехать и к вам в гости, но чтобы не было рядом много людей.

— Что за конспирация, Саша?

— Очень просто. Впрочем, сейчас я не могу пока об этом говорить. Но думаю, что и нам, и вам будет интересно. Вы ведь серьезно решили узнать все о нас?

— Серьезно. И если можно, все-таки приходи в редакцию. Иначе я просто не успею увидеться со всеми, с кем хочется увидеться.

— Я сегодня освобожусь только после девяти вечера.

— Тогда давай до следующего четверга.

Саша позвонит через полчаса и еще через час придет к нам

в редакцию. Он принесет с собой гитару. Зачем? — спрошу я. Он ответит, что ему легче спеть «программу» своей команды, чем пересказать ее. Войдут мои коллеги. Мы просидим в редакции допоздна. Он будет спрашивать нас, а мы его. И его вопросы к нам будут так же интересны, как и его ответы на наши вопросы. И кто-то, уже не помню сейчас, из моих коллег скажет: «Вот так надо чаще говорить».

Потом, уже совсем поздно, я зайду в гости к своему другу и расскажу ему об этой встрече в редакции.

Тот день был трудным, и к вечеру ощущения и воспоминания дня будут переплетаться между собой. «Так кто же он, из каких? Объясни толком?!» — будет теребить меня мой друг. И я никак не смогу найти точную формулировку. Буду только повторять, что очень интересный шестнадцатилетний человек, задающий вопросы и смело отвечающий на них. Много читает и много хочет узнать. Имеет много друзей, а хочет иметь их еще больше. Ему хочется тайны и подвига. И чтобы поняли. «Так кто же он?» — снова спросит меня мой друг. И я в конце концов вспомню, что в песне, которую он спел, было сказано, как едет человек на коне, мелькают перед ним города и деревья, и он едет и мечтает, что кто-нибудь крикнет: «На помощь!» И он услышит, и окажется рядом, и бросится на помощь.

И все же, есть ли будущее у этих команд? Что же нас ждет завтра? Меня часто спрашивают об этом, и хотя прогнозы в социальной области давать рискованно, все же рискну.

Если через десять лет (хотелось бы, правда, раньше) молодежь будет решать существенные вопросы экономики, культуры, социальной жизни, будет ощущать и использовать свою реальную силу, то тогда молодежное движение обретет естественные формы развития (да уже сейчас заметно, насколько изменились «команды», как ищут они положительные выходы своей энергии — то в охрану природы, то в защиту памятников истории и культуры). Но если этого не случится, то убежден: нам гарантированы серьезные потрясения. Сегодня можно говорить о двух тенденциях молодежного движения, которые

в первую очередь достойны внимания. Одна — это объединение в неформальные группы, другая, по исследованиям юристов, связана с организованной преступностью. Пока они существуют параллельно, и сами по себе «металлисты», «брейкеры» или «рокеры» не являются криминальными группами. Но если эти две тенденции вдруг сольются, не исключены неприятности. Однако, надеюсь, этого не произойдет. Сегодняшняя гарантия — это демократизация общества, которую молодежь принимает и поддерживает в первую очередь.

Ситуация шестая

На качелях

Что же происходит-то с нами? Свое видим, чужое не замечаем. Горло готовы перегрызть за обиду, нанесенную собственному ребенку, обиды чужих детей пропускаем мимо своего сердца.

Осматриваю двор, в котором началась эта история, стараясь запомнить все и представить, что же тогда было перед глазами у ребят. Беседка. Стол доминошников. Узорная решетка детского сада. Гаражи, вплотную примыкающие к пятиэтажкам. Один, второй, третий, пятый, одиннадцатый... — сбиваюсь со счета. Лужа возле асфальтовой дорожки. В ней — смятая пачка сигарет «Наша марка» и кукла без головы и рук. Наконец, качели. Те самые.

Думал, заскочу сюда, в западный поселок Таганрога, на Большую Бульварную, на 5 минут, окину еще раз взглядом место события — и назад. Что рассматривать-то? Дома как дома, гаражи как гаражи, качели как качели. Но вот уже почти час, подняв повыше воротник куртки, брожу между домами, чувствуя на себе взгляды из окон. Меряю шагами двор, вспоминая, что рассказывал пятнадцатилетний Андрей («Бежали от угла соседнего дома, камень ударился здесь, возле качелей»), что было написано в уголовном деле («Свидетель Л. смотрел

из окна третьего этажа, свидетельница Н. наблюдала с подоконника второго...»), — и чувствую: еще секунда, еще мгновение, еще шаг — и все пойму, все увижу, все станет объяснимым и ясным, как простая арифметическая формула.

Да неужели все так просто? Неужели и правда обыкновенная арифметика?

События на Большой Бульварной начались с путаницы: четырнадцатилетнего Андрея приняли за десятилетнего Сашу.

На закате теплого субботнего дня шестиклассница Лена прибежала в слезах домой и рассказала маме, что ее согнал с качелей четвероклассник Саша. Мама Лены, Вера Егоровна Бенина, воспитывала дочь одна и всегда болезненно воспринимала все ее неприятности, даже такого, не бог весть какого масштаба. И она, как была, в халате, сбежала по лестнице, выскочила из подъезда и увидела, как мимо качелей бегут трое мальчишек. Схватив первое, что попалось под руку — а под руку попался камень, — Вера Егоровна швырнула его в ребят. Камень угодил в ногу мальчишке, и тот остановился. «Ты за что избил мою дочь?!» — закричала Вера Егоровна и, подбежав, схватила мальчишку за плечи и начала трясти его, как какую-нибудь грушу. «Да это не он, мама!» — запрыгала вокруг нее Лена. Но Вера Егоровна или не слышала слов дочери, или в этот момент все обидчики девочки представлялись ей на одно лицо.

Мальчиком, которого «перепутали», оказался Андрей Макшаков. И хотя ростом он был невысок, сложением хрупок, а лицом — совсем ребенок (это, видимо, и ввело в заблуждение Веру Егоровну), ему уже шел пятнадцатый год, он закончил 8 классов и учился в техникуме. Не думаю, что таким уже сильным был бросок Веры Егоровны или велик камень, который попал в ногу Андрею. Дело не в этом! Окажись на его месте парнишка помладше, завопил бы он: «Мама!» — вырвался из рук тетки и убежал, забыв обо всем через минуту. Но Андрей уже был не в том возрасте, когда подзатыльник считают мелкой неприятностью. Кажется, что за разница в четыре года? Но это у нас, когда чем старше, тем больше у тебя обнаруживается ровесников. От 9 же до 14 — пропасть: там — детство, здесь —

отрочество. Объемнее делается мир вокруг, острее его восприятие, болезненнее любое проявление несправедливости.

Вот почему, когда Андрей (а он и два его приятеля, Толя и Сережа, оказались в этом дворе совершенно случайно: бежали откуда-то куда-то), — да, когда попал он в такую заваруху, то не завопил, как маленький, но и не сказал спокойно, как взрослый и ко всему привыкший: «Гражданочка, уберите руки, вы меня с кем-то спутали». Он начал вырываться и заговорил горячо, громко, с обидой: «Не трогал я вашу дочь!» А потом крикнул: «Что ты ко мне пристала?!» Он, подросток, ей, взрослой женщине, крикнул «ты».

Повторяю, была суббота, стоял теплый вечер южной осени. И потому свидетелей этой сцены оказалось много. Само по себе нападение Веры Егоровны на ребят, ей незнакомых, явно из чужих домов, не было особенным событием, наоборот — привычным. Кто же, как не матери, вылетают во двор на защиту обиженных детей! И потому свидетели смотрели равнодушно. Встрепенулись, когда из уст сопляка подростка услышали «ты», брошенное в лицо взрослому.

Мужчины мигом высыпали из беседки, и самый представительный из них и на вид солидный, Владимир Трофимович Опошнян схватил Андрея за ухо: «Ты чего хамишь! Она тебе в матери годится!» — крутил он «по-отцовски» ухо Андрею. Андрей вырывался и говорил сердито, зло, что он никого не бил. Кругом закричали, что хулиганы вообще надоели, надо звать милицию. Кто-то толкнул Сергея, кто-то слегка ударил ногой пониже спины Толю. Андрей вдруг крикнул, указывая на Владимира Трофимовича: «Вы же пьяный! Вас самого надо в милицию!» Какой-то мужчина тут же вытащил из кармана удостоверение дружинника: «Вот сейчас и пойдем в милицию!» Но другие, наоборот, слова про милицию пропустили, зато возмутились другим. И загудели в ответ: «А ты ему не наливал!»

Андрей действительно не «наливал» ни Владимиру Трофимовичу, ни его товарищам по борьбе с «хулиганствующими» подростками. Как потом выяснилось, наливали другие. В этот

день в доме 10/3 (двери подъездов прямо к качелям) играли свадьбу, Владимир Трофимович, как владелец единственной во дворе новенькой «Волги», организовывал свадебный кортеж, ну а потом ему налили. По-соседски.

Мальчишки стояли, окруженные толпой взрослых, можно сказать, с «матерями» и «отцами». Правда, с чужими. Между взрослыми вертелась шестиклассница Лена, дергая за рукав то одного, то второго, доказывая с детской жаждой справедливости, что ее согнал не этот мальчик. Андрей что-то пытался еще объяснить, может быть, слишком нервно и громко.

И тогда Владимир Трофимович наотмашь ударил его по лицу. Сильно, так, что из носа потекла кровь.

Так в этой истории пролились первые капли крови…

Ребята вырвались наконец и побежали из этого чужого двора на улицу.

…Уже впоследствии, листая уголовное дело, я пытался найти в показаниях свидетелей — а их вон сколько было! — хотя бы одно слово в защиту Андрея и его товарищей. Кто-то ведь должен был сказать, уже одумавшись: «Да стоило ли так, товарищи!», спросить у самих себя, с чего начался сыр-бор? Представить наконец, себя, взрослого, в ситуации так называемой напраслины?

Нет. «Вели себя вызывающе…», «грубили…», «огрызались…», «оскорбляли…» Даже те свидетели, кто за всем происшедшим наблюдал издалека или «свысока», с третьего, пятого этажа, и то оказались единодушными, распределяя роли. Подросткам — хулиганов. Взрослым, понятно, — если уж не потерпевших, не жертв, так защитников от «хулиганья». Слишком знакомая ситуация.

И как часто житейский опыт, постепенно становящийся монолитом, мешает нам принять иной расклад событий…

Итак, куда же направился Андрей с двумя своими товарищами, потерпев сокрушительное поражение у качелей в чужом дворе? Думаю, будь они в самом деле десятилетними, побежали бы к мамам, подняли бы их в атаку от кухонь

и телевизоров. Или обиделись бы до слез, но забыли бы обиды с новыми впечатлениями утра.

В 14 лет проклевывается еще одно чувство куда более высокое, чем обида, — чувство собственного, человеческого, гражданского достоинства. Не у каждого, конечно, в этом возрасте (в понятие «социальный инфантилизм» входит, наверное, кроме всего прочего, и неуважение к себе как к личности, гражданину), но у многих, у большинства, я уверен.

Андрей и его товарищи это чувство в себе уже услышали, ощутили его горькую сладость и будто поняли, что зарастет обида, заживет разбитый нос, но такой шрамище может остаться на сердце надолго.

Вряд ли ребятам было знакомо слово, которым щеголяют юристы; «правосудие», но то, что они были уверены, что уже обладают правом на защиту своего достоинства, — в этом можно не сомневаться. Они пошли искать защиты в милицию.

Перешли широкую улицу. Там в двух шагах от их домов находился пункт охраны общественного порядка. Дернули дверь — закрыто. Постучались — никто не отозвался. Заглянули в окна — темно и тихо.

Кто-то из ребят вспомнил, что рядом находится медвытрезвитель — тоже, кажется, «милиция». Нашли, где это. Открыли дверь. Увидели человека в милицейской форме с повязкой на рукаве: «Дежурный». Кажется, то, что надо.

Потом, когда уже все случится, он вспомнит: да, примерно в 18.00 пришли подростки и один из них спросил: «Меня побил дяденька. Куда нам обратиться?» Дежурный объяснил, что здесь почти медицинское учреждение, на его попечении много разного народа, который в силу особенностей состояния нельзя оставить без присмотра. И — позвонил в отделение. Там сказали, или, как он говорит сегодня, послышалось, что сказали: посылай ребят к нам. Он и послал.

Первое отделение милиции находилось уже не возле их домов, а куда дальше, в нескольких остановках на автобусе. Дождались автобуса. Проехали. Нашли вывеску, уже светящуюся огнями: на город опустились сумерки.

По отделению дежурил в тот вечер капитан милиции. И он тоже хорошо запомнил этот визит: «Один парнишка — у него рубашка была в крови — сказал, что его избил дяденька». Спросил, знает ли он этого «дяденьку». Парень ответил, что знает только двор. Капитан сказал ребятам, чтобы они сходили за родителями и вместе с ними пришли в отделение.

Позже на вопрос, почему он даже не записал фамилии ребят, не зарегистрировал происшествие, капитан объяснит, что ребята ему показались «еще маленькими, лет по 12». Потому и отослал их: подумаешь, взрослый «поучил парнишку», врезал разок… Андрей потом вспомнит, что дежурный сказал им на прощание: «А что же вы этого „дяденьку“ с собой не привели?» Это была, видимо, не самая удачная шутка капитана милиции.

Они снова оказались на улице. Автобуса ждать не стали — пошли пешком. Завернули за угол и увидели Сашу Проказина. Он стоял, облокотившись о подмостки сцены или эстрады, какие бывают в парках, будто давно ждал товарищей…

Я шел их маршрутом. Вот так же обогнул дом и увидел на пустыре между пятиэтажками эту сценическую площадку, оставшуюся здесь, видимо, от каких-то давних праздников, митингов, когда не было вокруг сплошной жилой застройки. Теперь дома окружали ее плотным кольцом и смотрели на нее своими окнами, будто молча ждали начала следующего спектакля…

Дождь пошел сильнее. Ветер был противный, зимний, и сцена, иссеченная нескончаемым дождем, показалась мне в этом дворе чем-то фантастическим, нереальным, нарочно придуманным. Как и вся эта история — хотелось добавить мне. Но мы уже почти подходим к ее финалу.

Ребята сразу и в лицах рассказали Саше про те полтора часа жизни, что они не виделись. Разговаривая, поднялись по лесенке на сцену (просто так), бродили по ней, стояли все вместе, о чем-то споря, будто и вправду играли пьесу перед окнами домов. И Саша Проказин сказал решительные слова: что именно надо делать. Делать прямо сейчас…

Но еще больше, чем об этой символической сцене, я думаю сейчас о другом: почему именно Саша, а не кто иной, попался им в ту минуту на дороге? Ведь ребята могли пройти мимо десятью минутами раньше, а Саша мог выйти из дома на полчаса позже… Почему случай играет такую роль в жизни?

Впрочем, Саша оказался именно там, где и должен быть. Такая выпала ему роль в мальчишеской компании. В свои 14 лет он успел удивительно многое: завоевал разные спортивные призы — от футбола до стрельбы из электронного пистолета, закончил школу бального танца, имел удостоверение юного водителя, поступил, как и Андрей, в техникум, был душой и заводилой в подростковом клубе «Мечта» (вход в подвал, где клуб, прямо напротив тех качелей).

Но к Саше ребят притягивало и другое: он всегда знает, что делать, всегда защищает слабого, не выносит несправедливости. Это качество его характера — да нет, какое там качество, — состояние души подчеркнули все, с кем пришлось мне беседовать.

Мы грубо ошибаемся, полагая, что лидером среди подростков всегда становится самый сильный, жестокий, или самый недобрый. Эта ленивая мысль держит нас в шорах. Раз подростки — значит, «трудные». Не хотим вспомнить себя. Не даем себе труда подумать, что большинство-то ребят обыкновенные, хорошие, нормальные, никакого криминала за душой! Порядочность, обостренное чувство справедливости, правды — вот те «проходные баллы», что выдвигают среди них лидера.

Потому-то думаю — пусть даже так распорядился случай, — Саша Проказин оказался там, где ему положено было оказаться в силу душевного своего назначения.

Саша сказал Андрею: «Этот человек должен извиниться перед тобой».

Жизнь может круто изменить профессию, о которой мечтал в детстве, заставить забыть, чему учился, насмешливо отвернуться от прежних увлечений. Но чувство справедливости — самое невычисляемое и самое дефицитное, — если оно сильно проявляется в детстве и юности, остается с человеком

на всю жизнь нелегким и высоким грузом за плечами. Я знаю таких людей: уже взрослые — иные уже поседевшие — вдруг скажут вольное детское слово в разгар осторожной беседы и поставят все на свои места или удивят в суете освещающим жестким поступком.

Такие «детские» люди всегда берут все на себя, как громоотводы.

Шел восьмой час вечера, когда Саша появился с ребятами в том дворе. Из окон дома № 10/3 слышны были музыка и крики «Горько!». Свадьба, начавшаяся утром, еще катилась. Ребята стояли и осматривались, у кого спросить. Увидели человека, нетвердо идущего по двору, «дядю Тураева», как позже выяснилось. «Он меня ногой саданул», — сказал Толя. Саша подошел к человеку: «За что вы этих ребят били?» «Дядя» оглядел компанию мутными глазами, увидел кровь на рубашке Андрея и сказал: «Не, этого я не трогал, того, — указал он на Толю, — было дело. А этого Володька Опошнян избил». И показал на подъезд дома.

Ребята вошли в подъезд, позвонили наугад в шестую квартиру. Дорошенко, сосед Опошняна по подъезду, вспомнит потом: да, действительно звонили. Открыла жена. Увидела ребят, ответила на всякий случай, что не знает, где живет Опошнян.

Поднялись еще на этаж, нажали кнопку десятой квартиры. Из-за двери спросили: «Чего нужно?» — «Здесь живет дядя Вова?» За дверью помолчали немного, потом ответили: «Нету таких! Идите отсюда!»

Спустились вниз, на улицу. Встали возле подъезда. Спросили у женщин на скамейке, где можно найти «дядю Вову». Женщины поинтересовались — зачем. Объяснили: надо, чтобы он извинился. Женщины поохали, но квартиру не назвали. В это время подошла Л.М. Душаткина, руководитель клуба «Мечта», в совет которого входил Саша Проказин. Остановилась, потому что в толпе ребят заметила и своего сына. Они наперебой начали рассказывать ей, как и за что избили Андрея. Она посоветовала не горячиться, отложить разбирательство до

утра. Ей показалось: ребята прислушались к ее доводам. Пошла дальше, но что-то — может, это и было предчувствие — остановило ее. Вернулась к подъезду. Там уже никого не нашла.

Ах, если бы поверила она своему предчувствию! Если бы нашелся хоть один взрослый — а вот сколько их было: кто встречал их в дверях своих квартир, кто провожал глазами на ступеньках лестницы, кто смотрел из окон домов, когда они что-то горячо обсуждали, — если бы хоть один-единственный догадался вместе с ребятами разобраться, что у них случилось, кто виноват, чем им помочь! Но никто, никто... Понимаете, никто?!

Ребята дошли до пятого этажа, позвонили. Открыла Вера Егоровна Зенина, та самая. «Уходите по-хорошему, а то сейчас милицию вызову!» — крикнула она. «Вызовите, пожалуйста,— сказал Саша, — мы и хотим разобраться...»

Но Вера Егоровна хлопнула дверью и уже из-за двери крикнула: «Идите в десятую квартиру, там и разбирайтесь».

Итак, у дверей десятой квартиры оказалось трое ребят: Андрей, Саша и Володя Ершов. Остальным Саша велел спуститься вниз, чтобы не шумели тут, не базарили. Андрей нажал кнопку звонка.

Вот и подошли мы к последнему мгновению этой истории.

Неделю заняла у меня эта командировка. До меня — тоже неделю — находился в Таганроге эксперт «Литгазеты», опытный и авторитетный юрист Иван Матвеевич Минаев.

Вот сколько времени понадобилось, чтобы исследовать ход события, которое заняло всего ничего — часа 2 от начала до конца. Но чем внимательнее прослеживали мы их маршрут — как они метались от одного взрослого к другому, — тем больше убеждались: а ведь похоже! Так бывает и у нас, взрослых, когда незаслуженная обида гонит на поиски справедливости, и мы стоим у закрытых дверей или ищем сочувствия в равнодушных глазах, и даже цель у нас та же: «Пусть хоть извинится...» Похоже, очень похоже! Только у ребят все происходит быстрее, скоротечнее, иногда — со стремительностью пламени бикфордова шнура. Все, как у нас, взрослых. Только ярче, открытее.

Площадь
КРАСНАЯ

Да, конечно, узнаваемо. Только у них чаще трагичнее финал. Оттого, наверное, что слишком стремительно, и оттого, что ярче. И оттого, наконец, что они куда беззащитнее, чем мы.

Итак, Андрей, нажал кнопку звонка. Зазвенели цепочки, загремели запоры. Дверь открыла женщина. «Можно позвать вашего мужа?» — спросил Андрей. «Ну, входите», — сказала женщина и закрыла за ними дверь на цепочку.

И через минуту раздался выстрел.

Распахнулась дверь, и выбежал Андрей. Он был в носках, без туфель.

— Сашу убили, — прошептал Андрей. И тут же раздался второй выстрел.

Андрей опустился на ступеньку, заплакал, и у него носом пошла кровь.

При первом, через несколько часов, допросе Опошнян Владимир Трофимович, 1924 года рождения, уроженец села Опошня Полтавской области, показал:

«...Через полтора-два часа (после конфликта во дворе. — *Ю.Щ.*) я собрался идти в гараж. В коридоре на лестнице встретилась эта Вера Зенина с дочерью и говорит, чтобы я не ходил, так как у дома целая шайка. Я повернул домой... Потом в дверь позвонили и спросили меня. Жена сказала, что такой не проживает. Затем снова позвонили. Я сказал жене, чтобы она их впустила, а я загоню их в туалет или на балкон и вызову милицию. Зная о том, что они наверняка пришли не с пустыми руками, то есть с оружием, я взял ружье и приказал жене открыть дверь. Вошли трое. Я приказал им идти на балкон. Они не идут, тогда я приказал идти в ванную: там, думаю, они ничего не выкинут, если у них есть оружие. Они нагло идут на меня...»

Все сказанное было ложью.

Ребята вошли в квартиру, дверь за их спиной заперли. Они сняли обувь, как принято здесь, в носках вошли в большую комнату («залу» — скажет Андрей) и увидели направленную на них бельгийскую двустволку.

«Ну что, достукались?!» — зловеще спросила жена хозяина. Саша Проказин развел руками (была у него такая привычка

в любом разговоре), но успел только сказать: «Давайте разберемся...» И тут хозяин выстрелил. Саша как-то странно улыбнулся и упал. Смерть его наступила мгновенно...

«Я выстрелил в потолок, — показал далее Опошнян, — чтобы напугать их. Но двое, большой и самый маленький, бросились на меня. Большой толкнул меня на диван, и в это время я каким-то образом выстрелил, ни в кого не целясь, и попал в того, что в куртке. Тот упал, а большой стал душить меня на диване...»

Вопрос следователя. Каким по счету выстрелом вы убили Проказина?

Ответ. Первый выстрел я произвел в потолок, а второй во время схватки, когда они на меня накинулись. Я в Проказина не целился...

И это была ложь. Саша был убит первым выстрелом, в упор. Затем Опошнян торопливо вынул из ствола стреляную гильзу и зарядил новую. Как на охоте. В потолок пришелся второй выстрел, и лишь потому, что Володя Ершов успел схватить за ствол ружье и повернуть его вверх.

Впоследствии Опошнян будет утверждать, что курок опустился, так сказать, самопроизвольно. Но и это будет ложью. Эксперты определят, с курком было все в порядке.

Но не для того, чтобы отделить ложь от правды, вчитывался я в уголовное дело. А для того, чтобы разобраться: да почему же Владимир Трофимович вообще стал убийцей? В собственной квартире, устланной коврами и уставленной полированной мебелью (не то что пуля попадет — оцарапать жалко)? В присутствии жены и внучки? В ребят стрелял, которых все принимали за 10-12-летних? Ну если испугался, то не открывал бы, крикнул бы в окно, обзвонил бы милицию? Что же так, специально, что же засаду-то устраивать, что же расстреливать-то?

Читаю его автобиографию в уголовном деле. Все обычно: жил, работал шофером. По характеристике с последнего места работы — автобазы филиала рыбзавода, — трудился вроде достойно и наставником молодежи был, и председателем

цехкома избирался неоднократно, и на Доску почета заносился. В пьянстве замечен не был, и те, по его словам, 120 граммов, принятые на свадьбе, явились для него скорее исключением, чем правилом. В домино — и то не играл с мужиками. Был хозяйственным, семейным, «домашним».

Правда, десять лет назад был осужден на исправработы: за хищение цемента. И вот еще: слишком уж часто менял автомобили, пока не купил «Волгу». Но есть ли связь между тем мешком цемента и выстрелом, между тем, как жил и обставлял свое «гнездо», и убийством? Не знаю... По бумагам, анкетам, документам не видно...

Что же все-таки заставило его спустить курок?

Когда мы с ним встретились в следственном изоляторе и я впервые увидел его: высокого роста, но не грузный, лицом — несмотря на свои шестьдесят — румяный и моложавый, в движениях и разговоре спокоен, — и тогда я никак не мог ответить себе: что же за феномен-то такой передо мной? И хотя некоторые рассуждения Опошняна меня резанули: следы крови на рубашке Андрея он, допустим, приписывал не своему кулаку, а тому, что они, ребята, наверняка после этого еще «кошку убили (почему кошку?) и специально себя кровью измазали», — но в общем говорил он складно. Сам, например, вспомнил старую газетную статью о владельце дачи, который застрелил мальчишку из-за черешни. Сказал при этом: «Вот какие бывают люди!» Свою историю сравнил со «случайным наездом на улице». Да, конечно, ему жалко, что так произошло, но не специально же он! Ведь, объяснял он мне, если бы хотел убить, то убил бы того, нахального, в клетчатой рубашке, которому еще во дворе врезал по носу. Надо было, считает он сейчас, сделать по-другому: позвать соседей — есть там два здоровых парня, посадить их в ванной в засаду (он так и выразился — в «засаду») и захватить скопом всех, как он сказал, хулиганов. Вместо всякой стрельбы.

И в самом деле, зачем же было такому человеку идти на убийство? Да еще на такое? И даже стало жаль его, когда в конце нашей беседы на глазах его показались слезы: «Вот

ведь получилось... Жил-жил, и такое перед старостью! Выйду оттуда — ведь совсем стариком буду».

И в последний день командировки я все бродил, подняв повыше воротник куртки, между пятиэтажками на Большой Бульварной: беседка, стол для доминошников, узорная решетка детского сада, гаражи, лужа, кукла без головы и рук, качели, те самые. И возле них я, кажется, понял, в чем дело. Понял?! Но неужели «причина» выглядит так просто? Как формула?

Вот что, мне кажется, опустило его палец на курок — ненависть, смешанная со страхом. А это самый взрывчатый сплав в мире. Не лично Сашу Проказина ненавидел В.Т. Опошнян и боялся, он и не знал его, и в глаза не видел раньше... А хотя бы и знал!.. Достоинства детской, юношеской души — даже не потемки, а какие-то черные дыры для человека, что называется, «умудренного опытом». Слишком слабый след от собственной юности остается у него в памяти, да и тот, что остается, не бережет он, а часто и не хочет сберечь. Что Владимиру Трофимовичу было до понятий мальчишки о добре и зле и его собственном участии в вечном их противоборстве?! Точно так же не мог быть его личным врагом Андрей Макшаков, знакомство с которым состоялось на 2 часа раньше. Да больше того! Я выпытывал Владимира Трофимовича: может, когда-нибудь раньше была у него стычка с подростками, напугавшая его и внушившая ненависть к самой этой возрастной группе населения? То есть, может, Саша Проказин расплатился жизнью за поступок каких-то своих ровесников? Да нет. Сколько ни вспоминал Владимир Трофимович, к нему лично никогда не подходили на улице подвыпившие юнцы, не требовали закурить, не смеялись в спину... Да и наблюдать-то подобные сцены ему не приходилось. И самое интересное (будто специально смоделирована ситуация), что район, где проживал Опошнян, — поразительно тихий. Среди множества подростков, населяющих микрорайон, за последние 4 года ни один — повторяю, ни один! — не совершил преступления, а все юные участники этой истории были на редкость благополучные (по воспитательно-юридической оценке) и порядочные (по общей, вневозрастной) ребята.

Кого же он боялся и ненавидел? В кого стрелял?

Может быть, в тот созданный его страхом и ненавистью образ, который в решающую секунду принял вид паренька с удивленно разведенными руками и с незаконченной фразой «Давайте разберемся...»?

Давайте, давайте разберемся! Давайте разбираться!

В последнее время меня до боли пугают та неприязнь, открытое и агрессивное непонимание и даже страх, доходящий до ненависти в отношении подростков, о которых пишут в редакцию некоторые читатели. Я знаю об этом из разговоров и споров в разных аудиториях и даже из некоторых газетных публикаций. Начинают с мелочей: не то поют, не то танцуют, не так одеваются, а кончают принципом: живут вообще не «так» (в подтексте: негодяи; смысл: что-то надо срочно делать...).

Я пишу судебные очерки, и мне приходится нередко изучать не проступки даже, а преступления несовершеннолетних. Я знаю, что такое слепая сила подростковой стаи. Я сидел — глаза в глаза — напротив маленьких убийц, говорил с ними. Видел и слышал в них такую душевную, духовную нищету, такое убожество интересов, такое пренебрежение к другому человеку, что потом долго не мог прийти в себя.

Но я понимал, эти-то подростки — преступники. И среда их развития была аномальна, и поступки, совершенные ими, не укладывались в общественную норму.

Да разве не такое же ощущение оставалось после бесед с такими же «аномальными» взрослыми? Несмотря на их возраст и жизненный опыт, точно так же ошарашивала и их духовная нищета, и их убожество интересов, и их пренебрежение к другому человеку.

Значит, дело-то вовсе не в возрасте. Есть разные подростки, и есть разные взрослые. Но не закидываем же мы камнями самих себя, когда именно на подростков проецируем все наши взрослые проблемы?

Мы как на детских качелях: от неистовой любви к собственному чаду до ненависти к его ровесникам — и обратно. Давайте остановимся и сойдем на землю. Давайте вглядимся в ребят

и увидим, как они правдивы и активны, как хотят докопаться до ответов на главные вопросы жизни, как жаждут уважения к себе и как доверчиво отвечают на малейшее к ним внимание...

Упрекая их всех скопом, и чаще всего незаслуженно, за какие-то мелочи, говоря, что они живут «не так», мы порой забываем одну-единственную малость: они — это мы. Только моложе.

За что отдал жизнь Саша Проказин? Странное словосочетание — «отдал жизнь» — по отношению к случайной жертве случайного преступления. Понятно, предотвратил бы ценой жизни крушение поезда — другое дело. А так?.. Но чем дольше я думаю о трагическом происшествии в Таганроге, тем больше убеждаюсь: да нет, все-таки отдал жизнь.

Перед глазами часто, даже когда не хочется, те подмостки сцены во дворе и паренек, застывший на ней. Минута, другая — и он сойдет по ступенькам и скажет с надеждой и верой: «Давайте разберемся...»

Все знакомо в картине, нарисованной в очерке. Один-два прижатых к стене подростка, и перед ними толпа негодующих, возмущающихся взрослых дядей и тетей. Как часто, еще не разобравшись, мы обнаруживаем свое нетерпение, поспешность в решениях и оценках, неосторожность в выражениях, непреклонность в действиях! Раз подросток — значит, хулиган! Но бывает-то и наоборот. И получается, что какой-нибудь доминошник, еще вчера пытавшийся скрыться при виде приближающихся к нему юнцов, сегодня выставляет себя борцом за общественный порядок и учит беззащитного мальчишку в окружении чуть ли не всего — да еще незнакомого мальчишке — двора.

Вправе ли мы предъявлять к подросткам высокие нравственные требования, если очень часто в обыкновенных житейских ситуациях не умеем обнаружить элементарной мудрости взрослого человека?

В. Новаторов, кандидат педагогических наук, Уфа

Случай, рассказанный в статье, получил соответствующую

оценку суда и общественности. Но вот какой вопрос возникает: а не является ли этот случай исключением, подтверждающим правило. Разве не могли эти (ну, может, и не эти) ребята в порядке мести совершить насилие над взрослым человеком, который, с их точки зрения, чем-то их обидел? Не секрет, что существует подростковая преступность: квартирные и дачные кражи, ограбления и даже убийства. А вот автор статьи признает за несовершеннолетними даже право вести следствие.

Взрослый человек может не всегда оказаться правым по отношению к подростку, но подростки не имеют права на оценку поступка взрослого или на требование от него извинений.

Лет 20-25 назад мы открыто стали внушать малолетним дешевую мысль об их достоинстве. Достоинство человека, ничего (или еще ничего) не сделавшего для общества, стоит дешево.

В. Костылева, Ленинград

Владимир, 16 лет (*Москва*)*:* «Да, в районе, где я живу, есть хулиганы, но зачем же подозревать нас всех в хулиганстве!»

К. Конончук, 13 лет (*Якутск*)*:* «Может, нам вообще не выходить на улицу, не общаться друг с другом!»

Когда я обращаюсь к некоторым взрослым, то слышу ответы, выражающие одну мысль: «Взрослые всегда правы, ты никогда не можешь быть прав в споре с ними».

Я задавал и задаю себе вопрос: почему? Почему я должен смириться с тем, что все старшие могут меня обидеть в зависимости от настроения? Я тоже человек, и у меня есть чувство достоинства.

Где-нибудь на лестничной площадке, в нашем или другом городе, в большом доме, где никому нет друг до друга дела, одиноко стоит мой сверстник, глотает слезы и не может понять, чем он виноват перед какой-нибудь тетей Лизой, у которой развод с мужем, неприятности по работе или маленький сын пришел не в настроении.

Д. Щепин, 15 лет.

Растила сына неуютного и неудобного. Он часто вызывал

нарекания, и не без оснований. Но методы воспитания, к которым прибегали соседи, озлобляли его еще больше и делали еще несноснее. Какие судилища они устраивали, сколько слепой ярости видела я в их глазах! Они требовали возмездия за все, в чем он был и в чем не был виноват. И удивлялись, если я не наказывала его тут же, на месте, у них на глазах (значит, не воспитывала!). У меня даже не было сил выяснять, кто именно напроказничал в том или ином случае. Я извинялась за всех сразу, чтобы не распалять их еще больше.

Долгие годы я жила в постоянном ожидании беды, потому что сын мог непоправимо сорваться в ответ на очередные обвинения. У него и своих-то грехов хватало, а ему приписывали все новые и новые. И каждый раз это делалось истерично, злобно и разнузданно. И ему, маленькому, приходилось одному отбиваться от всей этой дворовой своры, пока я не приходила и не уводила его домой.

Теперь он вырос и будет сам карать слабых, вымещая на них свои прошлые обиды.

И теперь, когда я слышу крики во дворе, я бегу на балкон посмотреть, не нужно ли кого-нибудь спасать от моего сына. Страх перед улицей поселился во мне навсегда.

На моей памяти еще ни разу ни один мужчина не подошел к ребятам во дворе, не поиграл с ними в футбол, не научил их какому-нибудь ремеслу. В лучшем случае подростков не замечают, в худшем — гонят, чтобы не болтались под ногами. Мой сын всю свою жизнь искал себе пример для подражания среди мужчин (главным образом приятелей нашей семьи). Привязывался к ним (это льстило взрослым, но и обязывало), готов был на свои маленькие жертвы. А взрослые потихоньку предавали его. Кому нужен вздорный мальчишка с его утомительным обожанием! Даже в комнату, где собирались его товарищи, никто не рисковал заходить больше, чем на 5 минут.

Наблюдаю и за другими ребятами, которые бывают у нас в доме. Все они варятся в своем соку, науку жизни постигают через собственный жалкий опыт, основанный на догадках, слухах и столкновениях с внешним миром.

Вы понимаете, речь идет не о житейских заботах, а о духовной

власти над ними. И тут общение должно быть на полном серьезе, без обмана, без скидок на возраст, к чему мы, взрослые, как правило, не готовы.

Если вы говорите парнишке: «Я верю в тебя. Ты умный и все можешь. Постарайся, и у тебя получится», — и смотрите на него многозначительно, сложив руки на груди, он понимает, что это прием, что вы ничему не верите, но хотите отделаться дешевыми советами. А вот когда вы смотрите на него с надеждой и в глазах у вас тревога, а в голосе неподдельная боль, и зовете: «Давай поднимемся на эту высоту. Там нас ждут, там нужна наша помощь. Я бы сам пошел, но что я могу сделать один, сам понимаешь, возраст и силы уже не те», — он подставит вам свое плечо, и вы смело можете на него опереться. Но горе вам, если на той высоте вас не ждали и вы никого не спасли, а только измучились на подъеме и увеличили собой толпу зевак, которые просто хотели посмотреть, умеет ли парнишка ходить.

Давайте правда разберемся, как сказал на прощание нам, взрослым, пятнадцатилетний парнишка из Таганрога Саша Проказин.

И. Лебединская, Новосибирск

***

— Я являюсь типичным представителем нетипичной молодежи.

— Что ты имеешь в виду? Не понял?

— Которой чего-то не хватает... Мне не хватает слишком многого.

— Интересно. Чего именно? Кафе? Дискотек? Телевизионных программ до двенадцати ночи?

— Я — из нетипичных.

— Чего же именно не хватает?

— Давайте сначала очертим область, о которой будем говорить.

— Думаю, все-таки область нравственного, душевного, духовного. Или не так?

— Давайте. На мой взгляд, сейчас существует большая нужда в творческих объединениях молодежи. Они и сейчас существуют,

SKI SKI

но не так, как следует. Все эти Дворцы пионеров — они, конечно, хороши. Я даже говорю не о том, что там «клеят самолетики» — тоже дело хорошее. Просто там делается упор на «„выполнение“ воспитательного плана». Если во Дворце пионеров есть телескоп, то тем, кто там занимается, нет фактической возможности наблюдать звезды. Не они смотрят, а им показывают. Вот Луна, вот Юпитер... Если есть киноотдел, то история точно такая же. Это я вам говорю, как человек, выросший во Дворце пионеров. И направления работы во Дворце сжаты узкими рамками. Я пока слышал только об одном примере — свердловская «Каравелла». Слышали?

— Конечно. Саша, мы тоже за «Каравеллы» и т.д. Что еще?

— Для начала я хочу представиться.

— Давай.

— Кончил десятый класс, поступил в институт, 16 лет.

— Куда, если не секрет?

— В МГУ, на физфак... И еще пишу песни, играю на гитаре, пробую писать прозу, но что из этого получится, пока еще сказать трудно. Интересы и вкусы вы даже можете вывести из всего этого. Хорошее дело было КСП, пока не завалилось. Барды нравятся. Визбор, Дольский, Окуджава, безусловно.

— Саша, что хорошего есть в вашем поколении?

— Хорошего? (Пауза.) Я, честно сказать, не чувствую себя вправе говорить о всем «нашем поколении». Это же не однородная группа.

— Ну, допустим, круг твоих знакомых?

— В знакомых? Хорошего? Открытость миру и дружелюбие. Жизнь более или менее укладывается в определенные принципы, которые можно даже формулировать.

— Да, если можно.

— Ну, например, отношение к людям. Предвзято доброжелательное отношение ко всякому человеку, который не является, ну, будем говорить, врагом.

— А кого же вы считаете врагами?

— Есть категория людей, которые стоят на других, чем я, идеологических позициях. Скорее всего, это не враги, а противники.

— Противники — они для тебя из какого поколения? Из твоего или старшего?

— Везде хватает, но если в нашем поколении мы сталкиваемся с противниками по идеологии, то в старшем поколении... Это неинтересные какие-то противники: формалисты, бюрократы, буквоеды.

— Саша, а как попять, что такое «противники по идеологии» в вашем поколении?

— Ну, например, вы слышали о милой компании, которая в апреле маршировала по Бронной.

— А еще кто? Фанаты, панки?

— На мой взгляд, панки — это не очень серьезно.

— А как вы отнеслись к тому, что спиртные напитки продают с 21 года?

— Давно пора. Пить я не пью, и потому мне лично от этого ни горячо, ни холодно.

— А что кажется наиболее привлекательным в людях старшего поколения?

— То, что они смогли вырастить нас такими, какие мы есть.

— Что не нравится?

— То, что иногда смотрят на все, как с высокой колокольни.

— Вы вырастете... Что же вы переделаете в общественных, личных отношениях людей друг с другом? На что можно надеяться?

— Видимо, постараемся переделать такое положение, когда общественное ставится выше личного. Заявление довольно парадоксальное, но вы сейчас поймете. Дело в том, что если ставить общественное выше личного, то ничего путного сделать нельзя. Одни слова. Сделать путное можно только тогда, когда категории «общественное» и «личное» совпадают, понимаете?

— А производственные отношения? Вы еще об этом не думали?

— С производственными отношениями, как таковыми, мне еще сталкиваться не приходилось, но хотелось бы высказать такое пожелание, чтобы определять людей, которые могут

работать вместе даже не столько по профессиональным качествам, сколько по личным. Космонавтов же проверяют на психологическую совместимость.

— Но огромный завод, например, как там проверишь?

— Должна быть психологическая служба при каждом уважающем себя предприятии, и за это должны платить деньги. В конце концов это же окупится. Хороший климат может поднять производительность труда раза в полтора, как минимум.

— Саша, раньше мы все много писали о так называемой «вещной болезни». У вашего круга споры об этой болезни актуальны или нет?

— Я не люблю говорить о поколении: оно «то» или оно «не то».

— О вашем круге?

— В моем круге это не актуально, хотя уровень достатка у нашего круга совершенно различен — от предельно высокого до низкого.

— А проблема денег стоит остро? Говорите ли вы об этом? Пытаетесь заработать?

— Мы собираемся снимать фильм свой, и, чтобы купить пленку, мы пару раз ходили на «Мосфильм», на массовки.

— Это что-то новое.

— Но я же говорю, что являюсь представителем нетипичной категории.

— А типичная — это какая?

— Все привыкли считать, что для «типичных» главное — тряпки, магнитофоны, гитары, или наоборот, «типичные» — это «Наша передовая молодежь». Типичной как таковой не существует. Все разные. Все — неодинаковые, непохожие. Только издалека все лица на одно лицо.

На улице замечаю стайку ребят. Сквозь шумы и шорохи города различаю их голоса.

И снова, снова все вспоминаю.

Пьесы

Ловушка 46, рост 2

От автора

Все герои этой истории имеют реальных прототипов — настолько реальных, что каждому из них я могу позвонить или написать письмо и получить письмо в ответ или услышать в телефонной трубке: «Здравствуйте!»

Хотя события, о которых вы узнаете сегодня, случились совсем недавно, для участников они уже далекое прошлое, так как дни нашей юности пролетают как мгновения. Но мгновения эти насыщены, как годы. Мы вырастаем, и нам кажется, что все, что случилось в юности, — пустяки, ерунда, безделицы, канувшие в Лету, — как и не было.

Вот почему эта пьеса — для взрослых.

Вспомним минуты своей юности, чтобы не потерять в памяти то, что потеряться не должно. Ведь наш нажитый житейский опыт часто оказывается продолжением опыта юности, только мы об этом забываем. Забываем, память приходит только в снах, но, проснувшись, мы уже не помним этих снов, как не помним самых горьких и сладостных дней своей юности.

Мы забываем и о том, что юность создала нас такими, какие мы есть, что чаще, чем даже мы думаем, мы повторяем и повторяем, ошибки нашей юности, мы верны высотам своей юности даже тогда, когда нам кажется, что главных высот своих мы достигли много позже.

Жизнь сложится такой, какой она получается сегодня: в пятнадцать, шестнадцать, семнадцать лет, когда вся жизнь еще впереди.

Вот почему эта пьеса — для подростков.

И еще одно обстоятельство заставило меня однажды рассказать эту историю. Скорее одно воспоминание.

Ранняя весна. Вечер. Сижу в гостях у друзей. Вдруг шум за окном, непонятные, крики, топот. Быстро куртку на плечи, в лифт — и вниз на улицу. По тротуару, оттеснив к стенам домов прохожих, идет колонна ребят в красно-белых шапках и такого же цвета шарфах. Впереди — какой-то парень, пятясь, дирижирует красно-белым зонтиком, и в такт взмахам колонна выкрикивает: «Спартак — чемпион», «Спартак — чемпион».

Так я впервые столкнулся с подростками, объединенными друг с другом непонятными для нас, взрослых, символами.

Футбольные фанаты были первыми. Вслед за ними появились другие команды, соединенные иной символикой: у одних были коротко сглаженные виски; другие отличали друг друга булавками, прикрепленными на курточках и джинсах; третьи поражали странной, не очень опрятной одеждой и таинственной поволокой, застилающей взгляд.

Я часто встречался, да и сейчас встречаюсь с ними — то в сумерках бульваров, то при свете дня, в своей редакции. И чем дольше я их знаю, тем больше и больше убеждаюсь: неважно, как сами ребята называют свои команды, какими словами и из каких языков определяют свое положение среди сверстников. Им очень важно, чтобы их заметили, отличили из толпы сверстников.

Но мы часто видим их как единую массу, не отличая одно лицо от другого. И это наше взрослое зрение подводит нас и мешает почувствовать протянутую нам навстречу руку. Чаще всего за помощью.

Вот что мне хотелось сказать перед тем, как начнется эта история.

Действующие лица:

«Волки»:
Миша, по кличке **Арлекино.**
Андрей, по кличке **Чиж**.
Упырь.
Лешка.
Безымянные «Волки».
«Шарага»:
Никита Шиманов.
Интер.
Лена.
Девушка в джинсовом комбинезоне.
Одноклассницы и одноклассники Шиманова.

Взрослые:
Отец Чижа.
Мать Арлекино.
Мать Лешки.
Майор милиции.
Журналист.

Действие первое

1. Встреча

Журналист. Казалось, пора бы выкинуть это из памяти: мало ли с чем сталкивает журналистская профессия. Но, вспоминая сейчас эту историю, я все больше и больше убеждаюсь в том, что рассказать о ней — не прихоть или игра, а общественная необходимость, мой долг, моя обязанность.

Урок — школярское слово, но более точного слова не придумано. Для реальных прототипов эта история стала уроком, и я хочу, чтобы он стал открытым.

История эта началась поздней осенью, когда уже желтые

листья покрылись первой изморозью. В тот вечер недалеко от стадиона, затихающего после одного из последних матчей сезона, схлестнулись болельщики двух команд: красно-белых и красно-синих. Первые называли себя «волками», вторые — «конями».

Где-то там, в глубине сцены, и происходит сейчас самое главное: в бликах света, в напряженной суете двигающихся фигур, в репликах, которые доносятся до нас сквозь шум, характерный для подобных происшествий. Голоса: «Вон того длинного держи!», «Бей „коней“!», «Алик, они здесь», «Упырь, без „волков“!», «Больно же, дурак!», «Арлекино, сюда!», «Так его!», «Вперед, „волки“!», «Атас, сзади!», «„Кони“, за мной!» Как волны прибоем, выталкиваются из толпы на авансцену и вновь исчезают там, в глубине, наши главные герои. Выскакивает парень в куртке, красно-белом шарфе и такой же шапке. В руках у него — гроздь красно-синих, «вражеских» шапок. Он засовывает их под куртку. Голос из глубины: «Арлекино! Сюда!» Парень быстро исчезает в толпе. Вот выпрыгивает долговязый парень, тоже в нейлоновой куртке, таком же, как у первого, длинном красно-белом шарфе. Это Упырь.

Упырь (*глупо улыбается, трогает пальцами зуб*). Во врезал! Шатается! Ну, «конь», держись! (*Бросается в пекло схватки*.)

Еще один появляется тоже в таком же шарфе и шапке, Андрей Чижов — Чиж. Он кружится на месте, как в каком-то танце, делает резкие движения, которые должны обозначать его силу, ловкость и мощь, но не очень-то охотно возвращается туда, где крики, вопли и горячее дыхание дерущихся. Еще двое, пятясь назад, появляются на авансцене. В отличие от трех первых эти парни — в джинсах и аккуратных кожаных куртках; ни шарфов, ни шапок. Один угрюмый и спокойный — Интер, второй, напротив, живой в движениях, быстрый — Никита Шиманов.

Шиманов (*возбужденно*). Смотри… Я же тебе говорил. Ну, вон тот маленький дает, во дает, «волк». Итз вери гуд. Интер,

мы с тобой очень удачно съездили. Куда попали, смотри… «Шарага» от зависти свалится, когда узнает.

Интер. Теперь главное — удачно унести отсюда ноги.

Шиманов. Мы-то причем? Мы с тобой на футболе не сдвинулись. Цветов никаких, за которые бьют, на нас вроде нет. (*Осматривает внимательно себя, потом Интера*.) Нет! Мы не «волки», не «кони». Нам что? Они нас не тронут.

Интер. «Кони» — это какие?

Шиманов. Красно-синие.

Интер. Поехали, Шиман! Ничего здесь не поймаем! Полчаса махают, а ни одного трупа. Скукота.

Шиманов. Погоди ты… Вон, смотри, как интересно! Когда еще увидим.

Они исчезают. Снова появляется и исчезает Арлекино. Снова выбегает Упырь, гогочет громко и снова скрывается. Появляется Чиж, и в него с разбега врезается мальчишка в красно-синей шапке — Лешка. И тот и другой пугаются и отступают.

Лешка (*кричит*). Не надо, не бей!

Чиж (*удивленно*). Ты чего орешь? Надо мне очень тебя бить.

Лешка (*озираясь, удивленно*). Это ты, что ли, Чиж?

Чиж. Не, привидение.

Лешка. А я и не знал, что ты «волк». У вас, в девятом, там все «волки», я знаю, но думал, что ты не «волк».

Чиж. А ты что, «конь»?

Лешка. У нас в классе все «кони». О! (*Гордо поднимает и трясет над головой красно-синюю шапку*.)

Чиж. Сейчас как сорвут ее с тебя. Вот и будешь ты «конем» без гривы.

Лешка (*не очень уверенно*). Пусть попробуют!

Выбегает и исчезает Арлекино. За ним — Упырь.

Голос. Чиж!

Чиж. Ну ладно, пока. (*Показывает в направлении шума и драки*.)

Лешка. А я куда?

Чиж. Сматывался бы ты отсюда, пока цел. Видишь, что там делается?

Бегут от кого-то Арлекино и Упырь.

Убегай, дурак! Поколотят же сейчас!

Лешка убегает. Чиж присоединяется к Арлекино и Упырю. Снова появляются Шиманов и Интер.

Шиманов. Ты на вон того посмотри… Вон тот «волк», который со всех шапки снимает. Дает, а? Его бы к нам в «шарагу».

Интер. К нам?.. Этих? Это же окраина, область.

Шиманов. Ну, ты даешь, Интер. Да это почище того сдвинутого йога из 5-й школы, которого Костыль Графов приволок. Тот больше выпендривался, а эти-то настоящие… Нет, Интер, «шарага» попадает, если привести.

Интер. Тоже мне.

Шиманов. Что ты вечно споришь-то?

Интер (*громко*). Атас, Никит! Ноги! На нас мчатся. Вон те, в красно-синих.

Шиманов. «Кони»?

Интер. Да черт их разберет. Быстрей. За мной.

Исчезают. Темнота. Луч света высвечивает из темноты Майора милиции.

Майор милиции. Так, Упырев. Фамилия моя, значит, Кондрашков. Майор милиции. Сорок семь лет. Зовут меня Николай Феофанович. Отчество трудное, поэтому сразу запомни. Не Федулович или Феоктистович, а Феофанович. Прошу не путать, а то обижусь.

Луч света вырывает из дерущейся толпы Упыря, и тот нехотя поднимает голову, прислушивается, переходя как бы в другое измерение.

Упырь. Что я, дядя Коль, не знаю? Конечно, Феофанович.

Майор милиции. Знаешь, Упырев, а опять на мою голову приключение на стадионе устраиваешь.

Упырь. Ничего я не устраиваю. Нужно мне очень устраивать.

Майор милиции (*вздыхает*). Эх, Упырев, Упырев, садовая твоя голова… Вон сколько времени уже, а я вот здесь с тобой просиживаю.

Упырь. А вы так, дядя Коля, а? Поговорили — и по домам. (*Просительно.*) Дядя Коль?

Майор милиции. А мне еще надо в магазин зайти, хлеба дома нет. В прачечную, в парикмахерскую. Видишь, как оброс, а у меня завтра строевой смотр, годовая проверка, так сказать, боевой готовности.

Упырь (*прыскает*). Да вам и подстригать-то нечего. У вас и так ничего нет.

Майор милиции. Ты мне, Упырев, такие разговоры брось. Брось, понял. А то по-серьезному начнем.

Упырь (*понуро*). Больше не буду.

Майор милиции. То-то же. Давай, значит, собирайся. Пойдем с тобой.

Упырь (*настороженно*). Это куда еще? В парикмахерскую? Нужно очень!

Майор милиции. Ты что, Упырев? Я тебе что, нянька? (*Торжественно.*) Мы с тобой в магазин пойдем.

Упырь (*удивленно, щелкает себя по шее*). За этим, что ли?

Майор милиции. Я тебе дам — за этим! Тоже мне, шутник выискался, шутки все шутит. Пойдем по магазинам, по поселку погуляем, посмотрим, все ли в порядке, и так далее.

Упырь там, в своем пространстве, вдруг низко нагибает голову и с воплем вонзается в толпу дерущихся. Майор смотрит на эту толпу, переводя взгляд с одного на другого, вздыхает. Замечает Лешку, прижавшегося к стене. Свет на площадке с майором гаснет. Лешка вздрагивает, озирается. Свет — на противоположную от майора площадку. Там — мать Лешки.

Мать Лешки. Лешка, кому говорю!

Лешка. Ну чего?!

Мать Лешки. Ты уроки, спрашиваю, сделал?

Лешка. Сделал, сделал. Что ты пристала с этими уроками!

Мать Лешки. Отец придет, спросит.

Лешка. Очень ему нужно.

Мать Лешки. А что ты сердитый-то такой?

Лешка. Сердитый, сердитый. Вчера наши «волкам» проиграли два-три, а мне что, веселиться, скажешь, веселиться?

Мать Лешки. Леш, так, может, они еще и выиграют, а? Я тоже думала, премию не дадут, потому что проболела месяц, а взяли и дали.

Лешка. Тоже мне, сравнила! Ты хоть знаешь, кто у наших в нападении?

Мать Лешки. Ну, этот… Как его… Фамилия у него такая красивая.

Лешка. Земляникин, что ли?

Мать Лешки. Вот-вот, правильно. Земляникин.

Лешка. Да он уже ушел два года назад! Тоже мне… А еще говорит…

Свет на площадке гаснет. В темноте топот нескольких пар ног, горячее дыхание, скрип отодвигаемой доски. Сцена — стройплощадка, когда уже все с нее ушли. Контуры строящегося дома, каркас подъемного крана, силуэт бульдозера. Забор. Доска в заборе отодвигается. В проеме появляется Шиманов.

Шиманов. Сюда! Ну быстро же!

Голос Арлекино (*за забором*). Упырь, ныряй, не видишь, что ли!

В проеме появляется голова Упыря, доска отходит, потом возвращается назад и бьет его.

Упырь. Ой-ой! Ты чего?!

Кто-то сзади выталкивает Упыря, он падает.
Вслед за ним из дырки в заборе появляется Чиж, за ним — Интер, наконец последним — Арлекино. Шиманов и Интер заметно отличаются от химзаводских — Чижа, Упыря, Арлекино, — и не только по одежде: на первых — джинсы, кожаные куртки, на вторых — куртки стеганые, поролоновые, какие в изобилии выпускает наша легкая промышленность, чуть расклешенные брюки, стиль пригородного «модерна», — но и в главном, существенном. Видно, что за Шимановым и Интером, то есть за «шарагой», есть некоторые культурные традиции, пусть хотя бы внешние. Они могут чувствовать себя свободно не только в обществе сверстников, но и людей гораздо старше, чем они. Арлекино, Упырь и Чиж — больше дети, чем Шиманов и Интер. Даже одинаковые красно-белые шарфы и шапки, которые украшают химзаводских, делают их скорее смешными, чем грозными, как им самим хочется себя видеть.

(*Приподнимается, восторженно.*) Меня сейчас как долбанет. Здо-о-рово!

Арлекино (*наваливаясь на Упыря, зажимая ему рот рукой*). Тихо!..

По ту сторону забора слышны топот множества ног, крики: «Туда побежали!», «Лови их!», «Атас». Милицейские свистки.

(*Возбужденно. Хотя никак не может отдышаться.*)

Уф... Пронесло... Во дают! Как мы их, а? (*Толкает Шиманова.*) А ты молодец. Сто раз мимо этого забора проходил, вон там же (*показывает рукой вперед*) наша электричка. Ну, на Химзавод. А что здесь дырка есть — в жизни бы не догадался.

Чиж (*тяжело дыша*). А я... Я тоже... Все время здесь хожу, а не знал... Думал все время, что здесь какая-нибудь база...

Шиманов. Ядерная база. Раз-два, кнопку нажал — и нет Люксембурга. Во даешь! Да здесь уже лет пять гаражи строят! Понял?

Упырь (*восторженно*). Понял!

Чиж. Нет, я никогда бы не догадался… А ты молодец. (*Протягивает Шиманову руку.*) Андрей, Чижов Андрей. Или просто Чиж.

Арлекино (*легонько отталкивая Чижа, протягивает Шиманову руку*). Арлекино.

Шиманов. Как, как?

Арлекино. Можешь просто Мишей. Ну лучше, если особенно к нам попадешь, в поселок Химзавода, если кто пристанет, скажешь, что ты друг Арлекино. Понял?! Друг Арлекино. Меня у нас все «волки» уважают. Скажи, Чиж?

Чиж. В самом деле, во! (*Поднимает вверх большой палец.*) Только скажи, что от Арлекино, и сразу…

Арлекино. А ненаших, «коней», близко нет, с милицией не найдешь, понял?

Шиманов. Понятно. Хотя я лично сто лет там хожу, никто пальцем не тронул. У меня там, ну, близко от вашего поселка, дача находится.

Упырь. Дача? Во дает.

Шиманов. В смысле у отца, конечно. Огромная, с камином, баром, и все такое. Но отец там мало бывает. Так, иногда. Да, Интер?

Интер. Чего да? (*Вытаскивает транзисторный магнитофон, присоединяет наушники, включает.*)

Химзаводские завороженно смотрят на Интера.

Шиманов. Помнишь, как собрались… Вся «шарага» в сборе, а он тут заваливается.

Упырь. Участковый?

Интер прыскает.

Шиманов. Скажешь тоже, участковый. Да он за километр нашу дачу обходит! Отец заявился. И ничего, все нормально. Посидел с нами — и, чтобы не мешать, в город. Понятно?

Чиж. Чему не мешать?

Интер снова прыскает.

Арлекино. Это Чиж. Он у нас еще детка. А это Упырь. У меня таких сотни две или три. У нас знаешь сколько «волков»? Ну, ты знаешь наш поселок. Ну, Химзавод. Между прочим, по преступности мы занимаем первое место.

Шиманов. На душу населения?

Арлекино. Чиж, скажи, что Химзавод на первом месте по преступности?

Чиж. Однажды человека порезали. Ну это когда было — год назад. Мне отец рассказывал.

Арлекино внимательно рассматривает, как одеты его новые знакомые, потом смотрит на Чижа и Упыря, оглядывает незаметно для остальных себя самого. И вдруг залезает на перевернутую арматуру и, держась одной рукой за железный поручень, второй дирижирует сам себе, как на митинге.

Арлекино. Много твой отец знает. У нас — все вместе! Попробуй кто тронь нашего — да мы такое ему устроим. Вон, видите. Упырь? Да он может одной левой раскидать штук семь «коней» или «рысей». Или даже восемь. Я тоже сигнал дам, свистну вот так (*свистит*), тут же сто «волков» прибегут. Или все триста.

Шиманов (*толкает Интера*). Слышь, Интер?

Интер (*снимает один наушник*). Ну, чего?

Шиманов (*тихо, Интеру*). Я же тебе говорил! Смотри, а! Вот это жизнь. С «шарагой» плохо станет.

Интер. От этих, что ли? Даешь, Никита. (*Цепляет наушники, начинает пританцовывать в такт слышимой лишь ему одному музыке*.)

Арлекино (*восторженно*). Дача… Дачка. (*Кривляясь*.) Да я свистну — от твоей дачи в секунду один сруб останется.

Шиманов. А что? Неплохая идея. Мне она, в принципе, уже вот здесь сидит. Но знаешь, она кирпичная.

Арлекино. Да не бойся, своих не трогаем. Скажи, Чиж? А, Упырь?

Глуше и глуше становится голос Арлекино. Луч света выхватывает мать Арлекино.

Мать Арлекино. И где же ты был два дня, а?! Ты скажи, где же тебя носило? А?

Арлекино. Нигде не носило. Я у Валерки ночевал.

Мать Арлекино. Я тебе покажу у Валерки. Из школы уже три раза приходили, из милиции, из детской комнаты — четыре, из комиссии — пять.

Арлекино. Ну сказал же, что у Валерки. Ты можешь у кого хочешь спросить, что у Валерки. Это наш, «волк».

Мать Арлекино. Я тебе покажу «волк». Понатаскал домой всякой дряни? Где ты ее только насобирал! (*С силой начинает рвать большие плакаты, на которых написано: «Волки — чемпионы», мнет, потом топчет красно-белый флаг.*)

Арлекино. Мама, что ты делаешь? Прекрати! Я тебя прошу, не надо! Мама!

Мать Арлекино (*поднимает флаг, пытается его разорвать*). А теперь «мама»! То курит, то дерется, то в милицию залетает...

Арлекино (*истерично, сквозь слезы*). Флаг оставь!

Мать Арлекино (*разрывая флаг*). Я тебе покажу флаг!

Арлекино. Ма-ма!

И вновь мы видим Арлекино здесь, в окружении ребят, на арматуре.

(*Восторженно.*) Дураки все какие, сидят по углам. А мы идем, нас много, и я машу вот так рукой (*показывает как, чуть не сваливаясь с арматуры*) и все кричат: «Наши — чемпионы», «Наши — чемпионы!»

Упырь беззвучно повторяет каждое его движение. Шиманов напряженно застыл перед Арлекино. Чиж смотрит преданно на Арлекино. Даже Интер выключил магнитофон и снял наушники.

А потом я делаю вот такой взмах (*показывает*), и все молчат. Да, молчат! Все просто идут. (*Спрыгивает вниз.*) Идут вот

так. (*Проходит строевым шагом*.) Да, все идут вот так! Все вместе, рядом! Нас много, как нас много! И я только скажу: «Срывай ихние шапки!..»

Интер (*механически*). Их.

Шиманов (*резко толкает его*). Замолчи! Это жизнь!

Арлекино. Срывай, говорю, ихние шапки! И вот уже: одна, вторая, третья! (*Вытаскивает из-под куртки гроздь красно-синих шапок, победно поднимает их над головой*.)

Повторяя движения Арлекино, поднимает такую же гроздь шапок над головой Упырь.

Чиж. А я не знаю, Арлекино, зачем нам эти шапки-то? Продавать их что ли?

Арлекино. Ну, Чижик-пыжик, ну, дает!

Упырь (*весело*). Один мне сегодня по зубу ка-ак заедет! Во! (*Трогает зуб*.) Шатается!

Шиманов. Арлекино, он (*кивает на Чижа*) у вас как ребенок! (*Чижу*.) Ты что, не понимаешь, что ли? Они же из другой команды! Понимаешь, из другой!

Арлекино. Я и говорю: выродки!

В это время отодвигается доска и через дыру в заборе показывается голова Лешки в красно-синей шапке; он озирается, ребят не замечает и, осторожно переступая, крадется по стройплощадке.

Интер (*хлопая Чижа по плечу*). Старик, не бери в голову. Все это фигня. (*Включает магнитофон, нацепляет наушники*.) А это вещь!

Арлекино (*замечает пробирающегося по стройплощадке Лешку*). Упырь, смотри! «Конь»! А? Смотри!

Компания поворачивается и смотрит на Лешку. Лешка замирает на секунду и бросается бежать обратно. Но уже поздно! Сзади его догоняют Арлекино и Упырь, а сбоку, наперерез, кидается Шиманов. Интер спокойно снимает наушники, прячет магнитофон и, чуть

ли не засунув руки в карманы, подставляет ножку, Лешка падает. Шиманов, опережая Арлекино, срывает с Лешки красно-синюю шапку, протягивает ее Арлекино.

(*По-хулигански спокойно.*) Ну что, выродок, попался?

Лешка (*пытаясь вырваться из крепких рук Упыря*). Ну, пусти! Ну, больно же!

Упырь (*еще крепче сдавливая руки, весело*). А так?

Лешка. Пусти, Упырь, дурак! Ну больно же!

Упырь. А за дурака ты сейчас получишь!

Интер. Вот так. (*Ребром ладони бьет Лешку.*) Ничего ударчик?

Упырь. Угу. Здоровско!

Арлекино (*задумчиво*). Да, вот так взял — и сам подзалетел прямо в руки. О дает, выродок!

Чиж (*растерянно*). Арлекино, Упырь! Это же Лешка! Это же наш, химзаводской.

Интер примеряется, как лучше ударить, пока Упырь крепко держит Лешку за руки.

Интер. Шиманов, а я тебе показывал вот такой удар? (*Примеряет ладонь над головой Лешки.*)

Лешка (*в предчувствии удара*). Ну не надо же! Больно!

Чиж (*быстро двигаясь между Арлекино и Упырем*). Ребят, это же наш! Да вы что?! Он же свой! Упырь, пусти его! Это же Лешка из седьмого «Б». Он в соседнем доме живет! У него еще собака. (*Лешке*). У тебя же есть собака? Ну скажи же!

Лешка (*сквозь зубы*). Есть! Бульдогом звать. Ну больно же! Отпусти!

Шиманов. Бульдог — это не имя, а порода. В твоем возрасте пора бы знать.

Упырь (*весело*). Это у него-то бульдог?! Слушай его больше. (*Посильнее сдавливает руки Лешке, тот стонет.*) Дворняга у него рыжая, шавка вот такая, от земли не видно.

Лешка (*сквозь слезы*). Он на Бульдога откликается. Больно же. Пусти!

Чиж. Ну пусти, Упырь! Он же маленький!

Арлекино (*делает королевский жест*). Упырь, отпусти! (*С холодным спокойствием*.) Куда он сейчас от нас денется? (*Лешке*.) Поотдохни пока. Счас придумаю, что бы нам с тобой такое сделать.

Чиж (*просительно*). Арлекино, ну, Арлекино.

Лешка. Арлекино, ну отпусти. Мать меня больше никуда не пустит. Она так и сказала, что последний раз.

Арлекино (*расхаживает, заложив, как какой-то полководец, руки за спину, останавливаясь только, когда проходит мимо Лешки*). Ты что, не знаешь, какие цвета в поселке?

Лешка. Ну разные цвета…

Арлекино. Что ты сказал?!

Лешка. Ну красно-белые, красно-белые. Ну «волки»!

Арлекино. Так, понятно. А кто у «волков» главный?

Лешка. Ты.

Арлекино. А сколько у меня людей?

Лешка. Много.

Арлекино. Тоже знаешь. А что же ты тогда эту гадость (*отфутболивает красно-синюю шапку в глубину стройплощадки*) на голову нацепил?

Лешка. Я… я больше не буду.

Чиж. Арлекино, домой пора!

Лешка. Правда, пора. В 22.07 электричка, следующая без остановок. Мать знаешь как на меня орать будет.

Арлекино (*Шиманову*). Вот видишь, какие они выродки. Сейчас вот стонет, а один такой мне бровь разбил. Видишь? Флаг наш ногами истоптали.

Шиманов. У нас в «шараге» тоже один такой выродок есть, скажи, Интер. Костя Иванов, тоже! Если прищучишь — на колени встанет. А нет — пожалуйста, плюнет и мимо тебя пройдет.

Арлекино. Тоже, что ли, «конь»?

Интер (*прыскает*). Слышь, Костя Иванов — «конь»?

Шиманов. Не, это мы про свое. У нас другая система.

Арлекино (*смотрит внимательно на Шиманова, переводит*

взгляд на Интера, осматривает их с ног до головы, смотрит на Упыря, на Лешку). Ладно, на первый раз прощу. Только знаешь что?

Лешка (*испуганно*). Что?

Арлекино. Только упади мне в ноги, понял?

Чиж. Арлекино! Да кончай ты, Мишка!

Арлекино (*Упырю*). Помоги этому придурку!

Упырь силой сваливает Лешку на землю. Интер с Шимановым, разгоряченные духом «стаи», который они вдруг почувствовали, помогают ему. Чиж мечется между Арлекино и ребятами, которые с силой прижимают Лешку к земле.

Вот. Хорошо. Порядок. А теперь ползи и лай. Понял? Ну-ка, как твой Бульдог лает?

Упырь (*весело*). Ну ты, давай, давай! Ну, как там твой Бульдог лает? Ав-ав или гав-гав?

Чиж. Арлекино, кончай! Отпусти его! Ну отпусти. (*Силой вырывает Лешку из рук Упыря*.) Почему он должен лаять? Он же человек!

Лешка неуверенно поднимается, и только после этого Арлекино дает отбой.

Арлекино (*Лешке*). Давай проваливай отсюда.

Чиж (*обнимает Арлекино*). Арлекино, ты молодец! Вот так, вот так. (*Поднимает вверх большой палец*.) А я подумал, что ты... Ну, ладно. Поехали. Электричка в 22.07.

Арлекино (*стряхивая руку Чижа*). Да пошел ты!

Затемнение.

2. Встреча

Журналист. А потом наступила долгая, снежная как

никогда зима. Опустел стадион, ветер гнал поземку по футбольному полю, и казалось, что весна никогда не придет в город. В этот вечер «шарага» собралась у Лены.

Дома у Лены, одноклассницы Шиманова и Интера, сегодня вечером нет родителей, поэтому здесь и собралась компания Шиманова, «шарага». Здесь полумрак, мигающие огоньки стереосистемы, тихая музыка, мягкие кресла, в которых можно развалиться и утонуть, маски на стенах. Несколько ребят и девушек вяло двигаются по комнате. Среди них видим Шиманова, Интера, который танцует под звуки «своей» музыки, которая доносится из наушников, приспособленных к кассетному магнитофону, Лену и Девушку в джинсовом комбинезоне. С остальными мы просто не успеем познакомиться поближе.

Девушка в джинсовом комбинезоне. Интер, а ты заметил, как наша физичка на химика смотрит?

Интер не слушает ее, танцует по комнате, время от времени рубя воздух характерным «каратэшным» движением.

(*Лениво подходит к Интеру, срывает наушники.*) Я спрашиваю, ты заметил, как наша физичка на химика смотрит?

Интер (*отбирая наушники*). Машка, пошла к черту! Не вырубай из кайфа.

Девушка в джинсовом комбинезоне (*Лене*). Елена, ты заметила, как наша физичка на химика смотрит?

Лена (*автоматически*). Что?

Девушка в джинсовом комбинезоне. Да нет, просто так. Очень интересно просто. Она же замужем!

Лена. Кто замужем?

Девушка в джинсовом комбинезоне. Ну тебя. Ты все равно не согласишься. Наверное, думаешь, что я старомодная, но это совсем неправда. (*Подходит к Интеру, снова снимает с него наушники.*) Интер, ну потанцуй со мной. Мне скучно.

Интер (*прикладывая к ее уху наушники*). На, танцуй!

В наушниках вдруг становится слышен на полную мощность голос комментатора: Итак, мяч снова в центре поля. Один-ноль, ведет «Пахтакор». Так, удар, и команда гостей устремляется к воротам «Пахтакора».

Девушка в джинсовом комбинезоне. Скукотища какая! Охота тебе, Интер, слушать про эти голы, вместо того чтобы танцевать со мной. Вы с Шимановым после знакомства с вашими «волками» просто помешались оба.

Интер (*снова нацепляя наушники*). Тоже мне, удовольствие большое с тобой танцевать.

Лена (*громко*). Шиманов!

Шиманов вырывается из толпы ребят.

Шиманов. Да, Алена, что?

Лена. Я тебя не звала.

Шиманов. Кончай, кончай… Что я, совсем того, да? (*Крутит пальцем у виска*.) Ты сейчас крикнула: «Шиманов». Я здесь, как всегда… Мне же только крикни…

Лена. Не кривляйся. Иди… Ты что-то там рассказывал… Рассказывай дальше…

Шиманов. Я рассказывал про то… Как тот ударил того, в красно-синей шапке, вот так (*показывает на подбородок*), тот упал.

Лена отворачивается в сторону.

Ты что, Алена? Почему ты такая? Я ничего не понимаю. Сначала ты крикнула: «Шиманов!», — потом отворачиваешься. О, женщины…

Лена (*резко поворачивается*). Шиманов, ты мне надоел в классе. Что ты ко мне пристал?

Шиманов. Я понимаю, у тебя сегодня не то настроение. Я подожду. Ты знаешь, как я умею ждать.

Лена. Чего, интересно?..

Шиманов. Того.

Лена. Ну, чего «того», интересно?

Шиманов. Ты все помнишь, не притворяйся. Не я тебе, а ты мне сказала… Ну, тогда, помнишь? Когда ездили в Ленинград. В вагоне. Когда еще у Интера был блок «Мальборо»…

Лена. Ну и что я тебе сказала, интересно?

Шиманов. Ты сказала… Ты сказала… (*Решительно.*) Что ты… меня… любишь…

Лена. Ну и дурак же ты, Шиманов! Я же репетировала! «Я тебя люблю!» Это вообще. Это не к тебе относится! Иди туда и рассказывай. Что смотришь? Где они, твои арлекино, упыри и так далее? Может, их нет? О, ты обманул «шарагу»! «Шарага» не прощает обмана! Ведь правда, да?

Шиманов. Ты ничего не репетировала. Ничего не репетировала. Ты врешь сейчас, а не тогда. А, ладно. (*Громко.*) «Волки» готовятся к встрече с «шарагой». Скоро появятся. Если их, конечно, где-нибудь милиция не замела. Я же вам рассказывал!

Девушка в джинсовом комбинезоне. Ну, в самом деле уже становится скучно. Обещал «волков», а вместо них вон Интер танцует сам с собой под футбольного комментатора.

Шиманов. Машка, ты только не вздумай их спрашивать, заметили ли они, как наша физичка смотрит на химика.

Девушка в джинсовом комбинезоне. Очень остроумно.

Интер (*срывает наушники*). А вообще, Никита, все это ерунда. Твои фокусы. На фиг было тащить их в «шарагу»?! Ни тебе с ними не о чем говорить, ни им с тобой.

Шиманов. А вообще, «шарага», они придут — прошу не выпендриваться. Имейте в виду, они обидчивы.

Девушка в джинсовом комбинезоне. Ты у нас, Шиманов, все-таки умница. Ты мне очень интересен. Я представляю, лет через десять ты будешь по телевизору рассказывать, как в Америке бастуют.

Интер. Первый опус Никиты, как мы металлолом собирали, по-моему, удался. Ни слова правды.

Шиманов. Ты не знаешь, что такое печать, и молчи. Дали задание — выполняй. Как в армии. Мой шеф, Александр

Леонидович, между прочим, сказал, что для первого раза — о'кей.

Девушка в джинсовом комбинезоне. А я вот так близко, как вас всех, видела Зорина. Совсем не в моем вкусе. Правда, одет ничего, фирма фирмой.

Лена. Никит, а тебе они интересны как объект для наблюдения?

Шиманов. Что ты ко мне привязалась? Мне даже выпить захотелось.

Девушка в джинсовом комбинезоне. Интер, тебе еще не захотелось со мной потанцевать?

Интер. Не-а.

Девушка в джинсовом комбинезоне. Ну и пожалуйста. Тогда буду танцевать одна.

Она танцует. Музыка становится громче, а свет меркнет. Освещаются две другие площадки. На одной перед зеркалом вертится Арлекино. Он рассматривает свое отражение напряженно и внимательно, становится в фас, в профиль. Снимает рубаху с яркими зелеными цветами, швыряет ее. Берет новую, с цветами красного цвета. Морщится, как от зубной боли. Снимает и ее. Находит свитер. Надевает. На рукаве заплата. Вновь повернувшись в профиль, он замечает ее. Стоит неподвижно перед зеркалом, опускает глаза. Видит серые клешеные брюки, «как на всех», солдатский ремень с пряжкой. Стоит неподвижно перед зеркалом. На другой площадке Чиж и Отец.

Чиж. Пока. Я пошел.

Отец. Ты куда это направляешься?

Чиж. Гулять.

Отец. Когда вернешься?

Чиж. Не знаю.

Отец. Мама сегодня в ночь, так что в одиннадцать я закрываю дверь на цепочку... Что молчишь?.. Ты понял, что я тебе сказал?

Чиж. Ну, понял.

Отец. Ты мне очень не нравишься в последнее время.

Чиж. Пожалуйста. Твое дело.

Отец. Как ты разговариваешь с отцом?!

Чиж. Никак.

Отец. Я поймаю этого твоего дружка Елисеева и надеру ему уши.

Чиж. Арлекино-то причем?

Отец. Притом. Не подобрал бы он тебя — ни одной тройки у тебя не было. А сейчас ни одной четверки.

Чиж. Это смотря кто кого подобрал.

Отец. Ты уж подберешь! Тебя кто пальцем поманит, ты же и рад. Ты хоть думаешь в институт поступать?

Чиж. Ну, думаю.

Отец. Ничего ты не думаешь! Ты запомни, у тебя нет отца-министра. И взяток я, как знаешь, не беру. Даже коньяком. Так что тебе придется выдержать двойной конкурс.

Чиж. Все?

Отец. Отправляйся куда хочешь. Мне с тобой больше не хочется разговаривать.

На другой площадке все вертится перед зеркалом Арлекино: в фас, в профиль, в фас, в профиль.

Свет гаснет. Снова «шарага».

Громче становится музыка, мелькает разноцветными огнями стереосистема в квартире Елены. «Шарага» принимает «волков». Ярко выделяются красно-белые шарфы гостей: Арлекино, Упыря, Чижа, и в точно таком же шарфе, изменив своим красно-синим, Лешка. Интер все также танцует под звуки музыки, слышимой через наушники ему одному. Шиманов носится от группы к группе, то трогая за руку одного, то подмигивая другому. Больше, чем всегда, развязен Арлекино, чувствуя себя в центре внимания. Сжался на краешке кресла Лешка. Чиж внимательно рассматривает маски, которыми увешана стена. Упырь хватает со стула бутылку и, чуть нагнув голову, выливает себе в рот ее содержимое.

Девушка в джинсовом комбинезоне. Как вы интересно пьете!

Упырь. «Сухач». Дешевка.

Девушка, в джинсовом комбинезоне. А, простите, у вас нож с собой есть?

Упырь. Не! А зачем мне нож? Я и без ножа… Смотри! (*Сжимает руку в кулак и показывает кулачище Девушке в джинсовом комбинезоне.*)

Девушка в джинсовом комбинезоне. Как интересно! Я никогда таких не видела! А у нас в классе, между прочим, физичка так на химика смотрит… Вы даже не представляете. А она, между прочим, замужем. Я бы так не смогла!

Упырь (*растерянно*). Может, обозналась?!

В окружении «джинсовых» ребят — разомлевший от внимания, которым он окружен, Арлекино.

Арлекино (*продолжая какой-то рассказ*). Мы вниз, а там уже человек тысяча, и все с кольями… Это когда мы еще на стадион топали, там… У вас кто-нибудь в Ростове был?

Голос девочки. Я с папой была. Но давно. В шестом классе.

Арлекино. Ну, помнишь, там возле стадиона рощица была? Ну, деревья такие маленькие?

Голос девочки (*неуверенно*). Я… Помню.

Арлекино. А выходим — рощицы нет. У каждого ихнего придурка…

Интер (*автоматически*). Их.

Возмущенные голоса. Не перебивай! Что пристал к человеку? Пусть как хочет, так и говорит!

Арлекино. У каждого (*подчеркивая*) ихнего придурка в руках по дереву. И нет рощицы. Ну, я тоже своих собираю. И на прорыв! Вот смотри! (*Берет руку девочки, кладет себе на лицо.*) Меня еле живого вынесли. Вот он. (*Кивает на Упыря.*) Упырь, скажи, как мне тогда колом в Ростове саданули?

Упырь (*радостно*). Колом как даст по голове.

Девушка в джинсовом комбинезоне. Ой, как интересно!

Голос парня. Я вот не совсем понимаю, Арлекино, а программа у вас, то есть у «волков», какая-нибудь есть?

Арлекино (*удивленно*). Чего?

Голос парня. Ну, цель? Ну, куда надо стремиться?!

Шиманов. Ну ты чудак, Игорек! У тебя-то что, есть цель, куда стремиться?!

Голос парня. Я-то лично буду заниматься социальной психологией.

Голос девочки (*насмешливо*). Ага, Игорек, мама твоя будет заниматься социальной психологией.

Голос парня (*обиженно*). Ты на что намекаешь?

Шиманов. Какая цель? Вы что, того? Вот у Арлекино!.. Да, он скажет — сто, тысяча людей тут же прибегут! А все почему? Да потому, что он — авторитет для своих!

Голос парня. Типично авторитарная личность.

Арлекино. И придут! А куда им деться?!

Шиманов. У них же команда. Команда, а не «шарага»!

Голос девочки. Ну, Шиманов сказанул! Сравнил!

Интер (*снимая на секунду наушники, а потом вновь надевая их*). Да о чем вы все здесь говорите?! Чеконутые какие-то! Нашли себе зоопарк!

Арлекино (*пытаясь вновь овладеть вниманием «шараги»*). А как мы в Киев ездили? С поезда — на перрон, флаги — в руки, и по ихней главной улице, забыл, как называется. Все шары на лоб. А это мы, раз — и поехали.

«Шарага» смеется. Но Арлекино не замечает смеха.

Шиманов. Вы слушайте, люди делом занимаются. А? Ну что? Арлекино? Это вас тогда всех поарестовывали?

Арлекино. Да нет, нормально! Мы тогда ноги сделали… Раз, два…

Лена подходит к Чижу, который одну за одной рассматривает висящие на стене маски.

Лена. Интересно тебе?

Чиж. Вы знаете…

Лена. А ты почему меня на «вы» называешь?

Чиж. Не знаю. Просто так. А можно на «ты»?

Лена. Смотри… (*Снимает со стены маску.*) Ее отец привез из Сенегала. Видишь, какая страшная?! Это у них какой-то бог. Ну такой бог, нехороший.

Чиж. Лицо зверское, ага.

Лена. А эту (*снимает со стены новую*), эту из Монголии.

Чиж. Тоже лицо не очень приятное.

Лена. А эту (*снимает еще одну*) из Полинезии. Этот улыбается. Веселый бог, скажи?

Чиж. А ваш…

Лена. Твой.

Чиж. Твой отец, наверное, дипломат, да?

Лена. Нет, он историк, он занимается древними культурами, поэтому иногда куда-нибудь ездит. А твой?

Чиж. Мой? А мой так. Хирург в железнодорожной больнице. Режет. Зашивает.

Интер, пританцовывая в своих наушниках, оказывается то в одном, то в другом месте. Когда он приближается к Лешке, тот дергает его за рукав.

Интер (*не снимая наушников*). Чего тебе?

Лешка (*шепотом*). А где здесь уборная?

Интер (*все так же, не снимая наушников и пританцовывая возле Лешки*). Что? Не слышу?!

Лешка (*все так же, шепотом*). Уборная где? А?

Интер (*снимает наконец наушники*). Ты можешь нормально спросить, чтобы я слышал?

Лешка (*мучительно*). Я спрашиваю, где уборная.

Интер. Так бы сразу и сказал. А у нас здесь (*прыскает*) ее нет.

Лешка (*растерянно*). Как это?

Интер. Туалет вон там, в коридоре. Второй выключатель.

Девушка в джинсовом комбинезоне делает Упырю уже, наверное, пятый бутерброд.

Девушка в джинсовом комбинезоне (*протягивая бутерброд*). Ты ешь, ешь.

Упырь (*громко чавкая*). Угу.

Девушка в джинсовом комбинезоне. Ты ешь, я тебе еще сделаю. А хочешь вон с той рыбой?

Упырь. Угу.

Девушка в джинсовом комбинезоне. Ты очень интересно ешь.

Упырь (*поперхнувшись*). Ты чего это?

Девушка в джинсовом комбинезоне. Ты ешь, ешь, это же вкусно.

Лена (*Чижу*). Хочешь танцевать?

Чиж. Я как-то плохо…

Лена. А я люблю танцевать.

Танцуют. Свет только на танцующих Чижа и Лену.

А ты тоже… Ну, как этот ваш… Арлекино? Тоже дерешься… Бьешь, да? Раз-два, удар, удар. Победа. Ура!

Чиж. Я же в команде! Дерусь. Но не очень люблю.

Лена. А… Ну, представь… На твою любимую девушку нападают бандиты. И ты что же, перед ними на колени упадешь?

Чиж. Ну, если на любимую девушку… Тогда, конечно, нет. Но у меня никогда в жизни не было любимой девушки.

Лена. Ты серьезно?

Чиж. Ага.

Лена. Нет, что, на самом деле?

Чиж. А что здесь такого? Это что, плохо, да?

Лена. Да нет, я не об этом. Ты просто говоришь об этом… Говоришь, что на самом деле. Ты так всегда говоришь?

Чиж (*удивленно*). Как «так»?

Голос Арлекино из темноты: «Чиж, ну кому я говорю! Эй, Чижик-пыжик!» Снова освещается вся комната. «Шарага» танцует. Арлекино один. Возле Арлекино стоит Лешка, и Арлекино больно сжимает ему рукой шею, так, что у Лешки от ужаса голова вошла в плечи.

Арлекино (*громко, повелительно*). Чиж! Иди сюда, детка.

«Шарага» смотрит на Арлекино, толкая друг друга, даже не сдерживая смеха. Чиж отходит от Лены и делает несколько неловких движений по направлению к Арлекино.

(*Сильно хлопая Чижа по спине.*) Это — Чиж. Мой этот... адъютант. Ребенок еще, но волчонок. Подучим, совсем хороший будет. А это (*кивает на Упыря, остановившегося рядом с бутербродом в руке*)... Это — Упырь. Начальник нашей безопасности.

Девушка в джинсовом комбинезоне (*делая шаг вслед за Упырем, держа в протянутой руке новый бутерброд*). Потрясающе! Как интересно!

Упырь (*грозно*). Вот этот (*демонстрирует свой огромный кулачище*) столько уже зубов этих... ну, «коней», перещелкал! Во!

Арлекино. А этот (*сильно сжимает рукой шею Лешки, так что тот ойкает*), этот заделался козлом, «конем», значит. Это где? Это у меня! На знаменитом поселке Химзавода! Слыхали?

Шиманов (*подскакивая то к одному, то к другому своему приятелю*). Ну, я же рассказывал, помните?.. Когда мы пошли на матч и там была заваруха. Интер, скажи! Они (*пальцем показывая на Арлекино и его команду*) там акцию проводили... Закачаешься! А мы с Интером... Ну, тоже в своем роде. А этот, маленький, он в красно-синем был! И его — как трофей! Смеху! Мы с Интером чуть не попадали. Как в кино! Они же все с поселка Химзавода, ну там, помните? Где дача, километрах в пяти! Скажите, а? Кого я в «шарагу» привел?

Арлекино. А теперь он (*отпуская Лешкину шею*) наш, красно-белый!

Девушка в джинсовом комбинезоне (*протягивая Упырю бутерброд, который тот тут же заглатывает*). Потрясающе!

Арлекино (*ласковым голосом*). А ну, скажи, Лешенька, кто такие твои «кони»?

Лешка (*тихо, почти шепотом*). Они — козлы.

Арлекино. Громче, чтобы все слышали. Слыхали?! Козлы! А какие козлы, Лешенька?

Лешка (*заученно, испуганным голосом*). Вонючие козлы,

паршивые, гадкие! Глупые, как пробки! Г-гря-зные. (*Говорит, вырывая из себя слово за словом*.)

А рядом, все так же в танце под наушники, вертится Интер, «каратэшными» движениями выбрасывает в сторону Лешки ладонь руки, так что Лешка все время дергает головой. Компания «джинсовых» с жадным любопытством наблюдает за Лешкой, но потом, заскучав, снова танцует.

Арлекино (*торжествующе, победно оглядывая окружающих*). Правильно! Молодец! Видите! А был красно-синим, как лампочка.

Девушка в джинсовом комбинезоне. Как интересно!

Арлекино (*громко*). А! Совсем забыл! А клятва! У нас же клятва есть!

«Шарага» снова с любопытством смотрит на Арлекино.

Упырь (*удивленно*). Арлекино, а какая клятва-то?!

Шиманов. А! Что я говорил?! Это не то, что наша «шарага»!

Интер (*снимая на секунду наушники*). Детский сад какой-то, придурки. (*Снова надевает наушники*.)

Арлекино. Мошка, на колени!

Лешка (*молящим голосом*). Арлекино, ну, пожалуйста! Ну, не надо.

Арлекино. На колени, Мошка, кому говорят!

Лешка зачем-то отряхивает брюки, неловко опускается на колени.

Лена. П-прекратите!

Арлекино (*поворачивая голову на звук голоса*). Что?! Не понял?!

Лена. Я говорю, это свинство. Шиманов, тебе нравится на это смотреть? А… извини! Я забыла, все, что доставляет удовольствие, называется уже не свинством, а совсем по-другому. Познанием жизни, не так ли, Шиманов?

Шиманов. Ален, кончай…

Лена. Андрей, как ты-то оказался среди этих… (*подбирает мучительно слово*) среди этих фашистов?

Арлекино. Че-его?! Че-го она сказала?!

Возмущенные голоса «шараги»: «Ален, прекрати истерику», «Старуха, ну ты даешь», «Это своеобразный культ, а культ надо уважать», «Вечно лезет, куда ее не просят», «Тоже мне нашлась».

Лена. Все! Уматывайте отсюда! Все! Шиманов, что смотришь?

Все направляются к двери.

(*Повелительно.*) Андрей, останься!

Чиж неуверенно останавливается, все смотрят на него.

Шиманов. Ален, ты что? Ты серьезно, что ли? Да они же пошутили. У них шутки такие. Ты что, не понимаешь? Я же тебе рассказывал. Алена!

Лена. Шиманов, я кому сказала… Андрей!..

Арлекино. Чиж, сюда.

Лена. Андрей, останься!

Арлекино. Эй, ты, Чижик-пыжик, а не пора ли тебе домой, бай-бай?! Давай-давай! Мама ждет.

Чиж выходит вслед за Арлекино и другими ребятами, не оглядываясь на Лену.

Темнота. В темноте — звук подошедшей электрички. Голос машиниста: «Станция „Поселок Химзавода“». Звук закрываемых дверей, шум уходящей электрички. Арлекино, Упырь, Лешка и Чиж возвращаются домой после встречи с «шарагой». Чиж чуть отстал от остальных.

Упырь (*возбужденно*). Квартирка будь здоров, скажи, а? Комнат пять или семь, скажи?

Арлекино (*мрачно*). Четыре.

Упырь. А прикидка на всех, скажи?! Наверное, все из Америки.

Арлекино. А, ерунда.

Упырь. Ну, не скажи! Арлекино, ты что молчишь, а?

Арлекино. Ничего.

Лешка. Арлекино, а...

Арлекино. А ты, Мошка, молчи. С тобой у меня будет отдельный разговор.

Упырь. Нет, ты скажи. И эта, ну, которая меня все кормила, тоже ничего. Есть на что посмотреть.

Арлекино (*останавливаясь*). Есть, говоришь? А знаешь, что ей про тебя Чиж сказал?

Упырь. Чего сказал?

Арлекино. А что! Ты слышал, Мошка?! Вот и Мошка слышал, можешь у него спросить.

Упырь. Ну что, интересно, сказал.

Арлекино (*шепчет на ухо Упырю что-то, громко*). Понял?

Упырь. Что-что? Чем занимаюсь?

Арлекино (*снова что-то шепчет Упырю на ухо*). Ты что, не понял? Он сам ее склеить хотел, поэтому так и сказал.

Упырь. Ах, он скотина! Это я занимаюсь!..

Чиж плетется сзади, идет медленно, уткнувшись глазами в землю, и натыкается на остальных.

(*Сладким голосом*.) Чиж, а Чиж?

Чиж (*не поднимая головы*). Ну, чего?

Упырь. Чем это, ты сказал, я занимаюсь?

Чиж (*удивленно*). Ты чего это, Упырь?

Упырь. Ничего!

Скрещенными руками бьет Чижа в живот. Чиж сваливается. Подскакивает Арлекино и вместе с Упырем начинает бить Чижа ногами. Чиж лежит на земле. Запыхавшиеся Арлекино и Упырь отходят в сторону.

Арлекино (*застывшему рядом Лешке*). А ты что, Мошка? Чего встал? (*Сильно толкает его по направлению к Чижу*). Бей! Кому говорят! Голову отверну!

Лешка, испуганно оглядываясь на Арлекино и Упыря, несколько раз пинает Чижа.
Они уходят.
Чиж лежит неподвижно. Поднимает голову, садится, ощупывает лицо руками, вытирает кровь. Он сидит на земле возле своей железнодорожной станции. Кровь льется из носа, ссадина на лбу, синяк под глазом. Но все равно, все равно светел взор его, как говорили в старину, когда нас с вами еще, наверное, и не было. Но все было точно так же.

Конец первого действия.

Действие второе

3. Вражда

Журналист. Наступила весна. Разгорелись, как после зимней спячки, страсти вокруг футбола, начались новые стычки между красно-белыми и красно-синими, но Андрей уже в них не участвовал. Где-то дома валялась красно-белая шапка, куда-то потерялся шарф. Те, с кем он был раньше, стали теперь его врагами, коварными, жестокими и беспощадными.

Мы видим, как в кинохронике, во что обходится Чижу вражда с «волками». Вот Чиж понуро идет из школы. Они налетают со всех сторон. Вот Упырь надвигается на него, и Чиж отступает назад под кривляние и хохот Арлекино. Так проходила его жизнь, начиная с того осеннего позднего вечера.
Две площадки освещаются. На первой — Чиж и его отец. На левой — Арлекино и его мать.

Отец Чижа. Что у тебя за ссадина на лбу?

Чиж. Да никакая не ссадина, а царапина.

Отец Чижа (*насмешливо*). И кто же тебя оцарапал?

Чиж. Ну я же тебе говорил! Об доску зацепился… Ну, там у нас в школе доски привезли. Для спортивного зала. Ну я и шел. А не видно, темно было.

Мать Арлекино (*Арлекино*). Вон хорошие брюки, шерстяные, 35 рублей отдала.

Арлекино (*плаксивым голосом, вертит брюки*). Это разве брюки? Да, брюки? Да они же вот здесь (*хлопает себя по бедрам*) вот так, как юбка какая-нибудь.

Мать Арлекино (*неуверенно*). Сынок, хорошие брюки. Все ребята в таких ходят.

Арлекино. Ага, все ребята. Все ребята вон в чем ходят!

Мать Арлекино. В чем же они ходят-то?

Отец Чижа (*продолжая разговор с сыном*). А глаз подбили тоже доской?

Чиж. Какой глаз? Когда подбили?

Отец Чижа. Когда?.. Это я должен помнить?!

Чиж. Никакой мне глаз не подбивали.

Отец Чижа. Тебе достанется в жизни из-за твоего характера. Вспомнишь потом, что я тебе говорил, да поздно будет. Уроки сделал?

Арлекино (*продолжая разговор с матерью*). В чем, в чем! В джинсах! Вот в чем!

Мать Арлекино. Это которые сто рублей стоят? Как же я их куплю тебе? За штаны — сто рублей.

Чиж (*продолжая разговор с отцом*). Сделал.

Отец Чижа. Что ты таким тоном говоришь? А? Я что? Как-нибудь тебя обидел, сказал что-нибудь не то? Что ты таким тоном с отцом разговариваешь?

Чиж. Ну никаким я с тобой тоном не разговариваю. Ты спросил, делал ли я уроки, я ответил, что сделал. Что тебе еще от меня нужно? Отстань от меня, а?! Ну, очень тебя прошу!

Отец Чижа. Хорошо. Ладно. Пусть тобой мать занимается. С меня хватит.

Арлекино (*продолжая разговор с матерью*). Штаны! Много ты понимаешь! Какие же это штаны! Это же джинсы! (*Со слезами в голосе*.) Заладила: «Штаны, штаны». Сама живешь… И хочешь, чтобы я точно так же жил. Вон как все ребята одеваются, а ты заладила — «штаны», «штаны»!

Мать Арлекино (*растерянно*). Что ты разошелся-то?! Откуда я знаю, на что они, твои джинсы?! (*Уже сердито, сама чуть не плача*.) Что разошелся, тебя спрашиваю?! Отец твой непутевый то двадцать семь алиментов вышлет, а то вообще пятнадцать… Сижу, шью не разгибаюсь, все для тебя! И мопед тебе купила, и приемник! А вместо того чтобы матери помочь, вон как с ней говоришь да все время в милицию залетаешь.

Арлекино. Нужен мне очень твой мопед! Тоже мне, сравнила! Ты что, совсем ничего не соображаешь! (*Плачет*.)

Мать Арлекино (*растерянно*). Ты что это разошелся?! Ты что это разошелся, я тебя спрашиваю?

Арлекино (*в слезах*). Ничего я не разошелся.

Чиж (*вслед отцу*). Ну, скажу, скажу тебе, почему мне глаз подбили! Ну, хулиганы всякие на нас напали! Мы шли все вместе, а там какая-то кодла навстречу. Подходят: «Дай двадцать копеек!» Что им, давать, что ли? Пришлось драться. Нас было четверо, а их… Их человек двадцать… думаешь, просто по улицам сейчас ходить?!

Отец Чижа. Почему-то со мной таких историй никогда не случалось.

Чиж. Да потому, что ты взрослый! Не понимаешь, что ли, ты взрослый!

Темнота. На сцене все та же стройплощадка: бетонные плиты, арматура, контуры подъемного крана. На бетонных плитах — яркие красные надписи: «„Волки“ — чемпионы!», буквы В заключены в аккуратный ромбик. По одну сторону бетонных плит сидят, лениво развалившись, Арлекино, Упырь, Шиманов, Интер со своими вечными наушниками. Лешка пульверизатором выводит на чистом бетонном блоке большую букву В.

По другую сторону бетонных плит — Чиж и Лена. Друг друга ребята

не видят, так как бетонные плиты, возвышающиеся выше роста человека, скрывают их друг от друга.

Арлекино. Мошка, криво!

Лешка (*оборачивается*). Что?

Арлекино. Во дурак, Мошка. Ты что, не видишь, что криво?!

Упырь. Счас как подойду, как долбану по макушке, сразу выровняешься. Интер, дай музычку послушать? (*Протягивает руки к магнитофону.*)

Интер. Руки!

Упырь обиженно отворачивается.

То-то же! (*Встает, делает под слышимые лишь ему звуки несколько резких каратэшных движений.*)

Лешка (*оборачивается*). Арлекино, а сейчас ровно?

Арлекино. Ага. Вон там еще нарисуй. Давай, давай.

Лешка отходит к другой стене.

Шиманов (*вытаскивает из кармана газету, небрежно разворачивает ее, протягивает Арлекино, тычет пальцем в подпись под заметкой*). Читал?

Арлекино. Ух ты, смотри, Упырь. «Н. Шиманов, наш юнкор». Ничего себе!

Упырь (*читает по складам*). «М-мы сильны дружбой». О, даешь! И сам все это написал?

Лешка (*заглядывает через плечо*). Ого, «Н. Шиманов, наш юнкор». Ух ты, здорово!

Арлекино, не глядя, сильно толкает Лешку. Тот от неожиданности падает, краска разливается, он поднимается, выставив перед собой ладони, измазанные красной краской.

(*Обиженно.*) Ты что? Смотри, что сделалось?!

Интер (*пританцовывая*). А что на лбу, Мошка, посмотри.

Лешка прикасается ладонью ко лбу, на лбу остается красный, как кровавый, отпечаток. Ребята смеются.

Лешка. Что вы… Что вы пристали! Тоже, справились.

Арлекино (*строго*). Цыц, Мошка, давай крась себе, пока по шее не получил.

Лешка. Я не Мошка, а Лешка.

Интер (*больно сжимает шею Лешки*). Кто ты?

Лешка. Ну, Мошка, Мошка… Пусти ты!

Интер отпускает его. Лешка снова выводит на стене забора жирную букву В.

Шиманов. Там еще больше написано. Но знаешь, как в редакциях? Обязательно что-нибудь режут. У меня должно было быть вот столько (*показывает на газетной странице*), а потом один там сократил, второй, третий, редактор. Сам понимаешь…

Интер. Но главное осталось. Скажи, Никита, осталось?

Шиманов (*подозрительно*). Ну, осталось.

Интер. Вот я и говорю, что главное — кто-нибудь прочитает, какие-нибудь олухи вроде вас… Вот, подумают, как там у них в 9-м «В» красиво живут, друзья и так далее. А все же неправда, скажи, Никит, все же из головы выдумал. Какая там, к черту, дружба в нашей спецухе, когда за шпаргалку друг с друга по полтиннику требуют.

Упырь. По полтиннику? Во даете!

Интер. Не волнуйся, ты бы ничего у нас не заработал. Слышь, Никит, представьте, это чудо (*кивает на Упыря*) у нас подсказывает кому-нибудь. Ай лив ин Москоу — и так далее.

Шиманов (*обиженно*). Интер, что ты ко всем привязываешься? Тоже мне, нашелся умный.

Арлекино. Никит, Никит… Да бросьте вы. Смотри, что я тебе принес. (*Вытаскивает красно-белую шапку, такую же, как на нем, натягивает Шиманову на голову.*) Моя. Первая боевая.

Шиманов снимает шапку, вертит ее в руках, не зная, что же с ней делать. Интер прыскает и снова начинает кружиться по стройплощадке.
Свет здесь меркнет. Освещается другая половина стройплощадки, где, прижавшись друг к другу, сидят Чиж и Лена.

Лена. Андрей… Андрей, отодвинься.

Чиж (*медленно отодвигается, настороженно*). Ты что?

Лена. Нет-нет… Вот сядь так. Вот так и сиди.

Чиж. Лен, ты что?

Лена осторожно поворачивает Чижа так, что его лицо становится видным в профиль.

Лен, ну, кончай! Ленк…

Лена. Они опять тебя били, да? Били?!

Чиж (*сжимает ладонь Лены*). Ничего не били! Это я стукнулся… Ну давно еще! А сейчас совсем не больно! Во, смотри! (*Несколько раз ударяет по лбу ее ладонью.*)

Лена. Они тебя бьют, я знаю! Я знаю, что они тебя бьют! Мне рассказывал Шиманов, как они это делают! Тебе больно, да?

Чиж. Да ничего не больно! Ну, кончай, Ленка!

Лена. Шиманов смеется, когда рассказывает, как тебя бьют. Он рассказывает об этом громко на переменах, так, чтобы его все слышали, хотя наши тебя не знают… И не знают про нас с тобой!.. Но Шиманов, наверное, догадывается и поэтому рассказывает громко… Как, когда и чем… тебя били!

Чиж. Мало ли что он рассказывает! Никто меня пальцем не тронул! Пусть попробуют!

Лена. Да они пробуют, пробуют! А я больше не хожу в «шарагу»! Я их ненавижу. Чиж, я их всех не-на-вижу.

Чиж. Ну не надо, Лен…

Лена. А ты пойди в милицию! Ну, хочешь, я пойду вместе с тобой?

Чиж (*испуганно*). Ты что! Зачем в милицию?! Что, доносить, что ли?

Лена. Что же тогда нам делать?

Чиж. Понимаешь, я не умею бить в лицо. Понимаешь, ничего не получается! Когда я один дома… Я представляю, как я его ударю… Но когда он снова подходит и я знаю, что сейчас он меня ударит, я ничего не могу сделать! Понимаешь, ничего! Ты только не думай, я не трус какой-нибудь!.. Я очень смелый!

Свет меркнет здесь, вновь освещается другая половина стройплощадки — та, где вся компания.

Арлекино (*возбужденно*). Вот такая идея!!! Никит, скажи, гениальная! Они завтра собираются перед матчем… Ну, там, у метро! А мы наденем их эти грязные красно-синие сбруи и придем. Они раз-два… Все думают, что мы свои! А мы как ударим! Вот смеху будет! Представляешь?!

Упырь (*показывая, как он будет ударять*). Раз, два, по лбу, по черепушке, между ног.

Интер (*подставляет ему ногу и, когда Упырь чуть не сваливается, удерживает его*). У вас что-то упало!

Упырь (*удивленно*). Чего?

Интер. Шутка. Понимаешь, шутка! Ты так шутки-то понимаешь?

Упырь. Я-то? Понимаю.

Арлекино. Мы устроим, мы устроим завтра… Я человек сто своих приведу… И в засаду. Идея, Никит, а, скажи?!

Лешка (*грустно*). Придет милиция и всех позабирает. А мне нельзя. Отец побьет.

Арлекино (*грозно*). Что ты там, Мошка, лепечешь?

Лешка. Ничего я не лепечу. Я так просто…

Интер. Конечно, всех поарестовывают. Тоже мне, нашелся Чапаев.

Арлекино. Да уж… И не успеют. Мы шапки-то с их собачьих голов поснимаем — и ноги. Они свистят, а нас уже ищи-свищи. Ну что, Никита, пойдем?

Шиманов. Куда пойдем?

Арлекино. Ну, с нами завтра. Вечером. Эту красно-синюю гадость бить?

Шиманов. Да нет. У меня завтра в три часа англичанка придет. Потом еще история. Писать надо… Мне мой шеф сказал, что если завтра принесу, то через неделю напечатают.

Арлекино. А я думал… Ты же говорил, что хочешь в акции со мной участвовать… А так могли бы завтра! Да ты не бойся. Если что, так я буду рядом. И вот Упырь и Интер… Он же приемы знает. Пусть они попробуют.

Интер. Что Интер? Что, Интер? У меня что, больше забот, что ли, нет, чем «волком» становиться? У меня секция завтра, между прочим. И вообще, я тебе скажу, если честно, то есть дела поинтереснее! Про панков слышал?

Арлекино. Ну, слышал, допустим. Придурки какие-то недобитые.

Интер. Значит, плохо слышал. Панки, допустим, и еще кое-кто. Подрастешь — узнаешь.

Арлекино. Надо очень! Тоже мне, нашелся умненький!

Интер. Что!!!

Арлекино. Да ничего.

Интер. То-то же. (*Нацепляет, наушники и снова начинает кружиться*.)

Шиманов встает, громко потягивается. Арлекино внимательно смотрит на его джинсы.

Арлекино (*стараясь правильно выговорить название*). Супер. «Су-пер-райфл?»

Шиманов. Эти-то? Да нет. «Райфл» — они вон везде валяются. В любом магазине. Сто рублей, и все дела. Эти «Левис», отец на днях в «Березке» прихватил.

Арлекино. За двести рублей?

Шиманов. Ты что, за двести. Я же говорю, в «Березке».

Интер (*отвлекаясь от своей музыки*). Ты хоть знаешь, что такое «Березка»?

Арлекино. Ну. «Березка» как «Березка».

Упырь (*кривляясь*). Во поле березка стояла!

Интер. Это, Арлекино, такой магазин, где можно купить все, что угодно.

Арлекино. И «Левис»?

Интер. Пожалуйста, сколько угодно.

Арлекино. Да у нас таких магазинов и нет. Слышь, Упырь, ты такие магазины когда-нибудь видел?

Упырь. Не-а. Может, где-нибудь на Камчатке.

Интер. Во дают… Здесь, в городе. Только туда вас в жизни не пустят. Купить-то там можно все, что угодно, только покупать может не кто угодно, а по выбору.

Арлекино. А кто же их выбирает?

Интер (*торжественно*). Выбирает жизнь.

Шиманов. Да ладно заливать… Там просто за валюту торгуют. Отец был в Швейцарии, там кое-что осталось. И принес мне «Левис». Нормальные?

Арлекино. Нормальные.

Шиманов. А «Райфл» у меня дома валяются. Знаешь где? Хохот просто. Под ванной.

Арлекино (*очарованно*). Валяются?

Шиманов. Ну да, валяются.

Арлекино. А у тебя какой размер? Сорок шестой, не больше, а, рост второй?

Шиманов. Вроде бы… Я в них летом на мопеде катаюсь. А у меня еще есть фирма «Ли». Знаешь, сколько заплат?

Арлекино (*очарованно*). Сколько?

Шиманов. Четырнадцать.

Упырь. Во даешь!

Шиманов. Мне их отец еще в седьмом классе подарил. Еще ни у кого в классе не было.

Интер. Положим, у меня были.

Шиманов. Ну, у тебя да, еще у Кости Иванова. И все! Так я даже в них спал, представляешь?

Арлекино. Представляю.

Интер. Да сейчас в этих джинсах ходят все кому не лень! Раньше другое дело. Мне брат рассказывал: кто в джинсах,

сразу видно, что свой. Можешь спокойно на улице подойти, знаешь, что свой! А сейчас!..

Шиманов. Ну, не скажи, Интер. Все равно различия остаются. Понимаешь, о чем я?

Интер. Тоже мне различия! Мне сейчас отец привозит сафари, полный наборчик. Хотя мне все это до лампочки.

Арлекино. А… А это… Ну, эти сафари — это что такое?

Интер (*прыскает и натягивает наушники*). С вами не соскучишься.

Арлекино (*встает, отходит на несколько шагов ото всех, требовательно*). Упырь! Упырь!

Упырь (*удивленно*). Ты чего?

Арлекино делает взмах рукой, уходит.

Упырь. Мишка, ты куда? (*Идет вслед за Арлекино.*)

Шиманов. Арлекино, ты куда? (*Переглядываясь с Интером, идут вслед.*)

Свет на Чижа и Лену.

Чиж. Знаешь, у меня как-то друзей никогда не было. Знаешь, сидишь там… Ну, дома все время, а ребята там, за окном ребята ходят. Все вместе. У всех шарфы эти двухцветные, шапки… Куда-то уезжают! Какие-то тайны у них. А я вот один. Как будто на другой планете. Понимаешь?

Лена. У меня было точно так же, вернее, почти так. Хотя кому-нибудь казалось, что совсем не так, ну, как сказать, меня всегда кто-нибудь окружал. И дома родители всегда за то, чтобы мои одноклассники, когда еще не было «шараги», были у меня дома. Ну ты же сам видел! Я очень боялась остаться одна. И вдруг, вдруг оказалось, что все — чужие. Каждый друг перед другом кого-нибудь строит, но никто друг друга не любит.

Свет на компанию. Возвращаются Арлекино, Упырь, Шиманов, Интер.

Шиманов. Арлекино!

Арлекино (*обиженно, зло*). Ну?

Шиманов (*встает перед Арлекино*). Ты что, Арлекино... Нашел из-за чего обижаться! Как маленький!..

Арлекино. Подумаешь! Деятели! (*Предупредительно*.) Юнкоры!

Интер. Чего, чего?

Арлекино. Да я только свистну, от твоей газеты одни буквы останутся!..

Шиманов. Да кончайте, мужики, вы что? Ты что? Пожалуйста, сейчас подеремся, а толку? Кончай, Арлекино!..

Лешка огибает плиты, подходит, не замечая Чижа и Лену, к забору.

Упырь. Мошка! Что ты там застрял?

Лешка оборачивается и видит Чижа и Лену. Чиж и Лена встают, прижимаясь к стене. Лешка машет им испуганно руками, показывая, кто там, за плитами, что может сейчас произойти. Лена и Чиж испуганно оглядываются. Но показывается, обойдя плиты, Упырь.

Упырь. Мошка! Где ты там?.. (*Замечает Чижа и Лену, удивленно присвистывает*.) Ну и ну, Арлекино, сюда! Сюда, команда! Ничего себе.

Появляются Арлекино, Шиманов, Интер. Они полукругом обступают Чижа и Лену. Медленно приближаются к ним. А они все теснее прижимаются к стене.

Арлекино (*сладким голосом*). Андрюх, Чижик! Привет! Вот так встреча! Скажи, Упырь?

Чиж. П-привет.

Упырь. Во дают, а?

Арлекино. Вежливый Чижик-пыжик наш. Здоровается, скажи?!

Упырь. Здоровается, ох, здоровается.

Лена. Шиманов, ты соображаешь, что ты делаешь?

Шиманов беспомощно разводит руками, демонстративно пожимает плечами.

Шиманов, мы же завтра увидимся, на первом уроке. Тебе же надо будет смотреть мне в глаза.

Интер (*развязно, пританцовывая*). Ефимова, не мозоль уши. В «шараге» так не принято. Во-первых, этим надо заниматься в уютных квартирах. Ведь да, Упырь? Ты же у нас великий специалист.

Упырь (*глупо ухмыляясь*). Ага.

Лена. Интер, у тебя голова чугунная, ты не поймешь.

Интер. А во-вторых, Ефимова, по-моему, ты очень дешево разменяваешь себя. Ты? И с этим? Нонсенс. Скажи, Упырь, нонсенс?

Упырь. Угу.

Чиж. Арлекино…

Арлекино. Чижик, деточка, я же предупреждал тебя, чтобы ты ходил от меня на расстоянии десяти километров и желательно по противоположной стороне улицы. Ведь говорил, а?

Чиж. Арлекино, послушай…

Арлекино. А ты, Чижик-пыжик, ты, детка, меня не послушал.

Чиж. Арлекино, пусть она (*кивает на Лену*), пусть она уйдет. Пусть Лена уйдет.

Арлекино (*о чем-то раздумывая*). Не-ет.

Интер. Это будет несправедливо. Скажи, Упырь?

Чиж. Шиманов, Никита! Ну ты… Хоть ты скажи им, чтобы Ленка ушла.

Шиманов (*беспомощно разводит руками*). Старик, жизнь есть жизнь…

Лена. Подонки… Сборище подонков…

Арлекино (*подступая все ближе и ближе к Чижу, очень спокойным голосом*). Нет, зачем ей уходить… Наоборот! Мы ей сейчас покажем, что у нашего Чижика все нормально… Все, что

надо, на месте. (*Вдруг, резко и громко.*) Раздевай его! (*Шиманову.*) Держи девчонку!

Арлекино, Упырь, Интер бросаются на Чижа. Лешка кидается на помощь Чижу, но его отбрасывают далеко в сторону. Шиманов крепко прижимает к стене Лену.

Шиманов. Ален… Ален… Ну ничего страшного… Я же тебе говорил, это же бандиты! Они же сейчас же того… Они же могут тебя изнасиловать! Но я с тобой, не бойся.

Лена (*пытается вырваться*). Убери руки!.. Андрей! Андрей!

Шиманов. Завтра же сама спасибо скажешь!

С Чижа сорвана куртка, рубашка. Упырь железной хваткой обхватил его ноги. Интер держит руки. Арлекино пытается расстегнуть пояс. Но Лешка подползает, вскакивает, бросается на Арлекино, вонзаясь зубами в куртку.

Арлекино (*совсем по-детски, визгливо*). Ай! Больно!

От этого крика слабее становится хватка и Шиманова, и Интера с Упырем. Вырывается Лена. Раскидывает с неожиданной силой нападающих. Чиж, Лена быстро бегут вверх, по бетонным плитам, как по ступенькам, наверх, откуда виден город, раскинувшийся за забором, который ограждает стройплощадку.

Лена (*во весь голос*). Помогите! Помогите!

Вдали — трели милицейских свистков.

Упырь. Атас!!!

Упырь, Шиманов, Интер, Арлекино, перепрыгивая через мусор, арматуру, бетонные блоки, убегают назад, к дырке в заборе. Арлекино бежит последний и вдруг как загипнотизированный замирает, оглядываясь назад.

Лена (*сверху*). Что остановился, ты — ничтожество. Четвероногое! Ну, что встал, беги, трус, животное, грязный подонок. Тебя никогда в жизни никто не полюбит!.. Беги!.. Ну... Быстро! Ты думаешь, что ты его унизил?! Посмотри на себя?! Ты можешь унизить только такого же, как ты сам! Тот, кто любит, и тот, кого любят, никогда не узнают, что их унизили, потому что они даже не увидят тех, кто унижает их! Ты понял? Я не вижу тебя, и он не видит тебя! Беги, беги! Тебе нечего делать там, где живем мы! Это наш мир, и тебе не растоптать его! Ты испугался? Ты испугался... А был уверен, что сумеешь запугать его! Он не боится тебя потому, что, когда человек любит, он боится только одного: потерять любовь! Не понял? Не понял...

Внизу, под постаментом из бетонных плит, Лешка помогает Чижу одеться.

Темнота. И свет как будто нереальный, призрачный. Выходит Арлекино, изменивший почти до неузнаваемости свой облик. У него другая походка — легкая, можно сказать, элегантная. Гордо поднятая голова, уверенные движения и, главное, новенькие, облегающие по бедрам джинсы сделали из прежнего Арлекино нового. Играет музыка — то медленная, то быстрая, под которую он красиво и плавно двигается. В его руке вдруг оказывается высокий бокал, который он торжественно поднимает. Кому-то приветливо машет, спокойно улыбаясь. Потом кому-то бежит навстречу, а этот кто-то оказывается Леной. Лена радостно протягивает руки навстречу Арлекино, и потом ладони их скрещиваются. Но бокал вываливается из его руки и, громко звеня, распадается на куски.

Глухой голос: «Следующая станция — „Поселок Химзавода“». Как при крушении, качается сцена. Нет, не превратится Арлекино в тот образ, который живет только в его воображении.

4. Осада

Журналист. Лето навалилось жаркое и душное, прямо с июня, не дав времени ни подготовиться, ни привыкнуть. Как

и раньше, Чиж стремился не попадаться на глаза команде Арлекино. Но теперь вместе с ним был и Лешка. Их стало уже двое.

Центр действия переместился в поселок Химзавода, где стоит дом, в котором живут Арлекино, Чиж и Лешка. Мы видим (и этот вид не изменится уже до конца пьесы) условные пространства квартиры Чижа, двора и дороги, ведущей вдаль, к реке, к мосту — где-то там в лесу спрятана и дача Шиманова.

Несколько условных площадок, которые будут то исчезать, то появляться.

Яркий солнечный свет на левую площадку, там — квартира Чижа.

Лешка (*смотрит в окно и сообщает Чижу*). Вон... Ага, остановились. О чем-то говорят! Парень какой-то подошел. Подошел к Арлекино... О чем-то говорят. Арлекино смеется. Хлопает парня по плечу. Пошли!.. Нет, сел возле песочницы. Сидит. (*Оборачивается*.) Сидит. Он, может, там еще год просидит, а мать молока ждет. Вон, видишь, сколько пакетов купил. А теперь как до подъезда добежать? Он сел и сидит, как статуя.

Чиж. Перебежками.

Лешка. Сказанул, Чиж, перебежками. Только перебегать будешь, а он уже меня заловит и отлупит.

Чиж. А может, и не отлупит. Что ты боишься все время?

Лешка. А ты?

Чиж. Нужно мне очень его бояться.

Лешка (*снова смотрит в окно*). Сидит... Что-то палкой на песке чертит. Какое-то слово. А... Вон еще «волки» подошли! Это какие-то незнакомые! Чиж, посмотри, ты их знаешь или нет?

Чиж. Лешка, не трогай меня, а?

Лешка (*у окна*). Не, я просто думал, что ты их знаешь. Какой-то здоровый, похожий на Упыря, но не Упырь. Сидят. Сигареты вытаскивают. «Дымок». Пачку открывают. Спички ищут. Ни у кого нет.

Чиж. Иди дай им спички.

Лешка (*удивленно повернувшись*). Что?

Чиж. Ничего! Что ты, как радио, говоришь и говоришь?

Лешка. Чиж, а давай куда-нибудь уедем, а? Я читал в газете, забыл, как называется, что в Архангельске есть мореходка, туда после восьмого класса принимают. А раз после восьмого, то после девятого уже наверняка примут. А, давай уедем? Форму дадут, тельняшки, бескозырки. Там секции всякие есть. Самбо, каратэ... Знаешь, кто-нибудь только на тебя... А ты... (*Делает, по его мнению, типичные каратэшные движения и самбистские приемы*.) Раз, два, три...

Чиж. Кто тебя в мореходку примет?! Ты хоть раз в жизни море видел?

Лешка (*растерянно*). Нет, а что, надо видеть?

Чиж. И плавать не умеешь.

Лешка. Не умею.

Чиж. Видишь?.. А там знаешь сколько таких желающих, как ты? Только они и море видели, и плавать умеют.

Лешка (*горячо*). Все равно, все равно. Чиж, давай уедем отсюда. Все равно он не даст жизни. Он знаешь какой? (*Подходят к окну, смотрят*.) Вон они все сидят. (*Отворачиваясь от окна*.) Чиж, ну, давай уедем?

Чиж. Куда мы с тобой уедем, Лешка?

Лешка. Думаешь, он от тебя отстанет? Только меня станет бить? Как бы не так! У него сил на всех хватит.

Чиж (*не очень уверенно*). Пусть попробует.

Лешка. А что ему пробовать?! Он уже пробует. Как он тебе саданул!

Чиж. Когда это?

Лешка. Когда-когда. Да в пятницу. Что я, не видел, что ли, как ты к глазу пятаки прикладывал. Вон там, прямо возле дома.

Чиж. Много ты знаешь!

Лешка. Может, собаку большую найти... Овчарку, а, скажи? Вот такую. (*Показывает*.) Я по телеку видел, как вот такая собака (*показывает*) пацана от хулиганов спасла. А мой Бульдог только лает, толку от него никакого. Можно взять и в сумку спрятать. Чиж, что ты молчишь, а?

Чиж. Ничего.

Лешка (*смотрит в окно*). Сидят. «Дымок» курят. Жарища такая, а они здесь высиживают… Хотя бы на речку пошли! А сейчас молоко скиснет, мать опять разорется, как вчера, хоть из дома уходи. А куда уходить-то?

Чиж (*направляясь к двери*). Сейчас! Сейчас пойдешь домой…

Лешка. Чиж, не надо, не выходи! Чиж, не надо!

Чиж уходит. Переходит из пространства своей квартиры в другое, на которое тут же падает свет, — двор, где сидят «волки» во главе с Арлекино. На них типа пионерских двухцветные красно-белые галстуки — летняя «форма одежды». Ребята всем нам незнакомые. При появлении Чижа Арлекино встает, жестом поднимая за собой остальных, и вся компания следует за Чижом, словно стая собак за нечаянно заблудившимся котом.

На противоположных площадках — Лешка и Мать Лешки.

Мать Лешки. Тебя только за смертью посылать. Где же тебя носило целый час почти?!

Лешка. Сама попробовала бы за молоком сходить! Там очередища — во!

Мать Лешки. Ты что дома-то сидишь, а, сынок? Погода вон какая, жарища градусов тридцать. Что, спрашиваю, на речку не идешь?

Лешка (*с вызовом*). А я дома хочу! Сама то за молоком посылает, то еще за чем-нибудь, а потом спрашивает, почему я дома. У меня, между прочим, каникулы!

Мать Лешки. Вот и говорю, что каникулы, а тебя из дома только в магазин и выгонишь.

Лешка. Меня никто не спрашивал?

Мать Лешки (*удивленно*). А кто это тебя должен спрашивать?

Лешка. Да нет, я так просто. Ма, слышишь?

Мать Лешки. Что?

Лешка. Если кто там будет спрашивать, скажи, что я уехал, а? Ну, скажи, что нет меня.

Мать Лешки. Это еще зачем?

Лешка. Ну, скажи! Я тебе потом все объясню.

Мать Лешки. Это что же такое? А ну говори, что ты натворил!

Лешка. Да ничего не натворил. Чуть что, тут же «натворил». Что мне творить-то!..

Мать Лешки. То-то вижу я, что все время дома сидит! Ну ничего, отец придет с работы, он-то тебя спросит. Быстро ответишь.

Лешка. Да ничего я не натворил!!! Я... Я от одной девчонки прячусь. Понятно тебе? А то тут же: «натворил», «натворил».

Свет на компанию Арлекино, в окружении которой стоит Чиж.

Арлекино. Вот что, Чиж, детка, увидишь Мошку, скажи — пусть лучше не прячется. Все равно поймаю.

Чиж. Я же сказал тебе, что Лешка к тетке уехал. Только в августе будет. Что, Арлекино, привязался?

Арлекино. Я больше повторять не буду, понял? Скажи, чтобы не прятался, а то хуже будет, понял?

Чиж. Нет его! Где я тебе его возьму?

Арлекино (*подозрительно*). Постой, постой... А не из-за тебя Упырь залетел?

Чиж. Что? Куда залетел?

Арлекино. Что, скажешь, не знаю, что Упыря вчера вечером арестовали? Приехал «воронок» — и все, ку-ку. Что, скажешь, не знал? Так я тебе и поверю!

Чиж (*в изумлении*). Упы-ря арестовали?! Ничего себе!

Арлекино. Прикидывайся, прикидывайся. Сам заложил, наверное, а теперь спрашивает.

Чиж. Да что мне его закладывать-то? Что он мне такого сделал? Буду я, по-твоему, в милицию бегать? За что хоть его?

Арлекино (*мрачно*). А я что, думаешь, знаю? Был Упырь, а теперь все. (*Насмешливо.*) У-пырь! Детка! Ку-ку!!!

При этих словах на другом пространстве перед Майором милиции вздрагивает и оглядывается Упырь, будто с улицы услышал голос Арлекино.

Майор милиции. Ты что развертелся?

Упырь. А нельзя, что ли?

Майор милиции. Раньше надо было вертеться. А теперь вот сиди и на вопросы отвечай как положено.

Упырь. Да я же все рассказал!

Майор милиции. Это ты рассказал, а сейчас надо для протокола.

Упырь. Николай Феофанович, гражданин начальник, можно к окну подойти?

Майор милиции. Убежать, что ли, хочешь? Так и не пытайся. Не получится. Не такие пытались.

Упырь. Нужно очень! Если бы я захотел, я бы от сержанта, который за мной приехал, в два счета бы ноги сделал. Сержантик-то был вот такусенький. (*Показывает метр от пола*.)

Майор милиции. Ты не смотри, что маленький! Он такие приемы знает самозащиты без оружия, сокращенно — самбо, что двух таких, как ты, на обе лопатки положит да еще коленом придавит. Хочешь подходить к окну — подходи.

Упырь встает, смотрит в окно.

Хотя что там рассматривать? Забор, пылища кругом. Собака спит рыжая. Спит собака-то?

Упырь (*завороженно*). Спит.

Майор милиции. Она уже лет пятнадцать как лето, так и спит прямо под окнами райотдела. Чья собака? Откуда? Как зовут? Почему здесь спит? Никто не знает. А больше ничего там интересного нет.

Упырь. Там, гражданин майор Николай Феофанович, воля.

Майор милиции. А нечего было гражданина грабить. Вон ведь как стукнул — в больницу увезли. Нечего, говорю, было заниматься чем не надо. Хватит, хватит там смотреть!

Упырь нехотя отходит от окна.

Давай-ка лучше расскажи, серьезно давай, протокол заполнять

будем, эпизоды твоей преступной деятельности. (*Вздыхает тяжело.*) Эх ты... Разве так можно было... Эх, горе. (*Строго.*) Давай теперь по порядку рассказывай, как ты подошел к гражданину, как спросил закурить, как нанес удар в лицо и так далее.

Упырь (*удивленно*). Да какой же он гражданин! Он же алкаш!

Майор милиции. Ты шутки, Упырев, для суда оставь. Там как раз любят таких шутников. А здесь давай подробно, не спеша, искренне. Помни, что искреннее раскаяние смягчает вину. Ну об этом, кажется, я уже тебе говорил. Давай, значит, рассказывай. Одного не могу понять, Упырев, а зачем же ты по карманам-то стал шарить, а? Зачем, спрашиваю, ты еще и на грабеж пошел? Понял — грабеж! На что тебе деньги-то были нужны?

Упырь. Да так. Одну ерунду хотел купить. Ну, давайте записывайте... Я увидел его возле магазина...

Свет на этой площадке меркнет. В окружении компании «волков» перед Арлекино стоит Чиж.

Арлекино. Понял, Чиж, детка?

Чиж. Ну, понял.

Арлекино. А не поймешь, поможем. Ты Упыря не знаешь, ты Упыря не видел.

Чиж. Да кто меня и спрашивать-то будет? Кому я нужен, чтобы меня про Упыря спрашивать?

Арлекино. Ну, понял — и молодец. Я всегда говорил, что Чижонок у нас умница, понятливая детка. Что, не так, скажешь?

Чиж (*мрачно*). Так. (*Хочет идти.*)

«Волки» нехотя уступают Чижу дорогу. Но Арлекино хватает его за плечо.

Арлекино. Так что, понял, ни слова!!!

Чиж. Да что я могу сказать, когда я ничего не знаю?

Чиж стоит в нерешительности, потому что дорогу загораживают «волки». Арлекино стоит в раздумье.

Арлекино (*вдруг обнимает Чижа*). Чиж, Чижонок, у тебя же этот… отец доктор, да?

Чиж (*удивленно*). Ну да… Хирург.

Арлекино (*горячо*). Вот и я говорю, что доктор… Ну, хирург и все прочее. Он же… Ну, это… (*Делает рукой движение, как будто режет ножом.*)

Чиж (*все так же удивленно*). Ну, режет, зашивает.

Арлекино. Во-во! Что и говорю. Он же наверняка загребает! Ой-ой-ой!

Чиж (*удивленно*). Да нет. Врачи же мало получают.

Арлекино (*торжествующе*). А «Запорожец» у вас откуда, а?

Чиж. Так это же дедушка оставил.

Арлекино. Ясно, дедушка. Дедушка поднакопил деньжищ, купил вам «Запорожец». Во, дедуля!

Чиж (*удивленно*). Ну да!..

Арлекино. Все-таки ты еще детка, Чижик. Я же тебя не про зарплату спрашиваю! Ты все-таки малость того. (*Крутит пальцем у виска.*)

Чиж. Что «того»?

Арлекино. Конечно, мало получает. Так у них же как, у врачей-то у этих! Там же не в деньгах дело! Тоже мне, деньги!

Чиж. А в чем?

Арлекино. Да к вам, наверное, в дом так и тащат.

Чиж. Что тащат?

Арлекино. Да все, что угодно! Продукты там, вещи всякие. Ведь я знаю, что я, маленький, что ли? Сейчас, думаешь, просто так операции делают?! Ну, ты даешь! Да он только ножом этим порежет, вытащит там что-нибудь… А уж ему и одно, и второе, и третье.

Чиж. Да у нас никогда до зарплаты денег не остается. Честно, Арлекино! Мать всегда ругается еще… Ну, на себя… Что ничего не получается.

Арлекино. Опять ты об этом! Да, конечно, сейчас деньгами никто не берет. Сейчас же все по-другому! У Упыря мать раньше на автостанции работала… Ей и то! То однажды полбарана притащили, то картошки два мешка. Это ей-то! А она

кто! Да диспетчером простым! А твой-то уж, наверное, не картошкой берет! Все-таки жизнь человека!

Чиж (*твердо*). Нет, отец взяток не берет. Даже коньяком!

Арлекино. Ты просто не знаешь… Что, думаешь, он просто так режет?

Чиж. Не режет, а оперирует.

Арлекино. Во-во! (*Со значением*.) Оперирует! Понял?

Чиж. Нет.

Арлекино. Кто-то наверняка ему… ну, это… вместо денег дает всякие вещи.

Чиж. Никто ничего ему не дает.

Арлекино. Слушай меня! Точно, дают! Не может быть так, чтобы не давали! Всем дают, а ему нет? Скажешь тоже.

Чиж. Да не дают же!

Арлекино. Слушай же! А мне как раз одному приятелю…. Ну, тоже из «волков»… Ему позарез нужны джинсы «Левис»! У него размер почти как у меня, сорок шестой, рост второй. Понял?

Чиж. Что «понял»?

Арлекино. Скажи отцу, чтобы вместо того, чтобы потом их продавать кому-то, пусть даст тебе, а я… ну, в смысле приятель, их у него, то есть у тебя, купит.

Чиж. Да никто ему ничего не дает! Откуда он джинсы возьмет? Да у меня у самого джинсов нет!

Арлекино. Ну, тебе ясно… Неудобно будет! Ему дали, он — раз — тебе. Тут же разговоры и все прочее. А приятелю в самый раз. И никто ничего не узнает.

Чиж (*твердо*). Арлекино, запомни, пожалуйста: мой отец никогда ничего за операции не берет.

Арлекино. Ты что, Чижонок, серьезно?!

Чиж. Серьезно.

Арлекино (*снова насмешливо*). Честно?

Чиж. Ну, честно.

Арлекино. Ну и проваливай отсюда, пока снова по шее не накостылял. Ну, кому говорят?! (*Обернувшись к своим «волкам»*.) Видали Чижика-пыжика? А ну!

И Чиж, быстрее, чем нужно, сам, наверное, проклиная себя за это, уходит.

Темнота. Тихим сумрачным светом освещается пространство квартиры Чижа. Здесь Чиж и Лена.

Лена. Я, конечно, хотела самолетом — два часа и там, но мама не любит летать, вернее, боится, а папа сказал, что в поезде он еще сможет поработать.

Чиж. А я еще никогда в жизни не летал самолетом. Обычно к бабушке — она в Курске живет — езжу на поезде. Но тоже близко.

Лена. Ой, а мы же будем проезжать Курск. Представляешь? В Курске поезд остановится. Там же все поезда останавливаются, да?

Чиж. Все, конечно! Знаешь это какой большой город!

Лена. Андрей, а родители когда с работы придут? Сейчас?

Чиж. Мама через час. А у отца сегодня ночное дежурство.

Лена. Мне… Мне нужно сейчас идти, да?

Чиж. Почему?

Лена. Нет-нет, мне, конечно, надо идти. Ну что ты? Что подумает твоя мама?

Чиж. Ничего она не подумает.

Лена. Нет, подумает. Обязательно подумает. Моя мама обязательно бы что-нибудь подумала. Ну, не обижайся.

Чиж. Я не обижаюсь. Я просто так.

Лена (*трогает его лоб*). Тебе больно?

Чиж. Почему мне должно быть больно?

Лена. Тебе больно… Вот царапина здесь осталась. И здесь тоже. Что, снова, да, снова?

Чиж. Ничего не снова.

Лена. Я перехожу в другую школу. Ты знаешь, прямо у нашего дома. В двух шагах.

Чиж. А у нас здесь всего одна школа! А там одни «волки».

Лена. Одни-одни?

Чиж. Одни…

Лена. Мне еще час тридцать на электричке.

Чиж. Час двадцать пять.

Лена. Все равно много… Кто-то там по лестнице поднимается. Это не мама?

Чиж. Нет, ей еще рано.

Лена. Это она… остановилась у дверей.

Чиж. Это соседка.

Лена. Почему, Андрей? Почему я должна бояться твою маму?..

Чиж. Это соседка.

Лена. Ну, я не об этом же! Не об этом! Неужели ты не понимаешь?

Чиж. Лена… Лена, сейчас придет мама.

Лена. Ты же ненавидишь «волков»?

Чиж. Нет. Не ненавижу. Хуже.

Лена. Ты что вертишь головой? Почему ты так смотришь на меня?!

Чиж. Ты когда завтра уезжаешь?

Лена. Нет-нет, не надо меня провожать. Не надо, я тебя прошу.

Чиж. Я приеду. Я приеду на вокзал. Потом мы с тобой очень долго не увидимся, и я не знаю, как я буду здесь… один.

Темнота. Высвечивается другое пространство таким же сумеречным светом. Чуть вдалеке, как статисты в цирке, компания новых «волков». Здесь, ближе: Арлекино, Шиманов, Интер, Девушка в джинсовом комбинезоне и другие члены «шараги». Интер и несколько других ребят — в одинаковых черных рубахах.

Шиманов (*тихо*). Смотри, стоит!

Интер. А куда он денется?

Арлекино. А вы почему не на двадцать ноль пять?

Голос «шараги»: «Привет»… «Здорово-здорово», «Ку-ку, Буратино», «Он не Буратино, а Арлекино». «Шарага» проходит мимо.

Не успели?

Интер. Привет! (*Проходит*.)

Шиманов. Здорово! (*Проходит*.)

Девушка в джинсовом комбинезоне. Ты совсем не изменился, надо же! (*Проходит*.)

Интер (*останавливается, оборачивается*). Так вот! Твои предки, Шиман, правильно поступают. Нечего мешать друг другу.

Шиманов. Ну, насчет бара — чтобы туда не лезть — отец, конечно, загнул. Ну, там разберемся. Правда, Интер?

Девушка в джинсовом комбинезоне. Оказывается, ты на самом деле живешь рядом с дачей Шиманова. Потрясающе! Рядом с дачей бродили «волки». Просто мультфильм какой-то.

Арлекино. Мы — «волки»!

Интер. Во дает человек, скажи, Шиман?! Как в детском саду: «волки», «кони». Старье все это... Ты что, в самом деле не знаешь, чем заняться?

Арлекино (*растерянно*). Как чем? Мы «волки»!..

Интер. О, дети!

Шиманов. Ну ладно, ладно, Интер, кончай. Не надо об этом. Потом.

Девушка в джинсовом комбинезоне. Мне, между прочим, уже хочется есть.

Шиманов. Ага, ну мы пошли!

Арлекино. Я сейчас, только матери скажу.

Шиманов (*будто и не слыша его*). Спасибо, что встретил. Пока, Арлекино. Еще увидимся. Завтра. Или послезавтра.

«Шарага» уходит. Арлекино один с тоской смотрит вслед «шараге».

Пауза.

Темнота. Шум уходящей электрички.

Лена. Вот и все. Идет моя электричка.

Чиж. Давай на следующую, а? Лен...

Топот ног невдалеке. Чиж вжимается в невидимый нам забор.

Лена. Что случилось, Чиж? Почему ты так дрожишь?!

Шум множества шагов слышен все ближе и ближе.

(*Удивленно.*) Да ты дрожишь… Да, Чиж, да! А я-то думала… И когда я тебя спросила, ненавидишь ли ты их и ты ответил, что нет, что хуже, я только сейчас поняла, о чем ты не хотел мне сказать. (*Холодно.*) Не надо меня провожать. До электрички я дойду одна.

И вот уже Чиж на другой площадке. Вспыхивает и гаснет луч света, гаснет и вспыхивает. Чижа крепко держат за руки «волки». Перед Чижом — Арлекино.

Арлекино. Чижик, детка… Значит, говоришь, Мошка уехал к тетке?!

Чиж. Да, Лешка уехал к тетке.

Арлекино бьет Чижа в живот, двое «волков» держат его крепко за руки.

Арлекино. Понял?! Сенька Черенок видел, как он из магазина шел. Понял? (*Снова замахивается.*)

Чиж инстинктивно сжимается.

Ну ладно, ладно… Сейчас, значит, пойдешь к нему и вызовешь его на улицу. Понял? Скажешь, дельце одно есть.

Чиж (*неимоверными движениями вырывается, отбегает в сторону*). Арлекино, я наврал, я наврал тебе… Отец может достать тебе их.

Арлекино. Может?

Чиж. Ну да… Для этого твоего знакомого…

Арлекино. Какого знакомого?

Чиж. Ну, джинсы.

Арлекино. «Левис»?

Чиж. «Левис», «Левис».

Арлекино. Какой размер?

Чиж. Сорок шестой.

Арлекино. А рост, рост какой?
Чиж. Ну, второй же, второй!
Арлекино. Когда, Андрюха?!

Темнота.

5. Капкан

Журналист. И вот наступил зенит лета, того жаркого лета, того необычного для этого жаркого лета, к чему я и подвожу эту историю.

Освещается площадка с Чижом. То, что он говорит, он говорит, наверное, только лишь для одного человека — для Лены.

Чиж. И я ему сказал, что достану джинсы… Я стоял, зажатый между ними, и не видел их, потому что слова, которые ты сказала мне, висели на деревьях, как большие красные яблоки, болтались перед глазами и мешали мне увидеть его лицо. Тогда я крикнул, что они есть, что их принесет один парень… Я даже увидел лицо этого парня и поверил, что он принесет ему джинсы… Точно так же, как я увидел отца, который, не глядя в глаза тому парню, кивает на меня. И он направляется ко мне, держа под мышкой голубой целлофановый пакет. Но это было всего минуту, секунду, мгновение! И я понял, что никогда не придет парень с голубым пакетом под мышкой, никогда я не протяну этот пакет Арлекино, никогда, никогда!.. Я знал, знал, что выхода, кроме одного-единственного, того выхода, за которым уже совсем пустота, черная, как ночь осенью, у меня нет и не будет. Да, ты угадала, тогда, вечером у электрички… Я… я боялся. Но ты думала, что у меня никогда не хватит сил перешагнуть через этот страх, чтобы… Чтобы остаться с тобой. Потому что я люблю тебя!..

На другой площадке Лешка.

Лешка. Чиж… Андрей, а может быть, как-нибудь обойдется, а? Ну, хочешь, я ему скажу, что ты… Что ты, ну, просто пошутил, и где достать джинсы? Что ты, какой-нибудь Рокфеллер, что ли? Давай я ему скажу! Ну, пусть поколотит, а? Может, обойдется?

Чиж (*на своей площадке, вздыхает*). Нет, Лех, не обойдется!

Интер и Шиманов подходят к Арлекино.

Шиманов. Арлекино… Привет! Ты куда делся вчера? Мы оглянулись, а тебя нет. Я туда-сюда, нет и все. Скажи, Интер? Арлекино, значит, так. Давай к нам… Ну, на дачу… Вся «шарага» в сборе, а тебя нет…

Арлекино протягивает руку Шиманову. И — уже около Чижа. Арлекино и Чиж —вдвоем.

Арлекино (*вынимая из кармана брюк и пересчитывая*). Андрюх, вот ровно сто рублей. Хватит?

Чиж. Хватит.

Арлекино. Нет, ты скажи, если не хватит. Я тебе потом принесу.

Чиж. Хватит.

Арлекино. Да нет, ты бери сейчас. Вот. Ровно сто.

Чиж. Принесет — и возьму.

Арлекино (*выжидательно*). А может, надо больше?

Чиж. Я сказал, что хватит. (*Сурово.*) Хватит. Понял — молчи.

Арлекино (*неуверенно*). Да я молчу, молчу… Он когда придет, в три часа, да? В три часа?

Чиж. Он будет в три часа. В кустах. У реки. Он… Он отдаст тебе… эти… Тогда и отдашь деньги.

Арлекино. Чиж, я всегда знал, что кто-кто… Ну ты же… Ты же настоящий «волк». Ты же наш!

Чиж. Ваш, ваш. Что смотришь? Ваш!

Освещается площадка, на которой в шортах и в легкой морской шляпе Лена.

Лена. Андрей, ты забудь, пожалуйста, о том, что я тебе сказала. Когда я ехала на электричке, я стояла и плакала. Какая я дура! Да, дура, не спорь, пожалуйста, со мной, что я тебе сказала, что ты… боишься. Ты не верь, я никогда так не думала! Я не могла так думать, я могла только так сказать. Ты не боишься их, ты не можешь их бояться. Ты сказал: «Хуже, чем ненавижу». Чиж, дождись меня, а? Я скажу папе, что плохо себя чувствую. Или еще что-нибудь. Дождись!

Темнота.
Освещаются площадки, на одной из которых стоит Арлекино, на другой — его мать.

Мать Арлекино (*вкрадчивым голосом*). Миша, а Миша?

Арлекино. Ну чего?!

Мать Арлекино. Миш, а где мопед твой?

Арлекино. В сарае.

Мать Арлекино. В каком таком сарае, а?

Арлекино. Ну, у Кольки у Никанорова в сарае. Катался, там и поставил.

Мать Арлекино. У Кольки, говоришь, у Никанорова?

Арлекино. У Кольки, а у кого же еще?

Мать Арлекино. У Кольки, говоришь. Что же ты, сволочь такая, делаешь?!

Арлекино (*неуверенно*). Что я делаю?! Ты чего это, а?

Мать Арлекино. Ты для чего же это мопед Кольке за 90 рублей продал, а?

Арлекино. Ничего я не продал.

Мать Арлекино. Что же ты делаешь-то?! Я же тебе его за 172 рубля покупала. Что же ты его продал-то?!

Арлекино. Кто продал? Ты что выдумываешь!

Мать Арлекино. Я тебе его купила. Ох, как ты плакал, как плакал. А сегодня прибегает Колькина мать, говорит, что это твой моему мопед продал? Ты-то, я то есть, ты-то хоть об этом знаешь?! За 90 рублей.

Арлекино. Что ты пристала ко мне со своим мопедом!

Мать Арлекино. Спасибо, хоть пришла и сказала. А могла бы не прийти и не сказать.

Арлекино. Ничего я не продавал!

Мать Арлекино. А аквариум, аквариум ты куда же дел, а?! Ты куда дел аквариум, я тебя спрашиваю!

Арлекино. Какой аквариум? Какой аквариум? Ты… Ты всю жизнь мне испортила!

Свет на площадку с Чижом. На другой площадке появляется Отец Чижа.

Отец Чижа. А все-таки выжил!

Чиж. Была сложная операция?

Отец Чижа. Сложные операции бывают каждый день! Попробуй разрежь человека! Его же потом не склеишь, как игрушку! Сегодня был случай, который я помню последний раз на пятом курсе на практике. (*Удивленно*.) А что это ты спрашиваешь? С каких это пор тебе стало интересно то, что тебе неинтересно?

Чиж. Я решил стать врачом.

Отец Чижа. Не говори глупостей. У тебя нет характера. С твоими тройками… А… Интересно, что нам оставила мама поесть?

Чиж (*переносится в другое пространство, туда, где Лена*). Я обманул тебя. Я боялся их. Я хочу признаться тебе в этом сейчас, когда осталось всего десять минут. Я выйду сейчас на улицу и пойду вместе с ним туда, в кусты у реки. Да, я уже знаю, где это произойдет, потому что я был на этом месте вчера и позавчера. Я знаю, куда я сейчас пойду. Я сейчас выйду и пойду вместе с ним, потому что другого выхода у меня нет. Сейчас, когда осталось так мало времени, я могу признаться в этом. Потому что больше, кроме тебя, мне признаваться в этом некому.

Отец Чижа. Нет, если ты серьезно хочешь стать врачом, давай поговорим об этом. Я не верю в это, но мне очень хочется в это верить.

Чиж. Я люблю жизнь, понимаешь?

Освещается площадка, на которой стоят Арлекино, Шиманов, Интер. Арлекино пронзительно свистит, задрав голову вверх. Кричит, приложив рупором руки ко рту: «Чижонок!»

Отец Чижа. Очень интересное заявление. Давай, хочешь, поговорим об этом серьезно. Я, признаюсь теперь тебе честно, давно ждал, когда ты наконец станешь взрослым.

Чиж. Поговорим, поговорим. Я сейчас вернусь, и поговорим.

К Чижу, обнявшись — Арлекино в середине, держит за плечи ребят из «шараги», — подходят Арлекино, Шиманов, Интер.

Арлекино. Вот он, Андрюха, Чиж! Наш, «волк»! Во какой «волк»! Здорово, Чиж… друг!

Шиманов (*протягивает руку*). Сто лет тебя не видел! Чиж, где ты пропадал, а? Ты, что ли, из-за Ефимовой?! Да брось, наплюй! Она из себя такое ставит. Скажи, Интер?

Интер (*прыскает*). Дети вы все еще! Делом надо заниматься, а не всякой ерундой! Нашел тоже из-за кого переживать. Ты, Чиж, того все-таки!

Арлекино. Ну, кончайте, Чиж — вот такой «волк». Да, Андрей? Мы сейчас! Идите купаться! Мы сейчас с Чижиком придем. У нас с ним одно дело! Дело — во! (*Поднимает вверх большой палец.*) Вернусь, расскажу!

Они расходятся в разные стороны — Интер и Шиманов, Арлекино и Чиж.

(*Обернувшись.*) Я сейчас!

Темнота. Луч света сопровождает санитаров в белых халатах, которые несут носилки. На носилках — Арлекино.

Арлекино (*санитарам*). Эй вы, подождите, остановитесь.

Санитары останавливаются.

(*Приподнявшись на носилках*.) Я не сделал Чижу ничего плохого! А он взял меня и ножом пырнул. За что, спрашивается? Дурак какой-то! Я таких дураков даже еще и не видел.

Свет меркнет, освещается другое пространство сцены. За столом сидит майор милиции.

Майор милиции. Ну, жарища сегодня, градусов, наверное, тридцать, если не все тридцать пять. Я китель сниму, ничего? (*Встает, снимает китель, аккуратно вешает его на спинку стула*.) Ничего, спрашиваю, Чижов, если я без кителя у тебя буду показания снимать?

Другое пространство сцены. Здесь, сложив руки за спину, стоит Чиж.

Чиж. Пожалуйста, вы для меня и без кителя майор, товарищ, то есть, простите, гражданин майор. Мне же вас положено называть «гражданин майор», да?

Пространство сцены с майором.

Майор милиции. Ты мне здесь давай цирк не устраивай, Чижов! Тоже мне, рецидивист нашелся! И руки опусти! Что ты их за спиной сложил?

Пространство сцены с Чижом.

Чиж. Я — преступник, потому и сложил.

Пространство сцены с майором.

Майор милиции. Опусти, кому говорят. Вот. Так-то лучше. Стул вон возьми. Садись. Отдышись давай.

На том пространстве сцены Чиж опускает руки, берет стул, садится.

Вот так-то лучше. И давай без фокусов. Фамилия моя, значит, Кондрашков. Майор милиции. Сын Евгений, такой же, как и ты, в десятый перешел. С ним пока все в порядке. Пока. (*Стучит три раза по столу.*) Это чтобы не сглазить, примета такая. Знаешь?

Чиж. Знаю.

Майор милиции. Вот и хорошо. Вопросы ко мне еще есть? Вопросов ко мне нет... (*Вздыхает.*) Нет вопросов ко мне у тебя. А у меня к тебе есть. Так что давай обстоятельно, подробно, в деталях, так сказать, расскажи, что именно ты не поделил с Елисеевым.

Чиж. Я ничего с ним не делил. Я хотел его убить.

Свет на этих пространствах меркнет. Сейчас освещается компания Шиманова. В центре Интер танцует под музыку из наушников, но так, будто это какой-то военный марш. На секунду он снимает наушники, и немыслимый грохот марша обрушивается на «шарагу». Все вздрагивают. Интер, довольный, хохочет, вновь надевает наушники, музыка затихает.

Девушка в джинсовом комбинезоне. Интер, ну потанцуй со мной!..

Шиманов. Странные все-таки эти «волки»... Мы пошли с Интером купаться... Поплавали... Брассом там, кролем. А их нет и нет. Нет, все это несерьезно.

Девушка в джинсовом комбинезоне. Шиманов, ну давай потанцуем!..

Интер (*на секунду снимая наушники*). Ты еще удивляешься? Это же было ясно с первого взгляда. (*Иронично.*) «Волки», «кони», «рыси», «козлы» какие-то. А ну вас! (*Снова надевает наушники.*)

Девушка в джинсовом комбинезоне (*громко, почти в истерике*). Ну, кто-нибудь!.. Кто-нибудь подойдите, пожалуйста, ко мне. Почему я все время должна быть одна? Ну кто-нибудь посмотрите на меня!

«Шарага» занялась своими делами, не замечает ее.
Свет меркнет, и вновь освещается пространство сцены, на котором Арлекино.

Арлекино (*приподнявшись на носилках*). А мы идем! Нас много, как нас много! (*Закрывает глаза, задерживает дыхание.*) И я машу вот так рукой. (*Стонет от боли.*) Что я Чижу сделал?! Он сказал, что там, в кустах… как раз то, что надо, размер сорок шестой, рост второй… Стольник с собой взял… Я впереди шел… Он сзади… потом я спрашиваю, где же этот парень?! Ну, который должен принести… А он как саданул! Дурак! Первый раз в жизни такого дурака вижу. (*Кладет голову на носилки. Потом снова поднимает ее.*) И я только скажу: срывай… ихние… шапки…

Его несут. Там стоит и ждет, натягивая прозрачные хирургические перчатки, Отец Чижа.
Новое пространство. У окна, прижавшись лицом к стеклу, стоит Лешка.

Лешка (*всхлипывая*). Не надо было. Чиж… Зачем ты так! И не так уж больно бил Арлекино. Больше для вида. Я же привык. А теперь-то что делать?

Еще пространство освещается. Мать Лешки перед кипой белья в ванной. Разгибается, со всей силой выжимая полотенце.

Мать Лешки. Лешка!

Лешка. Ну, что?

Мать Лешки. Возьми на комоде пять рублей, сходи в магазин.

Лешка. Счас пойду. (*Снова всхлипывает.*) Он прибежал, показал нож и сказал, чтобы я больше Арлекино не боялся. Я ему говорю: «Не надо, давай лучше уедем отсюда, а я пока лучше из дома выходить не буду». А он отвечает, что уже поздно, и на нож показывает. И пошел в милицию сдаваться. Зачем ты это сделал, Чиж? Куда мне теперь деваться?! Они все равно поймают и изобьют.

Мать Лешки. Лешка, ты ушел или нет?

Лешка. Да иду я, иду.

Пространство сцены с майором.

Майор милиции. Ты это у меня брось. Заладил одно и то же. Хотел убить... хотел убить... Что нам теперь, спасибо говорить тебе, что не убил? Ты мне лучше объясни обстоятельства, подробно, в деталях, так сказать, как это все у вас произошло. (*С участием*.) Может, возились вы... Ну, как мальчишки обычно возятся друг с другом, и он нечаянно на нож напоролся? Вспомни, вспомни. А? Или он на тебя с дубиной полез... Или с железкой такой вокруг руки, кастет называется, и ты вроде как обороняясь?.. Или очнулся — нож в крови и так далее. Это же тебе не шутка — с ножом на человека. На человека! Чижов. Ну, давай говори? Ты что, не помнишь, как все было?

Пространство сцены с Чижом.

Чиж. Нет, я помню. Я помню...

Пространство сцены, на котором — Лена там, на берегу моря. Она в шортах и летней шляпе.

Лена (*восторженно*). Я уговорила их лететь на самолете! И мы увидимся не через трое суток. А сегодня вечером! Да, сегодня вечером я увижу тебя и все тебе объясню. У меня никогда, никогда никого не будет в жизни, кроме тебя. И какие бы слова... Я сказала тебе страшные, неправильные слова, за которые ты должен был меня ударить! Да, ударить!.. Чиж!.. Андрей! Вечером я буду у тебя. Сейчас меня уже зовут. Папа вызвал такси. Меня зовут, Андрей! Меня зовут, чтобы ехать на аэродром. Я все ближе и ближе к тебе. До вечера! Любимый мой, самый смелый на всем свете. Мой Чиж. До вечера... До вечера! До вечера!

Журналист. Теперь я часто прихожу сюда, к этому старому стадиону, но вижу другие лица. Я смотрю на них и хочу понять — кто они? В уличной толпе я замечаю стайку пацанов, сквозь шумы и шорохи различаю их голоса и снова, снова все вспоминаю...

Конец

Между небом и землей

Действующие лица:

Дмитрий — школьник, наркоман
Терехов — лаборант в НИИ, наркоман
Катя — одноклассница Дмитрия
Лебедев — отец Дмитрия, журналист
Мать — мать Дмитрия
Полковник — отец Александра, наркомана
Кеша, **Алиса**, **Лепа** — одноклассники Дмитрия
Боб — диллер
Владимир Харитонович — Директор школы
Марьиванна — учительница

Действие первое

1.

В последнее время это налетало на семнадцатилетнего Дмитрия все чаще и чаще и обычно неожиданно: знакомое пространство города звонко ломалось, тяжелым становился воздух, зловещей — тишина, и тревога заполняла его сердце. Когда это налетало, Дмитрий прижимал ладони к лицу и стоял, раскачиваемый неведомыми, злыми силами, наполнявшими его в этот момент. Вот как сейчас.

Он застонал, дернулся, опустил руки, но ничего не изменилось: город, его город исчез. Вокруг было пасмурно, зловеще. Вдруг какие-то звуки разрезали тишину. Дмитрий резко обернулся, всматриваясь в темноту.

Звуки шагов послышались спереди, слева, справа. Звуки были торопливые, звонкие.

Те, кто, приближаясь, окружали его, были в черных масках. Дмитрий рванулся вперед — туда, откуда пробивался чуть видимый свет, но его перехватили, отбросили в сторону. Он с силой расталкивал тех, в масках, но они жестко — стеной — оказывались на его пути. Он падал… Ноги в тяжелых ботинках оказывались возле его лица. Он полз, поднимался, снова падал. Остановился в изнеможении, мучительно застонал, закрыл лицо руками — и, опустив их, вновь оказался в своем городе: весна, трамвайные звонки, сквер возле школы.

Дмитрий облегченно вздохнул и увидел своих одноклассников: томную, медлительную Алису, серьезного, вдумчивого Лепу, быстрого, с шутовской улыбкой, Кешу.

Кеша (*Дмитрию*). Рви когти! Там Вэ-Ха идет!

Алиса. А она — ушла… пришел тот перекресток и ее увел. Я сама видела.

Лепа. Марьиванна сегодня сказала, если ты еще раз не придешь, она тебя к экзаменам не допустит.

Дмитрий молча смотрел так, будто и не видел их.

Пожалуйста, очень мне надо! Кешка, пойдем!

Кеша (*обходит Дмитрия, как памятник*). Так… Фас, профиль, глаза, нос… Улыбка! Ну, улыбка! Эй, ты что, того? (*Крутит пальцем у виска, затем спешит вслед за Алисой и Лепой.*)

Алиса (*оборачиваясь*). Да ушла она, ушла! Дурачок ты все-таки!

Лепа (*оборачиваясь*). Скрылся бы ты отсюда! Еще бы под окном Вэ-Ха встал! Он же сейчас появится!

Кеша (*оборачиваясь*). Тебя какой-то тип спрашивал! Тот, на «Ладе»… Эй! Ку-ку!

Дмитрий стоит неподвижно. Проводил глазами одноклассников, закрыл ладонями лицо. Резко скрипнули тормоза. Человеку, который быстро подошел к Дмитрию, уже за 30. Его имя — Боб.

Дмитрий. Чего тебе?

Боб. Ты что, в школу не ходишь?

Дмитрий. Я просил не приезжать в школу.

Боб. Ехал мимо. Дай, думаю, товарища навещу. Товарищу, может, плохо, бо-бо. Что, плохо, да?

Дмитрий. Оставь меня в покое, понял?

Боб (*спокойно*). А… Понял. Вечером увидимся!

Дмитрий. Ага… Жди-жди… (*Резко.*) Все! Понял, все!..

Боб смотрит на Дмитрия с сочувствием, не замечая его тона, не вслушиваясь в слова, которые он произносит.

Боб. Жизнь сама по себе тяжела, старик. У тебя сейчас не то состояние…

Дмитрий (*резко*). То!

Боб. Завтра ты прибежишь ко мне.

Дмитрий. Жди-жди…

Боб (*поворачивается*). До завтра, Митя…

Дмитрий (*вслед ему, истерично*). Не называй меня Митей! Я ненавижу, когда меня называют Митей! Понял? Я не-на-ви-жу!..

И вновь он остался один. Звенели трамваи, шумели птицы, скрипели тормоза автомобилей. Он закрыл лицо руками. Прислушался. Услышал — показалось ему — звуки траурного марша.

2.

Звуки траурного марша слышались громче и громче. И туда, на звуки музыки шли, ускоряя шаг, Катя, одноклассница Дмитрия и Терехов. Катя остановилась.

Терехов. Девочка, ты что?

Катя. Ненавижу кладбища!.. Я с ним попрощалась в среду. Почему-то все мертвые в гробу улыбаются… Так же было и с дедом.

Терехов. Девочка, ты сама захотела прийти сюда!.. У меня от этих церемоний начинает ломить в правом виске. Дай руку!

Катя автоматически протягивает руку.

(*Прикладывает ее руку к виску.*) Видишь, как тикает?

Катя. Пойдем. (*Резко идет вперед, оборачивается.*) Терехов, уже играет музыка. Я хочу посмотреть, какой он сейчас.

Они ушли. Тихо стало, только там — невдалеке где-то — вместо траурной музыки, женский плач, тихий шепот, стук падающих комьев земли. Полковник шел прямо, мужественным шагом, привычным для военного человека. Автоматически надел фуражку, быстро снял ее, Лебедев догнал его, нерешительно тронул его за рукав.

Полковник (*мучительно*). В чем дело?.. Ну?!.. А… Это вы? Лебедев? Да, Лебедев?

Лебедев. Извините, наверное, не сейчас. Я пришел, потому что обещал вам прийти. Еще раз извините. Я вам позвоню через несколько дней.

Полковник. Я послезавтра улетаю. У нас учения. Ну, давайте, давайте… Что у вас там? Микрофон или что?

Лебедев. Товарищ полковник!..

Полковник. Товарищ Лебедев, у меня мало времени. Сейчас подойдет супруга, ее сестра, ее мать, сослуживцы… Ну!

Лебедев (*возится с сумкой, достает магнитофон, вытаскивает торопливо шнур микрофона*). Сейчас, сейчас… (*Протягивает микрофон полковнику, нажимает кнопку.*) Вот сюда, наверное.

Полковник (*в микрофон*). Три дня назад мой сын Александр, восемнадцати лет, студент, кончил жизнь самоубийством. До последнего дня я не знал, что мой сын — наркоман… В бою всегда знаешь, что тебя могут убить. Эта смерть — незаметная. Я не видел, что мой сын умирает, и вот он умер. Я говорю всем,

кто сейчас слышит меня. На нас надвигается чудовище. Если мы не спасем наших сыновей, то можно считать, что мы прожили жизнь бессмысленно, и для того, чтобы убедиться в этом, нам не нужно ядерной войны. Перед смертью Александр оставил письмо. Вот это. (*Достает из кармана листок бумаги, смотрит на него.*)

Лебедев. Ну, давайте же потом! Я вас понимаю, я вам сочувствую, у меня тоже сын есть! Я все понимаю, но сейчас не надо.

Полковник. Попрошу без истерик! (*Читает письмо.*) «Дорогие, родные мои! Я понимаю, что вам будет очень горько. Но, мама, другого выхода я не вижу!.. Я сейчас лягу спать, только буду спать долго, ведь я любил спать долго. Провожать меня, папа и мама, не ходите. Я не хочу, чтобы вам запомнился последний момент. Я действительно сплю, только очень крепко. И мне лучше всех… Не горюйте обо мне. И очень прошу не вскрывать меня. Я однажды видел вскрытие — это просто варварство, кроме случаев крайней необходимости. Я просто съел немного больше сонников, так что в справке можно написать — „лекарственное отравление“. Мне, конечно, не легко, если кто думает, что выход этот прост. Но я объявляю антракт. Ваш Саша».

Чем дальше читал Полковник, тем тяжелее давалось ему каждое слово, и голос — вначале звонкий, даже юношеский — становился все глуше, все старше и старше.

3.

Вечером, в студии, Лебедев уже сидел перед микрофоном, монтируя утреннюю запись.

Лебедев (*откашливается*). Так… Запись два… Дальше в письме шла приписка, длинная, как дневник. (*Наклоняется над текстом.*) Восемнадцатилетний Александр писал: «Черт… Ни разу так плохо не делал уколы. Два раза, да еще пробил вену!.. А игла — ужасная, просто шить ею можно… Шприц я тоже

спрячу, но не для нового пользования, а насовсем. Понятно, да? Чтобы у врачей и органов не было претензий… Сам себе удивляюсь — стал таким разговорчивым. Просто я, наверное, представил, что мне будет лучше, чем было… Понимаю, это эгоистично: мол, себя освободил, а теперь возись тут с тобой. Ну все! Покурю, хлебну чайку и, как говорится, пока». (*Останавливается, откладывает лист бумаги.*) Но он писал и писал дальше. Буквы становились все неразборчивее и неразборчивее, и мне стоило большого труда расшифровать этот текст. Последние строчки в жизни восемнадцатилетнего парня. Шли имена, фамилии. Иногда какие-то восклицания. Иногда — слова, значение которых я так и не понял. Это был его последний привет, последние мысли перед тем, как наступила темнота… Что же все-таки произошло с Сашей? Почему так нелепо закончилась его жизнь? Я постараюсь найти людей, которые окружали Сашу в последние месяцы и дни. Я попытаюсь расшифровать эти последние записи. Найти их… Посмотреть им в глаза! (*Глубоко вздыхает, невидимому нам звукорежиссеру.*) Ириша… И давай вот что!.. Наложи что-нибудь старенькое!.. Думаю, «битлз»… Ну… Эту мелодию!.. Ты знаешь, о чем я?..

Звукорежиссер догадалась, о какой музыке говорил Лебедев. Старая мелодия старой группы.

4.

Старая мелодия старой группы звучала и на следующий день. Дмитрий, Катя, Алиса, Кеша, Лепа пели песню про желтую подводную лодку исключительно на английском языке. Учительница Марьиванна размахивала руками в такт песни. Потом появился пХадаев Вэ-Ха, директор школы (будем называть его директором). Остановился, внимательно вслушиваясь в слова, по-видимому, на незнакомом ему языке. И когда ребята, послушные дирижерскому взмаху учительницы, замолчали, с сомнением покачал головой.

Директор. Леопольдов, ты хоть знаешь, о чем поешь?

Лепа. Эта песня о желтой подводной лодке.

Директор. В каком смысле?

Кеша. Да это настоящая антивоенная песня, Владимир Харитонович.

Директор. Ты отвечай, когда тебя спрашивают, а когда не спрашивают — лучше не отвечай. Так лучше будет.

Марьиванна. Нет, Владимир Харитонович, вы не правы. Это на самом деле антивоенная песня. Она против атомных подводных лодок.

Директор (*с сомнением*). А не обидятся?

Кеша. Мы так поем, что они все равно ни слова не поймут!

Директор. Марьиванна, может этому шутнику завтра заболеть, а? Как вы считаете, а?

Марьиванна. Нет, у него дискант.

Кеша. Как что, Кеша да Кеша. Нужно мне очень петь.

Директор. Ну, ладно, ладно... Разошелся... Знаю, что дискантом, а иначе без тебя нашли бы, кому петь!.. Ну ладно, все, все... Только давайте больше улыбок... Вот так. (*Показывает.*) А то вон Лебедев волком смотрит.

Дмитрий. Ничего я не смотрю.

Марьиванна. Нет, песню я вам гарантирую... А у Лебедева очень хорошее произношение. Дима, скажи: «Ай эм вери глэд ту си ю».

Дмитрий (*механически повторяет*). Ай эм вери глэд ту си ю.

Директор (*с сомнением*). Ну, допустим... (*После паузы.*) Завтра у нас с вами очень ответственный день.

Кеша. К нам в школу приезжают американские пастухи.

Директор. Давай послезавтра пошутим, а?.. Итак, товарищи, вы уже взрослые и должны понимать, какой у нас с вами, так сказать, ответственный момент. Делегация американских фермеров с целью, так сказать, знакомства с нашей молодежью посетит нашу школу. Леопольдов, ты понял ответственность момента?

Лепа. Я, Владимир Харитонович, с пятого класса в клубе интернациональной дружбы. Я кого только не видел. Однажды даже с Фидж приезжали.

Директор. Фиджи — это хорошо. Но американские товарищи, в смысле, конечно, господа, по нас с вами будут судить, какая у нас сегодня растет молодежь. По тебе, можно сказать, Кеша.

Алиса. Владимир Харитонович, а они молодые?

Марьиванна. Я умоляю тебя, открывай рот только тогда, когда поёшь.

Директор. Кстати, все проработано?

Марьиванна. Все будет в порядке. Я задаю вопрос, руку поднимают все, а отвечают Леопольдов, Лебедев… Катя, ты подготовила рассказ «Все лето — в кондитерском цехе»?

Катя. Я летом на практике не была. У меня же справка, вы что, не помните?

Директор. Вы давайте разберитесь… Чтобы без накладок, понятно?.. И учтите, возможны каверзные вопросы. (*Смотрит в бумажку.*) Вот, допустим**,** спросят тебя, Катя, как ты относишься к богу?

Кеша. Я твердо заявлю, что человек произошел от обезьяны.

Лепа. Дурак ты, Кеша. Нужно отвечать, что у нас свобода вероисповедания, а в бога мы не верим потому, что верим в разум человека.

Кеша. Но разум-то человека произошел от разума обезьяны!

Алиса. Я бы никогда не могла полюбить человека, который произошел от обезьяны. Фу! Даже представить противно.

Кеша. Нет, мы так не договаривались! Или от обезьяны, или я так не согласен!

Марьиванна (*тихо*). Прекратите балаган!

Дмитрий. Бог — это душа человека, а душа бессмертна!

Лепа. Ты ошалел! Это у них бессмертна, а мы верим в разум.

Алиса. Катька, представляешь, знакомишься, а у него хвост.

Директор. Прекратить!

Кеша. Нет, у нас принципиальный спор. Алиса, ты можешь доказать мне, что ты произошла от кого-нибудь другого?

Директор. Прекратите, кому говорят! Завтра ответственное мероприятие, а вы здесь черт знает что устроили!

Лепа. Меня не свернешь! Не на такого напал! Я помню, приехал один из Аргентины и спрашивает, сколько денег моя мама получает! Так ему и сказал!

Марьиванна. Это вы пришли, Владимир Харитонович, и они расслабились!

Директор. Успокойтесь… Если вы и завтра так будете себя вести, то посмотрят на вас американцы и скажут: стоило в такую даль тащиться, чтобы таких оболтусов увидеть! А еще, скажут из 342-й школы, знамя районное два года держат!

Марьиванна. Это они от волнения, Владимир Харитонович! Мы уже все вопросы раз семнадцать повторили.

Катя. Марьиванна, можно выйти?

Директор. В каком смысле?

Катя (*со значением*). Марьиванна!

Марьиванна (*со значением*). Владимир Харитонович!

Директор. А я что, против? Выходи, если надо!

Катя. Спасибо, Владимир Харитонович. (*И торопливо пошла.*)

За ней Дмитрий.

Директор. Лебедев, тебя никто не отпускал!

Дмитрий (*убегая*). Вы что, не видите, что с человеком делается!

Директор. С каким человеком?

Дмитрий (*оборачиваясь на бегу*). Да со мной! Со мной! Это я — человек!

5.

Катя шла быстро, и Дмитрий еле поспевал за ней.

Дмитрий. Ты можешь не бежать или нет?!

Катя (*останавливаясь*). Ну, чего тебе? Я спешу.

Дмитрий. Ну и спеши… Чего остановилась? Спеши…

Они остановились возле подземного перехода.

Катя. Ну, ладно… Пока. (*Пошла, потом почувствовала взгляд Димы, остановилась.*)

Дмитрий. Мать шприц нашла… Истерика. Стала отцу звонить. Первый раз за восемь лет. Нашла кому звонить. Как-то включил радио, он там треплется. Придурок… Ты куда?

Катя. По делам.

Дмитрий. Ну, если по делам… Тогда, как говорится, адью.

Катя. Пока… (*Повернулась, пошла.*)

Дмитрий. Катя…

Он сказал это так мучительно, жалобно, что она остановилась, вздохнула тяжело и подошла к нему.

Катя. Димочка, кончай прикидываться… Что за идиотское время! Каждый прикидывается то наркоманом, то нацистом, то проституткой. Ты что, вот так просто жить не можешь?

Дмитрий. Прикидываться?! Прикидываться?! (*Задирает рукав, показывает руку.*) На, смотри! Надеюсь, ты знаешь, что это такое?

Катя. Ну и что? Что там у тебя на руке? Царапина?.. До утра заживет.

Дмитрий. Я слушаю тебя, а не слышу! Видишь, что у меня с руками делается?! Номера телефона не могу запомнить! Глюки начались!..

Катя. Слов нахватался, как большой. Глюки… Красиво…

Дмитрий. Глюки — это галлюцинации. Вторая стадия. Распад личности.

Катя. Лебедев, а Лебедев…

Дмитрий. Чего?..

Катя. Не надо, а? Ты не знаешь, что это такое, а я знаю. Я видела это. Видела, понимаешь?..

Дмитрий. Стоим… Наше место… Переход, часы… В девять, у трубы…

Катя. Вспомнил!.. Когда это было…

Дмитрий. Три месяца назад.

Катя. Здесь за день такое происходит, а ты — три месяца…

Дмитрий. Знаю… Знаю… Я все знаю… И я знаю, куда ты сейчас спешишь… К кому. К этому…

Катя (*резко*). Ну, хватит. Уж это тебя не касается!.. Пока.

Дмитрий. Погоди… Я же тебе правду говорю! Правду! Это я, я умираю сейчас. Если я не выберусь, мне только вниз головой — и все. Со мной никогда такого не было!.. Я не знаю, как это началось!.. Сначала я только попробовал… Почти случайно!.. Почти!..

Катя (*внимательно посмотрела на него, пожала плечами*). Шел бы ты в школу… А то Марьиванну кондратий хватит. Сначала я, потом — ты. Бедные американцы!..

Дмитрий. Ты что? Ты в самом деле не веришь, что я — еще немного, и все! И что я тебя догнал только для того, чтобы ты меня пожалела. Ведь когда женщины жалеют, то они любят! Вот какой хитрый мальчик! Ведь так же ты сейчас думаешь, так!.. Не бойся!.. Обойдусь без тебя! Я не как некоторые перезрелые ублюдки, которые вешают тебе лапшу на уши…

Катя. Дерьмо ты!.. (*Повернулась и быстро пошла прочь.*)

Дмитрий долго смотрел ей вслед, а потом сел на корточки, закрыв лицо руками.

6.

Лебедев нашел Терехова на его рабочем месте — в лаборатории какого-то НИИ, где он, облаченный в белый халат не первой свежести, занимался обычным своим лаборантским делом — мыл пробирки.

Терехов. Я вас видел на кладбище. И тут же догадался: этот тип до меня обязательно доберется. На «типа» не обиделись?

Лебедев. Нет. Привык. Но странно: я вас там не заметил. Вашу фамилию я нашел в письме, которое оставил Саша.

Терехов. Мы с ним почти не были знакомы. Так, виделись пару раз… Вот уж не думал, что попаду в историю.

Лебедев. У вас очень запоминающийся вид.

Терехов. Да? Странно... Никогда не подозревал. А этот тип странный был. Саша, Александр, Алекс. Симпатичный, в принципе, человечек. Жаль его, конечно, но про него-то я могу точно сказать: еще бы год-другой, и Алекс залетел бы на какой-нибудь ерунде... Это верняк. Тюрьма, суд, зона. А там для таких — каюк.

Лебедев. Но вы-то сами выдержали?

Терехов. Ну, я... Я — другое дело. Я был достаточно циничен, чтобы принимать всерьез то, что со мной происходило! Да и в конце концов только потому, что я был там, мы можем с вами разговаривать здесь. Посмотрели бы вы на меня четыре года назад.

Открылась дверь и появилась коллега Терехова — полная женщина в белом халате.

Женщина. Терехов, у нас политчас!

Терехов. Вы что, не видите, что у меня человек!

Женщина. Ты что, не слышишь, что я тебе говорю? С тобой что — человеческим языком не поговоришь?..

Терехов. Отстаньте от меня, я вас очень прошу. Видите — работаю, что вам еще от меня надо!

Женщина. Что? Скажи спасибо, что мы тебя держим здесь! Надо еще проверить, все ли у нас цело! (*И, резко повернувшись, хлопнула дверью.*)

Терехов. Зря я так, наверное.

Лебедев. Нервы, да?..

Терехов. Ага, нервы!.. Попробовали бы вы с мое. Посмотрел бы я, что за нервы у вас были бы.

Лебедев. Извини, не довелось. Так уж случилось.

Терехов. Ладно, извините... Не знаю, что это я... В принципе, я человек спокойный. Не знаю, что это со мной случилось. Ну, слушаю вас?..

Лебедев вытащил магнитофон, подсоединил шнур, включил.

А это еще зачем?

Лебедев. Да не бойтесь, по голосам даже в милиции не узнают. А для суда магнитофонная запись — вообще не доказательство.

Терехов. Что мне бояться? Просто особенно новое об этом пареньке я вряд ли расскажу. Сколько я таких видел!.. Сначала — травка, потом укольчик... Потом все дальше и дальше. Конец почти у всех одинаков. Кроме таких выродков, как я.

Лебедев. Я хочу узнать все об этих делах. Все, понимаете, все! Если можете помочь — буду благодарен. Нет — попрощаемся и до свидания.

Пауза.

Терехов. Ну, если «узнать все»... А вы уверены, что «все» сегодня кому-то интересно знать? Вам передачу-то не прикроют?

Лебедев. Сегодня — нет.

Терехов. Валяйте, записывайте... Ужасно люблю исповеди. Они облагораживают человека. Ненадолго, правда. И, к сожалению, не того, кого нужно. В восьмом классе я был хилым и никчемным юношей. Меня мог поколотить каждый. Я решил, что для спасения мне надо найти компанию друзей, которые смогут за меня постоять. Как нашел, почему — это другой разговор. Хотя они были старше, были умнее. Может быть, хитрее... Компания у нас сколотилась неплохая, и меня уже стали побаиваться. Мы постепенно разошлись вовсю, нас узнавали все больше и больше, и постепенно кое-кто начал пользоваться нашими услугами. Если надо было кого-нибудь защитить — мы защищали. Нам за это соответственно платили — иногда деньгами, чаще — бутылками. Правда я тогда, как и сейчас, ненавидел пьянство. Но меня все это развлекало, хотя, так сказать, мои соратники мне постепенно начинали надоедать. Их уровень, разговоры и так далее... Но — перехожу к главному. Однажды один из наших «заказчиков» — ему, я помню, было тогда, как и мне, шестнадцать — предложил мне расплатиться кое-чем поинтереснее, чем бормотуха.

И свел меня с людьми, которые так сильно отличались от моей компании. Особенно один. Тогда ему было, как и мне сейчас, далеко за двадцать… Мы с вами договорились — без лишних имен. Тем более что имя вам все равно ничего не даст. Можете называть его просто Он. Да, какое тогда было время! Как для нас звучали имена Джимми Хендрикса, Джеки Джерлин, «угасающих в героиновых джунглях»… И вот он, случай. Меня привели к Нему. Передо мной — несколько ампул. Помню, я вобрал в шприц два кубика… Он отобрал у меня шприц… Я послушно протянул ему руку, игла легко вошла в вену… Я закрыл глаза — и помчался… Грех сказать, что мне было тогда плохо… Я потерял вес тела, я парил где-то под небесами… Я ощущал себя богом, а где-то слышал непрерывный плач Джеки Джерлин… Но вот прошли четыре часа, я открыл глаза и первое, что сказал: еще! Он категорически сказал: нет. Так у меня началась новая жизнь… И однажды я заболел. Я проснулся и, к своему ужасу, обнаружил, что у меня ничего нет!.. А к этому времени я уже ввел себе за правило делать уколы перед школой, сразу после школы, а потом вечером — перед тем, как идти на танцы, на дискотеку или в бар, где в то время собиралась Его компания… Но в тот день я не мог встать. У меня потекли слезы, и я даже не мог их остановить. Начался сильнейший насморк, потом появились сильные боли: сначала в мышцах рук и ног, а потом уже заболело все тело… Наконец я вскочил. Кое-как оделся. И — к Нему. Он увидел меня и стал смеяться. Я сказал ему, что заболел, что, наверное, простудился… Он смеялся все громче и громче. Потом подошел к стеллажу и вытащил три ампулы… «Приход» оказался очень сильным, и нежные волны огня несколько секунд грели лицо. Вся моя простуда быстро исчезла, но когда я сказал Ему об этом, Он опять рассмеялся и ответил: «Наркотики умеют ждать. Теперь они дождались тебя…» Ну, а потом пошло-поехало. Он оказался для меня Мефистофелем. И теперь наркотики посылали меня туда, куда хотелось им. А я шел покорно, безропотно, как будто меня взнуздали, а когда я пытался вырваться, наркотики меня нещадно били, как кнутом… Что потом? Родители заметили,

что со мной что-то происходит… Заметили уколы на руках и, не раздумывая, отправили меня в больницу. Я ненавидел врачей, которые лишили меня рая, было две страшные недели. Меня выписали в полдень, но уже в три часа в квартире у Него я вонзал себе в вену шприц. Прошел еще год, снова больница… Снова вышел, снова влетел. Нужны были деньги. Однажды приобрели наркотики не очень удачно. Людей, которые мне их передали, арестовали. Потом была очная ставка. На меня ткнули пальцем. Я не отказывался: раз уж проигрывать, то проигрывать надо красиво… В первое время в лагере я не мог примириться с мыслью, что буду жить без наркотиков. Я искал их там. Иногда находил. Поэтому мне заменили общий режим на тюрьму. Там-то я и проснулся.

Такой была исповедь Терехова, которую сидел, слушал, стараясь не пропустить ни одного слова, Лебедев. Потом они молча сидели друг против друга.

Что, разговорчивые пошли наркоманы? Это в нас есть… Ну, надеюсь, вы удовлетворены?

Лебедев. Все ты врешь!..

Терехов. Не понял!..

Лебедев. Ты стал наркоманом в шестнадцать, сейчас тебе двадцать шесть. Ведь так?

Терехов. Допустим.

Лебедев. К сожалению, не тот возраст, двадцать шесть, а не шестнадцать, стаж десять лет. Или ты попал к доктору, которому надо дать Нобелевскую премию, или ты врешь!

Терехов. Нет, вы все-таки занятный тип. Над вами, как над всеми, убежденными в своем знании истины, довлеют стереотипы… Ладно, скажу… Меня спас один доктор.

Лебедев. Фамилия? В какой больнице?

Терехов. Что могут сделать ваши больницы?

Лебедев. Экстрасенс?

Терехов. Нет, старик, доктор — это человек. У меня в жизни была одна везуха. Одна, но какая, старик!.. (*И замолчал.*)

Дверь резко распахнулась — и на пороге появилась женщина.

(*Ей.*) Извините, я вам что-то не так сказал… Я пошутил. Ведь я так шучу! Вы же меня знаете!.. Я обязательно приду. Вы не волнуйтесь.

Женщина. Нет, это будет совсем неформально! Вы увидите! Вы можете задать нашему директору любой вопрос… Любой, Терехов! И вам — ответят. Хоть вы и простой лаборант.

Терехов. Я обязательно задам. Только сейчас придумаю, что…

И вздохнул, когда женщина уже не резко, а аккуратно закрыла дверь.

Вот так всегда… Не хочешь, а что-то делаешь. У вас, наверное, тоже так бывает?

Лебедев. Стараюсь делать то, что хочется.

Терехов. Да ладно уж вам… Хорошо. Включайте вашу шарманку. Есть идея.

Лебедев включает магнитофон.

Десять лет назад шестнадцатилетних наркоманов были единицы, сегодня их — огромное множество. И мальчики и девочки… Они все хотят торчать! Они все сошли с ума! В ход пошла химия, уже берут черт знает что! Количество наркотиков растет в геометрической прогрессии. Сколько еще маленьких безумцев уйдут от мамы, от общества, а вернутся ли они? Поэтому я хочу обратиться к тем, кто еще не вплотную уселся на иглу: прыгайте, пока не поздно! Понимаю, кто уже привык — тому трудно. Меня лечили очень много раз, но толку не было, да и не могло быть, пока я сам не захотел этого. И еще, что я скажу, ребята. Мы жалеем о годах, пролетевших во снах! Вам бесполезно говорить о здоровье — вы его не цените! Но поберегите себя хотя бы для того, что вы называете «любовью»… Ведь очень обидно вам будет, когда и для этой любви, вы окажетесь непригодными… Все! Финиш!

Лебедев выключил магнитофон, убрал его, подошел к двери.

Надо бежать. Политчас…

Лебедев. Спасибо… Еще один вопрос…

Терехов. Вы не знаете наших общественников!

Лебедев. Скажите, как родители могут узнать, что их сын или дочь стали наркоманами?

Терехов. Что, и на вас налетело? То-то вы так нервничаете…

Лебедев. Я человек абсолютно выдержанный. На меня не может налетать. Но я привык знать все. Это у меня профессиональное.

Терехов. Пожалуйста. Если профессиональное. Становятся очень узкие зрачки. Как точечки. Но это уже на определенном этапе… Раздражительность. Тупость какая-то.

Лебедев. Ну, это у них у всех.

Терехов. А главное — руки. Руки… Когда спешишь, волнуешься, то все время попадаешь не туда. Вены исколоты. У вас дочь?

Лебедев. Сын. Но это к нему не относится.

Терехов. Вы можете рассчитывать на меня. Я могу поговорить с вашим сыном. Я могу сказать ему то, что вы сами сказать не догадаетесь!

Лебедев. При чем здесь мой сын?

И снова вошла женщина.

Женщина. Терехов! Уже началось! Там отмечают!

Терехов. Извините, у меня отстают часы. Иду, иду я… (*Лебедеву.*) Это намного серьезнее, чем вы думаете. Я вам говорю с полной ответственностью.

7.

Дмитрий лежал на диване, уткнувшись лицом вниз. Поднял голову и огляделся, осматривая пространство, будто увидев его впервые.

Дмитрий. Я дома что ли?.. Все. Финиш. (*Опускает голову,*

лежит, вздрагивает всем телом, поднимает голову). Или нет? Это всем так плохо или мне одному? (*Встал.*) Так… Надо собраться… Не могу. Это что? Это я создан, как птица для полета? Эта голова, эти руки, это тело? Ну, даете. Придурки. Здесь улетишь. До первой заставы. Рука (*поднимает руку, смотрит на нее*). Вторая рука (*поднимает, смотрит*). Трясет всего! С меня листья опадают, а через неделю — кора слезет. Вот и останусь… (*Молчит.*) Кому я нужен? Ну, хоть кому-нибудь! Хотя бы для чего-нибудь! Дерьмо… А что? Дерьмо… (*Стоит, закрыв лицо руками.*)

Раздался громкий вой сирены: то ли скорая к больному, то ли пожарные на пожар, то ли так громыхнуло в его измученном воображении.

Не надо!!! (*Стоит, прислушивается.*)

За дверью шаги, скрежет ключа в двери.

Так… Тихо… Идет…

Появляется мать.

Мать (*с порога*). Митя, мы должны с тобой найти хорошего врача. Я знаю, где его найти, я узнавала. Со мной работает Полина Ивановна. Я тебе рассказывала. Старший экономист. У нее с сыном была такая же история…

Дмитрий (*спокойно*). Привет… Ты пришла?

Мать (*отвернулась, заплакала, сквозь слезы*). Я котлет принесла… Будешь котлеты? Мясные, кажется…

Дмитрий (*истерично*). Не подходи ко мне! Уйди! Не подходи!..

Стало темно, совсем темно, как ночью без луны и звезд.

Голос Дмитрия. Я ничего не вижу… Ослеп, что ли? Только этого не хватало?.. Эй, где я? Здесь есть кто-нибудь?

Ау... Никого! Никого нет! Почему, почему, когда тебе кто-нибудь нужен, никогда никого нет. И это называется жизнью?! Ну, спасибо за подарок. Темно, темно кругом. И вообще, куда я попал?

И вдруг — в ярком свете, на качелях, раскачиваются, взявшись за руки, Катя и Терехов. Раз-два, раз-два... Дмитрий смотрел на них, сделал шаг навстречу раскачивающимся качелям. И снова — темнота. Он лежал, уткнувшись в диван. Вздрогнул, услышал шаги матери.

Дмитрий (*не поднимая головы*). Ты пришла?

Мать. Ты почему так спал? Ты уже не мог раздеться?..

Дмитрий. Который час? Который час, я спрашиваю?

Мать. Я пойду в милицию... Пускай тебя посадят в колонию! Мне не нужен такой сын!

Дмитрий (*поднимаясь*). Сейчас что, утро, что ли?

Мать. Митя, я сейчас позвоню, отпрошусь...

Дмитрий. Ты уходишь на работу? Сейчас что, утро?

Мать. Митя... Мальчик... Ну, что же это такое с тобой?..

Дмитрий (*встает, спокойно*). Ты чего это? Простудился. Голова трещит. Насморк. Грипп, наверное.

Мать. Митя, ведь я тебе самый близкий человек... Почему ты от меня все скрываешь?

Дмитрий. Со мной все в порядке. Я тебе гарантирую. (*Мучительно.*) Ну, не трогай меня...

Он закрыл лицо руками, а когда открыл, матери уже не было, и сумерки заполняли комнату.

Что я, ничтожество, что ли? Почему от меня всем так плохо? Вообще, почему так получается, что от человека — ну, от человека, как он есть, — ничего не зависит? Так же не может быть?.. Это неправильно! Ты родился, ты жил, ты умер. Жизнь в одну строчку. Но для чего-то все это произошло? Ты должен быть кому-то нужен! Кто-то должен не спать из-за тебя! Плакать! Махать тебе рукой, присев на другом берегу реки...

Телефонный звонок. Он прислушивается, но трубку не поднимает. Звонок звенит долго, настойчиво.

Как колокол. Бим-бом, бим-бом... Просыпайся! Просыпайся! Ведь ты не проснешься, и все уснет! Кому-то хочется, чтобы я был таким... Чтобы я ничего не соображал, чтобы жил в глюках, чтобы верил всяким сказочникам, чтобы у меня дрожали руки, чтобы я был покорен, чтобы я был зависим, как крепостной... Нет уж, меня вы не дождетесь...

И мать появляется, будто выплыла из одного пространства в другое.

Мать. На работе комиссии замучили! Полдня сидишь — ничего не делаешь, а на пять минут опоздаешь — пиши объяснение. Я им говорю: у меня сын болен, а они мне — аттестацию не пройдешь. А и не пройдешь! Кто сейчас больше говорит, тот и проходит. А кто говорит громче, тот становится начальником лаборатории! А мне уже все равно!..

Дмитрий. Мать... Мама, послушай!.. Меня ни для кого нет, понятно? Кто придет или позвонит — ни для кого, понятно?

И снова он один.

(*Ходит по комнате, нервно меряя шагами комнату. Остановился.*) Еще день... Или два. И все?!.. Или нет? Или опять?

Телефонный звонок.

(*Прислушивается.*) Катька, это ты звонишь? Ты... Это — ты. Ты поверила наконец-то, ага, поверила! Думаешь, все это шутки? Нет, никакие это не шутки. Это совсем серьезно. Это было совсем серьезно. Могу тебе это сказать... Мы не виделись уже целый день, и поэтому я могу тебе сказать, что я чуть-чуть того... Ну еще бы шаг — и туда.

Телефон все звонит.

Вот так... Раз шаг, два, три... (*Идет осторожно, как по тропинке, вдоль пропасти.*) Ну... Ладно, поговорим. (*Рывком снимает трубку, разочарованно.*) Какой Дмитрий?.. Вы куда звоните?.. В квартиру... Что за шуточки, гражданин? Почему вы называете меня своим сыном? Мне уже за сорок. У меня у самого дети. Жду внуков. Что? Кто это придуривается?.. Это вы там придуриваетесь!.. Хулиган!.. (*Бросает трубку. Остановился посредине комнаты и через плечо смотрит на телефон, который звонил и звонил.*)

8.

Уже наступил поздний вечер. Дул холодный ветер. Свет раскачивающегося фонаря падал на телефонную будку, мимо которой торопливо шел Терехов.

Голос Кати. Терехов!

Терехов вздрогнул, оглянулся. Из-за телефонной будки вышла Катя.

Катя. Терехов, где ты был?!

Терехов. Девочка, я не знал, что ты меня ждешь!..

Катя. Ко мне приставали всякие типы! Я очень замерзла! Милиционер два раза прошел и косится, косится на меня...

Терехов. Он тебя увидел — и все, каюк. Он хочет с тобой жить долго и счастливо, и умереть с тобой в один день.

Катя. Ага, «каюк»... Видел бы ты, как он на меня смотрел.

Терехов. Ничего, скоро будет все в порядке.

Катя. Что в порядке?

Терехов. Не знаю. Это я просто так.

Пауза. И вот они стояли уже в какой-то полутемной комнате, у окна. Руки Терехова на плечах Кати.

Катя. Ты почему замолчал?

Терехов. Я не молчу. Я смотрю. Ужасный город. Еще только час ночи, а все вымерло.

Катя. Вон человек пошел.

Терехов. Какой же это человек? Идет быстро, по сторонам озирается, будто кто догонит и по голове стукнет. С портфелем.

Катя. Терехов, ты мне не ври. Мне врать нельзя. Я маленькая, а детям врать стыдно.

Терехов. А кому же еще врать, как не детям?.. Не бери в голову. Все в порядке.

Пауза.

Катя. Вон еще человек пошел. Это что, тоже скажешь, не человек?

Терехов. Отсюда не вижу… Вряд ли.

Катя. Терехов, мне так школа надоела, ты не представляешь!..

Терехов. Птица моя… Как же так получилось, что мы с тобой познакомились?

Катя. А вон окно светится. Женщина за окном. Терехов, это тоже не человек?

Терехов. Помнишь, как я к тебе подошел и сказал: «Девушка, вам не кажется, что я очень плохо выгляжу?»

Катя. И совсем не так ты сказал! Если бы ты сказал мне так, то не видел бы меня больше! Ты подошел и сказал… Глазищи огромные, лицо дергается. Я даже испугалась сначала: вот, думаю, еще один сумасшедший на мою голову… А ты сказал: «Девушка, со мной что-то случилось… Я ничего не вижу… Вы меня только не бойтесь».

Терехов. Да?.. Да, что-то такое… У меня тогда ломка была страшная… Думал все, каюк. А ты сразу догадалась, что со мной?

Катя. Сначала нет, а потом догадалась. Сейчас таких много стало.

Терехов. На следующий день я не мог понять, зачем я тебе понадобился?.. И на третий, и на четвертый… Ты приходила ко мне, как на работу. Делала крепкий чай. Я тебе сказал, что крепкий чай в таких случаях помогает. А я тебе беспрерывно что-то рассказывал. Зачем я тебе понадобился тогда? Вон сколько ребят кругом: крепкие, здоровые, как кони…

Катя. А у нас тогда были практические занятия по обществоведению.

Терехов (*отходит*). Вот связался черт с младенцем.

Катя. Дурак ты, Терехов!..

Терехов. Катя, птица моя... За что мне вдруг такой подарок? Никто никогда в жизни так не смотрел на меня, как ты... А если что не так, прости.

Катя (*резко обернувшись*). Терехов, что с тобой случилось?! Терехов!.. Где ты был? У кого? Что случилось?

Терехов. Да ничего... Ничего. Я просто завтра утром уезжаю в командировку.

Катя. Терехов, какие командировки у лаборанта?

Терехов. Ну, не скажи... Важное дело, так сказать, государственные интересы.

Катя. Что ты врешь, Терехов! Никуда ты не поедешь!

Терехов. А куда я денусь?

Катя. А куда ты едешь? В какой город?

Терехов. Да ерунда, не бери в голову.

Катя. Куда ты едешь?

Терехов. Я лечу самолетом.

Катя. Я полечу самолетом тоже.

Терехов. Ты что? Это же завтра утром! Я лечу завтра утром.

Катя. И я завтра утром.

Терехов. Ты чего, того? (*Крутит пальцем у виска.*) Тебе завтра в школу, а послезавтра я вернусь.

Катя. Терехов, это не твое дело.

Терехов (*резко*). Хватит! Все, все! Если хочешь поработать в няньках — иди в фирму «Заря». Там сейчас на таких, как ты, дефицит (*И отвернулся к окну.*)

Катя. Терехов, ты меня знаешь. Я тебя все равно никуда не отпущу! Ты же знаешь!

Терехов обернулся, положил ей руки на плечи, внимательно посмотрел на Катю.

Что ты так смотришь?

Терехов. Как?

Катя. Не знаю, как, но я боюсь, когда ты так смотришь.

Терехов. Не бойся, маленькая, все будет в порядке. Я когда тебя увидел — тогда на улице, — и тут же, как молнией: о'кей, вот теперь будет все в порядке. Они треплются: врачи, врачи... Что они могут, врачи? Ведь так, а?

Катя. Я боюсь, Терехов.

Терехов. Ты чего? Чего бояться-то? Чего ты? Эй, ты что! Пока мы вместе, чего же нам бояться?

9.

Делегация американских фермеров приехала в школу, как и было обещано — после пятого урока. И после первых приветствий и после первых волнений, после показательного урока и совместного чаепития уже можно было облегченно вздохнуть: ребята не подкачали! Потому-то с такой радостью шли навстречу друг другу директор и Марьиванна, спеша поделиться друг с другом впечатлениями от своих воспитанников.

Марьиванна. А тот длинный, с бородкой спрашивает: а почему ваши у нас зерно покупают!

Директор (*радостно*). А это не предусмотрено! Я, не поверите, начал валидол искать!

Марьиванна. А Кеша не растерялся! А для того, говорит, чтобы ваши безработные работу не потеряли!

Директор. Я — за сердце! А они как засмеются!

Марьиванна. Кеша — умный мальчик! Я его семью знаю! Замечательная семья!

Они разбежались, чтобы через секунду встретиться снова.

Слышали, слышали?!!!

Директор. Слышал, слышал!!!

Марьиванна. Все слышали?

Директор. Я только конец слышал!!!

Марьиванна. Так вы самого главного не слышали!

Директор. Но Алиса — никогда бы не подумал — хорошо ответила, твердо, мне понравилось: «никогда». Вот так (*строгим голосом*) «никогда».

Марьиванна. Так вы же самого главного не слышали! Они ее спросили, существует ли у советской молодежи проблема свободной любви. А она им твердо: «Никогда!»

И снова они разбежались, и снова встретились: запыхавшиеся, счастливые.

А сколько их понаехало-то!

Директор. Когда комплексная проверка — и то меньше людей посылают.

Марьиванна. И негры есть. Три негра — и ничего. Веселые.

Директор. Как бы потом ничего не написали! Знаете, как у них!

Марьиванна. Нет, наши ребята — молодцы. Честное слово, молодцы!

Директор. Я завтра приказ издам: всем благодарность!

Марьиванна. Я думала — приедут двое или трое. Помните, у нас болгары были? А их — вон сколько!..

Директор. Болгары — это, наверное, еще до меня были. При мне только делегация была из Челябинска, за опытом, и телевидение приезжало, передача «Наш сад». А когда болгары были, я еще в аппарате трудился.

Марьиванна. А мне кажется, Владимир Харитонович, что мы с вами всю жизнь работаем. Вот прямо всю жизнь.

Они смотрели друг на друга, а в это время впервые в своей жизни, в школу, где учится его сын, входил Лебедев. Он внимательно осматривался кругом, как человек, впервые попавший в незнакомый ему мир. И увидев стоящих друг против друга директора и Марьиванну, направился к ним.

Директор (*заметив его, тихо*). Вон... Вышел.

Марьиванна (*оборачиваясь, слащаво*). Хау ду ю ду!

Лебедев (*растерянно*). Хау ду ю ду.

Директор (*тихо*). Что вы ему сказали?

Марьиванна (*тихо, директору*). Я с ним поздоровалась. (*Громко, Лебедеву, по-английски*.) Это наша школа. В ней пять этажей.

Лебедев (*удивленно, по-английски*). Да, пять…

Директор (*тихо*). Что он сказал?

Марьиванна (*тихо*). Он сказал, что у нас великолепная школа. У них таких нет.

Директор (*улыбаясь Лебедеву, тихо — Марьиванне*). Скажите ему, что у нас еще бассейн есть.

Марьиванна (*тихо*). Он не поверит.

Директор (*тихо*). А вы ему скажите, что есть, но он сейчас на капитальном ремонте.

Лебедев. Простите…

Марьиванна (*тщательно, с акцентом выговаривая русские слова*). Вы уже начали изучать русский язык. (*Тихо, директору.*) Он, оказывается, по-русски понимает!

Директор (*ткнул себя пальцем в грудь*). Я — директор Хадаев Вэ-Ха. (*Тихо, Марьиванне.*) Может, он что-нибудь ищет?

Марьиванна (*тихо*). Ну, мне неудобно же об этом спрашивать! (*Лебедеву, тщательно выговаривая.*) У нас очень хорошие дети.

Лебедев пожал плечами.

Директор (*тихо*). Надо проверить, закрыт ли кабинет первоначальной военной подготовки. Мало ли, что ему в голову взбредет?

Лебедев. Да уж хорошие?

Марьиванна (*тщательно выговаривая слова*). Где вы так хорошо выучили русский язык?

Лебедев. В 29-й спецшколе.

Марьиванна. В смысле?

Лебедев. В чем дело, товарищи? Я ищу директора школы.

Марьиванна (*растерянно*). Так вы не в делегации?

Лебедев. В какой делегации?

Директор (*тихо, Марьиванне*). Пусть документы покажет.

Лебедев (*услышав, протягивает удостоверение*). Да вот документы.

Склонившись, директор и Марьиванна тщательно изучили их.

Марьиванна (*кокетливо улыбаясь*). Так вы журналист? А у нас, вы знаете, американцы… с утра — голова кругом.

Лебедев удивленно пожал плечами.

Директор (*преданно глядя в глаза журналисту*). Для нашей школы сегодня особенный день. Давайте лучше узнавать друг друга в дискуссиях, чем соревноваться в звездных войнах. Ученики нашей школы со всей ответственностью подошли к встрече с американской делегацией, еще раз продемонстрировав свои гражданские и нравственные качества. Думаю, что если так напишете, то будет правильно. Я же до этого долго в аппарате работал. Ситуацию улавливаю.

Лебедев. Какие американцы? При чем здесь американцы. Я — по личному делу… У меня здесь сын учится.

Марьиванна. Сын? У нас?

Директор. В нашей школе? Или в какой-нибудь другой?

Лебедев. У вас, в триста сорок второй. У вас же триста сорок вторая школа?

Директор. Триста сорок вторая.

Лебедев. Может, знаете, Лебедев Дмитрий.

Марьиванна (*резко меняя интонацию*). А… Понятно. (*Директору.*) Это — отец Лебедева.

Директор. Что же, это, получается, товарищ Лебедев?

Марьиванна. Нет, но это просто безобразие! Полнейшая безответственность!

Директор. Вы что, не знаете, что полагается за срыв общественно-политического мероприятия?

Марьиванна. Или, может, он специально?

Лебедев. Да что случилось? Объясните, пожалуйста!..

Марьиванна. Это вы нам объясните, почему он сегодня не пришел в школу, подвел товарищей. У него же произношение.

Лебедев. Что, хорошее произношение?

Марьиванна (*директору*). Нет, вы посмотрите только на него. Что, он над нами издевается? И как вы думаете, какую характеристику даст ему коллектив?

Директор. Вот что, товарищ журналист. Это вы на работе журналист. А здесь вы такой же родитель, как и все! Надо воспитывать сына, воспитывать, понимаете? Дерево, если его не поливать, — каким вырастет?

Лебедев. Ну и каким?

Директор. То-то же.

Лебедев. Я пришел узнать, что происходит с моим сыном. У вас узнать, у вас!

Марьиванна. Это вы — у нас? Это мы должны спросить у вас, что это с ним происходит. Хватит, хватит все на школу валить!..

И тут вбежала запыхавшаяся Алиса.

Алиса. Марьиванна, Марьиванна! Они там спрашивают... Из каких компонентов состоит отдельная колбаса!!!

Директор и Марьиванна торопливо пошли вслед за Алисой.

Марьиванна (*обернувшись*). Пускай их после этого в школу!

Директор (*обернувшись*). Марьиванна — вы наверх. А я пойду, куда следует позвоню.

И они убежали, оставив Лебедева в одиночестве.

10.

Поздним вечером, далеко от Москвы, в маленьком южном городке, по холлу безлюдной в это время маленькой гостиницы нервно ходила Катя, кружа возле швейцара с лицом сфинкса.

Катя. Товарищ швейцар! Ну, позвоните в милицию. Может быть, с ним что-нибудь случилось!

Швейцар. Не положено.

Катя. Что не положено? Что не положено? Вы же не памятник, а человек… Тогда, давайте, я позвоню!..

Швейцар. Гостям со служебного телефона не положено!

Катя. У, чудовище! (*Села на корточки.*) А как вас зовут?

Швейцар (*подозрительно*). А это еще зачем?

Катя. Мы же с вами уже час знакомы, а я вас все: «товарищ швейцар» да «товарищ швейцар». Обидно же, наверное?

Швейцар. Мне не обидно. Я на посту, а вы мне мешаете.

Катя. Скажите, пожалуйста, а кем вы мечтали быть, когда учились в школе?

Швейцар. Космонавтом.

Катя. Сказали бы летчиком — поверила бы. У вас тогда все хотели быть летчиками.

Швейцар *(впервые посмотрел на нее с интересом).* А откуда это ты знаешь, кем мы хотели в школе быть? Вы нас что, на уроках проходите?

Катя. Проходим…

Швейцар. Нет, я мечтал быть Карацюпой. Вы хоть учите, кто такой Карацюпа?

Катя. Химик, что ли?

Швейцар. Скажешь, химик… Он шпионов ловил. С собакой.

Катя. А… Понятно. Сказал, в девять вернется, сейчас уже двенадцать, а его все нет и нет. Товарищ швейцар, а у вас в городе хулиганов много?

Швейцар. Сейчас не сезон. Летом — кого только нет. И грузины, и из Ростова.

Катя. Но он же мог под машину попасть!

Швейцар. Я тридцать пять лет на посту простоял. В облисполкоме. Безупречно. В отставку вышел — и сюда. Здесь у меня сестра. Но публика — как там и как здесь — не сравнишь. А мой бывший начальник караула сейчас в «Интуристе» стоит. Видела, у нас возле вокзала гостиница «Интурист»? Вот там он стоит. У него здесь тоже сестра живет.

Катя. Что это вы разговорились-то? Час молчали, а сейчас разговорились?.. А, может, он гостиницу перепутал?

Швейцар. Нет, туда только иностранцев пускают. Я там тоже два раза был. В гости приходил. У меня там начальник мой бывший работает, капитан Нечипоренко.

Катя. Да помолчите, пожалуйста...

Швейцар. Ладно... Допущу я тебя до телефона. (*Оглянулся внимательно вокруг.*) Иди, пока никого нет, а я покараулю.

Катя. Спасибо. Вы замечательный дедушка.

И Катя рванулась к телефону, но не успела добежать, потому что в гостиницу вихрем ворвался Терехов, с дорожной сумкой в руках.

Терехов. Девочка, прости ради бога! Замотался, безумно замотался!

Катя. Терехов, ты дурак, Терехов. Сейчас сколько времени? А если со мной что-нибудь случилось?

Швейцар. Гражданин, пропуск!

Терехов. Я думал — на час, туда и обратно, а оказалось, что это далеко!

Катя. Терехов, как ты мне надоел, Терехов! А он к телефону не подпускает!

Швейцар. Гражданин, пропуск!

Терехов (*показывая ему пропуск*). Да вот, вот... (*Кате.*) Почему ты здесь стоишь? Что ты здесь делаешь? Пойдем, пойдем...

Швейцар (*Терехову*). Проходите!

Катя. Нет, Терехов... Ты ко мне очень плохо относишься! Ты не помнишь обо мне!.. Я здесь одна... Вот с ним. (*Показывает на швейцара.*) Уже ночь... Ты сказал, что будешь через час. Я даже не знаю, где тебя искать.

Терехов. Такая жизнь... Ну, жизнь такая. Ну, пойдем, пойдем...

И пошли.

Швейцар (*Кате*). Гражданка, пропуск!

Катя (*протягивает*). Ну, вот, вот… Вы бы границу лучше охраняли, а то шпионы так и лезут.

Швейцар (*Кате*)**.** Проходите…

И вот Катя и Терехов в гостиничном номере, точно так же, как однажды стояли у окна тереховской квартиры.

Терехов. Катя, а вон там море… Видишь?

Катя. Терехов, у тебя все в порядке?

Терехов. Все замечательно, девочка. У меня был просто сегодня суматошный день…

Катя. Где ты был?

Терехов. Где был, там меня уже нет.

Катя. Посмотри на меня!

Терехов (*оборачивается*)**.** Ну?.. Да все в порядке! Не бери в голову! Вот даешь! Из дома удрала, мать обманула, в школу не пошла, с американцами не пообщалась.

Катя. Пошли они к черту! Зато море увидела…

Терехов. Из окна…

Катя. Ну и что из окна? У нас еще снег идет, а здесь — плюс двадцать. А завтра утром прилетим, у нас снова снег.

Терехов. Я тут с одним типом разговаривал… Он на радио работает. Занятный такой тип. Спрашивает, кто же это вас вылечил? А я ему отвечаю: да вот, есть один доктор, только не скажу, кто… Очень, говорю, замечательный доктор.

Катя. Ты все смеешься… Шуточки разные… А я все время боюсь за тебя! Я так за тебя боюсь, что перестала учиться! Скоро экзамены, а я все поперезабыла. Мне все время за тебя страшно. И днем, и вечером, и ночью. Живу, как на войне.

Терехов. Сдашь экзамены — мы вот сюда летом приедем. Здесь одна бухта есть… Возьмем морской велосипед. Ты когда-нибудь ездила на нем?

Катя. Нет.

Терехов. Ну, вот видишь… А ты говоришь.

И тут раздался стук в дверь.

Катя. Терехов, стучат.
Терехов. Это не сюда.

Но стук повторился.

Катя. Стучат...
Терехов. Кто там?
Голос (*из-за двери*). Открывайте.
Катя. Терехов, не открывай.
Терехов. Кто это?
Голос. Открывайте! Уголовный розыск.

Терехов опустил голову и обреченно пошел к двери.

Катя. Терехов! Не надо!..

Терехов открыл дверь. Двое вошли в комнату — похожие, как два брата. Но один мрачный, а второй — с располагающей улыбкой. Первый замер у двери, загородив ее. Второй же вытащил и показал удостоверение красного цвета.

Второй неизвестный. Все понятно?
Терехов. В чем дело?
Первый неизвестный. Терехов?

Терехов перевел глаза с одного на другого — и, опустив плечи, отвернулся к окну. Первый остался у двери, а второй — медленно, спокойно, пошел за ним. И Катя преградила ему дорогу.

Катя (*возмущенно*). Что вам здесь надо? Вон отсюда! Пришел... Красной книжечкой размахиваете!.. Вы преступников ловите! Что вы сюда пришли! Стоит раз человеку ошибиться — и что уже, на всю жизнь!?

Второй, отстранив Катю, подошел к Терехову, начал его обыскивать, Терехов послушно поднял руки.

Отойдите от него! Терехов, скажи ему, чтобы отошел!

Второй. Девушка не в курсе?

Первый. Прикидывается.

Катя. Почему вы ничему не верите? Почему у нас никто никому не верит? Ну, почему, почему? Да, сидел человек, да был наркоманом, но что же теперь, ему до смерти на лбу клеймо носить?

Терехов (*резко*). Сядь и замолчи.

Второй. Нет, девушка не в курсе. Хорошая у тебя девушка, Терехов. Как только она с таким дерьмом связалась? (*Обернувшись к Кате.*) К сожалению, должен вас огорчить. Терехов в данный момент выполнял роль курьера по транспортировке крупной партии наркотиков. Сегодня в двадцать один тридцать он пришел на Малую Кавалерийскую, где у одного придурка, можно сказать, по кличке Чок, приобрел партию наркотиков, передав ему двадцать две тысячи рублей. Правильно, Терехов?

Катя. Терехов!..

Терехов (*резко*). Сядь и замолчи.

Катя. Терехов, как же так! Терехов…

Второй. То есть совершил преступление, подчеркиваю, тяжкое преступление, наказание за которое он получит по всей строгости и неотвратимости советских законов. (*Первому.*) Получит он на всю катушку?

Первый. А куда он денется?

Терехов медленно обвел всех взглядом вдруг, низко нагнув голову, бросился к двери. И — упал, прижатый к полу Первым.

Катя. Терехов, ну что это такое, Терехов?!

Первый (*отряхиваясь*). Брыкается, сука.

Терехов прислонился к стене и сидел на корточках, низко опустив голову.

Второй. Плохие у тебя шутки, Терехов. За такие шутки, знаешь, что делают? (*Подошел к дорожной сумке, открыл ее,*

пошел к дверям.) Ну, ладно… Завтра к девяти в горотдел. (*Внимательно посмотрел на Катю.*) Надо же, какую девочку отхватил! Поехали!.. (*Открыл дверь.*)

Первый. Ку-ку, придурок!

И они ушли.

Катя (*присела на корточки напротив Терехова*). Терехов! Зачем ты это сделал, Терехов?! Ну, скажи мне, зачем? Что же теперь будет, Терехов? Ты что же, зачем опять в тюрьму?

Терехов. Какая тюрьма? Ты что, не поняла? Это же бандиты были!

Катя. Какие бандиты, Терехов?

Терехов. Обыкновенные. Обыкновенные бандиты, девочка. Черт, глупо как… Как щенок попался.

Катя. Бандиты?! Ну и черт с ним! Фу… Пускай они все забирают! Все, все!.. Терехов, я так испугалась… Терехов!..

Терехов. Купили, падлы.

Катя. Ты что ругаешься? Ты что, я тебя спрашиваю, ругаешься!

Терехов. Вот и все.

Катя. Что все, что все? Если не милиция, если не тюрьма, если ничего не случилось… Терехов, ты мне врал?! Разве можно мне врать?..

Терехов. При чем здесь тюрьма? Что я не знаю что это такое? Все. Вот сейчас все.

Катя. Да что все, что все?

Терехов (*усмехнувшись*). Наркотики умеют ждать. Дождались. В принципе, уже давно.

Катя. Терехов… Ты давно мне врешь? Что все, что не тянет, что больше никогда?

Терехов. Месяца полтора. Помнишь, у вас в школе была дискотека…

Катя. При чем здесь дискотека?

Терехов. Я ждал тебя около школы… Ты сказала, что ты не сможешь выйти.

Катя. Что ты несешь, Терехов? Я не могла тебе так сказать.

Терехов. Или мне показалось, что ты так сказала. Ты не поймешь. Ты себе просто представить не можешь, что вдруг начинает с тобой твориться. Ты же ничего не соображаешь. Ты как робот…

Катя. Терехов, я тогда выскочила из школы… Тебя не было!

Терехов. Ты меня любила… Как любят дворнягу. Из жалости.

И Катя ударила его по щеке. И заплакала от того, что ударила.

Не слушай меня. Я несу бред.

Катя. Терехов, ну давай… Еще раз попробуем.

Терехов. Катя, девочка… Это в шестнадцать лет еще есть шанс завязать. А в двадцать шесть! С моим стажем!

Катя. Терехов, я не хочу жить!

Терехов. Когда он попросил съездить сюда… Дал денег… Я никогда в жизни не держал в руках такую пачку денег! Я знал, я чувствовал, что все этим и кончится… А тут еще ты! Зачем тебя понесло со мной сюда!

Катя. Кто он, Терехов?

Терехов. Его зовут Боб. Ты не знаешь его. А я его знаю уже одиннадцать лет. Это — страшный человек. А я его раб.

Катя. Ты не раб!

Терехов. Дерьмо я, девочка. Зря ты со мной связалась… Все равно бы ничего не получилось. Не сегодня бы узнала — так завтра. Или послезавтра. Это же не скроешь. То, что человек дерьмо — это не скроешь. Воспитание — это как одежда. Снимешь, а там дерьмо.

Катя. Терехов, давай что-нибудь придумаем? Ну, давай! Давай еще раз попробуем! Ну, Терехов!

Терехов. Что уж здесь пробовать… Все, все…

Катя. Тебе двадцать шесть лет. Всего лишь двадцать шесть…

Терехов. Ты хоть понимаешь, что со мной случилось? Детка… Ты их не знаешь, а я знаю. Меня купили, как ребенка, и теперь мне надо платить. Это все, что мне осталось. И чем

скорее ты меня забудешь, тем будет легче. Это я идиот, я, я! Связался! Обрадовался!

Катя. Терехов, ты сам сказал: пока мы вместе, нам ничего не страшно? Это было только вчера!

Терехов (*презрительно*). Милиция. Идиоты… (*Достает из кармана шприц, пакетик.*)

Катя. Терехов! (*Пытается отнять у него шприц.*) Что ты делаешь!..

Терехов (*громко, истерично*). Не трогай меня! Уйди! Я тебя ненавижу!

Катя села на корточки и заплакала.
Появился швейцар.

Швейцар (*прислушивается*). Чу!.. Показалось… Сначала надо крикнуть: «Стой! Кто идет!» Вот так. (*Кричит.*) «Стой! Кто идет!» Потом: «Стой! Стрелять буду…» А потом уже на изготовку… Вот так стоишь один на посту и думаешь… Думаешь, думаешь… А они все ходят, ходят… Пропуск спросишь, как положено — обижаются. Нет, не тот народ. А все из-за чего? Из-за заграницы. Не было бы ее, как бы хорошо жили. Давно бы коммунизм построили. Я бы сейчас в светлом будущем жил. Ходил бы в галифе, в сапогах… Собака бы была у меня, овчарка. Эти разве поймут, как надо на посту стоять? Им бы только какую-нибудь шалаву в номер к себе провести да буги-вуги спеть… Эх, было время…

Появился пограничник с собакой. На пограничнике — форма с петлицами, галифе, в руках трехлинейка. Пограничник подозрительно посмотрел по сторонам. Собака тоже. Исчезли.

Вот говорят: «Сталин, Сталин…» Не знают, а говорят… Молодежи голову морочат. А при Сталине попробовал бы кто без пропуска в гостиницу пройти? Развинтился народ. Нет порядка, а какое же без порядка светлое будущее? Одни шпионы. Вот, допустим, взять нашу работу — швейцаров. Не хочет

идти в нее молодежь, а почему? Потому что работать не хотят. Вот почему. Потому и не идут. А кто же тогда будет пропуска проверять? Нас бы, швейцаров, в правительство. Мы бы сделали швейцарское правительство. Не дай бог, чтобы из швейцаров, а из тех, кто всегда начеку. Тогда не то, что в гостиницу — из дома без пропуска не выйдешь. Одним словом, хорошо тогда будет. Как при Карацюпе. (*Ушел.*)

Терехов сел на пол, вытянул ноги. Положил Кате руки на плечи. Катя отдернула руку.

Терехов. Они мне дозу дали… Бесплатно. Сейчас, сейчас… Ты хочешь со мной? Ты не знаешь, что ты увидишь сейчас?! Тебе будет тепло! Птицы полетят… Давай… У меня еще есть…

Катя сидела, закрыв лицо руками.
Где-то там, в московском пространстве, стоял Лебедев.

Лебедев. «Но он писал и писал дальше. Буквы становились все неразборчивее и неразборчивее. И мне стоило большого труда расшифровать этот текст. Последние строчки в жизни восемнадцатилетнего парня… Шли имена, фамилии… Иногда какие-то восклицания. Иногда слова, значение которых я так и не понял. Это был его последний привет, последние мысли перед тем, как наступила темнота…»

Катя прижалась к стене, плечи ее вздрагивали от слез.

Действие второе

11.

Странным было место, куда вдруг занесло журналиста Лебедева. То слышалась пулеметная очередь, то свист низко летящего снаряда, то гул и рев танковой колонны. То ракеты освещали пространство,

как будто на какой-то войне. Лебедев торопливо шел, вогнув голову в плечи, испуганно оглядывался. И, наконец, увидел полковника. Полковник — в полевой форме, опоясанный ремнями и в каске, бежал низко пригнувшись.

Лебедев. Товарищ полковник!

Полковник (*резко останавливаясь*). В чем дело!

Лебедев. Товарищ полковник, здравствуйте.

Полковник. Как вы здесь оказались?

Лебедев. Слава богу… Наконец-то я вас нашел. А то кого ни спрошу, никто не знает. Все: «Только что пробегал… Только что пробегал…» Быстро же вы бегаете!

Полковник. Как вы здесь оказались?! Кто вас допустил в район боевых учений!..

Лебедев. Да не волнуйтесь вы так! Что я, шпион, что ли, какой-нибудь? Показал удостоверение — и пропустили.

Полковник. Какое к черту удостоверение? Как вы здесь оказались?

Лебедев. Журналистское удостоверение. Обыкновенное. Товарищ полковник, вы что — не узнаете меня?

Полковник. Кто на КПП стоял?

Лебедев. Капитан какой-то…

Полковник. Толстый? С усами?

Лебедев. По-моему, усы были.

Полковник. Понятно… Ну, с ним мы еще разберемся. Десять суток на офицерской гауптвахте. Удостоверение показал… Я ему такое удостоверение покажу! Распустились!

Лебедев. Моя фамилия Лебедев. Я работаю на радио. Вы что, меня совсем не помните?

Полковник. Сейчас положу до прихода особого отдела, будете знать, как прогуливаться в районе боевых учений. Привыкли там у себя на бульварах…

Раздался громкий свист низко летящего снаряда…

Ложись!

Лебедев (*падая*). Вы что, соображаете!

Полковник упал, толкая перед собой Лебедева. Низко, над головами летит снаряд. Полковник встал, отряхнулся — и за ним, провожая глазами улетевший снаряд, встал Лебедев.

Так и попасть можно!..

Полковник (*грозя кому-то кулаком*). Мазила!

Лебедев. А я думал, на учениях холостыми стреляют.

Полковник (*посмотрел на часы, достал ракетницу*). Это зеленая ракета?

Лебедев. Зеленая.

Полковник. Двое суток не спал... В глазах все путается. (*Стреляет зеленой ракетой.*) Так, полчаса перерыв.

Лебедев. Моя фамилия Лебедев...

Полковник. Я вас узнал. Мы с вами уже встречались. (*Достает из планшета бутерброд.*) Есть хотите?

Лебедев. Да нет, спасибо. Я — на машине. В редакции пообедал.

Полковник. А я, с вашего позволения... (*Ест.*) Хоть учения начались. Когда учения — уже ничего не соображаешь. Проваливаешься, как в сон. Жену в Кисловодск отправил. С сестрой. Она поможет, если что.

Лебедев. Не думал, что на учениях — вот так, по-настоящему.

Полковник. Может, передумали? У меня четыре бутерброда. Целый гастроном.

Лебедев. Вы уж того капитана усатого не ругайте. Мне вас очень необходимо было видеть.

Полковник. Я вам уже все сказал. Тогда.

Лебедев. Да я вас хотел спросить... У меня сын.

Полковник. А...

Лебедев. Чертовщина какая-то.

Полковник. Сколько ему?

Лебедев. Скоро семнадцать... Но у нас с ним особая ситуация. Мы не особенно часто видимся.

Полковник. Я бы все-таки не рекомендовал в таком виде

на учения приезжать. Хоть бы каску надели. Мало ли что…

Лебедев. А, ерунда… Вы уж извините. Понимаю, тяжело об этом снова.

Полковник. Не слышали, как там, в Кисловодске? Все ливневые?

Лебедев. Да их не поймешь… Спутники показывают без осадков, ветер южный, слабый… Вчера поверил — и подзалетел. Наверное, завтра слягу. До нитки промок.

Полковник. Давно это у него?

Лебедев. Да у нас такая ситуация… Живем как бы отдельно. Знать бы, что с ним… Знать, что можно сделать? Какие слова сказать? Какие, что ли, примеры приводить?

Полковник. Если только попробовал, если не всерьез, то еще есть шанс. А так, что говори — не говори… Это на войне, в бою прикажешь «Надо умереть» — и умрет. Что уж тут делать, война. А вот попробуй, прикажи ему в мирное время! «Живи!» И не прикажешь. У нас и слова-то такого в приказах нет.

Лебедев. Что же это за напасть такая… Не было, не было, и вдруг — на тебе. Доехали.

Полковник. Распустили… Распустились… Кино понасмотрелись…

Лебедев. Что значит «распустились»? Это вы бросьте, товарищ полковник. Если бы все дело было только в дисциплине, то и забот нет: «налево», «направо», «кругом», «бегом»… У вас-то, наверное, с дисциплиной все в порядке было?

Полковник. У меня два последних года времени на него не доставало. Новая должность. Заботы. Да и возраст уже.

Лебедев. Ну, какой уж там возраст. Еще генералом будете.

Полковник. Не буду. У меня должность полковничья… Я его в девятом классе взял с собой на охоту. Был, правда, домик. Со всеми удобствами, и вода горячая. Но он мне: «Только в палатке». «Только, — говорит, — папа, в палатке».

Лебедев. Вы уж извините, что я вас здесь нашел. Кому еще расскажешь.

Полковник. Только вот послушайте… Вы на него не кричите. Криком здесь не поможешь…

Лебедев (*вздохнул глубоко*)**.** «Кричите…» Жили, наверное, не так. Врали много.

Полковник. Это уж по вашей части.

Лебедев. Что, по нашей? Мы — как все. Нет, нет… Все дело в другом. Как-то мы привыкли… И нас так воспитывали, и мы воспитываем. О форме заботимся, а о содержании забываем. Лишь бы форма была как надо. Нет бы сказать: живи, как знаешь, над нами смейся, презирай нас, тыкай носом в наши ошибки, только уж живи. Сможешь сделать лучше общество, чем это, — сделай. Но только живи!

Полковник. Значит, как я понимаю, вы с вашей бывшей супругой в разводе?

Лебедев. Ну, вместе бы жили? Что бы от этого изменилось? Разве в том дело, кто с кем живет? Как живем — вот в чем дело.

Полковник (*взрываясь*)**.** Взрослый человек, а всякую ерунду несете! Это — болезнь! Понимаете, болезнь! Как рак, как СПИД, только страшнее! Они же добровольно уходят! Понятно бы было: на защиту отечества, матерей своих спасать, жен, невест, жизнь свою защищать! А то не знают, что защищать, — и вот понапридумывали себе. А тут еще вы, с вашими теориями! Голову только им морочите!

Лебедев. Извините… Мне не надо было приезжать.

Полковник. Двое суток не спал. Раньше хоть пять — и ни в одном глазу.

Лебедев. Это я просто от беспомощности.

Полковник. Я какую ракету запустил?

Лебедев. Зеленую.

Полковник. Значит, сейчас надо красную. (*Достает ракетницу.*) Скоро танки поедут… Форсированным маршем.

Лебедев. Еще раз извините. До свидания. (*Уходит.*)

Полковник (*вслед Лебедеву*). Вы ко мне домой приезжайте. Я в воскресенье дома буду! Вы приезжайте! Без стеснения! В воскресенье! К шестнадцати ровно! Код запомните! Триста двадцать восемь! Запомнили?! Триста двадцать восемь! (*И, запустив красную ракету, побежал в гущу боевого учения.*)

12.

А Дмитрий просыпался. Постепенно, как после трудной, с обмороками, болезни, с трудом вспоминая себя вчерашнего и, проходя сквозь горечи воспоминаний, постепенно выздоравливал.

Дмитрий. Сегодня, что ли, вторник? Или еще пятница?.. (*Обошел квартиру.*) Никого нет. Или мать в магазин ушла? Или сегодня воскресенье? (*Подходит к окну.*) Не похоже. Машин много, а людей мало. Наверное, вторник... Идиот, разговариваю сам с собой! Кретин! В крейзуху пора! Там таких миллион. Все, что ли? Выдернулся? Или это не я? Ничего не помню... Кто-то приходил... Мать с кем-то ругалась. Кто-то камнем в окно кидал. Это ночью было... Дзынь по стеклу, дзынь. Или мать в командировку уехала? Она про какую-то командировку говорила? Или это когда? Ничего не помню, ничего не помню... Все! Или нет? Или снова начнется?.. Так. Он лег. (*Ложится.*) Вздохнул. Вот так... Еще раз... Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять. (*Вскочил.*) Руки в порядке, ноги тоже... Вырвался... Уф... Вышел... Нет, все... Хватит... Экзамены через месяц. (*Подходит к окну.*) Или сейчас уже сентябрь? Да... Сейчас уже сентябрь. Ты проспал май, июнь, июль, август... Какой пассаж... Хватит придуриваться! Ты здоров! Все! Кто-то меня все время доставал! Кого-то мать выгоняла! Марьиванну, что ли, приносило? Хватит. Все! Я здоров! Вон какие руки! Ну-ка, Митечка, что это ты такое выкинул? Целых три месяца... По физике две двойки. Это — ерунда. Быстро за учебник! Ну, быстро! Ну, к столу! Митя, место! А я проснулся! Я на самом деле проснулся! А вдруг Катька приходила? При чем здесь Катька? Погоди, Митрич, во всем разберемся! Все прошло! Выживем! А куда еще деваться? Выжил. Это раз! Все, что было — вычеркиваем! Это два. Новая страница — это три! Без глупостей, держать себя в руках — это четыре! Так, Бобу должен двести и еще пятнадцать. Разносить почту — это пять. Деньги послать ему переводом — это шесть. В школу привалит — спокойно, без паники послать его! Это семь. Нет. Это тоже

шесть. А семь — это жить! Жить! Просто жить! Это — и восемь, и девять, и десять, и одиннадцать! Все, он проснулся! Внимание-внимание, он проснулся! Только без паники! Граждане, он не кусается! Он добр, умен, справедлив, отважен и честен, как стенная газета. Как передовая в стенной газете! Он жив! Радуйся, народы! К вам пришла весна освобождения!

13.

Катя искала Терехова. И потому оказалась возле проходной института, где он работал.

Женщина (*выходит*). Кто здесь Терехова ищет? (*И будто только заметив Катю.*) А, опять ты.

Катя. Что вы мне тыкаете? Я вас уже просила мне не тыкать.

Женщина. Вот. (*Помахала листом бумаги.*) Все! Шутки в сторону! Местком утвердил решение администрации об увольнении Терехова за систематические прогулы. Почти единогласно.

Катя. Вы, наверное, всю жизнь занимаетесь общественной работой. Собаку на ней съели. С человечиной. Лучше бы ваши общественные организации помогли бы человеку, чем его топить. У нас даже общественные организации с карательными функциями.

Женщина. Ну-ну... Я, между прочим, против была.

Катя. Сами же сказали, что единогласно.

Женщина. Почти. Я сказала «почти». Но мой голос был единственным. Ты меня подбила.

Катя. Благодарю.

Пауза.

Женщина. А дома он так и не появляется?

Катя. Нет. Я и вчера вечером была и сегодня утром.

Женщина. Я так и знала, что все этим кончится. Все равно у тебя с ним ничего путного не выйдет.

Катя. Много вы знаете.

Женщина. Раз говорю — не выйдет, значит, не выйдет. Что ты — первая, что ли, такая.

Катя. Обойдусь без ваших советов. Что смотрите? Что вам здесь, зоопарк?

Женщина (*вздыхает*). Да знаю я все, знаю. Сама такой была… Я когда-то в Наро-Фоминске жила… Сама-то я из Наро-Фоминска. А его из техникума выгнали. Глаза бешеные. На танцах ни одной драки без него не обходилось. А я как кошка за ним ходила. Дура была. Сколько слез пролила — вспомнить страшно. А потом прошло. Сейчас вспоминаю — смеюсь. (*Вздыхает*). Я потом мужа нашла непьющего. Он тоже в месткоме. Три года подряд председателем. Зовут Леонидом Ильичом. Аквариумом увлекается. У нас три аквариума дома (*вздыхает.*) Да найдется он, не расстраивайся. Такие погуляют немного, а потом снова: «Здравствуйте, я ваша тетя». И глазами зыркают.

Катя. Сравнили! «Зыркают»! Где вы слово такое взяли… «Зыркают»… (*Убежала, чтобы остаться одной*). Терехов! Мне это надоело. Терехов! Я больше так не могу! Ты меня тоже пожалей! Я не из железа сделана! Где тебя носит, Терехов!..

14.

Утром в школе встретились директор и Марьиванна.

Директор. Марьиванна, вам не кажется это подозрительным?

Марьиванна (*удивленно*). Анкета как анкета. А что, Владимир Харитонович? У вас какие-то соображения*?*

Директор (*вертит в руках анкету*). Вот этот пятый, что это за вопрос такой?

Марьиванна (*читает*)**.** «О чем вы думаете, когда остаетесь один?» И что?

Директор. Вот и я спрашиваю, что? В каком смысле один? О чем думать? Как, конкретно или вообще? Подписывать или анонимно? Если подписывать, то своим именем или как?

Марьиванна. Там написано, что можно не подписывать.

Директор. Вижу-вижу, что написано… Что я, неграмотный,

что ли? А все равно странно. Позвонил в РУНО. Да, говорят, есть такая анкета. В райком позвонил, еще кое-куда. Все говорят, а чего вы, собственно, волнуетесь… Я спросил там, в одном месте, может, ее с грифом сделать. Хотя бы для служебного пользования. Мало ли что они там напишут? Мало ли где это читать будут? А мне в ответ — не отрывайте, мол, от работы.

Марьиванна (*вздыхает*). Мне сейчас тоже многое непонятно. На урок идти — просто страшно. Что им, интересно, сегодня в голову взбредет? Спрашивают, что хотят.

Директор. А вы мне, Марьиванна, давайте списочек, кто особенно спрашивает. Фамилию, а рядом вопрос.

Марьиванна. Так они из газет все спрашивают! Начитаются и спрашивают!..

Директор (*вздыхает*). Я вот тоже все думаю… Эти вот, в газетах и журналах, они что не соображают, что их писанину и дети будут читать?

Марьиванна. Ничего они не думают. Они только о гонорарах думают.

Директор. Так тоже нельзя, Марьиванна. Не тот подход… А какой сейчас тот? Раньше как было? Раньше ты всегда знал, что хорошо, что плохо. Возьмешь газету, посмотришь на нее… И даже читать не надо — ты и так все улавливаешь, что правильно, что нет. А сейчас, хоть не читай. (*Вздыхает.*)

Марьиванна. Я лично, Владимир Харитонович… Может, конечно, так воспитана. Я все могу объяснить. Только мне самой ведь тоже надо объяснить, что происходит?

Директор. Я раньше, когда еще в аппарате работал, отвечал за политическое просвещение трудящихся. Конспекты у нас лучшие были. Даже за опытом приезжали. И из-за рубежа тоже. Монгольские товарищи.

Марьиванна. Мы вас, Владимир Харитонович, все очень полюбили. До вас у нас тоже директор… был. Женщина. Балаболка, одно слово. А вы пришли — совсем другое дело. Вам бы к нам пораньше…

Директор. Да…

Марьиванна. Мне вас прямо жалко иногда. Все с сердцем,

все с сердцем. Разве можно так? Так и сердца не хватит... Что вы, каменный, что ли? А они разве это понимают? Одно слово, дети.

Директор. Это у меня с юности. Я на комсомоле долго сидел. Старался неформально. Парад мы однажды организовали. Пионерский. А я его принимал. На белом коне. Директор совхоза был знакомый — сам коня привел. Белый такой конь. Ногами цок-цок-цок.

И вспомнил директор: топот копыт по брусчатке. Собственный, еще молодой голос: «Здравствуйте, пионеры-гвардейцы первой школы!» И в ответ: «Здрав... Тов... Секретарь...» И снова — цокот копыт. И снова его еще молодой голос: «Поздравляю вас с юбилеем пионерской организации!» И протяжное — «Ура-а-а, ура-а-а... Ура-а-а». Директор стоял погруженный в воспоминания и голоса своей молодости, но оборвалось прошлое: появились Лепа, Кеша, Алиса, Катя и Дмитрий.

Марьиванна (*тревожно*). Владимир Харитонович, идут.
Директор (*вздохнув*). Идут.

И тут же, как только они приблизились, стал таким, к какому уже успели привыкнуть ребята.

Товарищи! Сейчас Марьиванна раздаст вам анкеты. Марьиванна, раздавайте!

Марьиванна раздает ребятам анкеты.

Вы должны их заполнить, то есть в каждый пункт вписать то, что требуется. Это, товарищи, очень ответственное дело.

Марьиванна. Ребята, кому трудно заполнить пятый пункт, можете не заполнять.

Директор (*строго*). Нет, Марьиванна, как написано, так и надо заполнять. Не надо игнорировать. К трудностям надо приучаться с детства. (*Бодро.*) Правильно, Леопольдов?

Лепа. Да мы уже заполняли эти анкеты! Марьиванна!

Марьиванна. Нет, Лепа, та была совсем другая анкета, а это новая.

Дмитрий. Ты того, Лепа. (*Вертит пальцем у виска.*) Совсем ничего не соображаешь?! Сейчас же мы все должны писать честно. Все, как есть. Ведь правда, Марьиванна, нам больше не надо врать?

Марьиванна (*подозрительно взглянув на него*). Ну-ну... (*Всем.*) Все понятно?

Кеша. Мне эти анкеты — уже вот здесь. (*Проводит ладонью по горлу.*) На Пушку стало невозможно выйти. Куда ни плюнь — или психолог, или социолог, или журналист, или с телевидения. Уж лучше бы я глухонемым был.

Дмитрий. А их, думаешь, сейчас не спрашивают? Еще как! Сам видел!..

Марьиванна (*Дмитрию*). Что это ты так развеселился? Когда надо было — исчез. Товарищей подвел. Хотя, какое тебе дело до товарищей! Катерина, ты не в окно, а в анкету смотри. Потом будешь спрашивать, а поздно будет!..

Катя (*резко отворачиваясь от окна*). Чего?

Кеша. Да нет, в самом деле — нашли себе зверинец. Лучше бы друг друга изучали.

Марьиванна. Прекратите балаган! Владимир Харитонович, не обращайте внимания. Это на них так весна действует.

Лепа. При чем здесь весна. Действительно...

Директор. А от тебя, Леопольдов, я такого отношения не ожидал. Не таким ты мне представлялся. Нет, не таким. Понял?

Лепа. А чего я такого сказал?

Алиса. Владимир Харитонович, а на пятый пункт надо писать то, что думаешь?

Директор. В смысле?

Алиса. О чем я думаю, когда остаюсь одна?.. Странный вопрос. Я? Одна?

Дмитрий. Она вам напишет!

Алиса. Тебя не спросила!

Марьиванна. Все, все... За работу. Пошутили — и хватит. Катерина, тебе все понятно?

Катя (*отворачиваясь от окна*). Ну что вам от меня надо?..

Дмитрий. А я знаю, что я напишу. Вот, допустим, лозунг: «Народ и партия — едины». Это кто кому говорил? Если партия народу — то это нескромно. Представьте: «Народ и партия — едины». Подпись — «партия». А если народ подписывает — то вообще непонятно. Какая-то неграмотная фраза, вам не кажется, Владимир Харитонович? Вообще с лозунгами у нас, кажется, перебор. Правда, сейчас их поменьше стало, но все равно. Вы посчитайте, сколько у нас в школе портретов Ленина. Владимир Ильич, как я знаю, был человек скромным. Он бы на такое дело обиделся. Точно говорю, обиделся бы.

Чем дольше он говорил, с тем большим ужасом на него смотрели директор и Марьиванна.

Директор. Ты… Ты… Ты…

Марьиванна (*бросаясь к нему*). Владимир Харитонович! Он еще болен, болен… Вы на него не обращайте внимания! Вы не видите, что он больной! Пойдемте, пойдемте… Вы только не волнуйтесь. (*И подхватив директора под руку, осторожно, как больного, увела его подальше от ребят.*)

15.

Из школы Катя и Дмитрий шли вместе. Дмитрий был радостно возбужден. Катя же, напротив, сумрачна и нервна.

Дмитрий. Я как будто проснулся. Будто во сне со мной все было. Кошмары, куда-то падаешь все время, и вдруг — свет в глаза. Ты мне тогда сказала — «дерьмо».

Катя. Что я тебе говорила? Ничего я тебе не говорила!

Дмитрий. Да ладно… Ерунда. Дело не в этом. Ты права. Тогда была права. Я сейчас думаю, что это со мной было? Жил — как поезд: та-та-та, та-та-та… Впереди — красный свет, а я шпарю. Кругом кто-то мне машет, что-то кричит, а я ничего не вижу. Как контуженый.

Катя. Сейчас ты много видишь!

Дмитрий. Кончай... Не злись. Я тебя тоже по-другому вижу! Сначала — все просто так было... Мне казалось, что ты меня видишь, и мне этого вполне хватало. Я был счастлив, как ребенок. Потом вся эта фигня! Потом я испугался, что все, уже не вырвусь. Но, ничего, сказал я себе. Ничего...

Катя вдруг резко остановилась, посмотрела куда-то в сторону, чуть ли не рванулась вдогонку за кем-то, и увяла, поняв, что обозналась.

Кого-нибудь увидела?

Катя. Никого.

Дмитрий. Его?

Катя. Кого — «его»?

Дмитрий. Ты все с ним?

Катя. Вырвался — и молодец. Поздравляю. Хорошенький мальчик.

Дмитрий. Тебе в чем-нибудь помочь? Давай я тебе помогу. Я сейчас знаю, что бы ни захотел — сделаю. Я даже не знал раньше, что во мне столько сил.

Катя (*останавливаясь*). Счастливый дурак, вот ты кто! (*Убегая и останавливаясь.*) Такие, как ты, живут сто лет, а толку никакого. Травоядный! Жуй свое сено! (*Убежала.*)

Дмитрий долго смотрел ей вслед, глубоко вздохнул, потом сел, вытянув вперед ноги. Долго, не отрываясь, смотрел перед собой. Потом резко встал, расправил плечи и вдруг — высоко подпрыгнул. Он шел вперед быстро, энергично. Лица его города мелькали перед ним: то вдруг Лебедев, то директор, то Кеша, Лепа и Алиса, то мать, то полковник. Лица были знакомы, но, казалось, видел он их впервые, — казалось ему, и его лицо было иным, новым, незнакомым. Он шел и шел вперед, и уже пройдя мимо скамейки, на которой сидел Терехов, остановился. Терехов сидел, закрыв лицо руками. Он очень изменился с тех пор, как мы его видели в последний раз — теперь это уже был безвольный, опустошенный, потерявшийся человек. Дмитрий возвратился, наклонился над Тереховым.

Дмитрий. Эй, что с тобой?

Терехов (*не поднимая головы, сквозь зубы*). Уйди!..

Дмитрий (*присев перед ним на корточки*). Эй, парень, посмотри на меня? Что с тобой?

Терехов (*не поднимем головы*). Отвали! Нет сигарет. Денег тоже!

Дмитрий (*схватил его за руку, посмотрел со знанием дела, профессионально*). А… Понятно.

Терехов (*поднимая глаза*). Парень… Со мной что-то случилось. Я ничего не вижу…

Дмитрий (*узнавая Терехова*). Чудище!.. Ты что, не знаешь, что с тобой случилось? Не знаешь, да? Передо мной прикидываешься или вообще?

Терехов (*всматриваясь в Диму*). Фэйс знакомый. Ты кто? Тебе что надо?

Дмитрий. Ничего… Как себя чувствуешь? Бо-бо, да?

Терехов. Ты кто? Ты откуда?..

Дмитрий. Не узнаешь, да?

Терехов (*пристально всматривается в лицо Димы, неуверенно*). Фэйс знакомый…

Дмитрий. Посмотри лучше на себя!.. Ты давно в зеркало не смотрелся?! «Я ничего не вижу…» Чем видеть-то? Глазки — вот такими стали (*Показывает.*)

Терехов молча встает и уходит.

(*Ему вслед.*) Стоять!

Терехов (*резко поворачиваясь, истерично*). У меня ни копейки нет, понял? И передай ему — ничего у меня нет! Убить хочешь — убивай! Ну, что ждешь? Давай, давай!.. Быстро, быстро, быстро!..

Дмитрий (*удивленно*). Ну, совсем того! Ты чего психуешь?

Терехов (*спокойно*). Да пошел ты…

Дмитрий (*сочувственно*). Тяжко, да? Совсем уже, да?

Пауза.

Ладно… Пойдем.

Терехов. Чего?

Дмитрий (*решительно*). Пойдем! Пора отмываться. Что стоишь?! Идем, идем!

Терехов, как привязанный, медленно пошел вслед за Дмитрием. И вот уже у него дома. Шум воды из ванной. Приоткрывается дверь. Выглядывает Терехов.

Терехов. Старик, может, хватит? От меня уже дым идет, как от паровоза.

Дмитрий (*разливая чай*). Давай-давай… Не делай холоднее! Терпи! Как можно горячее!

Терехов. Ты меня что, сварить хочешь? (*И исчезает за дверью. Потом появляется, закутанный в полотенце. Берет чашку чая.*) Замечательно, старик! Крепкий чай… То, что надо наркоману. А что ему еще надо? Заливай ломку чаем. Рука профессионала.

Дмитрий. Газеты надо читать. Или журнал «Здоровье». Там все написано.

Терехов. А мы с тобой где-то встречались, а?

Дмитрий. У меня навалом двойников.

Терехов. Не скажи… Точно встречались. Посижу — вспомню.

Дмитрий. Не вспомнишь. Пей-пей давай…

Терехов. Кажется, отходит. Налей еще!

Дмитрий наливает.

Ага. Спасибо… А я уже недели две не мылся… В пельменных куски подбираю. Стыдно, но жизнь. Жизнь, старик.

Дмитрий. Какая это жизнь? Даже не собачья — хуже.

Терехов. Хуже-хуже… А куда деваться? Здесь так прижмет… Доживи до моих лет — поумнеешь. Сколько ты мне дашь?

Дмитрий внимательно смотрит на него.

Да не стесняйся, я не женщина. Ну?.. Смелее.

Дмитрий. Лет тридцать пять?

Терехов. То-то же… А еще две недели назад было двадцать шесть. Как на войне. Год за три. Вот как прижало… Давно так не прижимало! Да. (*Сидит, опустив голову.*)

Дмитрий. Ты что? Двадцать шесть — это ерунда. Подумаешь! Главное — вовремя очнуться. Понимаешь?

Терехов. Теоретик… Пойми ты — я старше тебя на целую эпоху. Кажется, ерунда — десять лет, а на самом деле — такая пропасть — не перепрыгнешь. А попробуешь, рухнешь — и с концами. Когда я рос…

Дмитрий. То ходил босиком и на коровах пахал.

Терехов. Нет, старик, я рос в атмосфере общегосударственного вранья.

Дмитрий. Другие тоже росли, между прочим.

Терехов. Ну и что, другие? Такие же точно. Разрежь его, а там такая чернуха. Одни — торгуют, другие — продаются, третьи — спиваются, а четвертые — как я. И все врут, врут беспрерывно.

Дмитрий. И ты?

Терехов. И я вру. А куда деваться? Но я, что ли, в этом виноват? Наше поколение и дальше, туда, до сорокалетних. Те, кто впитал вранье с молоком матери. Попробуй, изменись… Подыграть — это пожалуйста. Это мы умеем. А сломать себя, вывернуть наизнанку, соскрести с себя всю эту гадость — ох, как трудно… А вдруг соскребешь — а время снова перевернется. И ты будешь, как голый на площади. Все хохочут и на тебя пальцем показывают. Вот дурак, вот идиот. Поверил.

Дмитрий. А если тебе прикажут: «Стреляй!» В ребенка, в женщину!.. «Стреляй!» — ведь так принято. Нажмешь курок?

Терехов. Нет, старик, не нажму. А если и нажму, то не туда, куда надо, попаду. У меня руки дрожат. А многие бы нажали! Если бы, во-первых, за это машину подарили… Пусть даже плохонькую, какой-нибудь «Москвич», но лучше с дипломатическим номером. А во-вторых, чтобы за это потом ничего не было.

Дмитрий. Трепло ты.

Терехов. Я и наркоманом стал, чтобы уйти от всего этого.

Вся твоя жизнь — вот здесь, в голове. Там чайки летают, а не ездят. Каждое поколение расплачивается за свое время. Мое заплатило мной, нами... А вам-то что платить? Вы — как заново родились.

Дмитрий. Мы в седьмом классе сочинение писали. По «Малой земле».

Терехов. Ну... Это когда... В тринадцать лет. В тринадцать еще веришь безоговорочно. Это потом начинаешь разбираться, что к чему. А вам на «потом», можно считать, повезло. А вы — все в детстве.

Дмитрий. Отрыжка прошлого. Пережитки феодализма.

Терехов. А... То-то же... Соображаешь... Вот тем, кому сейчас тринадцать — тем, считай, везуха. Такое у нас, знаешь, как редко бывает? Не каждому и выпадает. Так что давай, старик, уйдем с арены. А?..

Дмитрий. А уж это — нет. Я тоже спал, а потом — проснулся. Я, знаешь, стал замечать? Ну даже, допустим, в своем собственном классе. С виду — все подонки, проб ставить негде: рок, шмотки, в это — не верю, в то — не хочу. А вот вчера подумал — а может, все просто скрываются? Знаешь, наденешь такую маску, а в ней как бы для всех привычнее. А там, внутри — горячо, живо все. Говорить хочется, спрашивать хочется, понять все хочется... Я точно знаю: мы понимаем все раз в сто больше, чем, допустим, наш директор. Тому, чтобы все понять, надо себя топором сначала срубить, а потом нового себя посадить. А у нас-то все живо. Засыпано всяким хламом, уже успели, но все живо.

Терехов. Оратор... Цицерон... Программа «Время». Не обижайся, старик. Это я так.

Дмитрий. И у тебя тоже там все живо. Ты думаешь, что все, уже все умерло, а на самом деле — живо. Что я, не чувствую, что ли... Тебе надо просто сейчас зарыться куда-нибудь, уйти в песок, собрать себя по частям, а потом встать...

Терехов. Не горячись... Зарыться-то мне надо. Это — ты прав. Как в воду глядел...

Дмитрий. Кончай ты... Вот что! Я знаю одно место — там

можно отсидеться. Я там был на каникулах. Там у меня бабушка живет. Я ей письмо напишу. Денег достанем… Там тихо, молоко парное…

Терехов. Здравствуй, бабушка… Это я, твоя красная шапочка…

И тут открылась дверь и появилась мать Дмитрия, загруженная хозяйственными сумками. Она стояла в дверях, удивленно переводя взгляд с Димы на Терехова, закутанного в полотенце.

Мать. Что здесь происходит?

Дмитрий. Привет. Познакомься. Это мой товарищ.

Мать. Почему вы в полотенце?

Дмитрий. Мама, я потом тебе все объясню.

Мать. Митя, кто этот человек? Почему он сидит в полотенце?

Терехов (*поднимается* и *отвешивает поклон*). Я друг вашего сына, мэм. Моя фамилия Терехов, мэм. Извините, сидим. Наркоманы, мэм, увы…

Дмитрий. Не кривляйся, дурак… (*Матери.*) Мама, так надо!..

Мать. Митя, мальчик… Ты же обещал, ты же клялся. Ты же плакал… Зачем ты привел его сюда?

Терехов. Он меня обещал познакомить с бабушкой.

Дмитрий (*Терехову*). Заткнись!

Мать (*Терехову*). Постыдились бы… Взрослый человек! Я сейчас в милицию позвоню. Нашли себе притон! Полотенце чистое взяли!

Терехов. Да, с полотенцем я как-то погорячился.

Дмитрий. Да замолчите вы оба!

Терехов. Вот опять… Простите, мэм. Нет, рай на земле — дело все-таки очень далекого будущего. Боюсь, я устану ждать. (*Ушел в ванную и через минуту уже вышел одетый. Матери.*) Извините за нечаянные волнения. Бабушке привет, старик. Передай ей, что я отношусь к ней с большим почтением. Адью.

И Терехов ушел. И за ним рванулся Дмитрий.

Мать (*удерживая Дмитрия*). Куда!.. Не пущу!..

Дмитрий (*вырываясь*). Мать, я тебе сейчас все объясню. (*Вырвался, убежал.*)

Мать, оставшись одна, заплакала.

Дмитрий (*хватая Терехова за руку*). Погоди ты!.. Мать же пугается всего! Сейчас я ей все объясню...

Терехов (*останавливаясь*). А что это ты так хочешь, чтобы я уехал? Из-за Катрин, что ли? Так ты не бойся. Я уже, как говорится, воспоминание прошлого. Тебе это не понять, старик.

Дмитрий. Идиот ты, вот ты кто! Дурак!..

Терехов. Что я тебя, не узнал, что ли? Прикидывался. Теоретик... Я же тебя сразу узнал. Сначала испугался. Думал, все... Нашли, сволочи... Что, нервничает Боб?

Дмитрий. Не знаю я никакого Боба. Понял, не знаю.

Терехов. А потом смотрю... Да это же тот самый мальчонка, который за Катей приударял... Катька же мне тебя показывала.

Дмитрий. Что она показывала...

Терехов. Тебя, тебя. А потом, господи... Да это же тот самый, который у Боба... На побегушках.

Дмитрий. Я уши развесил... Слушаю его. Катька белая вся ходит...

Терехов. Неужели еще помнит? Не ожидал. Катька, конечно, птица. Таких больше нет... А я думал, ты мне в чай мышьяк подсунул. Потом выпил — вижу, ничего.

Дмитрий. Надо было.

Терехов. А теперь — серьезно. Мне от твоего чая ни жарко, ни холодно. Не та фаза. Доза нужна. Ну?..

Дмитрий. Нет у меня ничего. Нет, понял?

Терехов. Будь человеком, ты! Отдам же! Принесу! Нарком для наркома — друг, товарищ и брат.

Дмитрий. Ты был прав. От вас уже нечего ждать. Пока. (*Ушел.*)

Терехов посмотрел ему вслед, повернулся и пошел в противоположную сторону.

16.

На следующий день Дмитрия вызвали в кабинет директора.

Дмитрий (*в дверях*). Ну, вызывали?

Директор молча, со значением, смотрит на него.

Из-за вчерашнего, что ли? Ну, считайте, что я пошутил. Понимаю, если бы где-нибудь перед комиссией сказал… Я, в принципе, за наглядную агитацию. Она воспитывает.

Директор (*со значением*). Так, значит, Лебедев. Уже и до этого дошел?

Дмитрий. Подумаешь, сказал. Расстрелять, что ли, меня сейчас за это? Сейчас, как я знаю, за слова не расстреливают.

Директор. Это-то ладно. Это ты из газет вычитал. Я даже тебе больше скажу: есть у нас в этом вопросе перегибы. Что, не ожидал?

Дмитрий. Да нет, от вас всего ожидать можно.

Директор. И газеты я тоже читаю. И за перестройкой слежу, не говоря уже о том, что принимаю ее целиком и полностью и с большим воодушевлением поддерживаю. У меня к тебе другой разговор… Серьезный. Эх, Лебедев-Лебедев, не ожидал я этого от тебя. И где? В нашей школе. Два года знамя держим. Американцы приезжают. Анкеты нам какие доверяют.

Дмитрий. Да в чем дело, Владимир Харитонович? Что вызывали-то?

Директор. Слова, Лебедев, все слова. А дела-то — вон они где. (*Вытаскивает брошюру, листает — резко, как при допросе.*) Лебедев, что такое «машина»?

Дмитрий. Чего?

Директор. Быстро, быстро отвечай. «Машина» что такое?

Дмитрий. В каком смысле?

Директор. Ты знаешь, в каком. Ну!

Дмитрий. Ну, вон машина поехала… За окном «Жигули». Восьмерка.

Директор. Так… Хорошо. (*Смотрит в брошюру.*) «Колеса» — что такое? Что такое «колеса»? Ну?

Дмитрий. Ну вон, крутятся у машины.

Директор. Так… Замечательно… (*Снова заглядывает в брошюру.*) А «баян»… Знаешь, что такое «баян»?

Дмитрий. Ну… Баян (*Показывает, как играют на баяне.*)

Директор (*успокаиваясь*). «Хумар» знаешь, что такое?

Дмитрий. Нет.

Директор. И что такое «фуфло» тоже?

Дмитрий. Ну, «фуфло» как «фуфло». Чушь всякая. Отечественные кроссовки.

Директор. А вот такое слово тебе известно. (*Читает по складам.*) «Ши-ра-кеш».

Дмитрий. Да что случилось, Владимир Харитонович?

Директор. Фу… Прибегают… Кричат… Объясняешь: да в нашей школе такого ни-ни. Нет, в истерику. Ладно, иди.

Дмитрий. Кто у вас был, Владимир Харитонович?

Директор. Иди-иди… Не школа, а сумасшедший дом. Знал бы, лучше бы в ДОСААФ ушел.

Дмитрий. Что, мать, что ли, приходила?

Директор. Иди-иди…

Дмитрий. Ну, мама, спасибо… Так вот, Владимир Харитонович, «машина» — это шприц, «колеса» — это таблетки, «баян» — тоже шприц, только так сейчас никто не говорит. «Хумар» не дай бог вам почувствовать. «Ломка», по-нашему. «Фуфло» — это фальшак, фальшивка. Некоторые умельцы торгуют. Любой уважающий себя наркоман за «фуфло» убьет. И «ширакеш» — это тот, который ширяется. Как, например, я. Что там еще в вашей книжонке? (*И, резко повернувшись, выбегает из кабинета.*)

Директор (*вскакивает*). Лебедев! Остановись! Лебедев!

17.

Катя и Алиса стояли возле окна, наблюдая, как на город опускаются сумерки.

Алиса. Катька, вон твой…

Катя. Кто «мой»?

Алиса. Ну твой, твой…

Катя (*вглядываясь*). Там никого нет.

Алиса. Ну, вон… Отошел за дерево… Встал там… Ну, вон, появился. Видишь! Ну, он же, он!

Катя. Да не он это!

Алиса. Да посмотри внимательно! Сейчас видишь?

Катя. Да это не он! Не он! (*Убежала.*)

Алиса. Когда я остаюсь одна… То я хочу туда, к ним, то есть людям. Не к этим человекам, а к людям. Я видела их только раз… В забегаловке у «Ударника». Мать нашла манифест. «Откуда это у тебя?» Сказала, проходим по обществоведению. Поверила, хотя и ничего не поняла. Когда я остаюсь одна, я читаю его вслух: «Мы наблюдаем холостые поколения. Это люди, в основном являющиеся слепком с внешних условий, окатанные и похожие, как голыши на морском берегу. Они ходят по замкнутому кругу, подобно слепой лошади, и даже в своих инстинктивных попытках проявить оригинальность или нарушить законы — что, в сущности, одно и то же — весьма однообразны. Этому весьма способствует всепроникающая масс-культура — духовный наркотик нашего времени, позволяющая неестественным путем испытывать не свои чувства и желания, а подобия их. Общественные отношения, на первый взгляд сложные, но примитивные, заключают всех в густые дебри ненарушаемого, сквозь которые ведут истоптанные, узкие, скучные тропинки. Это всеобщее взаимное давление людей, низведенных до уровня интегральных единиц толпы, подсознательно ощутимо — „Нет, ребята, все не так“, — и от него уходят в алкоголь и наркотики, секс и преферанс, в бессмысленное хулиганство и всевозможные хобби. А выбор невелик… Слепые не могут глядеть гневно, немые не могут кричать яростно, безрукие не могут взяться за оружие, безногие не могут идти вперед»… Мне сказали, что это еще не манифест… Это только введение к нему. Мне обещали принести… Когда я увидела их, лохматых, грязных, фу, я не могла представить,

что это написал кто-то из них. Вот бы встать и зачитать это на уроке обществоведения. Бедная Марьиванна… Подумает, что это Библия. А если не на уроке, то так? Будут смеяться, хохотать. Кеша начнет дрыгаться, придумывать шуточки, все, как одна, глупые, идиотски хохотать. Поэтому, когда я остаюсь одна, мне положено думать о какой-нибудь чуши. И эту чушь написать в этой идиотской анкете. Допустим (*говорит грубым, вульгарным голосом*): «Когда я остаюсь одна, я мечтаю только о том, чтобы выйти удачно замуж, чтобы капитал моих родителей был соединен с капиталом замечательного мидовского мальчика. Мы будем жить счастливо и проводить отпуск на Ривьере. Ни о чем больше не мечтаю». Так, я думаю, сойдет.

18.

В темном парке слышны голоса родителей Дмитрия.

Голос Лебедева. Дмитрий! Дмитрий! Что это за фокусы?!
Голос матери. Митя! Рыбка! Митя!.. Митя!

Потом они появились, торопясь навстречу друг другу.

Лебедев. Откуда ты взяла, что он должен быть здесь?

Мать. Ну, куда он мог деться?

Лебедев. Давай без истерик, а? Я тебя спрашиваю, почему ты думаешь, что он должен быть здесь?

Мать. Да потому! Потому. Что он написал в записке? Он написал, что исчезает в «чаще жизни»! Ты что, не понимаешь, в «чаще жизни»!

Лебедев. Но откуда ты взяла, что «чаща жизни» — вот этот парк! Какая же здесь чаща?! Ты посмотри — аллеи, скамейки, горят фонари, люди кругом ходят. Ты не знаешь, какие они пишут записки, когда они их пишут! А я знаю! Я их читал! Я видел тех, кто их пишет!..

Мать. Ты хоть помнишь, как зовут твоего сына?!

Лебедев. Дмитрий… Ты что? Возьми себя в руки, наконец!

Мать. Митя! Митя его зовут! (*И быстро пошла.*) Митя! Где ты?! Митя! Я сейчас попрошу у тебя прощения! Митя!..

Лебедев быстро пошел в противоположную сторону. И наткнулся на полковника, который шел медленно и прямо.

Лебедев (*сталкиваясь с полковником*). Извините!.. Скажите, здесь парень такой не пробегал? Ну, здоровый такой парень?!

Полковник. Добрый вечер, Лебедев. Я на бюллетене. Завтра ложусь в госпиталь. Схватил на учениях радикулит. Начальство приказало, а приказ — закон для подчиненного. Хотя это, наверное, и к лучшему.

Лебедев (*растерянно смотрит на него, наконец узнает*). А... Здравствуйте... Еще раз извините! Значит, вы не видели парня такого... Ну, парня... (*И быстро уходит.*)

Полковник (*ему вслед*). Лебедев! Лебедев! Все еще может быть хорошо!

Постоял, посмотрел вслед Лебедеву, пошел дальше и — столкнулся с налетевшей на него матерью.

Мать. Товарищ военный! Здесь не пробегал мальчик!.. Ребенок совсем!.. Ну... Такой мальчик!..

Полковник отрицательно покачал головой.

(*Убегая.*) Митя! Митя!

Полковник долго смотрел им вслед, потом медленно пошел, постепенно исчезая в темноте аллей.
И — появился директор.

Директор (*задумчиво*). Один... Один... Мало ли что тебе в голову взбредет, когда ты один! Здесь выпьешь один, и то мороз по коже. А, может, кто-то в окно за тобой наблюдал. Или сосед позвонит: спички у него кончились. Или соль. А здесь —

раз, и все им выложи… Но ведь выложат, выложат… Пороху не нюхали, и пойдут расписывать: то да это, то да это… А вдруг — это она специально? Как бы, знаете, как бы гласность. Давай, ребята, валяй, что думаешь. Надо было бы не по телефону, надо было бы подъехать в роно, о том о сем поговорить, а потом, как бы между прочим: «А анкетки-то эти куда? На „Мушкетеров“ менять?» Как бы пошутить… Ведь и не посмотрят, что несовершеннолетние! Подошьют куда надо, справочку составят… А где это так в одиночку думают? В каком-таком учреждении? А кто в этом учреждении руководитель? А подать сюда этого руководителя! И тю-тю. Баней руководить и то не доверят! Нюх теряю… И посоветоваться-то не с кем! Раньше как одной семьей жили: и ты всех знаешь, и тебя все знали. Только номерок на телефоне наберешь и закрутится колесо. Ты его, кто тебя проверять приехал, может, и в первый раз в жизни видишь, но знаешь, ему уже все про тебя сказали, намекнули, кто да что и считай, как за стеной. Сам черт тебе не страшен! А сейчас — одних уж, как говорится, нет, другие пройдут мимо и не поздороваются, чтобы, не дай бог, не вспомнил, чего не надо… Как сам его после инспекторской ремнем к сиденью машинному привязывал, чтобы лоб об ветровое стекло не расшиб, да еще сверточек под ноги, чтоб утром голова не болела… А третьи бы и рады дать совет, да самим бы кто посоветовал… Вот и ходишь, как по минному полю. То ли завтра бабахнет, то ли послезавтра. Смутное время, черт его возьми. (*Испуганно озирается.*) Вот бы сейчас и вляпался. Доказывай потом, что ты про царское время… в виду имел! Это все они! Понаслушаешься их целый день, бдительность теряешь. Им-то еще простят, что без глушителей живут, а с тебя спросят, ох, как спросят. (*Оглядывается по сторонам.*) Кто это там в кустах шевелится? Если собака, то почему не лает? (*Уходит.*)

Одновременно появились Лебедев и мать.

Мать. Ну что, его никто не видел?

Лебедев. Да он, наверное, к девочке своей поехал, а ты — в панику.

Мать. Какая девочка! Откуда у него девочка! Он ребенок еще!

Лебедев. Ребенок… Семнадцать лет. А ты тут же к директору — жаловаться! Представь себя на его месте: у парня такой возраст, сколько там всего внутри, а здесь мать, самый близкий человек, бежит за помощью. Куда! В школу! Ну и что ты этим добилась? Ну? Да если он сам что-то для себя не решит, то никто его ничего решить не заставит!

Мать. И куда же, по-твоему, мне надо было бежать?

Лебедев. Да никуда! Никуда! Только в него надо входить — больше некуда!

Мать. Вот бы и вошел! А теперь я виновата? Я, да? Может, ты раньше бы об этом думал? Тогда, когда я с ним одна осталась? Что молчишь? Давай, давай… Я — твой слушатель, ты — мое радио. Ну, говори, говори…

Лебедев (*смотрит на часы*). Московское время двадцать два часа семь минут… Извини. Ты, наверное, права. Ну, друзья у него какие-нибудь есть? Давай к друзьям его поедем.

Мать. Не знаю. Наверное, есть.

Они сидели на скамейке молча, не глядя друг на друга.

19.

Терехов стоял, отвернувшись от Кати, зажав лицо руками.

Катя. Терехов! Что ты молчишь?.. Скажи что-нибудь!

Терехов (*резко повернувшись*). А теперь — уходи!.. Что ты здесь стоишь?! Я тебе все сказал, ты все услышала. Ну и что дальше? Больше мы с тобой никогда не увидимся. Уж это-то я могу тебе гарантировать! С самого начала все было глупо. Ты? И я? Два мира, две системы. Через год вспомнишь — смеяться будешь!

Катя. Ну, еще что скажешь?

Терехов. Ты со мной как с живым разговариваешь. Благодарю.

Катя. Дурак ты, вот ты кто. Есть хочешь? Пойдем поедим.

Терехов. Иди поешь. (*Снова отвернулся*.)

Катя (*прислонилась к нему*). Терехов. Ну! (*И вдруг рухнула на колени, прижалась к его ногам, заплакала*.) Ты почему не звонил? Ты что, не мог позвонить? Только одно слово: «жив». Дурак! Куски подбирал в пельменных. А если бы заболел? Если бы умер?! Ты думаешь, я жила бы, да?

Терехов (*погладил ее по голове*). Катька, птица…

Катя. Терехов! Не делай так больше, не делай. Все, что угодно — только не так. Терехов!

Терехов. Ну встань, вставь… Встань же! (*Рывком поднимает ее.*) Ты что, не видишь, с кем ты говоришь? Меня же нет, нет. Я даже лица твоего и то не вижу. Ты что, не понимаешь, что я болен?

Катя. Я понимаю, Терехов! Я все понимаю! Ты же сильный! Сильный, умный, добрый человек!

Терехов. Да не болтай ты! Ненавижу, когда болтают. Вот здесь уже ваша болтовня сидит.

Катя. Я не болтаю… Ты — сильный, умный и добрый человек. Я никогда таких не встречала в жизни и никогда таких не встречу…

Терехов. Ну, как тебе объяснить! Еще час, два — и подохну как собака. Прямо здесь, возле забора.

Катя. Опять, Терехов?

Терехов. Что «опять»… Не «опять», а все! Все!.. Это — не (*морщится*) нравственность. Это — физиология. Ты видишь, что у меня с руками. Ты посмотри на мое лицо. Ты видишь, что стало с моим лицом? (*После паузы*.) Спаси меня!

Катя. Я спасу тебя.

Терехов. Нет, ты не поняла. Ты что, не понимаешь?! Детский сад! Прости меня, прости… Но это — в последний раз! Одна доза — и все, я вырываюсь. Я знаю, как это бывает со мной. И утром — я другой человек, совсем другой. Мы поедем с тобой к морю. Я знаю одно место.

Катя. Терехов, только не это, не это.

Терехов. Да «это», «это»…

Катя. Нет, Терехов, нет.

Терехов. Ты сказала, что когда я умру, то умрешь и ты. Тогда умирай сейчас.

Катя (*растерянно*). Но у меня же ничего нет…

Терехов. Да?.. Это ерунда. Помнишь, я показывал тебе дом на Большой Почтовой?.. Ну, помнишь же?

Катя. Помню…

Терехов. Идешь туда. Третий подъезд, четвертый этаж. Семнадцатая квартира. Его зовут Боб. Так и называй его, Боб.

Катя. Терехов, у меня с собой три рубля. Больше ничего нет. Я тогда заеду к матери.

Терехов. Ты что, не понимаешь? Это же Боб. «Три рубля», «матери». Ты входишь, говоришь, что от меня. И он тебе дает. Запомнила? Семнадцатая квартира.

Катя. Он же тебя ищет?

Терехов. При чем здесь «ищет»! Да умираю я. Ты что, не видишь? Ну, придумай же что-нибудь. Ты же красивая девочка, замечательная девочка… Извини. Не понимаешь, да? (*Закрывает лицо руками.*) Оставь меня. Забудь!.. Все забудется! Я — это перегар, который не выдыхается! Уходи!

Катя. Вон скамейка. Там ты сядешь. Я уйду, потом приду.

Терехов. Ты никуда не пойдешь.

Катя. Не надо… Я вижу твое лицо. Я вижу твои руки. Если бы был другой выход, ты бы нашел его. Я знаю. Сиди и жди. Вон там. Я постараюсь вернуться быстро. (*Ушла.*)

Терехов (*один*). Не надо. Остановись. Не ходи. Не надо. Остановись. Не ходи. (*Закрыл лицо руками.*)

Наверное, Кате все, что с ней происходило сейчас, казалось сном. И трое: Боб, первый и второй неизвестные — лениво рассматривающие ее. И полумрак чужой квартиры. И музыка, обрушивающаяся на нее со всех сторон. И, наконец, она сама, танцующая под взглядами трех взрослых мужчин.

Катя (*останавливаясь*). Вам нравится, как я танцую?.. По-моему, я танцую замечательно. А могу еще вот так!.. (*Убыстряет танец.*)

Боб. Умница… Покружись, покружись…

Катя закружилась.

Первый неизвестный. Суслику бо-бо. Суслик телочку прислал. Значит, совсем бо-бо.

Второй неизвестный. Нет, не скажи, бедра широкие. Суслик в этом все-таки ничего не понимает.

Катя (*резко останавливаясь*). Он не суслик, а Терехов. Я уже просила не называть его Сусликом.

Первый. А кто же он?..

Боб. Ты танцуй, танцуй... Не обращай на них внимания. Ты ничего танцуешь. Со смыслом.

И Катя танцевала. Неизвестные поднялись, присоединились к Кате. Теперь они уже танцевали втроем. А в темноте, на диване завозился Дмитрий, скинул плед, удивленно посмотрел на Катю.

Катя (*остановилась*). Ну, может быть, хватит? Я устала танцевать. У меня устали ноги. А с этими (*показала на неизвестных*) танцевать вообще невозможно. Боровы... У меня мало времени. Я вас предупреждала. Что дальше?

Боб. Ты сама знаешь. Как договаривались.

Катя. Ладно... Сейчас... Только пусть они отойдут.

Боб (*неизвестным*). В сторону. Мешаете.

Неизвестные, недовольно бурча, отошли.

Катя. И есть в этом доме медленная музыка?!

Боб. В этом доме есть все... Найди там что-нибудь...

Первый неизвестный сменил кассету, музыка заиграла плавно, медленно. И так же медленно начала раздеваться Катя.

Дмитрий (*вскакивая*). Эй, эй... Ты что, совсем того? (*Крутит пальцем у виска.*) Тебе здесь что, пляж?..

Катя, не замечая его, продолжала раздеваться.

Катька, не придуривайся!

Боб. Не обращай внимания… Делай свое дело.

Дмитрий. Идиоты.

Боб. Остынь, Митя… Потом пожалеешь… Спал — спи. Или — уматывай на вокзал. Там полно лавочек. (*Кате.*) Девочка, давай-давай…

Катя продолжала раздеваться. Дмитрий подбежал и выключил магнитофон. Катя остановилась.

(*Неизвестным.*) Что он разошелся?

Неизвестные медленно пошли по направлению к Дмитрию.

Девочка, давай, давай, работай.

Катя раздевалась.

Дмитрий (*подбегая к ней*). Прекрати!

Катя (*в истерике*). Не мешай работать!

Дмитрий. Что? (*И — ударил ее по щеке.*)

Катя. Пошел вон! (*Бобу*) Уберите его!

Дмитрий. Одевайся! Быстро! Ну! Быстро! (*Нагнулся, собирая Катину одежду. Потом рывком подхватил Катю и пошел, медленно пятясь к двери.*)

Катя пыталась вырваться, наносила Дмитрию удар за ударом. Но чем ближе Дмитрий подходил к дверям — и те трое надвигались на него, тем слабее становилось ее сопротивление. И уже возле двери Катя, будто проснувшись, прижалась к Дмитрию и заплакала. И тогда Дмитрий рывком распахнул дверь.

20.

Вырвавшись будто из сна, они бежали, чувствуя за собой топот погони. Но и город принимал их как сон. Они бежали, взявшись за руки, и лица города мелькали перед ними: директор, Марьиванна,

женщина, мать, Лебедев, полковник. Потом в толпе мелькнуло лицо Кеши. Кеша остановился.

Кеша. О чем я думаю, когда остаюсь один? А зачем это, интересно, вам знать? Ну, допустим, я вытаскиваю журнал «Рокси» — есть такое издание. Не слышали? Его издают ребята в Питере. Там есть одна заметка. Я ее читаю. Могу с выражением. «Я люблю металл. Меня бросает в дрожь от первых звуков. Мощь вокала, мощь гитары солиста, мощь барабана и тарелок поднимают мои чувства к небесам. Может быть, поэтому в металле так много позы и понта? Это — как настоящая любовь, прямо в сердце, минуя голову. Может быть, поэтому среди металлистов так много парней? Почувствовать себя сильным и любимым?! Сильная ловушка для Золушки. Именно для Золушки, то есть для всех тех, у кого есть проблемы, беспорядок и страдания. Особенно для того периода жизни, который известен как отрочество. То есть вроде уже вырос, но как раз голова и отстает. А если ты вырос среди таких же, как ты сам, если предки расплылись в работе и телевизоре, а в школе бардак? Если много информации и мало тепла? Если на словах одно, а в жизни другое? В ней есть несправедливость, жестокость и то, о чем избегают говорить взрослые… Пожалуй, никакая другая разновидность рока не компенсирует все это так, как металл». Написать, что ли, так? Нормально парень говорит. Я — за. Только, только я не люблю металл. Идиотская музыка. Какофония, удар по черепу. Но попробуй это сказать! Представляю морду Алисы… Нет, я не минер и не могу ошибаться только раз. Ведь все знают, что я — люблю металл, что я — слушаю голоса, что я — задушу за фарцовую шмотку, что я — не читаю книг и не хожу в театр. Зачем лишать людей иллюзий? Даже своих. Поэтому я напишу что-нибудь про металл. Не так, как тот парень из Питера — он, кажется, тоже с придурью. А что-нибудь понятное. Какую-нибудь чушь. «Когда я слушаю металл, то чувствую, как у меня на руках вырастают когти. Больше ни о чем, когда я остаюсь один, я не думаю, потому что ненавижу думать». Так, наверное, сойдет. По крайней мере все

будут довольны. А Алиса не встретит меня своим идиотским смехом, когда завтра мы увидимся на первом уроке.

Кеша исчез в толпе, несущейся на Дмитрия и Катю. Они остановились, переводя дыхание и снова — в город, как в сон. Потом Дмитрий, схватив Катю за руку, побежал. И снова лица мелькали перед ними: директор, Марьиванна, женщина, мать, Лебедев, полковник. Потом — перед ними мелькнуло лицо Лепы. Лепа, пропуская их, остановился.

Лепа. Когда я остаюсь один, то думаю, что я трус и ничтожество. Я боюсь директора, милиционера на улице, толпу во дворе. Я боюсь выглядеть глупым или слишком умным, или некрасивым, или одетым не так, как все. Отец говорит: «Не выделяйся! Потом это тебе будет дорого стоить!» Неужели я так быстро усвоил это? Или это гены? Дед был арестован после войны, в пятьдесят четвертом его освободили, в пятьдесят шестом реабилитировали, и потом всю жизнь он молчал. Когда в прошлом году он умирал, то последними словами его были: «Спасибо, что я жил...» Я хочу понять, почему молчал дед, почему такой отец, почему таким вырастаю я?.. Ведь когда-то кто-то должен разорвать этот круг? Хватит этих «спасибо»! «Спасибо за то, что тебе дали образование! Спасибо за то, что тебе дали работу! Спасибо за то, что тебя куда-то избрали!» Как будто ты — робот, механизм, железка, которой управляют сверху. А сам ты никто, трус, ничтожество... Представляю глаза Вэ-Ха, если он прочитает это... Но я знаю, что он этого никогда не прочитает. Мне не положено интересоваться тем, чем мне не положено интересоваться! Я не имею права спрашивать то, что я спрашивать не должен. Я обязан быть таким же, как дед и как отец. Я бегу по этому кругу, как паровозик по игрушечной железной дороге! Ту-ту! — кричу я. Ту-ту... Я хороший! Я такой же, как вы! Я иду по вашему кругу! Я оправдаю ваше доверие! Я не сверну! Я — свернусь... Больше всего на свете я боюсь того, что мне не о чем будет сказать своим внукам. Я поэтому и напишу... Вот сейчас, прямо сейчас... Когда я остаюсь один, то думаю о том, что я трус и ничтожество. Потому что если

я думаю, значит, я существую. — Это сказал не я. Это сказал один замечательный человек.

Странным было пространство, куда вбежали запыхавшиеся Катя и Дмитрий. Как в квартире после ремонта, были раскиданы вещи: стулья, тумбочки, диваны. Темнота была в окнах. Дмитрий громко дышал, без сил сел на пол, возле двери. Рядом с ним Катя. Дмитрий, не вставая, потянулся, защелкнул задвижку на двери. За дверью послышались шаги, голоса, потом — стук в дверь, сначала тихий, потом все громче и громче. Дверь трещала под напором тел, Катя и Дмитрий стаскивали к двери диваны, тумбочки, стулья. Вдруг темный силуэт показался в окне. Страшные, в масках, люди, как в том, давнем видении Дмитрия, появились в проеме окна. Протягивали руки через форточки. Дмитрий бросился им навстречу, швырнул в лампу стулом. Стало темно, слышен был стук падающих тел, громкие голоса. Катя и Дмитрий стояли, раскинув руки, прикрывая своими телами дергающуюся дверь. Им было тяжело и страшно от стука, гула, криков, напора с той стороны двери. И казалось, вот-вот рухнет построенная ими баррикада, ворвутся сюда, сомнут, истопчут. Но они надеялись, что эта построенная ими баррикада оградит их, хоть на мгновение, от всего, чего они боялись в жизни. Вот так они и стояли, когда появился маленький мальчик — ребенок лет восьми.

Мальчик (*запел*).
Между небом и землей
Песня раздается.
Между небом и землей
Жаворонок вьется.
Ветер песенку несет,
А кому — не знает.
Та, кому она, поймет,
От кого — узнает,
Льется песенка моя,
Песнь надежды сладкой,
Кто-то вспомнит про меня,
И вздохнет украдкой.

Конец

«Продам старинную мебель»

Хроника одних суток в двух частях с перерывом

Действующие лица:
Поворотов — писатель.
Катерина — жена писателя.
Дима — сын писателя.
Лина — женщина, которую любит писатель.
Ира Кузнецова — дочь одноклассника писателя.

Посторонние писателю люди:
Федор Федорович.
Витан.
Старик.
Миша — приятель Димы.
А также остальные его приятели.

Действие происходит исключительно в наши дни.

Часть первая

Ночь перед тем днем.
Время, когда веселье в молодежной компании уже достигло своего апогея, и в комнате погасили свет. Мрак кругом страшный, только через окно проникает свет ночной улицы. Слышим мы звуки

одновременно двух магнитофонов, из которых то один, то второй звучит громче, и шум компании человек в двенадцать, не меньше. Комната заполнена тенями. Тени слоняются по комнате, садятся, обнявшись в кресле, прыгают в танце, жуют бутерброды, выпивают бокалы вина, то есть проводят время так, как его проводят, когда в доме нет родителей. При всем разнообразии очертаний теней, в силуэтах есть нечто общее. Возможно, это манера одеваться. Если я скажу, что преобладают джинсы, то вы должны понять автора, что же он имеет в виду. Шум заглушает голоса, но что-то до нас все-таки доносится.

— Светка хочет раздеться!

— Старик, что ты сказал о боге — фигня. Он умер и его больше не будет, хоть убейся.

— Какой идиот разбил вазу! Ну, я вас спраши…

— Я не пил из этой вазы!..

— Пошел к черту, козел…

— Он мне толкнул за две сотни, а оказалось, что они из Гонконга…

— Я был с нею. Захочу, буду еще… Понял?

— Тебе нельзя больше пить!

— Я вас всех посылаю к черту, понятно?

— Машка с Игорем заперлись в ванной! Детский сад какой-то!

— Еще раз тронешь Ольку — вышвырну с лестницы!..

— Я буду пить на краю балкона. Спорим?!

— Спасите… наши… души… Я — король, который все… Спасите… наши… души. Я — король, который все… Я король, который… Все…

Луч света вырывает две фигуры, Дима и Миша.

Дима (*хохочет*). Сметанин, ты посмотри… На Сметанина… Я больше не могу. (*Покачиваясь, приседает от смеха*.) Он упился. Да, Майкл, упился?

Миша. О, йес.

Дима. Спасите… наши… души… Во чудак а, Майкл.

Миша. Уайт хауз.

Дима. Нет, не белый дом и не белая лошадь. Ты ему сделал ерша, да, ерша?

Миша. О, йес.

Дима. Король. Майкл, ты король. Нет, безумно смешно сегодня, а, скажи? Ну, скажи?

Миша. Йес, бат ноу герл.

Дима. Нет девочек? Очнись. Посмотри на этот мир широко открытыми глазами, как у младенца. Ты что, не видишь, да, не видишь?

Миша. О, соу-соу.

Дима. Так себе? Ты спятил? А Светка? Ну вон та, маленькая, которая с Игорьком?

Миша. Ай донт ноу, френд.

Дима. Не бери в голову.

Миша. Ду ю синк соу?

Дима. Верняк. Но, Майкл, у тебя нет фантазии. Этим можно заняться в следующий раз. Черт, мне хочется сегодня чего-нибудь особенного. К примеру, пришельцев.

Миша. Итс вери гуд.

Дима. Конечно, хорошо, И мы их устроим. Только. Где в этом чертовом домике найти бумаги…

Миша. Хиэ.

Дима. Не, туалетная не подойдет. Во такая идея… Сейчас мы найдем бумаги, потом устроим один маленький маскарад с переодеваниями, потом выйдем тихо на улицу… Ты понял, о чем я говорю, а, ты понял? (*Кричит, заглушая музыку.*) Дамы и господа, если вы еще… Не подавились… Мы с моим лучшим другом Майклом, с которым мы познакомились ровно двенадцать часов назад на Пушкинской площади… Устроим маленький парад-алле по случаю приближающихся… (*Хохочет.*) Пришельцев! Музыка, туш!!!

Темно и тихо, как весной на рассвете. В темноте слышно, как крутится телефонный диск. Один оборот, второй, третий… Всего семь.

Короткие гудки — занято. Снова крутится телефонный диск. Один оборот, второй, третий… Короткие гудки… Снова крутится телефонный диск. Занято.

Утро в квартире Валерия Дмитриевича Поворотова, писателя. Перед нами — и большая комната, и кухня, и двери в ванную комнату и туалет. Квартира только-только начинает принимать жилой вид. Книги еще стопками вдоль стен. Раскладушка посредине комнаты с телефоном возле нее. На стене висит старинная сабля. Но самое занимательное то, что квартира заставлена старинной мебелью. К стене, например, прислонена огромная, елизаветинских времен кровать. Посредине комнаты стоит шкаф, с одной стороны которого большая дверь вовнутрь, а с другой — множество отделений. Тяжелые кресла. Бюро. На кухонном столе грудой сложены старинные бронзовые дверные ручки. Сам Поворотов — человек за сорок, но выглядит очень молодо. Возможно, за счет того, что образ его жизни, язык, манера одеваться роднят его больше с «детьми», чем с «отцами». Поворотов — человек экспансивный, вероятно, внутренне очень напряженный. Он научился «пришпоривать» себя, но даже когда он спокоен, то напоминает птицу, мирно сложившую крылья, но готовую вот-вот взлететь.

Поворотов (*в телефонную трубку*). Ну нет я вам объясняю! Какой вы номер набираете? Так… Так… Нет, это ошибка. Телефон тот, но совсем другой. Проверьте еще раз. (*Кладет трубку. Берет сантиметр, начинает измерять ширину шкафа*.)

Телефонный звонок и одновременно звонок в дверь. Поворотов открывает. На пороге – Старик в дорогой лисьей шкуре.

Поворотов. Добрый день… Одну секунду… (*Подбегает к телефону, снимает трубку.*) Алло, алло… Это снова вы? Ну, сколько можно… Я же вам только что объяснил… Что написано?! Где написано?!

Старик тем временем, не смотря по сторонам, направляется к кровати и пытается отодвинуть ее от стены. Поворотов изумленно наблюдает за стариком.

Поворотов (*в телефон*). Бред какой-то… Фантастика… Братья Гримм… Вы что, не понимаете, что вам говорят? Ах, понимаете… Я не хамлю… Я вообще хамить не умею. Вы мне просто уже звоните в третий раз. Войдите в мое положение… Ну, хватит. У нас нет времени для дискуссий. (*Кладет трубку. Старику.*) Нет-нет… Сюда. (*Открывает дверь в туалет.*)

Старик не обращает на него внимания, отодвигает от стены кровать.

Старик. Разве это кровать? Тьфу, а не кровать. Обивка вся ржавая.

Поворотов. Ну да… В принципе…

Старик. Ну, это, может, я у тебя куплю. (*Подходит к шкафу и начинает быстро-быстро открывать ящики.*)

Поворотов. Не понимаю… А… У… У вас с собой… эта вещь?

Старик. Хотя нет. Товар тоже с гнильцой.

Поворотов. Простите… Вы… От Федора Федоровича?

Старик. А это что? Совесть надо иметь? Все сгнило! Видишь, сгнило! Нет, больше ста пятидесяти я за это не дам.

Поворотов. Да я и не собираюсь… Не понимаю, причем здесь шкаф. Вы кто? Вы от Федора Федоровича?

Старик. Михаил Карпыч меня звать. Краснощекин Михаил Карпович.

Поворотов. Очень приятно, но…

Старик (*подходит к креслу и щупает его, как лошадь*). Ну… Тоже мне кресло… В таком разве посидишь? Посидишь, я тебя спрашиваю!

Поворотов. Так. Достаточно. Давайте разберемся. Вы кто?

Старик (*берет старинные часы на столе, расстегивает шубу, достает бумажник*). Ну ладно. Пятьдесят. Больше они не стоят.

Поворотов. Прекратите эту оперетту! Если вы не от Федора Федоровича, то что вам здесь нужно?

Старик. Михаил Карпович. Краснощекин Михаил Карпович. Пятьдесят пять и ни копейки больше. Никто больше не даст. Это я тебе говорю, Краснощекин.

Поворотов. Нет, это уже переходит все границы!

Старик. Пятьдесят семь. Больше не проси.

Поворотов. Если вам надо в сумасшедший дом, то здесь не сумасшедший дом, а обычный дом.

Старик. Шестьдесят… Ишь, чего захотел, шестьдесят… Да нам, думаешь, вещи легко даются? Не смотри, что я здоровый, у меня и инвалидность.

Поворотов. Так… Значит, все-таки от Федора Федоровича… Но при чем здесь часы? Нет-нет… Мы так не договаривались. Деньги — это другое дело… Сколько там будет надо… Но вещами…

Старик (*кладет на стол деньги, берет часы и идет к двери*). Ладно, шестьдесят. Уговорили.

Поворотов (*хватает Старика за рукав*). Положите на место! Да стойте, я вам говорю!

Старик (*открывает дверь*). Я ничего не слышу, оставил дома слуховой аппарат.

Поворотов. Стойте… Вот ваши деньги… Вот мои часы… И, пожалуйста, идите. Ванну там горячую, нарзан, санитаров.

Старик. Никто тебе семьдесят не дает. Чего захотел — семьдесят. (*Хлопает дверью.*)

Телефонный звонок.

Поворотов (*снимает телефонную трубку*). Ну я же объясняю вам, что мебелью не торгую!.. А… (*Смеется.*) Линка, прости. (*Смеется.*) На меня в конном строю с самого утра идут сумасшедшие. Нет, серьезно… Ты представляешь, названивают какие-то психи и спрашивают, не продам ли я бюро, есть ли у меня кресла на колесиках… Да нет, серьезно. Какие шутки… Ну да. Только что выпроводил старикана, который ворвался ко мне без слухового аппарата… Ну да… Он не просто сумасшедший, он глухой сумасшедший… Ну да… Старик в лисьей шубе, как у депутата Государственной думы. Представляешь, он хотел вынести из квартиры кровать. Ну и что, что старик… Ты увидела бы этого старика. Жаботинский, а не старик. Придумываю? Фиг-то. Истинный крест… Ну… Ну… (*Становится серьезным.*) Линка… Ну что ты?.. Ну, кончай… Ну,

ты же сама все знаешь. Ну, конечно… Ну да, так дальше продолжаться не может. Я понимаю, да… Ну… Ну… Нет, она не стоит над телефоном. Она там… У себя… У… Нет… Но я не мог ей сказать. Ну, бывают такие ситуации, когда не могу… Ну, во-первых, у нее мать болела… Да, жуткая старуха… Но ведь тоже человек… Хоть и вампир. Ну да… Потом… Потом ты же знаешь, что для меня стоила квартира… Ерунда, ерунда… (*Горячо.*) Но у меня впервые в жизни появилось место, где я могу сесть писать… И меня никто не будет шпынять, как мальчишку… Мне нечего успокаиваться… Я совершенно спокоен… Ну… Ну… Катька — умная девка. Она давно поняла, что никаких отношений… Да какие уж там отношения… Ну, хорошо, я ей все скажу… Когда? Ну… Хорошо. Скажу сегодня. Ну да, точно… Хочешь, землю буду есть? Ну… Димка уже взрослый парень… И он меня отлично понимает. Да, надеюсь, и я его тоже. Нет, он ночью сюда приехал… Нет, сейчас нет… Где-то с приятелем… Так что… И вообще я хочу тебя видеть… Сегодня… У него снова сегодня день рождения у приятеля… Сказал, будет после часа… Ну да… Я ей скажу… Я тебе обещал…

Звонок в дверь.

Лин… ну договорились… Жду. Целую. (*Открывает дверь.*)

На пороге стоит парень лет двадцати, которого зовут Витан. Он — в замшевой куртке. Витан обаятелен и развязен.

Витан. Валерий Дмитриевич Поворотов? Писатель?

Поворотов. Угу.

Витан. Очень приятно познакомиться. Очень люблю писателей.

Поворотов. Надо же… А вы… Вы — читатель?

Витан. В некотором роде. Вот. (*Достает из кармана лист бумаги, читает.*) «Писатель Поворотов Валерий Дмитриевич продаст старинную мебель. Обращаться с 8 утра до 12 ночи… Адрес… Телефон…»

Поворотов. Ну-ну… (*Берет, читает.*) Действительно… «Поворотов Валерий Дмитриевич… Продаст старинную мебель…» А я-то думаю, что это ко мне с самого утра всякие психи повалили.

Телефонный звонок.

Поворотов. Ну, не совсем так… Извини. (*Снимает трубку.*) Зоопарк! А… Прости, Катюша… У… Угу… Отдел похорон — тоже я. (*Витану.*) Извини, жена. Ну, не сказать, чтобы очень веселое… Да так, здесь одна несуразица случилась. Да так… Потом расскажу… Чем занимаюсь… Да так… Голова идет кругом от всяких дел. Но, кажется, уже близко финал. Финита ля комедия… Вот жду с минуты на минуту одного человека… Должен принести самое последнее, Катюша, ну я же тебе объяснял, зачем мне это надо… Ну, понимаешь? Тогда отлично. Нет, он куда-то ушел с приятелем. Да нет, он в куртке. Шарф? По-моему, надел. Попросить, когда придет, позвонить? Но он сказал, что будет после двенадцати… Даже после часа… Все равно пусть позвонит? Ладно… Скажу… Прекрати! Никто его не портит. Ему же семнадцать лет. Мы с тобой в семнадцать, как помнишь… Что? Хотела бы не помнить? Угу… Угу… Угу… Да… Нет… Да… Нет, ну, конечно же я не один! У меня здесь семь девочек из кордебалета, а в ванной — Моника Витти. Как раз сейчас принимает душ.

При этих словах Витан заглядывает в ванную комнату, потом в туалет, потом проходит в кухню и начинает там рассматривать старинные дверные ручки.

Старуха, давай без истерик. Я понимаю, что у тебя трудная работа и что завтра комиссия из роно… Хватит. Все, хватит. Я больше так не могу. При чем здесь развод? А… Угу. Угу. Ну, если на то пошло… Нет, я так больше не могу. Я не волнуюсь. Я абсолютно спокоен. Могу даже спеть. Хочешь? (*Поет.*) Послушай, Катя. Полтора года я занимаюсь черт знает чем. По уши

было дел с ремонтом. Плитка, кафель, смеситель, газовая плита… Телефильм сделал. Второй делаю. Только для того, чтобы наконец-то можно было сесть где-нибудь в берлоге и писать… Вот здесь у меня все, вот здесь… Понимаешь? Ах, тебя это не касается? Ну, конечно… Конечно… Ну, прекрасно. Благодарю покорно… Какие странные погоды стали в Москве… А?.. А?.. Пошла ты к черту! (*Швыряет трубку.*)

Появляется Витан с огромной бронзовой ручкой в руках.

Витан (*кивает на телефон*). Ромео и Джульетта?

Поворотов (*достаточно взволнован*). Да ерунда… Бывает.

Витан. Еще сколько! У меня есть приятель, Владик. Вместе работаем. Приходит раз, а у него вот такой фингал под глазом. Я спрашиваю: «Владик, кто это тебя? Дай я найду этого человека и сделаю из него котлету». Он мялся-мялся, а потом и говорит: «Не надо, Витан, не поможет. Это Людка…» А посмотреть на нее — подумаешь, мухи не обидит. Все они такие.

Поворотов. У тебя все?

Витан. В смысле? (*Встает.*)

Поворотов. Да нет-нет, сиди… Жизнь, Витан, очень сложная штука…

Витан. Но прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно…

Поворотов. Да… Вот. (*Берет дверную ручку.*) Ломают старые дома, а их выбрасывают. А какая красота, посмотри? Как тщательно вырисовывал мастер каждый изгиб…

Витан. Штамповка.

Поворотов. Нет, тогда штамповки не было.

Витан. Ну уж.

Поворотов. Все равно красиво.

Витан. Деловые вы люди, писатели.

Поворотов. Это почему же?

Витан. Да нет. Это я с восхищением. Я наоборот — приветствую деловых людей. Они — надежда цивилизации.

Поворотов. Пушкин — тоже деловой человек?

Витан. Камер-юнкер… По-нынешнему… Ну, это вроде как управляющий трестом, а то и выше. «Прощай, свободная стихия».

Поворотов. У тебя что в школе было по литературе?

Витан. Это к тому, что я много цитат знаю? Просто — отличная память. Даже сахар есть не надо. Вот и весь секрет. «Чуден Днепр при тихой погоде…» и так далее. Но в принципе мы не нашли со школой общего языка.

Поворотов. Памятник — управляющему трестом Александру Пушкину. Весело.

Витан. Ну, это когда было… Царизм. Отсталость. У меня знакомый, почти друг, он в кино снимался в массовке, убитого играл… Два часа полежит — три рубля. Еще два часа полежит — три рубля. Люблю деловых людей. Взять хотя бы того, из 8-го ЖЭКа… «Запорожец», «Жигули»… «Волга»… Ну, писатель, ну, молодец.

Поворотов. Ну и что? Какое это имеет отношение к литературе? Есть писатели, которые на «Чайках» ездят…

Витан. Ну, эти вообще деловары…

Поворотов. Но какое это имеет отношение к литературе?

Витан. В смысле?

Поворотов. В смысле, в смысле… Ты знаешь, что такое — писать!

Телефонный звонок

Алло… Ошиблись номером. (*Кладет трубку.*) Ты вмещаешь в себя тысячу жизней, и они разрывают тебя на части. У тебя больше нет ничего своего!

Телефонный звонок.

Алло!.. Ну, ошиблись, я вам говорю. (*Кладет трубку.*) Ты один, ты в одиночестве… А их сотни… Ты страдаешь! Как ты страдаешь! Жена… У тебя не остается друзей… А здесь… Сидишь на кухне… Включишь настольную лампу, заткнешь уши ватой, чтобы не слышать телевизора…

Телефонный звонок

Алло! Продана мебель. В музей! Какой? Зоологический! (*Швыряет трубку.*) Борщом пахнет. Стучишь до рассвета на машинке…

Витан. До рассвета? На машинке? Борщом пахнет? Деловой человек!

Поворотов. Думаешь, деловой? Думаешь. (*Подходит к шкафу, открывает ящик, вытаскивает оттуда толстую рукопись.*) Деловой? Вот это видишь?

Витан (*берет рукопись, читает вслух*). «В полночь 4 октября, когда планета Марс повисла прямо над моей головой, понял я, что жизнь моя, которой ранее так гордился, не удалась. И тогда…»

Поворотов забирает у Витана рукопись.

Фантастический роман?

Поворотов. Это книга жизни. У писателя должна быть только одна книга, в которой будет заключаться весь смысл жизни, все его время, все человечество, разместившееся на сотне этих страниц.

Витан. Занимательно.

Поворотов. Что — занимательно? Думаешь, это кто-нибудь будет печатать? Думаешь, это кому-нибудь нужно?

Витан. Неужели никому?

Поворотов. Никому.

Витан. Валерий Дмитриевич, господи, да вы в журнал отдайте.

Поворотов. В какой?

Витан. Что значит, в какой? Вот «Огонек» есть, Смена», «Октябрь», «Турист»… Журналов, что ли, мало? Да их навалом! Я однажды специально по телефонному справочнику считал! Только в одной Москве их пятьсот штук!

Поворотов (*убирая рукопись в шкаф*). Да нет, Витан. Это им не нужно… Ну и пусть. Я не расстраиваюсь. Мне было двадцать три года, когда у меня вышла первая книга, «Стрела в юность». Не читал?

Витан. Так это вы написали? Да кто же ее не читал?! Конечно, читал! Прекрасное произведение.

Поворотов. Не ври, не читал. Да это и не важно! Это больше относится к нашему поколению… Ну, в общем, была у меня, такая книжка. В те годы — знаменитая. Так я стал профессиональным литератором. А потом… Сколько всего было потом. А там пошло все. То дом, комната и кухня, сын растет… И вот пишу. А это никому не нужно. А ты говоришь, деловой человек.

Витан. Ну… ну… Да вы пишите, что им нужно! А то взяли привычку! А вы им скажите: не хотите — не надо. Плюньте, и пишите что им нужно! Такая же жизнь — что вы маленький? Мне вот двадцать два года, я уже такого насмотрелся. Так вот, я могу твердо заявить, что человека, который в наше время может за идею просидеть на хлебе и воде, нет. Может, он раньше был — а теперь все, тю-тю. Сейчас как? Вот он говорит какие-нибудь слова, высокие, хоть в газете печатай, а сам в это время думает: а что я могу за это поиметь? И все понимают, что он так думает, и сами думают точно так же, но сидят, в ладоши хлопают, потому что тоже хотят урвать свой кусок от пирога жизни.

Поворотов. Витан, ты, оказывается, еще и циник.

Витан. Нет, я химик. Я — химичу. А вам хочется наполнить свой собственный стакан удовольствия?

Поворотов. Представь себе, нет.

Витан. Тогда… Знаете что, Валерий Дмитриевич, подарите мне вот эту саблю с золоченым эфесом, насколько я разбираюсь в драгоценных металлах? (*Снимает со стены саблю.*)

Поворотов (*отбирает саблю и вешает ее на место*). Это подарок.

Витан. А! То-то же. Так устроен человек, и нечего этого стыдиться. Не стыдитесь, Валерий Дмитриевич!

Поворотов. А чего мне стыдиться?

Витан. Ну, вообще… Не стыдитесь…

Поворотов. А я не стыжусь… Я страдаю. И тебе этого не понять, что приходится писать пустые телесценарии.

Витан. И зря страдаете! Зря, точно вам говорю. Что

страдать-то? Валерий Дмитриевич, дорогой мой, из-за чего страдания-то?

Поворотов. Но ведь я, в конце концов, имею право писать то, что хочу я.

Витан. Ну, вы как маленький!

Поворотов (*горячо*). Это же только представить себе… Плинтуса сделать… Что это — космический корабль? Космический корабль, я спрашиваю?!

Витан. Дайте подумать. Нет, плинтуса — это не космический корабль.

Поворотов. А паркет отциклевать? Что это — атомную электростанцию построить?

Витан. Ну, как это сказать?

Поворотов. Приходят… Водкой разит. Я человек непьющий — тут же чувствую. Циклюйте, говорю, пожалуйста… Не буду вам мешать… Шарф надел, пальто… А они стоят, как статуи.

Витан. Как мумии!

Поворотов. Вот-вот… Так пока не дал им по десятке и еще сам в магазин не сбегал, так и стояли.

Витан. Так все-таки дали?

Поворотов. Дал… А что оставалось делать? И так каждый день… Каждый день… Сколько я перенес, ты бы знал…

Витан. Могу представить.

Поворотов. Какому-то ничтожеству из-за обоев в ноги кланяешься… Унижаешься… Плитка… Да она мне раньше даже во сне не снилась!

Витан. И правильно, что дали. А то они бы вам так отциклевали, что пришлось бы в гостинице жить, а ни к чему не придерешься.

Поворотов. Что правильно? Ничего не правильно! Что, я для того и создан, чтобы им за водкой бегать?

Витан. Деньги не пахнут. В наше время особенно. Вот что я вам скажу, Валерий Дмитриевич: выкиньте вы все это из головы! Если мне скажут: на тебе тыщу в месяц, но называйся тараканом, я соглашусь. Пожалуйста! Хоть тараканом, хоть царем египетским! Шутка.

Поворотов. Шутка?

Витан. Шутка. Царем египетским мне не к чему. Дел по горло, а удовольствие ниже среднего.

Поворотов. Да у них и царей давно нет!

Витан. О! А я вам что говорю! Деньги не пахнут.

Поворотов. Но я же писатель! Почему я должен им за водкой бегать?!

Витан. Сегодня вы им, завтра они вам. Диалектика.

Поворотов. Нет, позволь. Сорок лет живу, и все время бегаю я, а не они. Вот ни разу вот это существо из ЖЭКа, которое меня называет только «гражданин», будто я заключенный, не пришло ко мне и не сказало: товарищ писатель, я не буду вас больше травмировать, вот вам справки, которые вам нужны, а за то, что вы ко мне три с половиной месяца ходили, я приношу извинения от себя лично и группы товарищей.

Телефонный звонок.

Алло!.. Слушаю... Нет, ничего я не продаю! Нет, не продаю. Да, обманули... Меня тоже обманули... Это шутка. При чем здесь милиция?! Это надо мной подшутили! Ясно вам — надо мной! Какой-то негодяй... И никакой я не писатель... Говорю, не писатель... Я — ветеринарный врач. Кошек лечу. (*Швыряет трубку.*) И даже то, что я пишу сейчас, ввиду обстоятельств, ведь за это я получаю настоящие деньги, а не фальшивые! А зачем они? Пропить — это пожалуйста, что нам стоит! Но я же не пью! Я раз в жизни выпил... На выпускном вечере!

Витан. А деньги не фальшивые, честное слово?

Поворотов. Что?

Витан. Вот за это я вас ценю. Это правильно! Молодец вы, что не связываетесь с преступным миром. Как веревочке не виться...

Поворотов. Какой, к черту, веревочке? Ты за кого меня принимаешь?!

Витан. Нет, это я к тому, что в оперетте девочки ножкой дрыг-дрыг...

Поворотов. Я к опереттам не имею никакого отношения.

Витан. Ну вот… Она топ ножкой, а вам рубль! Тон ножкой — два! И им хорошо, и вам приятно.

Поворотов (*несколько ошарашенно*). Почему мне должно быть приятно?

Витан. Не приятно?

Поворотов. Не приятно!

Витан. Не приятно?

Поворотов. Не приятно.

Витан. Приятно. Ну, сознайтесь, Валерий Дмитриевич, что приятно! Ну, сознавайтесь… Мы же здесь одни, никто не услышит.

Поворотов. Вот что… Витан… (*Совершенно спокойно.*) Ты извини, у меня по горло дел. Надо ручки прибивать и так далее.

Витан. А вот это вы зря. Зря вы на меня обиделись. Я же понимаю, если ты писатель, то что тебе обязательно в коммуналке жить, над борщом чахнуть? Не обязательно.

Поворотов. (*подходит к двери, щелкает замком*). Не обязательно.

Витан. Зря, Валерий Дмитриевич. А я вот помочь хотел. Ведь трудно человеку, не привычному к нашему миру, заниматься квартирными делами. Ведь ЖЭК не в небе — на земле. А плитка «шелкография» дается не по потребности, а по способности.

Поворотов (*холодно*). Благодарю.

Витан. Вы так еще ничего и не поняли?

Поворотов. Вот что…

Витан (*в раздумье*). Ну… Чем мне вам доказать, что я ангел, посланный вам с небес, как писал Константин Симонов в стихотворении «Жди меня, и я вернусь, только очень жди…»

Поворотов (*холодно, щелкая замком*). Симонов это не писал.

Витан. А… Взяло… То-то же… (*Вдруг грустно.*) Ничто человеческое вам не чуждо, и за это вы мне нравитесь. Ну ладно, так уж и быть. Скажу вам пароль.

Поворотов (*открывая дверь*). Прошу.

Витан. Я — от Федор Федоровича.

Поворотов (*не слыша*). Прошу.

Витан. Я говорю, что меня Федор Федорович прислал.

Поворотов (*закрывая дверь*). А… Ну да… Ну, конечно. Как же еще? Как же еще можно с нами? Только так! Ну… Прошу.

Темнота. Свет. Бульвар. Две скамейки. Между ними — доска объявлении. На первой скамейке сидят Дима и Миша. На второй скамейке сидит семнадцатилетняя девочка. Парни ошалело хохочут, потом замолкают, потому что Дима толкает в бок Мишу и показывает на Иру.

Миша. О, ши из герл!

Дима. Но это даже неважно. Современному человеку стыдно иметь предрассудки..

Миша. Ай эм сорри. (*Ире*). Эй, герл.

Ира не оглядывается.

Дима. А может, ты ее этим обижаешь? (*Хохочет*.)

Миша. Эй, вумен!

Дима (*смеется*). А этим ты обижаешь ее еще больше. И вообще неприлично разговаривать с женщиной, пусть даже она и девушка, на расстоянии. Сближает лишь непосредственное общение. Не так ли, френд?

Миша. О, йес.

Они встают и переходят на скамейку к Ире, садятся рядом с ней. Ира хочет встать и уйти.

Дима. Девушка, ну зачем же так? Разве мы страшные? Я или мой френд, он же приятель Майкл?

Миша. Май нейм из Майкл, ай лив ин Москоу.

Ира сидит. Не встает и смотрит в сторону.

Дима. Видите, его зовут Майкл, он живет в Москве, а я Дима. А вы боялись. Мы просто одинокие странники,

грустные песчинки, занесенные на этот бульвар житейскими бурями. Ты согласен, Майкл, что мы занесены сюда бурями?

Миша. О, йес.

Ира смотрит в сторону.

Дима. Ну зачем же так? Жизнь — прекрасная штука только тогда, когда в ней прекрасно. Не так ли, Майкл?

Миша. Летс мэйк лав.

Дима. Правильно. Давайте любить друг друга, но не в том пошлом смысле слова, который, возможно, пришел вам сейчас в голову.

Миша прыскает при этих словах.

Тихо, Майкл! А в истинном, как завещал нам господь бог.

Миша. Кис ми квик!

Дима. Не обращайте внимания. Разве можно поцеловать такого человека?

Ира смотрит в сторону.

Миша. О, йес.

Дима. Видите, он согласен. Все последние годы жизни, а их уже семнадцать, надеюсь, вам столько же, он отличается поразительной скромностью, хотя сразу и не скажешь. Но я не о том. Надо любить цветы, деревья, травы... Поверьте мне. Опытному, поверьте, человеку, это — лучшая любовь в мире, как город, из которого выселены машины.

Миша. Летс гоу ту флэт.

Дима. Он предлагает ехать на квартиру... Майкл, ну мы же знакомы с девушкой только пять минут.

Миша. О, герл!

Дима. Не правда ли? Но в принципе это не имеет значения. Герл не герл. Мы же все одиноки, мы дети телевизора. Нам всем так не хватает плеча близкого человека, души, которая бьется о твою такт в такт.

Миша. О, йес.

Ира все еще смотрит в сторону.

Дима. Вы разве не замечаете, что в нас есть что-то общее.

Ира смотрит в сторону.

Миша (*встает*). Дим, пошли (*Кивает на Иру.*) Железобетон!

Дима с Мишей встают.

Дима. Но я чувствую, что мы еще с вами увидимся. И надеюсь, не на небесах, а на нашей грешной земле. Гуд бай.

Они делают несколько шагов, начинают хохотать. Останавливаются около доски объявлений. Дима вытаскивает из кармана листок бумаги, тюбик с клеем и приклеивает его на доску объявлений. Они уходят. Ира сидит еще несколько секунд, встает, подходит к доске объявлений, смотрит, срывает объявление.

Затмение. Освещается левый угол сцены, но свет тусклый, как будто лампадный. Школьная доска, исчерченная колонками цифр. Перед ней на коленях стоит Катерина, жена Поворотова. В ее облике важно одно — воля.

Катерина (*руки ее — вверх, и говорит она кому-то там, вверху*). Помоги мне. Дай мне силы! Сделай так, чтобы больше он не помнил об этом! У нас писателей больше, чем бумаги! Помоги ему понять, что, во-первых, он муж и отец. Дай мне силы, помоги мне. Ты знаешь, как я мучаюсь, у меня бессонница и гипертония. Я не смогу жить одна! Мне трудно... Евгения Степановна сказала, что мне надо было родиться мужчиной. Но это неправда. Я женщина. Объясни ему это. Объясни ему, что у Димки три хвоста за первый семестр, его могут отчислить из института. А потом его заберут в армию. Я не

переживу этого. Я мать. Помоги мне… Ведь и я была девушкой юной… Сама не припомню, когда… Когда я увидела его.

Голос становится глуше. Мы видим, как произносятся слова, но не слышим их. Освещается правый угол сцены — таким же лампадным светом. Перед электронно-вычислительной машиной «Минск-3» стоит на коленях Лина. Лина чуть моложе и намного изящнее Катерины. Она современнее в лучшем смысле этого слова. Лина в белом рабочем халате. Машина тихо гудит и иногда мигает.

Лина (*и ее руки туда, вверх*). Помоги ему в горе и в болезни. Огради его от неверных женщин и продажных мужчин. А мне ничего не надо. Не дай ему заглушить свой талант водкой и славой. А мне надо совсем чуть-чуть. Спаси его от житейских мелочей. А мне надо совсем немного. Быть рядом. Когда я увидела его…

Катерина. Когда я увидела его, это был взъерошенный мальчик с неуверенными движениями, заикающийся от волнения… Я чувствовала, что это мой сын, мой мальчик, и я полюбила его…

Лина. Я жила в темной комнате, пока не встретила его. А потом включила свет. Спасибо тебе за это. Спасибо тебе за то, что ты дал мне подругу Вику. Она холодная и пустая, и у меня нет с ней ничего общего кроме портнихи, но в ее доме я познакомилась с ним. Спасибо тебе за нее. Пусть и ей будет хорошо. Он был в свитере и рассказывал анекдоты, которые были несмешными. Но все смеялись. Я тоже. Потом мы вместе шли к метро, и он сказал: «Интересно, что будет на земле после нас?» И грустно улыбнулся.

Катерина. Меня упрекнули в хитрости. Люся Голубева, моя лучшая подруга, которая умерла пять лет назад, сказала тогда, что я выхожу замуж по расчету. Но поверь мне, я не знала, что он писатель, и его первую книгу прочитала только после свадьбы, и она мне не понравилась. А как мне было трудно потом. Когда он писал и его не печатали, мне пришлось работать на двух ставках, чтобы прокормить его и Димку. Почему, почему он это забыл?

Лина. Дай ему силы сказать ей «нет», потому что она не

знает, какой он, потому что она не хочет верить в то, что он останется очень долго после своей смерти. Прости меня за эти слова. Я не желаю ей ничего плохого. И я согласна быть лишь его любовницей… Прости меня за это слово, но это — жизнь, и от этого никуда не денешься… Я согласна… Я согласна дать ему свою волю и свое терпение… Я согласна даже поехать за ним в Сибирь. Не жалей меня, а помоги ему.

Катерина. Помоги ему! Объясни ему, что роно обещает дать трехкомнатную квартиру, и у него будет отдельная комната, где он может работать. И я даже не буду заходить к нему. Скажи ему, что я не могу жить одна, потому что Димка все равно уйдет из дома, и я даже не знаю, придет ли он на мои похороны… Дай мне силы.

Лина. Я готова ждать десятилетия, пока они напечатают его главную книгу, пусть даже это будет нескоро. Пусть даже рукопись, которая — я знаю — лежит в нижнем ящике шкафа, покроется паутиной. Пусть. Рукописи не горят.

Голоса женщин сливаются, пересекаются, становятся то тише, то глуше. Они встают одновременно с колен. Медленно идут в глубину сцены. Становятся рядом. Руки их встречаются. Тихий мелодичный звон.

Катерина. Скажи ему, что я люблю его не за то, что он мог бы стать Пушкиным или Лермонтовым…

Лина. Не жалей меня. Я не женщина, я баба. Я готова терпеть. Я готова ждать. Я готова умереть.

Катерина. Открой ему глаза, что никто, кроме меня, не вынесет его несносный характер. Скажи ему, что мне ничего не надо, только чтобы видеть его, потому что я женщина.

Лина. Пожалей его. Помоги ему.

Катерина. Дай мне силы вынести все это!

Лина. Я готова быть его любовницей, и больше мне ничего не надо.

Катерина. Прости его! Оставь мне мужа и отца. Открой ему глаза. Пожалей меня.

Лина. Пожалей его.

Пауза. Телефонные звонки. Женщины стоят неподвижно.
Затемнение.
Свет. Квартира Поворотова. Поворотов стоит на коленях перед шкафом и измеряет сантиметром его ширину. Звонок в дверь. Поворотов встает, открывает дверь. На пороге — Федор Федорович. В нем главное — ондатровая шапка, которая сидит над ним как нимб.

Поворотов (*радостно, но фальшиво*). Федор Федорович!

Федор Федорович (*хозяйски проходя в квартиру и хозяйски осматривая ее*). Ну что? Ничего! Ничего, писатель, обои не коробятся, плинтуса на месте. (*Заглядывая в ванную.*) Смеситель тебе поставили чешский. Правильно.

Поворотов. Спасибо большое, Федор Федорович. У меня был ваш товарищ…

Федор Федорович (*смеется*). Какой же он товарищ? Он мелюзга.

Поворотов. Да-да, конечно. Он просто сказал… Что… У… Эта вещь…

Федор Федорович. Знаю, знаю… У меня таких товарищей триста миллионов. (*Смеется.*)

Поворотов. Он сказал, что сегодня принесет…

Федор Федорович. А куда он денется? Принесет. Он не то что какой-нибудь… С три короба наобещает, а потом ищи его, свищи, а он уже на стройке в Сибири. Был у меня один такой.

Поворотов (*несколько смущенно*). Да-да, конечно.

Федор Федорович. А квартира у тебя ничего стала.

Поворотов. Спасибо большое, Федор Федорович!

Федор Федорович. А была дерьмо дерьмом. Да, хорошая стала квартира.

Поворотов (*несколько растерянно, потому что не понимает*). Да, хорошая.

Федор Федорович. Прямо тебе скажу, хорошая стала квартира.

Пауза.

Поворотов. Федор Федорович, может, кофе сделать? Посидим, попьем?

Федор Федорович. Нет, у меня от кофе бессонница, да еще в 39-ю квартиру надо зайти. (*Пауза*.) А мебель, я гляжу, у тебя вся старинная.

Поворотов. Да, в каком-то роде.

Федор Федорович. И правильно. Новая, она что? Новая — это фанера. Стукнешь по ней — одни щепки. Только лак один.

Поворотов. Да, конечно.

Пауза.

Федор Федорович. Вот что, Валерий Дмитриевич, девка моя школу сейчас кончает… Хочет на журналистику поступать. Блажь, конечно.

Поворотов. Ну почему же… Интересная профессия… Человеческая.

Федор Федорович. Скажешь тоже, человеческая. Я спросил одного из пятого подъезда: «Хоть четыреста получаешь?» Так поверишь ли — нет. Может, правда, прикидывается?

Поворотов. Ну, четыреста, конечно… Это такая сумма. Если, конечно, член редколлегии…

Федор Федорович. Да нет, он какая-то сошка. Ну вот, Валерий Дмитриевич, что я тебе скажу. (*Хихикает*.) Никогда бы не подумал, что мне писатель понадобится. Другое дело — строительство или там торговля или министерство какое-то… И то — не каждое… Да вот блажь девке пришла. Я и так и этак. Ладно, думаю, черт с тобой. И вот, значит, у меня к тебе дело, Валерий Дмитриевич.

Поворотов. Слушаю.

Федор Федорович. Помочь надо. Там же поступают… У всех же папы-мамы… А я кто? Конечно, я кто?! Ну, если бы поселить их всех, кто экзамены принимает, здесь вот, тогда другое дело… Но они же, черти (*смеется*), живут, где попало.

Поворотов (*несколько растерянно*). У меня тоже как-то там нет знакомых.

Федор Федорович. Да я тебя об этом и не прошу. Сам как-никак не пешка. Но у них там еще какой-то творческий

конкурс объявили. Без этого даже к экзаменам не допускают. Надо обязательно, чтобы из редакции заметка была.

Поворотов. Ну… У меня есть в нескольких редакциях знакомые…

Федор Федорович. Да это я уже без тебя договорился. В одной газетенке. Ну, пришла она туда. Дали ей задание. О трудящихся ее улицы. Ну там… «Каждое утро трудящиеся нашей улицы идут на работу выполнять двенадцать месяцев в девять». И так далее. Не мне тебя учить.

Поворотов (*изменившимся, спокойным голосом*). Ну, слушаю вас.

Федор Федорович. Так вот, значит. Тебе надо это написать.

Поворотов. То есть — как?

Федор Федорович. Как, как? Ясно как. Пером. (*Смеется*.) Топором я и сам умею.

Поворотов. Что значит, написать?

Федор Федорович. То и значит — написать. Что, мне, что ли, тебя учить?

Поворотов (*начиная заводиться*). Но позвольте, Федор Федорович.

Федор Федорович. Да ты не бойся. Не маленький — понимаю. Гонорар твой. Мало будет — добавим. Мы — не газета, копеек не считаем. Так что — не волнуйся.

Поворотов. Да я не из-за этого волнуюсь. Я за вашу дочь волнуюсь.

Федор Федорович. А ты не волнуйся.

Поворотов. А я волнуюсь!

Федор Федорович. А ты не волнуйся. Ну, пришла девке блажь…

Поворотов (*уже заведенный*). Да я не из-за этого волнуюсь. В конце концов, что это такое! Да как так можно? Вы же… Вы же своей дочери жизнь портите!

Федор Федорович (*с интересом глядя на Поворотова*). А ты не волнуйся. Она за «шелкографией» носиться не будет.

Поворотов. Ну уж, конечно. Конечно… Но это же слово! Вы понимаете, слово. Это — не обои. Это — не плинтус! Это — не «шелкография», в конце концов!

Федор Федорович. Вот как заговорил?

Поворотов. А вот так. Вот так.

Федор Федорович. Я же тебя по-человечески просил.

Поворотов (*заводясь все больше и больше*). Это, по-вашему, я не по-человечески!

Федор Федорович (*тоже заводясь*). О!.. О!.. О!.. Тля бумажная.

Поворотов. Вон отсюда!

Федор Федорович. А... Теперь, значит, вон! Ну ладно... (*Царственно идя к двери*.) Будет тебе и керогаз, будет тебе и керосинка, будет тебе и баня с финскими веничками.

Поворотов. Вон из моего дома!

Федор Федорович (*оборачиваясь*). Подумаешь, шишка на ровном месте. Да у меня в первом подъезде тоже писатель живет, в третьем — доктор наук!

Поворотов. Вон, а то я могу ударить!

Федор Федорович (*открывая дверь*). О! О! О! (*Передразнивает гнусавым голосом*.) «Вон, а то я могу ударить!» Клоп! (*Хлопает дверью*.)

Поворотов один. Телефонный звонок. Поворотов не снимает трубку. Стоит растерянный посредине комнаты. Берет сантиметр. Наклоняется над шкафом. Встает. Идет к двери, снимает с вешалки плащ и, одеваясь на ходу, убегает.

Квартира, где прошлую ночь гуляла компания. Задернуты шторы, сквозь них еле-еле пробивается дневной свет. В квартире совершеннейший беспорядок. Но не простой, а какой-то «батальный», как на полотнах Верещагина. Смешались столы и диваны. На столе, уставленном остатками еды, стоит аквариум, из которого торчит бутылка из-под шампанского. Пятна на обоях, видимо, от вина. На люстре висит шуба с пришпиленным к ней плакатом, на котором буквами выведено: «Пой, ласточка, пой». И так далее. Но еще более странное зрелище представляют собой приятели и приятельницы Димы, застывшие во сне в самых невероятных позах и в самых невероятных местах. Двое, например, сжались, обнявшись, в кресле. Чьи-то ноги торчат из-за балконной двери. Чьи-то руки свесились со стола. Один

спит стоя, а возле его ног на коленях спит девочка. И так далее. В квартиру входят Дима и его приятель Миша. Они медленно и спокойно обходят «следы» сражений, стараясь не пропустить ни одной детали. Заглядывают в лицо каждому: то приседают на колени перед кем-то, то, напротив, встают на стул, чтобы рассмотреть, кто же это там уснул на шкафу. Потом подходят к столу, отодвигают чью-то руку, вытаскивают тарелку с колбасой. Жуют. Находят на полу полбатона. Жуют. Садятся на пол, вытянув ноги. С колбасой и хлебом.

Дима. «Спартак» — дохлая команда. Первая тройка ничего, а вторая не тянет. Что пишут — тянет — это ерунда… Не тянет. Думаешь, тянет?

Миша (*жуя*). Ноу.

Дима. «Химик», правда, ничего, но все равно. Ты видел, как он играл с «Кристаллом»? Позор. Я бы на их месте покраснел, а ты?

Миша (*жуя*). Иес, офкоз.

Дима. В ЦСКА, правда, ничего есть ребята, но ты знаешь, посмотришь иногда… (*Внимательно смотрит на старинное кресло, стоящее в углу. Встает, идет к нему.*) Класс все-таки потерян, скажи, Майкл?

Миша. О, йес.

Дима (*берет за руки парня, уснувшего в кресле, стягивает его на пол, как труп*). Что-то утеряно… Темп, что ли? (*Сгибается перед креслом, пытается прочесть, что написано на бронзовой табличке на ножке.*) А может, тактика? Нет, все равно чехи нам врежут. Ты как считаешь, врежут или не врежут? (*Усаживается в кресло, стараясь как можно лучше устроить там свое тело.*) А, Майкл?

Миша. Финита ля комедиа.

Дима. Дело в тренерах. Пока нет настоящего тренера — каюк. Бессмысленно. Правда, Майкл? (*Встает с кресла, идет по направлению к двери, на ходу взмахом руки поднимая Мишу.*)

Миша (*встает, медленно, как и сам Дима, идет по квартире по направлению к двери, жуя*). Шерше ля фам.

Дима. Нет, не скажи. Страдает подготовка кадров. Нет

резервов. Детские спортивные школы ничего не дают. Все это фикция. Правда, Майкл?

Миша. Гутен таг. Ауфвидерзейн.

Дима. А с другой (*оборачивается, окидывает взглядом кресло*) стороны, посмотри хотя бы на Мальцева…

Голоса становятся глуше. Дима и Миша уходят из квартиры.
Конец первой части.

Часть вторая

Квартира Поворотова пуста. Кроме мебели, нет никого. Слышно, как щелкает ключ в замке. Открывается дверь. Входит Лина. Подходит к раскладушке, присаживается на нее, гладит рукой подушку. Встает. Подходит к письменному столу, проводит рукой по его поверхности. Садится в кресло. Встает. Идет к шкафу, останавливается перед ним. Телефонный звонок.

Лина (*снимает трубку*). Алло! Нет-нет, это какое-то недоразумение. Здесь живет писатель. Он не торгует старинной мебелью. Вы ошиблись. Увы, ничем не могу помочь. Извините. (В*ешает трубку. Возвращается к шкафу, стоит в нерешительности перед ним. Все-таки открывает нижний ящик шкафа, достает рукопись, медленно, почти по складам читает*.) «В полночь… 4 октября… когда планета Марс повисла прямо над моей головой, понял я… что жизнь моя… Которой ранее так… Так гордился…» (*Откладывает страницу, очень бережно, как живую, читает с самой середины второй*.) «Как описать в точности не только человеческую жизнь… Как она представляется современникам… Современникам… Но и узнать ощущения его от этой жизни… Чтобы понять все несовпадения ощущений отдельных граждан, следящих пристально за его биографией, как пастух за стадом… И его собственные ощущения…» (*И эту страницу так же бережно откладывает в сторону, читает дальше*.) «Нет, невозможно, невозможно, — сказала она. — Ты

смотришь на жизнь, как на стол, который к твоему приходу должны были сервировать. А жизнь совсем другое, я уже не говорю о счастье...» А жизнь — совсем другое... (*И эту страницу Лина также откладывает в сторону, читает четвертую с середины, машинально таким же трепетным голосом.*) «Панорама новых жилых массивов. На экране бегут дети с портфелями...» (*Останавливается, недоуменно смотрит в лист, читает уже по-другому, удивленно.*) «Панорама новых жилых массивов. На экране бегут дети с портфелями...» (*Все также удивленно заглядывает в четвертую страницу.*) «Панорама старых жилых массивов. Бульдозер...» (*В восьмую, наугад в сотую.*) «Панорама новых жилых массивов. На экране спешат на работу».

Поворот ключа в двери. Лина быстро складывает рукопись, но не успевает ее спрятать в шкаф, оставляет на письменном столе. Застывает в неестественной, «вокзальной» позе посреди комнаты. Открывается дверь. Вбегает запыхавшийся Поворотов.

Поворотов. Уф... Еле догнал. Надо же такому случиться!

Поворотов возбужден, делает много ненужных движений. Лина же, напротив, спокойна, безучастна.

Лина. Кого догнал?

Поворотов. Ну, глупая история, ну, какая глупая. Фу, ни за что ни про что обидел человека. Выгнал, понимаешь, его из дома, как в водевиле, — на дверь показал. Фу! Но догнал... Почти на самой улице догнал. Он уже вон где был... (*Носится по квартире, потом замечает, что какое-то есть несоответствие с его бегом и состоянием Лины.*) А ты что стоишь... вот так?

Лина (*безучастно*). Вот так и стою.

Поворотов. А... Понятно. (*Садится возле нее на раскладушку, смотрит как ребенок на Лину снизу вверх*). Линк, ты что? Что-нибудь случилось, да, случилось?

Лина (*безучастно*). Что-нибудь случилось.

Поворотов. Странная ты какая-то сегодня. Это, наверное,

от погоды. Погода — просто какие-то все время происшествия. Вот сейчас, например, пошел снег. Ну разве можно это себе представить?

Лина. Валера...

Телефонный звонок.

Поворотов (*снимая трубку*). Алло... Никакого отношения не имею... Абсолютно правы — глупо вывешивать объявления, по которым ничего не продается, но, уверяю вас, я в таком же положении, как вы, то есть положении непонимания. Ну что вы! Что за извинения? Я прекрасно понимаю, что вы мечтали приобрести старинную мебель для каких-нибудь целей, а оказалось — обман, фикция... Да... Понимаю. Не стоит... До свидания. (*Вешает трубку.*) И вот так целый день. Ты представляешь? Подожди. (*Внимательно смотрит на Лину, будто впервые видит ее.*) А ты почему стоишь в пальто? Посреди комнаты?

Лина. Мне... Мне надо сейчас уезжать.

Поворотов. Что за бред!

Телефонный звонок.

Подожди... Сейчас... (*Снимает трубку.*) Не продается! Ах, простите, Вениамин Петрович... Да, я так сегодня шучу целый день. Всякие глупости. Розыгрыши... Так... Так... Так... Ну что ж, это хорошо... Угу, угу. Так. Но, простите, как же так? Ну как можно сказать мимоходом, что в городе строится новый Дворец пионеров... Ну, сказать, конечно, можно... Но... Что значит, не убудет? Вот именно, убудет... Нет, Вениамин Петрович, так дело не пойдет. Не о чем мне думать. Нет, я отлично понимаю положение режиссера, больше того, я вхожу в это положение, но войдите и вы в мое... Да... Да... Я не понимаю предмета спора. Да нет, не о чем думать. На эту тему я больше не желаю разговаривать. До свидания. (*Вешает трубку.*) За кого они меня принимают?

Лина. Ты делаешь второй фильм?

Поворотов. Я? Откуда ты взяла? Да у меня даже сценария нету.

Лина. Я пойду, Валера.

Поворотов (*обнимая Лину*). Линка, у нас что-нибудь случилось, да? Я ничего не понимаю… Скажи, у нас что-нибудь произошло?

Лина. Мне просто нужно, Валера.

Поворотов. Линка, что случилось?

Лина. Нет, мне нужно и все.

Поворотов (*отходит от Лины, постепенно «заводится»*). Нет, ну это же невозможно! Что-то происходит, а мне об этом даже не говорят! Почему-то сначала приходят, стоят в пальто посредине комнаты, стоит мне только прийти, тут же уходят из дома. К кому же ты тогда приходила?

Лина. Допустим, к тебе.

Поворотов. А от кого ты уходишь?

Лина. Ни от кого.

Поворотов. Линка!

Телефонный звонок. Поворотов стоит возле телефонного аппарата, один звонок, второй, третий. Лина, не оглядываясь, подходит к двери, открывает ее, закрывает за собой. Поворотов затравленно смотрит ей вслед. Телефон продолжает звонить. Поворотов поднимает и, не слушая, вновь кладет трубку. Остается один. Берет сантиметр. Пытается заняться делом. Ходит бесцельно по квартире. На письменном столе вдруг обнаруживает рукопись, удивленно смотрит на нее.

Поворотов. О, господи, ну я же не маленький принц. Верно, не маленький принц. Я взрослый мужчина. Со всеми присущими возрасту происшествиями. (*Открывает нижний ящик шкафа, кладет туда рукопись.*)

Телефонный звонок. Поворотов сидит на корточках около шкафа. Телефон не замолкает. Подходит к нему, поднимает и опускает трубку. Снова звонок. Поворотов снимает и опускает трубку. Звонок звенит. Поворотов подходит к двери, открывает ее. На пороге — Ира. В ее руках объявление.

Ира. Вы — Валерий Дмитриевич Поворотов?

Поворотов. Нет, я не Поворотов.

Ира. В объявлении написан ваш адрес.

Поворотов. Мало ли что там написано.

Ира. Здесь написано: «Писатель Поворотов продаст старинную мебель» и ваш адрес.

Поворотов. Я не продаю старинную мебель. В жизни ни разу ничего не продавал. Привычки такой не имею — продавать.

Ира. Мне не нужна старинная мебель. Мне ее некуда ставить. Мне нужен Валерий Дмитриевич Поворотов.

Поворотов. Зачем?

Ира. По личному делу.

Поворотов. По личному, тогда проходите.

Ира проходит в комнату.

Раздевайтесь. (*Помогает Ире снять пальто. Указывает на кресло.*) Садитесь.

Ира садится и сидит, как прилежная ученица на первой парте.

Ира. Валерий Дмитриевич скоро придет?

Поворотов. В принципе скоро. Точнее даже будет, что это я и есть.

Ира встает с кресла.

Ира. Здравствуйте, Валерий Дмитриевич.

Поворотов. Здравствуйте, но с мебелью это, уверяю вас, шутка.

Ира. Я знаю. Я не к мебели, я к вам.

Поворотов. Да вы садитесь.

Ира. Нет, спасибо… Мне так легче. Валерий Дмитриевич, вы знаете Ивана Кузнецова?

Поворотов. Ивана? Кузнецова? (*Пытается вспомнить.*) Вы знаете, очень распространенная фамилия…

Ира. Он говорил, что сидел с вами за одной партой.

Поворотов. Ваньку Кузнецова? Кузнечика? Господи, конечно, знаю. Где он сейчас? Что с ним?

Ира. Это мой папа.

Поворотов. Вы — дочь Кузнечика? Какой ужас. Какая большая дочь. Да сядьте вы, наконец. С ума сойти! У Кузнечика такая большая дочь! Как вас зовут?

Ира. Меня зовут Ира.

Поворотов. Да сядьте, я вас прошу, Ира.

Ира садится.

Как же я не знаю Ивана Кузнецова, когда мы с ним сидели за одной партой с третьего класса. А вы, Ира, — его дочь?

Ира. Да, я его дочь.

Поворотов. И вы нашли меня по этому объявлению?

Ира. Да, по этому объявлению.

Поворотов. Невероятно. Значит, вы Ира — дочь Кузнечика? Невероятно.

Ира. Я вас давно искала, но никак не могла найти. А сегодня нашла.

Поворотов. Ну нет, это просто сказка какая-то! Послушайте, но почему же Кузнечик… Простите, детская привычка…

Ира. Меня тоже до пятого класса звали Кузнечиком.

Поворотов. Но почему же Кузнечик не нашел меня?! И мой телефон… Правда, старый, но там бы ему сказали… И адрес… Где он, как? Он все в том же институте?.. Ну… Как он называется?..

Ира. Ему плохо.

Поворотов. Что?!

Ира. Он погибает.

Поворотов. Как? Почему погибает?! Почему он должен погибать?!

Ира. У него отнялись ноги. Третий месяц он почти ничего не ест.

Поворотов. Что?.. Господи, неужели?.. Неужели это?.. Он же был… Я вспомнил… Институт ядерной физики… Ну, конечно же…

Ира. Он… Он сорвался. (*С трудом*.) Он… спился.

Поворотов. Что?.. Что за чушь? Почему?! Стакан портвейна был всегда для него предел…

Ира (*твердо*). Он спился. Мама ушла от него. Мы разменяли квартиру. Ему досталась комната.

Поворотов (*нервно ходит по комнате*). Нет, это какая-то глупость. Недоразумение какое-то! Да нет… Да в конце концов это лечат!

Ира. Нет, это уже неизлечимо.

Поворотов. Да что вы говорите, Ира. Я знаю одного человека. Это очень просто… При современной медицине… Вшивается ампула.

Ира. Он лечился… Один раз. И еще один раз. А сейчас он уже сам говорит, что погибает…

Поворотов (*закрывает лицо руками*). Как же это так?.. (*Горячо*.) Да нет, Ира. Так не может быть, чтобы не вылечили… Ведь это — болезнь. А раз болезнь — ее должны лечить. Давайте подумаем! Ведь так нельзя, чтобы просто… И все.

Ира. Нет. Сегодня я была у одного профессора. Он сказал, что в одном из тысячи случаев или в одном из десяти тысяч случаев бывает необъяснимая ремиссия…

Поворотов. Ремиссия… Ремиссия…

Ира. Он объяснил мне так. Человек неизлечимо болен, обречен. И вдруг болезнь исчезает. Врачи ничего не могут понять… А она исчезает. Понимаете, Валерий Дмитриевич?

Поворотов. Понимаю.

Ира. Но для этого нужен, мне сказали, неожиданный внешний раздражитель. Понимаете?

Поворотов. Понимаю.

Ира. Это можете сделать вы.

Поворотов (*не понимая*). Что сделать… я?

Ира. Стать внешним раздражителем.

Поворотов (*удивленно*). Я? Почему я?

Ира. Потому что он любит вас и очень давно не видел. У него есть все-все, что вы написали. Даже в журналах. Даже в газетах.

Поворотов. Неужели?

Ира. Да-да, честное слово. Ведь вы писатель…

Поворотов. Да нет, Ира, это совсем не то… Это совсем не так. Вы просто не знаете.

Ира. Валерий Дмитриевич, я читала, что врач лечит человека, а писатель — человечество.

Поворотов. Это все ерунда… Но какой из меня врач? Ну кого я могу теперь вылечить? Да вы посмотрите на меня внимательно.

Ира сжалась в кресле. Поворотов нервно ходит по комнате.

Как же это так… Как же это так… Кто бы мог подумать… Ванька… Кузнецов? Кузнечик? (*Останавливается перед Ирой*). Вы знаете, что ему зачли дипломный проект на месяц позже всех?

Ира. Почему?

Поворотов. Потому что целый месяц экзаменационная комиссия искала, откуда он мог ее списать.

Ира настороженно смотрит на Поворотова.

И не нашла.

Ира. Это была научная работа?

Поворотов. Да, это была такая работа! И как он шел! И как он прекрасно шел вперед! Но почему же… Почему он не звонил мне все эти годы?!

Ира. Он стеснялся показаться вам таким. Ведь все уже знали… Никто не хотел держать такого на работе. Его уволили один раз, потом второй… Потом еще раз. (*Плачет*.)

Поворотов (*подбегает к ней, прижимает ее голову к своему плечу*). Кузнечик, не надо, не надо. Сейчас… Сейчас я одеваюсь, и мы едем. Немедленно едем. Конечно, едем. Иди умойся. (*Поднимает ее*.) Вот ванная… Ничего… Все будет хорошо!.. Сейчас я по-быстрому оденусь… (*Провожает Иру в ванную, потом суетливо натягивает пиджак, пальто*.)

Звонок в дверь. Поворотов открывает. На пороге — Катерина.

Поворотов (*растерянно*). Катерина…

Катерина смотрит на вешалку, видит женское пальто, смотрит по сторонам и направляется к ванной. Оттуда выходит Ира.

Поворотов (*загораживая Иру*). Катерина, это…

Катерина. Не надо, не объясняй. Я, слава богу, преподаю в современной школе и всего насмотрелась.

Поворотов. Катерина… О чем ты говоришь! Как ты могла подумать!.. Это… Это дочь Ивана Кузнецова, моего школьного товарища…

Катерина (*Ире*). А вы знаете, дорогая, не знаю, правда, как вас зовут…

Ира. Ира.

Катерина. Меня это не интересует. Так вот, вы знаете, что у этого человека (*указывает на Поворотова*) есть сын. Да, сын. Вы удивлены?

Поворотов. Прекрати, ты думаешь, что ты говоришь?

Катерина. Да, дорогая моя, сын. И жена. Да, смею вас уверить, жена.

Поворотов. Нет, это просто невозможно! Катерина! Ну я же тебе объясняю. Это — Ира, дочь Ивана Кузнецова, моего школьного товарища!

Катерина (*не глядя на Поворотова*). И еще вас могу уверить, что вы здесь — не первая. Правильно я говорю, Валера?

Поворотов. Да ты просто сумасшедшая! Ира, не обращайте на нее внимание… Это — своего рода болезнь. Катерина больна.

Катерина (*смеется искусственно*). Ха-ха-ха! Вы еще на «вы»? Я вам помешала?

Ира. Простите, но здесь в самом деле недоразумение. Я случайно увидела объявление…

Катерина. А… Вот в чем дело… Ну, теперь понятно. Так значит, это ты сам развесил эти объявления. Валерий, ну это на тебя не похоже! Это же дешево. Такого я от тебя не ожидала.

Поворотов. Дура! Идиотка!

Ира. Да нет… Как вы можете такое говорить?

Катерина. Ах, я, конечно, виновата… Прошу прощенья. Я, между прочим, зашла только для того, чтобы узнать, нет ли здесь моего сына. Валерий, где Дима?

Поворотов молчит.

Где Дима, я спрашиваю?

Поворотов молчит.

Да не расстраивайся ты так. Если эта (*кивает на Иру*) обидится на меня, найдешь себе другую. Только… Простите (*Ире*), вам есть восемнадцать лет?

Поворотов. Вон отсюда!!!

Катерина. Не горячись, Валерий. В следующий раз вешай на двери объявление. (*Медленно идет к двери. Открывает ее, на пороге – истерично.*) Надеюсь ты понял, что наши дальнейшие отношения бессмысленны? (*Хлопает дверью.*)

Поворотов опускает плечи, снимает пальто и вешает его.
Затемнение.
Свет. Бульвар. Скамейка. Телефонная будка. На скамейке сидит Лина. Проходит Витан. Грудь его и спина неестественно прямы. В руках он несет большой, тщательно упакованный предмет прямоугольной формы. Останавливается возле скамейки, смотрит на Лину, улыбается.

Лина. А зачем вы улыбаетесь?

Витан. Это так, игра воображения.

Лина. Я что, вам нравлюсь?

Витан. Честно?

Лина. Конечно, честно.

Витан. Совсем честно?

Лина. Можно и совсем.

Витан. Если честно, то не очень.

Лина. Интересно знать, почему?

Витан. Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать.

Лина. Это вы о чем?

Витан. Так, о жизни.

Лина. Может быть, вы и правы.

Витан. К сожалению, я почти всегда оказываюсь прав. Так что — не огорчайтесь. Как я читал в одной книжке — человек неизведан.

Лина. Может быть, вы и правы. Но это там. (*Указывает вверх, на деревья*.) А здесь... У вас не найдется двух копеек?

Витан. А вы не оставите мне номер своего телефончика?

Лина. Зачем? Я же вам не очень нравлюсь.

Витан. У меня странные, сейчас не очень распространенные вкусы. Мне нравятся женщины, которые мне не очень нравятся.

Лина. У меня был однажды аналогичный случай.

Витан. Видите, мы коллеги, и поэтому я вам дам две копейки. (*Роется в кармане*.) Вот, берите на память. Может быть, кому-нибудь повезет.

Лина. Вы уверены?

Витан. У меня верный глаз.

Лина. Ладно, посмотрим. Спасибо.

Витан. Ну вот. Тайм-аут окончен. Вперед, сеньор Дон Кихот. Желаю вам дозвониться. Счастливо.

Лина. Прощайте, прекрасный незнакомец, как вас называют в одной книге для юношества, которую я прочитала в детстве.

Витан уходит. Лина входит в телефонную будку, набирает номер и молчит.

Затемнение. Квартира Поворотова. Поворотов и Ира. Он в пальто. Звонит телефон.

Поворотов (*не обращая внимания на звонок, продолжает*

разговор). И тогда, Ира, я решил. Да, это было два года назад. Ладно, черт с ним. Поработаю еще год, как каторжный, ну, ладно… Продамся. Тебя не шокирует это слово?

Телефон продолжает упорно звонить.

Опять эта мебель… Не шокирует?

Ира. Вы считаете, оно меня должно шокировать?

Поворотов. Ну ладно, ничего. Это у нас есть такой профессиональный термин. В общем, решил так. Куплю квартиру, мебель куплю тяжелую старинную, чтобы на все времена, навечно, чтобы уже до смерти не думать обо всем этом. Пусть с ним, с годом. Но в год не уложился, вот уже второй год кончается, да и то кое-что недоделано.. Взять хотя бы эту «шелкографию». Что, таких плиток, что ли, наделать трудно? Хотя все это, конечно, свист. Свист, один свист. И я должен остановиться, но все еду… еду… Куда? Зачем?

Телефонный звонок. Поворотов снимает трубку.

Алло… Алло… Молчат. (*Вешает трубку.*) Я читал однажды, как психиатры утверждают, что здоровая психика — это жизнь без иллюзий.

Телефонный звонок. Поворотов снимает трубку.

Алло… Алло… Вас не слышно, перезвоните из другого автомата. (*Кладет трубку.*) Сейчас найдут другой автомат, перезвонят, а что толку? Спросят, продает ли писатель Поворотов старинную мебель, и я скажу, нет, вы ошиблись, хотя должен был бы сказать: да, продаю. Но не скажу, и Лина открыла это для себя — глупо, случайно. И ушла… Ира, она вернется? (*Снимает пальто.*)

Ира. Я не знаю, Валерий Дмитриевич.

Поворотов. Вот в том-то и дело. Идеалы… Они только мешают жить, разрушают человека, рушат судьбу, мешают

принимать друг друга такими, как есть, а не такими, как рисует воображение. Вы знаете, Ира, после того, как я понял, что Лина про все узнала, я должен был бы страдать, мучиться, как ребенок, которого застали за нехорошим занятием. А я нет. Нисколько. Пытаюсь понять, почему. Пытаюсь разглядеть самого себя изнутри, узнать, отчего, почему я так спокоен, но там темно, пасмурно и ничего не видно.

Ира. Вот так же говорил мой отец.

Поворотов. Что?

Ира. Вот так же он говорил.

Поворотов. Ну нет, Ира, я еще напишу, я еще напишу такое — ого-го!

Телефонный звонок. Поворотов снимает трубку.

Алло. Да… Ну что, нашли, наконец, исправный телефон-автомат? Из квартиры звоните? А… Да… Увы, к сожалению, старинная мебель уже продана. Где еще? Ну не знаю, кто-нибудь да продает. Следите за объявлениями. Не за что. До свидания. (*Кладет трубку.*) Нет, я напишу. Я знаю, так иногда случается, кажется, все, все уже потеряно, ничего не осталось, а потом смотришь и сам себя не узнаешь. Дай срок, дай срок…

Ира. И это говорил мой отец.

Поворотов. Нет, все будет нормально. И Лина вернется, она все поймет и вернется. Я ее просто отлично знаю. Это такая женщина… Немного сумасбродная, немного подрисовывающая жизнь, но все-таки… Нет, она должна понять и вернуться.

Ира. Вот так же говорил отец.

Поворотов. Нет, все должно быть хорошо. Ведь я человек, не таракан. Я умею владеть собой, я могу вовремя остановиться и в конце концов могу начать жизнь сначала.

Ира. Вот так он говорил, вот так.

Поворотов. Да при чем здесь это, Ира, при чем?! Ведь там несуразица, болезнь!

Ира. Но я сейчас подумала, Валерий Дмитриевич, и решила, что я вас не осуждаю.

Поворотов. Да почему ты должна меня осуждать? Что я такого сделал, чтобы меня осуждать?

Ира. Даже то, что вы сняли пальто… Я понимаю, что вы сняли его не потому, что вы человек, равнодушный к чужим несчастьям…

Поворотов. Какое пальто?

Ира. Ваше пальто.

Поворотов. Мое?

Ира. Да, ваше.

Поворотов. Но при чем здесь пальто?!.

Ира. При том, Валерий Дмитриевич.

Поворотов. Ах, да… Ну, да… Некрасиво получилось. Но я хотел, хотел… И если бы она не пришла… И вся эта безобразная сцена, то я бы… На меня находит иногда такой стих, что я могу, что я могу сделать все, что угодно, спасти там… Даже… Даже драться…

Ира. Я поняла, Валерий Дмитриевич, что вы устали.

Поворотов (*удивленно*). Устал? Так ты сказала?

Ира. Да, устали.

Поворотов. Да отчего, прости, уставать-то?! Отчего?! Я еще нестарый, я сильный, могу пробежать стометровку не хуже молодого…

Ира. Нет, Валерий Дмитриевич, вы не спорьте со мной. Я же все вижу…

Поворотов. Да почему ты все видишь?! Кто тебе это сказал?!

Ира. Анна Степановна Коробейникова. Она у нас в школе преподавала химию.

Поворотов. Ну, если так, то конечно, конечно. Нет, Ира, я никогда не вступал в сделки с совестью.

Ира. Валерий Дмитриевич, сейчас никто не вступает в сделку с совестью.

Пауза. Поворотов ходит по комнате.

Поворотов (*задумчиво*). Нас разыграли…

Ира. Я так не говорила, Валерий Дмитриевич.

Поворотов. Нет, ты сказала именно это. Именно это! Это!

Это! Это! Черт возьми! Мы устали чувствовать, мы говорим, а думаем, что чувствуем, мы пишем, а думаем, что чувствуем. Да и думаем мы, в конце концов, думая, что мы думаем! (*Подходит к окну.*) Скорее бы весна! Придет весна, уеду в город Армавир, там у меня тетка живет... Буду воду коромыслами таскать... Все собираюсь, собираюсь. Уже много лет собираюсь, уже так долго собираюсь, что кажется, что я уже там был... был, жил, делал что-то такое, отличное от того, что делаю сейчас... А на самом деле — это только предположения, иллюзии, миражи. И вот так всегда.

Ира. Но ваша книга «Стрела в юность» очень хорошая. Она честная, Валерий Дмитриевич.

Поворотов. Юность и должна быть честной, иначе какой смысл? А я тогда был юным. Чуть старше тебя.

Пауза.

Ира, ты очень похожа на Димку.

Ира. Это ваш сын?

Поворотов. Да, это мой сын. Он такой же... Ну, неуемный, что ли... Незакоснелый... горячий... И честный... он все отлично понимает. Я знаю, что он может вырасти кем угодно... Я имею в виду, работать, где угодно... Но если вдруг... Если вдруг мне станет совсем туго, если я буду умирать... Не физически... Это что... Мгновение. А умирать душевно... Он меня должен спасти. Мне почему-то так кажется, и я нисколько, нисколько, его не идеализирую. Я отлично вижу его недостатки, его просчеты, но он-то понимает меня. А это дороже всего. Да, Ира, дороже всего. Поколения параллельны. Все это чушь — отцы, дети. Есть одни отцы и одни дети против других отцов и других детей. И только так. И только так. Ничего, мы еще наденем пальто.

Берет холодный чай, делает глоток.

Ира (*встает*). Я поставлю чайник. (*Останавливается.*) А я спасу его...

Поворотов. Мы наденем! Наденем! Наденем!

Ира уходит на кухню. Звонок в дверь. Поворотов открывает. Входят Дима и Миша.

Дима. Па, знакомься. (*Указывает на Мишу.*) Это мой товарищ.

Миша. Я есть Миша.

Поворотов. Очень приятно. Дим, как здорово, что ты пришел. Я хочу тебя познакомить с одним человеком, и мы должны вместе подумать, как ему помочь.

Дима. Ага… (*Сбрасывает куртку.*) Мы на секунду… Я свитер нацеплю… (*Вытаскивает из кармана и кладет на стол пачку сигарет, ключи и несколько еще не расклеенных объявлений, после этого снимает джинсовую куртку, идет к шкафу за свитером — все это очень быстро, стремительно.*)

И в это время из кухни появляется Ира с двумя чашками чаю. Дима замирает на месте, удивленно смотрит на Иру.

Дима. Ничего себе… Майкл, смотри, какая встреча! Я же вам говорил, что мы встретимся!

Миша (*несколько ошарашенно*). О, йес.

Поворотов. Так вы что, знакомы?

Ира (*в упор смотрит на Диму*). Мы знакомы.

Поворотов. Откуда?

Ира (*в упор смотрит на Диму*). Оттуда.

Миша (*толкает в бок Диму*). Лэтс гоу!

Поворотов. Это и есть Ира, дочь Ивана Кузнецова, моего одноклассника. (*Подходит к столу, машинально берет в руки несколько объявлений, машинально читает.*) Димка, а эти где ты сорвал?

Дима (*не слышит, бросается к Ире, хочет взять у нее чашки и поставить на стол*). Ну, какая встреча? Кто бы мог подумать? Клево, скажи, а?

Ира (*обходит Диму как неодушевленный предмет и ставит чашки на стол*). Валерий Дмитриевич, этот чай горячий.

Миша (*пятится к двери*). Дим, ай шэл гоу, а?

Поворотов не понимает, что происходит в его квартире. В руках у него объявления.

Поворотов. Димк, ты представить себе не можешь… Все время звонят, звонят… Цирк, да и только.

Ира в упор смотрит на Диму.

Дима. Пап, ты не будешь обижаться?

Поворотов. А что мне обижаться?

Миша (*прислонясь к двери*). Димк, пойдем, а?

Дима. Папа, ну это я… Это я пошутил. Это мы так все время шутим.

Ира отводит глаза от Димы, видно, что внутренне расслабляется.

Поворотов. Где ты пошутил?

Дима. Ну, с этими объявлениями.

Поворотов. С какими?

Дима. Да ну с этими же! С этими! (*Хватает пачку объявлений*.)

Миша (*у двери*). Димк, а…

Поворотов (*монотонно*). «Писатель Поворотов продаст старинную мебель». (*Странно улыбается*.)

Дима (*тоже неуверенно улыбается*). Ну да… Я вместе с моим другом Майклом.

Миша. Ай ту.

Дима. Ну, ты правда не обижаешься?

Поворотов. Ира, мальчики, наверное, тоже хотят чая… Будь добра.

Ира делает несколько шагов к кухне.

Дима. Папа, ну не обижайся только.

Поворотов. Обязательно выпейте чаю. Как же так, сейчас холодно — и без чая. Это же только представить себе.

Ира делает еще несколько шагов к кухне.

Дима. Да не надо никакого чаю! Что мы, чай, что ли, никогда не пили. Правда, Майкл…

Миша. Йес…

Ира останавливается. Поворотов молча смотрит в окно, не отрываясь.

Дима. Пап, ну ты правда не обижаешься?

Поворотов (*глядя в окно*). Что мне обижаться. Это тебе обижаться надо, тебе, Дима! За все за это… (*Обводит руками комнату.*) За все, за все…

Дима и Миша удивленно смотрят на него.

(*Горячее и горячее, как мирно сидевшая птица, взлетевшая вдруг и устремившаяся высоко-высоко.*) Да! Да! Да! Да! Конечно! Это невозможно. Это не-воз-можно! (*Подлетает к стене, срывает саблю, вытаскивает ее из ножен, протягивает Диме.*) Руби все это!

Дима (*не понимая, рассматривает саблю*). Что-что?

Поворотов. Ну… (*Отворачивается к стене.*) Руби!

Но в комнате тихо.

Дима. Зачем? Мы пошутили.

Поворотов. Нет, это серьезно!

Дима. Да нет, мы пошутили.

Поворотов. Нет, это серьезно!

Дима. Да пошутили же!

Поворотов (*снова смотрит на Диму*). Но ты же должен! Ты мой сын! Дети созданы для того, чтобы обновлять кровь отцов, иначе общество потеряет себя! Нам всем, нам всем нужна… (*Смотрит на Иру.*)

Ира (*тихо*). Ремиссия.

Поворотов. Вот-вот. Вот именно. Ремиссия! Рубиссия! Рубиссия! Руби, Димка! (*Кричит и задыхается от крика и вдруг видит Мишу, а он еле сдерживает смех, Диму, который аккуратно прислоняет саблю к стене, Иру, напряженно и жалобно смотрящую на Поворотова*.)

Дима (*подходит к отцу*). Папа, ну я же вижу, как ты мучаешься… Это мебель, а ты же писатель. Что, я не понимаю? Отлично понимаю. Я просто хотел помочь тебе спокойно от всего этого избавиться. Только поэтому! Честное слово! Ведь правда, Майкл?

Миша. О, йес.

Дима. Хоть мне, честно, нравится, как ты здесь все обставил! Ненавижу полировку! Майкл, скажи, здесь клево, а?

Миша. О, йес.

Поворотов отвернулся к окну. Телефонный звонок.

Поворотов (*снимает трубку, еще горячо*). Алло! Да. Здесь продается старинная мебель! Можете приезжать! А… (*Голос падает*.) Это ты, Катерина… Да… Да… Нет, ты нам не помешаешь… И чему, впрочем, ты сможешь помешать?.. Да-да, конечно, возьми… Возьми, что тебе будет угодно… Где? На углу из автомата? Нет, я же тебе сказал — не помешаешь. Можешь смело подниматься наверх. (*Вешает трубку*.)

Дима натягивает свитер. Миша переминается с ноги на ногу и делает знаки Диме, чтобы тот собирался поскорее. Звонок в дверь. Миша открывает. На пороге появляется Старик в шубе, ни на кого не глядя, проходит и берет старинные часы. Вынимает деньги. Все, кроме Поворотова, смотрят на него удивленно. Поворотов — безучастно.

Старик. Семьдесят, и ни копейки больше! Семьдесят! (*Хватает часы и тащит их к двери*.)

Дима. Эй ты, куда потащил!

Миша (*угрожающе*). Мэн!

Старик (*вытаскивает смятую купюру*). Семьдесят три! Все! Последняя цена!

Дима. Папа, что он мелет?

Звонок в дверь. Миша открывает. На пороге — Катерина. Сталкивается со Стариком. Видит часы.

Катерина. Нет, Валерий, это просто хамство! (*Старику.*) Немедленно отдайте!

Старик, как танк, пробивается к двери.

Валерий, какое ты имел право продавать вещь, не принадлежащую тебе?! Это, в конце концов, подарок моей матери!

Поворотов садится на подоконник и начинает тихо смеяться. Катерина пытается вырвать часы у Старика, а Старик пробивается к двери.

Старик. Восемьдесят! И больше не проси! Мне сам покойный князь Голицын Иван Илларионович… А Игнатий Карлыч Собакин, в конце концов!

Катерина. Какое вы имеете право! Кто вы такой, чтобы так…

Старик (*останавливается*). Поворотов я. Валерий Дмитриевич Поворотов. Тьфу. Да Краснощекин я, Михаил Карпыч…

Пауза. Тишина. Только с подоконника слышится тихий смех Поворотова. Звонок в дверь. Миша открывает. Входит Витан, такой же искусственно широкоплечий, на вытянутых руках он тащит плотно завернутый предмет прямоугольной формы. Проходит к столу, начиняет медленно разворачивать.

Витан (*разворачивая*). Федор Федорович, правда, сказал: «Незачем ему французский… И чешским обойдется…» Нет, думаю я… Не такой, думаю, человек Валерий Дмитриевич Поворотов, чтобы обойтись чешским… Как вспомню, что вы

пережили, и про кухню… И про кухню эту… И как борщом пахнет… Нет, думаю, ври, шеф. Не такой Витан человек, чтобы друзей обманывать… Как там было у него, а? «Друзья, прекрасен наш союз…» Точно, а?

Все с напряженным вниманием наблюдают за действиями Витана. Он снимает последнюю упаковку, и на столе оказывается голубой французский унитаз. Витан радостно смотрит на всех присутствующих.

(*Вытаскивая из-под плаща стульчак, который и делал его грудь такой широкой*.) А это — бесплатное приложение. Творите, Валерий Дмитриевич, на здоровье!

Димка хохочет. Катается по дивану. Миша от хохота сел возле двери и повторяет только одно: «Ай эм смайл». Катерина иронически улыбается. Старик готов вот-вот прицениться к новой вещи и повторяет как бы про себя: «Нет, на сто двадцать потянет, а на сто тридцать, конечно, нет». Ира отвернулась к окну.

Поворотов (*шутовски хихикая*). Надо же… Надо же так придумать. Нет, это подумать только… Ужасно весело! (*Ходит по комнате*.) Да… Да…. Действительно, смешно. Да вы только представьте себе… (*Останавливается, совершенно серьезно*.) А теперь, дорогие мои родственники и просто знакомые, благодарю вас всех за гостеприимство. До свидания. До свидания. Всех-всех. (*Трогает за плечо Иру*.) И тебя, Кузнечик, мой дорогой. Давай, топай дальше.

Темнота. Свет. Квартира Поворотова. За окном ночные звезды. Поворотов один. С рейсшиной. Бессмысленно играет с ней. Звонит телефон. Один звонок, второй, третий. Поворотов не снимает трубку, он больше не ждет звонка Лины. Потом делает шаг вперед, радостно вскидывает руки. Он уже в ином измерении.

Поворотов. Уф! Наконец-то! Наконец-то, я здесь… Надо

же... Надо же... Самолет, поезд, автобус, пешком! Безумно неудобно! Когда же, наконец, сделают прямой рейс?! Трудно, что ли, аэропорт построить? Так нет же! Но все равно... Все уже позади. Наконец-то. (*Подбегает к креслу, обращается к нему, пытается потом каждую вещь сделать одушевленной.*) Здравствуйте, тетушка! Здравствуйте, это я, Валя, Валерик. Наконец-то... как долго я к вам добирался... А вы знаете, вы совсем не изменились за эти двадцать лет. Не спорьте! Вы не изменились. Какая там старость, о чем вы? Вы прекрасно выглядите! Какая смерть?! Бросьте это нехорошее занятие. Вы знаете, вдруг налетит на тебя... Ты маленький, забираешься к вам на колени (*садится в кресло*) и гладишь ваши руки. (*Гладит ручки кресла.*) И тебе так хорошо, так хорошо! Уф!.. Как я долго ехал к вам! Я виноват, я виноват, тетушка, но я не мог раньше. Или мог. Я уже позабыл, мог или не мог. Подождите. (*Поднимается.*) ...Так это же... Это же дядя Вася Стрелков! Дядя Вася! Здравствуйте! Не узнаете, нет? Это же я, Валерка Поворотов... Ну-ну... Вспомнили? Ну, тот мальчишка, который мечтал стать... а вы ему говорили: «Все найдешь, все потеряешь». Что — все? Но это не сегодня. Здравствуйте, дядя Вася! А кто-то сказал, что вы умерли, а вы все так же здесь, сторожем при магазине! И что я вижу у вас... У вас новый протез! Я понимаю, удобнее, но, честно, жалко деревяшку! Но не обращайте внимания! Это о том, как я помнил вас! Все-таки как врет молва. Я плакал, когда узнал, что вы умерли. Да, плакал. Да что я! Москва плакала. В метро и на улице. (*Кричит.*) Я все равно не верил, что вы умерли! Нет-нет!

Пауза.

Как... (*Шаг вперед.*) Как... (*Еще шаг.*) Кузнечик! Кузнечик! Откуда ты здесь? Но об этом потом, потом... Посмотри на меня! Что за бред! У нас всегда так, стоит человеку появиться на свет, тут же про него начинают черт те чего городить... Но я не верил, нет я не верил. (*Передразнивает голос Иры.*) «Отнялись ноги», «не может есть», «умирает»... Нет, мы с этим еще

разберемся… Я рад, как я рад… Мы еще разберемся… Ремиссия… Мы еще разберемся!..

Пауза.
Темнота. В темноте — быстрые шаги по лестнице вверх. Голоса Димы и Миши. Маленький свет.

Дима. Нет, Ир, все будет о'кей… Дядя Майкла еще и не таких вылечивал… Правда, Майкл?

Миша. Йес, офкоз.

Дима. Верный способ. Я тебе говорю… Гипноз делает в нашей жизни чудеса… Сейчас мы его поднимем, скажем ему: «Вставай-ка, дядюшка, одевайся… Поехали лечить человека, которому плохо…» И он тут же поедет… Правда, Майкл?

Миша. Йес, офкоз.

Дима. Потрясающий мужик. Он одного босса вылечил в два сеанса. А у него история еще похуже — с работы собирались снимать. Ведь правда, Майкл?

Миша. Йес, офкоз.

Шаги по лестнице. Щелканье ключа в двери. Свет. Мы в той же квартире, откуда и началась вся эта история. Здесь такое же разорение, и шуба так же висит на люстре. Так же раскиданы тела приятелей Димы — мальчиков и девочек. Но в их позах что-то изменилось, и мы даже не можем понять, что именно. И, только присмотревшись внимательней, мы понимаем, что в последний раз в их расположении наблюдался даже некий артистизм, который теперь совершенно исчез.
Ира остановилась в дверях. Миша бросается к магнитофону, щелкает кнопкой. Музыка, от которой никто не просыпается.

Миша (*Ире*). Летс данс, герл.

Дима. Майкл, о чем ты говоришь! Какие танцы. Мы должны сначала извиниться перед Ирой за этот розыгрыш.

Миша. Летс данс!

Дима. Ира, это была шутка, обыкновенная шутка, но

у Майкла в самом деле есть дядя, который лечит гипнозом. Ведь правда, Майкл?

Миша. Йес, офкоз. Летс данс, герл!

Ира несвойственным ей быстрым шагом подходит к магнитофону, выключает его.

Ира (*говорит на очень чистом английском и сама переводит себя*.) Ол ю э зе флайз… Вы мухи…

Спящие мальчики в девочки начинают поднимать головы, как при входе в класс учителя.

Итс дак… У вас темно… Ол зет хэппенс эраунд ю… Все, что случается вокруг вас… Хэппенс уизаут ю… Случается без вас… Энд уэн ю э колд… И когда вас зовут… Ю донт кам… Вы не идете… Бикоуз ю э зе флайз… Потому что вы мухи… Потому что вы мухи!.. (*Резко уходит*.)

Дима. Ира, подожди! Ира…

Миша (*очень напряженно*). Дима, что… Что она сказала… Переведи, что она сказала…

Мальчики и девочки (*поднимаясь*). Что она сказала?! Что она сказала?! Что она сказала?!

Дима (*с горечью*). Она сказала, что ей было очень приятно с нами познакомиться.

Голос девочки. Повтори еще раз. Я ничего не поняла. Я учила в школе французский.

Кто-то включает магнитофон.

Конец

common place
издательская инициатива/
волонтерский DIY-проект

Наши книги всегда можно купить в независимых
магазинах «**Фаланстер**», «**Все свободны**», «**Смена**»,
«**Факел**», «**Подписные издания**», «**Князь Мышкин**»,
«**Бакен**», «**Пиотровский**», книжном клубе «**Петровский**»,
а также заказать с доставкой на сайте **izd-siyanie.ru**
Больше информации о проекте на сайте **common.place**

Юрий Щекочихин

Армия жизни

Художник — Александр Селезнев
Оформление книги — Евгения Ставицкая
Редактор, корректор — Екатерина Гончаренко
Подготовка материалов — Дмитрий Пушкин
Консультант — Алексей Полихович

common place благодарит за помощь и участие в создании книги
весь коллектив «Новой газеты». Отдельная благодарность нашим
бесценным друзьям — Надежде Прусенковой и Екатерине Фоминой,
а также наследнику автора, правообладателю опубликованных
текстов Константину Щекочихину

Подписано в печать 27.10.2016
Формат 130x200
Заказ № 161
Тираж 500 экз

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский пр-т, д. 42, корп. 5
Тел.: +7 (495) 221-89-80